

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 2

ЭКОНОМИКА. ПРАВО

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук*

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель); *И.К. Шаранхаев*, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); *Н.Н. Татарникова* (зам. председателя, директор Издательства); *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доцент; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.; *К.Б-М. Митупов*, д-р ист. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.

Редакционная коллегия серии

М.В. Бадмаева, д-р филос. наук, доц. (гл. редактор); *Н.И. Атанов*, д-р экон. наук, проф.; *В.Б. Прокопьев*, канд. экон. наук, доц.; *А.Н. Пивоваров*, канд. экон. наук, проф.; *Ц.Н. Янданова*, канд. экон. наук, доц.; *И.С. Мункуева*, канд. экон. наук; *Д.Д. Цыренов*, канд. экон. наук; *К.А. Будаев*, канд. юр. наук, доц.; *Д.К. Чимитова*, д-р ист. наук, доц.; *А.Т. Тумурова*, д-р юр. наук, доц.; *Э.Л. Раднаева*, канд. юр. наук, доц.; *Ю.Г. Хамнуев*, канд. юр. наук, доц.; *Е.А. Мурзина*, канд. юр. наук, доц.; *В.М. Мельников*, канд. психол. наук, доц.

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 2

ЭКОНОМИКА. ПРАВО

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ECONOMIC THEORY TOPICS

УДК 330.111

© И.С. Мункуева

ФУНКЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ: АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена анализу трудов зарубежных и отечественных ученых в области определения роли и места домашних хозяйств в экономической системе, классификации их функций. На основе проведенного анализа автор дает собственное определение домашнего хозяйства и его функции потребления, предпринята попытка определения специфики развития домашних хозяйств в современных условиях.

Ключевые слова: домашнее хозяйство, потребление, сбережение, история экономических учений.

I.S. Munkueva

CONSUMPTION FUNCTIONS IN THE LIFE OF HOUSEHOLDS: ANALYSIS OF ECONOMIC THOUGHT DEVELOPMENT

This article analyzes the works of foreign and domestic scientists in the domain of the role and place of households in economic system and the classification of their functions. Based on this analysis, the author gives her own definition of the household and the consumption function, and makes an attempt to determine the specifics of the households in the modern world.

Keywords: household consumption, saving, history of economic thought.

В условиях рыночных отношений в триаде субъектов экономики – домашнее хозяйство, государство, фирма – именно домашнему хозяйству принадлежит ведущая роль. Через его мотивационную экономическую деятельность как через призму преломляется вся система экономических отношений общества.

Необходимо учитывать и тот факт, что в современных условиях хозяйствования решение значительного числа экономических проблем перенесено с федерального на региональный уровень. Наличие в экономике России мезосубъектов с различным экономическим потенциалом делает актуальным исследование специфики функционирования домашних хозяйств в их экономической системе.

Анализ развития отечественной экономической мысли убеждает нас в существовании тесной связи экономических идей с хозяйственно-политическими проблемами того или иного исторического периода.

Вступление России в XVII-XVIII вв. в эпоху первоначального накопления капитала совпадает с формированием идей меркантилизма и отражением их в экономической политике государства. Вместе с тем следует отметить, что отличительной чертой русского меркантилизма являлось провозглашение не только ведущей

роли торговли, но и развития отечественного производства. Учитывая, что в первой четверти XVIII в. 97% податного населения России относилось к крестьянскому сословию, наибольший интерес из экономических сочинений того времени представляет работа современника Петра I И.Т. Посошкова «О скудости и богатстве», в которой отмечается, что крестьянское хозяйство составляет основу стабильности государства.

Экономическая мысль России в конце XVIII – начале XIX в. характеризуется отсутствием единства взглядов на судьбу крепостничества и формы организации производства. Необходимо обратить внимание на суждения М. Вернадской, упоминание о которой не так часто можно встретить в экономической литературе. Главные экономические проблемы в ее работах – роль семьи и женский труд вне семьи. В своих работах М. Вернадская определяет семью как основную единицу общества, причем главный аспект функционирования семьи, на ее взгляд, есть производительный труд, так как только он один может дать человеку благосостояние и независимость.

Обращает на себя внимание и работа А. Корсака «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе

и в России», где автор заявляет о низком уровне развития российской промышленности и сравнивает его с развитым зарубежным, а также, что наиболее важно, раскрывает причины такого состояния. Одной из таких причин и является устойчивая традиция домашнего производства.

Представитель отечественной аграрной экономической науки М. Туган-Барановский в работе «Основы политической экономии» под домашним производством понимает «изготовление промышленных изделий для собственных нужд данного хозяйства и притом, как общее правило, из сырья, добытого в пределах данного хозяйства», и далее отмечает, что «разложение домашнего хозяйства приводит к тому, что обособляющиеся отрасли промышленного труда принимают характер наемного или продажного ремесла». Таким образом, очевиден переход от хозяйственно-бытовой функции домохозяйства к производственной.

В начале XX в. в связи с активным развитием капиталистических отношений уже просматривается выделение домохозяйств крестьянского и городского типа. При этом крестьянские домохозяйства с сельскохозяйственным и ремесленным типами производства преобладали, объединяя в себе до $\frac{3}{4}$ русского населения. Городские же домохозяйства были представлены семьями рабочих и служащих.

В этот период можно выделить три основных течения: неонародническая школа (Н. Макаров, А. Чайнов), изучавшая и защищавшая мелкое и среднее крестьянство; буржуазное направление (Н. Бухарин, Н.Д. Кондратьев), изучавшее крестьянство и его связь с крупным промышленным производством; марксистская школа (В. Ленин, В. Милютин и др.), отражавшая преимущественно интересы пролетариата.

А. Чайнов в работе «Организация крестьянского хозяйства» подвергает глубокому анализу все факторы, влияющие на функционирование и развитие хозяйствующей семьи, которую он не отделяет от домохозяйства. В исследованиях А. Чайнова необходимо отметить наличие такого интересного направления, как анализ «самоэксплуатации трудовых сил» крестьянской семьи. Для понимания сущности самоэксплуатации дается сравнение производства продукции в семейном и капиталистическом хозяйствах. Очевидно, что при понижении стоимости товара капиталист быстрее откажется от производства, так как не получает прибыли и не сможет оплатить труд рабочих по фиксированной ставке, в то время как крестьянин не подсчитывает своей

заработной платы и поэтому готов трудиться при минимальной годовой оплате. Вместе с тем автором почти не затрагиваются сберегательная и потребительская функции домохозяйства.

Дальнейший процесс обобществления производства в России направил экономическую мысль на исследование домашнего хозяйства как личной собственности (владение, пользование, распоряжение) и ее разновидности – личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Параллельно этому в социологии исследовалась семья и ее воспроизводственная функция.

В зарубежной экономической науке определения домашнего хозяйства, его сущности и функций можно обнаружить в различные периоды развития общества и у представителей различных школ.

В истории мировой экономической мысли взгляды на домашнее хозяйство стали формироваться с момента появления человеческого общества. Впервые описание образцового домашнего хозяйства дается в трактате знаменитого греческого мыслителя Ксенофонта (V–IV вв. до н.э.) – «Домострой». Если обратиться к производственно-экономической характеристике домашнего хозяйства, а также его роли в кругообороте ресурсов, продуктов и доходов, то мы не можем не отметить, что физиократы первыми дали *теорию распределения доходов*. И если физиократы ставили во главу угла лишь землю, то А. Смит, не оспаривая роль земли и капитала, на первое место выводит такой фактор производства, как труд.

Дальнейший анализ генезиса домашнего хозяйства был предпринят Ж.Б. Сэем. Речь идет о предоставлении на рынок со стороны домашнего хозяйства факторов производства. Если в теории А. Смита источники доходов сведены в конечном счете к труду, то, по убеждению Ж.Б. Сэя источниками доходов служат именно факторы производства.

Суждения представителей исторической школы были достаточно оригинальны и заполнили всю вторую половину XIX в. Представитель этой школы К. Бюхер получил широкую известность благодаря своей книге «Возникновение народного хозяйства», где выделил в качестве институциональной основы системы семейное хозяйство, а уже потом город и государство.

Следует отметить, что все до сих пор рассматриваемые положения по характеристике домашнего хозяйства еще не сформировали «теорию домашнего хозяйства». В историческом

ходе развития экономической мысли эту задачу первыми пытаются решить неоклассики, которые проводили четкое различие между сферой производства (ее представляла фирма) с ориентацией на максимизацию прибыли и сферой потребления (ее представляло домашнее хозяйство) с ориентацией на максимизацию полезности. Домохозяйство охарактеризовано ими как хозяйствующий субъект, действующий с позиции целевой рациональности, то есть продуманного использования средств и условий для достижения поставленной цели. Следует заметить, что данное положение разделяют не все экономисты (Т. Скитовски, М. Фармер).

В середине 60-х гг. XX в. возникает «новая теория домашнего хозяйства» (Г. Беккер, К. Ланкастер, Д. Минсер), где семья представлена не как пассивный потребитель рыночных товаров, а как активный производитель потребительских благ. Производственная функция домашнего хозяйства включает теперь не только рыночную, но и нерыночную деятельность членов домохозяйств. В статье «Экономика семьи и макроповедение» Г. Беккер констатирует факт игнорирования экономистами проблематики семьи, замечая, что только с 50-х гг. XX в. экономика семьи – признанная и успешно развивающаяся область экономической науки.

Данная теория получила развитие в «теории человеческого капитала», у истоков которой помимо Г. Беккера стоят представители так называемой «чикагской школы» – Д. Минсер и Т. Шульц. Предложенные ими методы экономического анализа стали применяться для изучения таких социальных явлений, как семья и брак, образование, здравоохранение, миграция, преступность и т.д.

С неоклассической теорией домашнего хозяйства наиболее тесно связан неoinституционализм. Данное направление, приняв за основополагающую модель рационального выбора в условиях заданного набора ограничений, обогащает ее новым содержанием. Во-первых, реально действующими агентами социального процесса признаются не группы или организации, а индивиды, следовательно, не отождествляются такие понятия, как домохозяйство и индивид. Во-вторых, теория уделяет значительное внимание внутренней структуре домохозяйства, мотивам его образования, целям деятельности. В-третьих, домохозяйство описывается как хозяйствующий субъект, действующий в определенной институциональной среде, от особенностей которой отвлеклась стандартная неоклассиче-

ская теория. Важнейшей характеристикой внешних условий, с которыми сталкивается домохозяйство, признается неопределенность, высокие транзакционные издержки, неопределенные права собственности, ненадежные контракты.

Таким образом, неoinституциональный подход выводит важнейшую поведенческую предпосылку, а именно ограниченную рациональность.

Теоретическим направлением, использующим иные модели окружающего мира и человека в нем, является кейнсианская макроэкономика. Данный уровень исследования предполагает изучение домохозяйств с позиций их двойственной роли в экономике: как основных поставщиков всех экономических ресурсов и как основной расходующей группы в национальном хозяйстве. Могут быть рассмотрены в совокупности доходы, потребление и сберегательное поведение домохозяйств, взаимоотношения с государством, адаптация к изменяющимся условиям хозяйствования.

Следует отметить, что в экономической теории, микро- и макроэкономические аспекты поведения домашних хозяйств тесно взаимосвязаны и могут разграничиваться лишь с определенной долей условности.

Домашнее хозяйство в современной рыночной экономике вызывает интерес как отечественных, так и зарубежных ученых. В работах социально-демографической направленности домашнее хозяйство представлено как универсальная учетно-статистическая единица. Как отмечают социологи, для действительных оценок уровня жизни и благосостояния населения необходимо ориентироваться не на среднестатистического гражданина, как это было ранее, а на отдельные домохозяйства с их среднестатистическими оценками. Теоретическому анализу домашнего хозяйства как статистической единицы посвящены работы Г. Арбузовой, В. Бобкова, А. Волкова, Г. Горбея, В. Майера и других.

Проблемы уровня жизни, тенденций в доходно-расходных потоках домашних хозяйств нашли отражение в работах В. Бобкова, В. Васильевой, В. Жеребина, И. Заславского, Е. Красинца, В. Марковой, Е. Магульской, С. Носковой, В. Погребинской, А. Разумова, А. Романова, Ж. Суворовой, Т. Ярыгиной.

Проведенный анализ различных подходов позволил нам определить собственный взгляд на домашнее хозяйство как систему отношений производства и потребления между владельцами

факторов производства и обществом, а также между самими обладателями факторов производства, имеющими конечной целью получение экономических благ. При подходе к домашнему хозяйству в широком смысле в систему определяемых отношений могут быть вовлечены лица, как имеющие родственные связи, так и не имеющие их. В узком смысле может быть выделено «семейное домашнее хозяйство», где лица, входящие в него, объединены семейно-родственными связями. Основой объединения в домашнее хозяйство является общий бюджет, место проживания, общность решаемых задач.

Как институциональный субъект домохозяйство можно представить как совокупность

лиц, имеющих родственные связи и не имеющие их, объединенных на основе согласованного использования норм, правил и требований, определяющих бюджет, место жительства, средства совместного решения задач. Объектом взаимодействий в домашнем хозяйстве выступают институциональные требования, обязательные для обеспечения всех функциональных его проявлений. Экономическая направленность исследования позволяет предложить собственную классификацию функций, которая согласуется с нашим пониманием сущности домашнего хозяйства (рис. 1).

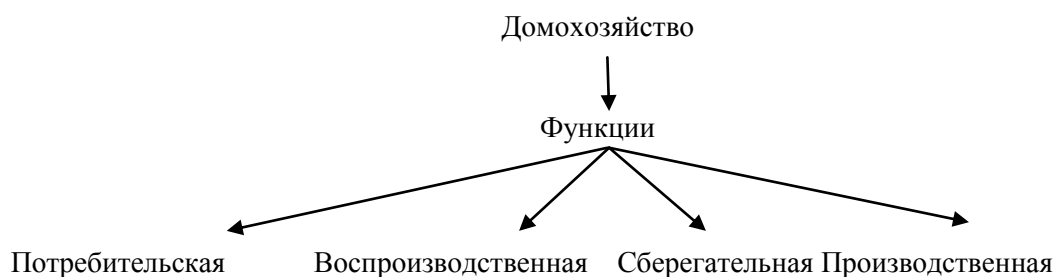

Рис. 1. Классификация функций домашних хозяйств

Учитывая многообразие проявлений домашнего хозяйства, нужно обратить внимание на степень соответствия реально существующих объединений индивидов сформулированному понятию «домашнее хозяйство». Признаком классификации в данном случае выступает полнота выполняемых функций. Как нам представляется, можно выделить три основных типа степени соответствия:

- полное, когда домашнее хозяйство выполняет все основные экономические функции;
- частичное, когда выполняется большая часть функций;
- относительное, когда экономическая деятельность ограничивается одной-двумя функциями.

В рамках институционального направления домашнее хозяйство может быть рассмотрено как особая организационная структура, отличная от фирмы и государства. Определяя содержание категории «домашнее хозяйство» как института из имеющихся трактовок, мы приняли за основу позицию Н. Лебедевой, согласно которой, «...институт можно представить как систему устойчивых отношений по поводу согласования (упорядочения) форм совместных воздействий индивидов на основе использования норм и пра-

вил, разделяемых участниками взаимодействия».

Механизм реализации института «домашнее хозяйство» раскрывается через совокупность ограничений и предпочтений. Ограничивающими факторами в данном случае выступают: размер располагаемого бюджета, масштабность и сложность информации, неопределенность. К предпочтениям следует отнести максимизацию общей полезности от набора приобретаемых экономических благ.

Как институциональный субъект домашнее хозяйство можно представить как совокупность лиц, имеющих родственные связи и не имеющих их, объединенных на основе согласованного использования норм, правил и требований, определяющих бюджет, место жительства, средства совместного решения задач. Объектом взаимодействий в домашнем хозяйстве выступают институциональные требования, обязательные для обеспечения всех функциональных его проявлений.

Анализируя место и роль домохозяйства в современной российской экономике через выполняемые им функции – потребительскую, сберегательную, воспроизводственную, произ-

водственную, – можно выделить следующие особенности.

Во-первых, необходимым условием функционирования рыночного механизма является выполнение домохозяйствами *потребительской функции*. На наш взгляд, в теоретическом аспекте она выступает составным элементом теории потребления. Не менее важным является выявление особенностей потребительского поведения домашних хозяйств в период реформирования экономики. Этап реформирования наряду с положительными результатами – достижением насыщенности рынка потребительскими товарами, расширением их ассортимента и доступности, – породил трудности иного типа, такие как инфляция, высокие цены на товары повседневного спроса, обнищание значительной части населения, резкая дифференциация в области потребления.

Во-вторых, в наиболее тесной связи с потребительской находится *сберегательная* функция. Исследование данной функции позволяет выделить ряд *мотивов образования сбережений* домашними хозяйствами: а) удовлетворение потребностей, расходы на которые выходят за пределы денежных средств, остающихся после удовлетворения наиболее настоятельных текущих потребностей; б) создание определенных сумм денежных резервов на всякого рода непредвиденные случаи; в) необходимость обеспечения будущего детей; г) желание сохранить сложившийся уровень и структуру потребления после выхода на пенсию.

Реализация сберегательной функции имеет особое значение для современной экономики России, которая испытывает существенный дефицит инвестиционных ресурсов.

В-третьих, одной из главных выступает производственная функция домохозяйства, которую, на наш взгляд, можно рассмотреть в двух аспектах: как внешнюю, когда речь идет о предоставлении со стороны домашних хозяйств факторов производства на рынки ресурсов, так и внутреннюю – хозяйственно-бытовая деятельность (рис. 2.).

Внешняя производственная функция может принимать пассивные формы, например, в виде выполнения условий договора найма рабочей силы и активные формы, к которым можно отнести индивидуально-трудовую и частнопредпринимательскую деятельность, индивидуально-семейную торговлю, фермерство и другие.

Выделенные формы производственной функции тесно взаимосвязаны и соотношение между ними будет зависеть от факторов, формирующих как на макро-, так и на микроуровне.

В-четвертых, не менее важной является *воспроизводственная* функция, так как именно на уровне домохозяйства формируется «человеческий капитал» (осуществляются вложения в профессиональный или в широком смысле слова социальный потенциал общества).

Предпринятая в исследовании попытка определить специфику развития домашних хозяйств в современных условиях позволила выявить ряд взаимосвязей:

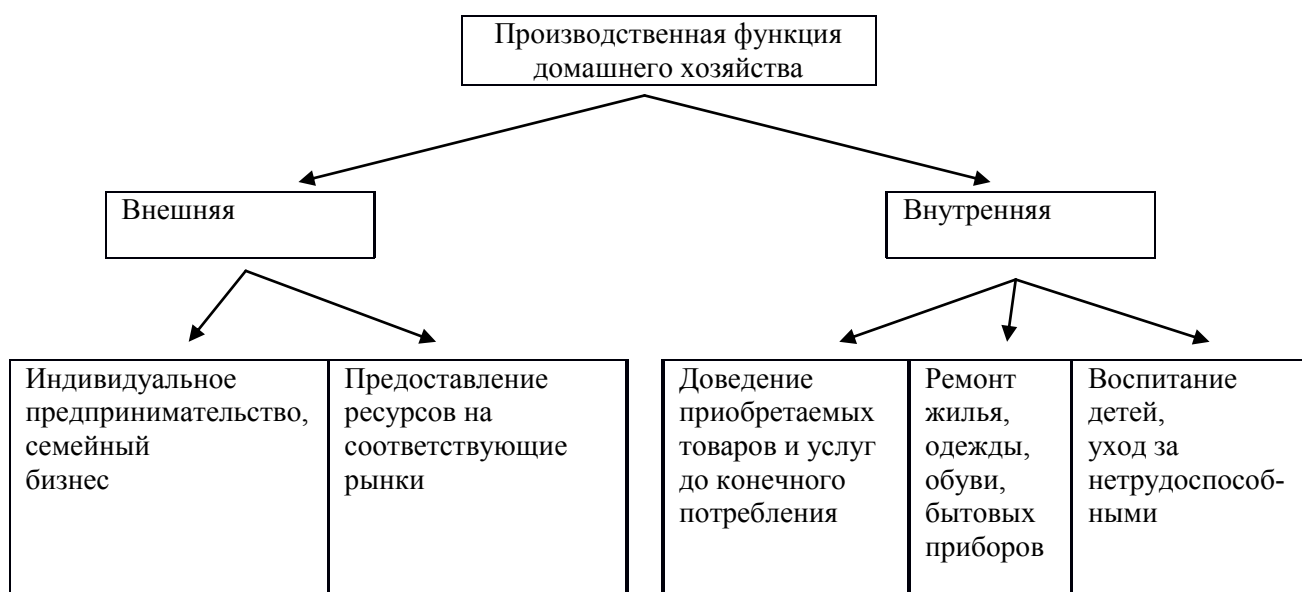

Рис. 2. Структурная схема производственной функции домашнего хозяйства

- функциональная структура домашних хозяйств находится в тесной связи со сложившимся уровнем экономического развития регионов;

- статистические данные показали, что формирование новых отношений рыночного типа кардинально изменило характер жизнедеятельности домашних хозяйств. Часть из них продолжает жить в условиях сложившегося стереотипа экономического поведения, приспособленного к командно-административной системе. Другая часть, которая постоянно увеличивается, особенно за счет вновь формирующихся домашних хозяйств, адаптируясь к новым условиям, активизировала свое экономическое поведение, что прежде всего проявилось в расширении производственной функции. Наряду с ее традиционными проявлениями, к которым можно отнести занятость на государственных предприятиях и в организациях, производство продуктов питания внутри домохозяйства (которая в основном осуществляется в подсобном хозяйстве, дачных участках), стали развиваться новые формы – занятость на частных предприятиях, самозанятость, вторичная занятость, сдача в аренду жилых помещений, зданий, дач, земельных участков, предметов длительного пользования;

- исследование функциональных проявлений домашнего хозяйства в субъектах хозяйствования с различным экономическим потенциалом показало, что в субъектах-«донорах» в наибольшей степени проявляют себя внешняя производственная и потребительская функции, в то время как в «дотационных» регионах потребительская функция значительно искажена, внешняя производственная развита слабо и домохозяйство вынуждено опираться на внутреннюю производственную деятельность либо надеяться на помощь со стороны государства.

Литература

- Books, 1983. 1. Беккер Г. Человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 2. – С. 109-119.
- Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. – 1993. – Т. 1, вып. 1. – С. 24-40.
- Беккер Г. Экономика семьи и макроповедение // США: экономика, политика, идеология. – 1994. – № 2.
- Бестужев-Лада И.В. Философия хозяйства: опыт индикации // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2001. – № 4. – С.99-109.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело ЛТД, 1994.
- Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 152 с.
- Гуревич П.С. Человек как предмет философской антропологии // Личность. Культура. Общество. – 2001.
- Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – Петрозаводск: Петроком, 1993.
- Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Теория потребительского поведения и спроса. – СПб.: Экономическая школа, 1993.
- Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.
- Маршалл А. Принципы экономической науки. – Т.1, кн. III. О потребителях и их удовлетворении. – М.: Прогресс, 1993.
- Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – М., 1970.
- Первушин С.А. Очерки по теории массового потребления // Приложение к журналу "Экономист". – Пб., 1922. – С. 3-12.
- Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985.
- Рикардо Д. Начала политической экономии // Классика экономической мысли: сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
- Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
- Семенкова Т., Карамова О., Емельянова О. История русской экономической мысли. – М., 1998.
- Серра А. Краткий трактат о средствах снабдить в избытке золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов // Меркантилизм. – Л.: Сцэкгиз, 1935.
- Смит А. О природе и причинах богатства народов / Антология экономической классики. – М.: Эконом, 1991.
- Фромм Э. Сущность человека, его способность к добру и злу // Это человек: антология / сост. П.С. Гуревич. – М.: Высшая школа, 1995.
- Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории: пер. с англ. – М.: Дело, 2003.
- Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты: пер. с англ. – М.: Дело, 2001.
- Эспиноза С. А. Кто есть человек? Философская антропология // Это человек: антология / сост. П.С. Гуревич. – М.: Высшая школа, 1995.
- Arrow K. J. Rationality of Self and Others in an Economic System // Journ. Business. – 1986. – Vol. 59, № 4.
- Hargreaves S. Rationality in Economics. – Oxford, 1989.
- Hammond P. J. Changing Tastes and Coherent Dynamic Choice // Rev.Econ. Stud. – 1976. – Vol. 43.
- Hidness S. The Economics of Human Resources. – Amsterdam, 1963.
- The culture of consumption: Critical essays in American history, 1880-1980 / Ed. Richard Wightman Fox, T.J. Jackson Lears. – New York: Pantheon.

Мункуева Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории БГУ. 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Munkueva Irina Sergeevna, Candidate of Economic Science, senior lecturer at Economic Theory Chair of Buryat State University. 670000, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city, Smolina St. 24 a.

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

В статье представлена взаимосвязь межбюджетных отношений и децентрализации управления. Представлены меры по их совершенствованию

Ключевые слова: управление, бюджет, межбюджетные отношения, децентрализация, совершенствование.

G.M. Osipova, S. Bekbulat

INTERBUDGETARY RELATIONS IN THE CONTEXT OF MANAGEMENT DECENTRALIZATION

The article shows interrelation between interbudgetary relations and management decentralization, presents ways of its improvement.

Keywords: budget, interbudgetary relations, decentralization, improvement.

Система государственного управления, избранная на первых этапах развития сыграла определенную роль в становлении государственности. Новый этап социально-экономического развития страны, когда одним из главных приоритетов становится необходимость децентрализации власти и передачи ряда полномочий в регионы, ставит перед обществом необходимость ее совершенствования.

Существующая система государственного управления выстроена по иерархическому принципу, где каждый уровень управления подчинен вышестоящему уровню и не несет полной политической ответственности перед населением за свою деятельность. Можно сказать, что политическая ответственность всецело лежит на федеральных органах власти. Подобная система не дает местным руководителям необходимой мотивации для инициативной, полноценной работы по социально – экономическому развитию регионов. К тому же не работает в полную меру такой важный институт демократического государства как управление на уровнях: региональном, муниципальных образований, поселений. Дублирование и недостаточно четкое распределение функций и ответственности, асимметричные бюджетные отношения и неясное разделение полномочий между бюджетами разных уровней создают путаницу в отношениях взаимодействия разных уровней государственной власти, деформируют стимулы бюджетного управления на различных уровнях и прозрачность бюджетных процессов и процедур. Нечеткое разделение ответственности за регулирование, финансирование и выполнение правил в случаях параллельной ответственности и отсутствие эффективных институтов координации приводят к распространению непрофинансированных поручений, финансовых обязательств,

которые перекладываются на местные бюджеты при отсутствии адекватного финансирования.

Исходя из обозначенных выше проблем, в предстоящем среднесрочном периоде меры по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления должны быть направлены на оптимизацию государственных функций и их эффективного распределения между всеми уровнями государственного управления. Региональная политика в части административной реформы должна быть нацелена на повышение эффективности работы местных органов власти, ибо регулировать из центра все возникающие на местах проблемы невозможно и ненужно. Местные органы власти должны быть наделены всеми необходимыми полномочиями и соответствующими финансовыми ресурсами, чтобы всемерно способствовать повышению социального благополучия населения, экономическому развитию регионов.

Отрадно, что в Республике Бурятия последовательно проводится работа по совершенствованию межбюджетных отношений и децентрализации власти. На основании Федерального закона от 20 июля 1995 года «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» и закона Республики Бурятия от 2 апреля 1996 года «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Бурятия» было принято постановление Правительства Республики Бурятия от 15 декабря 2007 № 410 «О стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 года». Для решения целей и задач Стратегии 14 марта 2011 года был принят закон Республики Бурятия « О социальном экономическом развитии Республики Бурятия на период до 2020 года». Закон является основой для принятия основы

управленческих решений исполнительными органами государственной власти. В области макро – экономической политики предусматривается укрепление финансового состояния и увеличение доли собственных доходов консолидированного бюджета Республики Бурятия.

Важно, чтобы разграничение полномочий и ответственности между уровнями управления не сводилось к проведению функционального анализа и механическому закреплению различных функций за определенным уровнем управления, а реально повысилась ответственность региональных органов власти перед населением, ослабилось патерналистское отношение центра к вопросам развития регионов и адекватно этому изменилась бюджетная система.

Анализ существующей бюджетной системы показывает, что ее несовершенство зависит не только от общих проблем государственного управления, но и от следующих факторов:

- зависимости доходной части федерального бюджета от мировых цен на минеральное сырье;
- диспропорций в социально – экономическом развитии регионов, что приводит к фискальному неравенству регионов.

В Налоговом кодексе Российской Федерации четко определен перечень налогов, взимаемых на региональном и муниципальном уровнях. При чем этот перечень менялся адекватно изменениям в экономике страны. Изменения муниципальных финансов в России прошли несколько этапов. Эти изменения касались муниципальных образований, в том числе. Первый этап – до 1999 года, межбюджетные отношения заключались в помощи бюджетам субъектов Федерации в форме дотации. Второй этап – это принятие в 1999 году Концепции о реформировании межбюджетных отношений. Положительными сторонами, отраженными в Концепции являются: единые принципы межбюджетных отношений; формы финансовой помощи регионам; элементы межбюджетных отношений и т.д.

Далее Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2001 г. была принята Программа развития бюджетного федерализма. Здесь был сделан следующий шаг – началось разграничение расходных полномочий, закрепление на постоянной основе доходов за бюджетами разных уровней, включая и местные. Одновременно в Программе предопределялись главные направления реформы местного самоуправления в части регулирования межбюджетных трансфертов.

На период 2006-2008 гг. Правительство Российской Федерации своим распоряжением от 03 апреля 2006г. приняло Концепцию, предусматривающую дальнейшее совершенствование межбюджетных отношений. В частности, Концепция была направлена на укрепление финансовой самостоятельности субъектов Федерации, главное, обеспечение гласности при формировании региональных и местных бюджетов. В процессе дальнейшего совершенствования межбюджетных отношений возникла необходимость разработки плана действий на более длительный срок. В августе 2009 года распоряжением Правительства была принята Концепция межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Федерации и муниципальных образованиях до 2013г. В ней особое внимание уделяется стимулированию сокращения дотационности территориальных бюджетов.

Все эти меры направлены на обеспечение местных бюджетов предсказуемыми и стабильными собственными доходами и оказание поддержки им трансфертами из федерального бюджета. Однако данная задача на сегодня не нашла полноценного решения, а потребности регионов в бюджетных средствах до конца не удовлетворены. Система трансфертов местным бюджетам механически прямолинейна и непрозрачна. Она предполагает выравнивание расходов на душу населения и при этом не учитывает различные другие существующие критерии, характеризующие региональные диспропорции. Не определены четко налоговые полномочия регионов, в частности по объему доходов.

Центр возлагает на местные органы власти значительный объем расходных обязательств без передачи соответствующих финансовых средств, такие как например: сельским поселениям, муниципальным образованием.

Анализ состояния децентрализации управления и межбюджетных отношений показал, что процесс реформирования находится в стадии постоянного совершенствования, но при этом необходимо, на наш взгляд осуществить следующее:

1. Довести до логического завершения уже начатый процесс передачи центром отдельных функций, полномочий и ответственности в решении большинства вопросов регионального развития региональному уровню государственного управления, особенно в вопросах, касающихся контрольно – надзорных функций.

2. В соответствии с Федеральным законом от 16 сентября 2003г. № 131 – ФЗ «Об общих

принципах организации местного самоуправления» осуществить весьма дифференцированный подход к созданию муниципалитетов и сельских поселений с точки зрения учета их финансового и социально – экономического состояния и возможностей пространственного развития.

3. Нуждается в упорядочении закрепление расходных полномочий бюджетными средствами за уровнями государственного управления исходя из распределения функций между ними. В законодательных актах, предусматривающих выполнение определенных государственных функций, должна четко определяться компетенция государственных органов по уровням управления, для последующего закрепления за ними расходных полномочий. Уровни местного государственного управления должны иметь законодательно установленные права на компенсацию расходов местных бюджетов, возникающих в результате принятия нормативных правовых актов вышестоящими органами государственной власти. Полагаем, что они станут

серьезными практическими мерами в бюджетном разделении.

4. Для законодательного закрепления за каждым уровнем управления собственных доходных источников необходимо определиться с системой межбюджетного регулирования.

Таким образом, реализация данных подходов в практику будет способствовать обеспечению устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе совершенствования межбюджетных отношений и децентрализации управления.

Литература

1. Закон Республики Бурятия «О стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия» от 15.12.2007 № 410.
2. Закон Республики Бурятия «О социально-экономическом развитии Республики Бурятия на период 2020года» от 14.03.2011 №1903- IV.
3. Бухвальд Е.М. Внутримunicipальные межбюджетные отношения: важная новация муниципальной и бюджетной реформы в России // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – №8. – С. 2–11.
4. Сайт Минэкономики РБ – URL: economy.buryatia.ru

Осипова Гета Михайловна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Бурятского государственного университета. Тел. 8924-754-77-59. getaosipova@mail.ru

Osipova Geta Mikhailovna, Doctor of Economic Sciences, Professor at Economy Chair of Buryat State University. getaosipova@mail.ru

Бекбулат С., кандидат экономических наук, Альфаиншурконсалтинг.
Bekbulat S., Ph.D. in economics, Alpha Insurance Consulting.

УДК 330.377:330.342.4

© Л.Р. Бартунаев, С.Э. Желаева

ФАКТОР ВРЕМЕНИ КАК ИСТОЧНИК НЕРАВНОВЕСИЯ В ПРОЦЕССЕ САМООРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В представленной статье предпринята попытка критики классической теории экономического равновесия с позиции синергетики – науки, которая изучает эволюцию сложных самоорганизующихся экономических систем, где основным источником напряженности и нестабильности социально-экономического развития является фактор времени.

Ключевые слова: экономическая теория, равновесие, экономическая система, самоорганизация, неравновесность, время.

L.R. Bartunaev, S.E. Zhelaeva

THE TIME FACTOR AS A SOURCE OF IMBALANCE IN THE PROCESS OF SELF-ORGANIZATION OF ECONOMIC SYSTEMS

In the present article author attempts to criticize classical theory of economic equilibrium from the standpoint of synergy – the science that studies evolution of complex self-organizing economic systems, where the main source of tension and instability in socio-economic development is the time factor.

Keywords: economic theory, equilibrium, economic system, self-organizing, nonequilibrium, time.

На протяжении многих лет развития экономической теории концепция «невидимой руки» классической политэкономии стала традицион-

ным подходом к прогнозированию развития экономических процессов и выражается смещением точки равновесия экономической системы

под воздействием тех или иных факторов. Однако реальная экономика, не только далека от стационарного состояния, но и состоит из множества непрерывно изменяющихся во времени элементов, что требует кардинального изменения аналитического инструментария экономической теории и исследования временных параметров рыночной экономической системы с точки зрения ее неравновесности.

Методологическая суть принципа равновесия заключается в действии автоматического, саморегулирующегося механизма рынка, самостоятельно устанавливающего оптимальные параметры своего развития, что логически приводит к мысли об отказе от регулирования рыночных экономических процессов: «Основой классической политической экономии был принцип, который звучит в примерном переводе как «пусть идет, как идет». Тогда полагали, что «невидимая рука» рынка должна справляться со всеми проблемами безо всякого специального управления» [4, с. 9]. Другими словами, в основу функционирования экономики изначально был заложен принцип самоорганизации, реализующийся благодаря стремлению рыночных элементов к состоянию равновесия, в первую очередь рыночных цен. С целью подтвердить реалистичность данного постулата равновесия учеными предпринимались «кислотные» попытки математического моделирования равновесных состояний экономики, которые, в конце концов, по большому счету ни к чему не привели, ни в экономической науке, ни в экономической реальности, поскольку практические ситуации никак не хотели уравнивать свои параметры согласно математическим результатам теоретиков» [8, с. 97]. «Теория общего равновесия является абстрактным ответом на абстрактный вопрос о том, может ли децентрализованная система, в которой значима только информация, представленная ценами, быть упорядоченной? Теория общего равновесия дает на этот вопрос утвердительный ответ, но не пытается ответить на вопрос, в какой мере реалистична подобная система» [3, с. 235].

Таким образом, теория общего экономического равновесия, доминирующая в настоящее время, не вполне согласуется с реальностью. На наш взгляд, требуется разработка новой парадигмы экономической науки, предполагающей более углубленные исследования реальной динамики экономических процессов с позиции неравновесности, что позволит открыть путь к анализу целого ряда экономических категорий,

которые могут существовать только в условиях неравновесной экономики.

В последнее время наиболее адекватным и объективно отражающим реальную действительность является новое направление экономической мысли – неравновесная экономическая теория – наука, объясняющая сущность экономической системы с неравновесных позиций. По сути, неравновесная экономика – это логическое ответвление теории неравновесных процессов и синергетики, одним из основоположников которой в термодинамике является бельгийский физик и химик И. Пригожин. Его работы были посвящены значению времени в термодинамических системах, в частности, теория диссипативных структур была описана Ильей Пригожиным в терминах математической модели с зависимыми от времени нелинейными функциями, характеризующими способность систем обмениваться материей и энергией с внешней средой и самопроизвольно самоорганизовываться. Его теория, учитывающая фактор времени, работает в разных областях, где есть движение, в т.ч. и в экономике.

Новейшие разработки в отечественной теоретической неравновесной экономике связаны с именем советского и российского экономиста В.К. Нусратуллин, чьи работы посвящены разработке методических основ построения неравновесной модели экономики. Согласно мнению В.К. Нусратуллина и ряда других ученых, которое мы поддерживаем, понятие равновесия в экономике не соответствует современным взглядам и реальной действительности, поскольку с точки зрения современного естествознания «равновесие в статике – это состояние системы, когда воздействующие на нее силы уравновешены и она находится в состоянии покоя. Равновесие в динамике — это состояние системы, когда воздействующие на нее силы также уравновешены и она находится в состоянии поступательного равномерного прямолинейного движения, то есть движется инерционно. Объединяя эти представления о равновесии можно сказать, что «система является равновесной, если сумма воздействующих на нее сил равна нулю, а она сама находится в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения» [7, с. 187].

В традиционном понимании равновесие рынка – это свершившийся факт, когда экономические субъекты в лице покупателей и продавцов уже пришли к соглашению о признании того или иного уже потом статистически вычисляе-

мого уровня цены из всего количества бесконечно возможных и свершившихся цен. Вполне очевидно, что желания субъектов рынка, когда покупатель имеет желание купить дешевле, а продавец стремится продать дороже, по своей природе неравновесны. Это автоматически отражается в неравенстве спроса (пока нереализованной потребительной стоимости) и предложения (пока нереализованной производственной стоимости), которые регулярно решаются всеми субъектами рынка. Однако и решение проблемы неравенства спроса и предложения неравновесно, «вопреки постоянному утверждению РЭТ в виде незыблемого постулата о том, что мы имеем дело с равновесными ценами на рынке, поскольку на рынке даже на один и тот же стандартный товар, произведенный разными товаропроизводителями, возникают разноразличные, неодинаковые, неравновесные цены. Следовательно, и рынок со всеми своими атрибутами и механизмами не равновесен. Соответственно и вся экономика неравновесна» [8, с. 97–98].

Рыночная экономика как сложная динамическая система не может находиться в состоянии равновесия по нескольким причинам. Во-первых, рынок – динамическая вероятностная система, формирующаяся, прежде всего, под воздействием времени как системообразующего фактора. Если бы рынку были присущи состояние покоя или прямолинейного равномерного движения, то структура экономики и темпы ее роста оставались бы неизменными. Во-вторых, множество покупателей и продавцов в виде составляющих элементов рынка, характеризуется своим непредсказуемым неравновесным поведением, когда «движение каждого из ее составляющих напоминает незамысловатую криволинейную траекторию броуновского движения, что в общем случае при их наложении друг на друга даст ту же криволинейную траекторию» [8, с. 187].

В-третьих, рынок – сложная, открытая, нелинейная, стохастическая система, развитие которой, как правило, сопровождается необратимыми процессами во времени, происходящими по незамкнутым траекториям. Более того, это неравновесная система в силу главной причины – воздействия на нее мощной энергии времени, способного ускорять и замедлять экономические процессы, накапливать или рассеивать энергию и энтропию системы, нести информацию и осуществлять механизм самоорганизации экономики и общества в целом. «... Открытая система не может быть равновесной, потому что ее функ-

ционирование требует непрерывного поступления из внешней среды энергии или вещества, богатого энергией. ... С поступлением новой энергии или вещества неравновесность в системе возрастает» [11, с. 114–115]. К тому же: «Если параметры системы меняются от точки к точке и с течением времени, то ее состояние – неравновесное» [5, с. 11].

Осмысление временной оси трехмерного экономического пространства основывается на предложенном нами содержательном понимании времени, связанного с процессами взаимодействия энергии, энтропии и информации. Представление о времени как простой длительности не в состоянии объяснить данную взаимосвязь. Но проблема решается, если допустить, что время обладает активными свойствами [6]. Эти свойства могут проявляться в особых ситуациях, например, на очень больших и очень малых масштабах, объясняя и космологический парадокс начала Вселенной, и энтропийный парадокс отсутствия ее «тепловой смерти» [1]. Понятие масштаба видимо столь же фундаментально, как понятия пространства и времени, дополняя их до системной триады «масштаб-время-пространство». Движение по лестнице масштабных уровней в экономике (микро-, макро-, мезоуровни) способно открывать новые ситуации при различных x , y , z и t .

На микроуровне, рассматривая графические модели равновесия между спросом и предложением, даваемые в традиционном изложении для нахождения цены равновесия, время как неотъемлемое условие экономической реальности не находит своего отражения, т.к. для иллюстрации процессов берется плоскость, в которой могут быть отмечены только два характеризующих рынок параметра – цена и объем продаж/покупки. Множество гипотетических точек плоскости, составляющих кривые спроса и предложения, не отражают реального взаимодействия субъектов на рынке во времени, за исключением точки равновесия, определяющей равновесную цену и равновесный объем, которая представляет собой результат одномоментного соглашения продавца и покупателя при купле-продаже партии товара на данный момент времени. Поэтому для иллюстраций соотношения между спросом и предложением во времени, необходимо иметь, по крайней мере, трехмерное пространство, а не плоскостное изображение.

Во всех определениях спроса и предложения, которые встречаются в традиционной экономической литературе, а также при графической

интерпретации кривых спроса и предложения присутствует оговорка о том, что исследование рыночного механизма, определяемого кривыми спроса и предложения, осуществляется при неизменности «прочих равных условий». Очевидно, что под «прочими» условиями подразумевается множество конъюнктурообразующих факторов рынка. Другими словами, такая оговорка еще раз подтверждает стационарность равновесия рынка, когда конъюнктурообразующие факторы имеют простую однородную структуру и их динамика неизменна. Следовательно, при полном учете многочисленных факторов равновесие на рынке недостижимо. Для подтверждения данного вывода необходимо ввести неотъемлемый фактор, который определяет реальный характер взаимодействия потребителей и производителей в пространстве – время.

Традиционные модели спроса и предложения, исследовали не сами траектории спроса и предложения, а их проекции на одну из плоскостей трехмерного пространства, что, на наш взгляд, абсолютно неверно отражает реальные экономические процессы. Неадекватность моделей, построенных на «кресте Маршалла», ярко отражена в высказывании П. Самуэльсона: «Двусмысленности Альфреда Маршалла на три десятилетия парализовали лучшие умы англосаксонской ветви экономической мысли». Поэтому выводы экономикс, широко распространенные и популяризованные среди экономистов и в настоящее время, весьма сомнительны.

Объективность модели равновесия и ее соответствие реальной экономической действительности ставится под сомнение и на макроэкономическом уровне. Так, анализ кривой совокупного предложения (AS) осуществляется в принципиально ином методологическом аспекте, чем анализ совокупного спроса (AD). Факторы предложения рассматриваются на различных участках кривой AS в разных временных периодах экономического цикла. Получается, что две кривые AD и AS – на одном графике рассматриваются с разных методологических позиций: AD – как функция факторов, влияющих на нее в каждый данный момент настоящего времени, а AS – как фаз экономического цикла в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах времени. Наклон линии AD представляет собой сиюминутный срез экономики, а линии AS – в течение периода от 3 до 50 и св. лет. Таким образом, точка равновесия на графике не имеет смысла, поскольку совмещаются показатели,

выражаемые в разных единицах измерения и в разных временных промежутках.

Кроме того, определяющим фактором в макроэкономическом равновесии является индекс цен (ось ординат – независимая переменная), который опосредованно через совокупный спрос (AD) определяет величину реального объема производства (ВВП) при данном общем уровне цен (ось абсцисс). При этом график макроэкономического равновесия математически выполняется только в фазе оживления, на промежуточном отрезке, где ясно прослеживается ценовая зависимость спроса и предложения. На кейнсианском и классическом отрезках кривая совокупного предложения перестает взаимодействовать с кривой совокупного спроса.

В общем, экономическое равновесие предполагает ситуацию, когда весь произведенный в экономике продукт полностью куплен, т.е. спрос равен предложению, следовательно, цена равна стоимости или полезности товара. Однако такая ситуация в экономическом смысле как на микроуровне, так и на уровне национального хозяйства, означает «смерть» рынка. Все товары продаются, отсутствует проблема реализации продукции, неизбежно установление превалирующей роли производителя над потребителем. В итоге, конкуренция как основная движущая сила рынка теряет свою регулирующую роль.

Важнейшим недостатком сложившейся модели экономического равновесия, отражающей процесс взаимодействия спроса и предложения, является недооценка фактора времени. Единственная попытка отразить и проанализировать феномен времени в классической экономической теории основывается на том, что на поведение людей оказывают влияние ограниченные блага, в том числе редкость времени. Из предположения об ограниченности благ следует вывод об их различной степени воздействия на удовлетворение потребностей, что, в свою очередь, определяет ценностные соотношения благ. Время здесь рассматривается лишь как один из редких ресурсов, недостаток которого проявляется в ограничении нашей собственной возможности действовать. Редкость времени – это всего лишь метафора [10].

Такое формализованное представление времени в виде некоей длительности, ограничивающей возможности деятельности человека, а также изучение фактора времени на равных с вещественными факторами и другими благами, не позволяет обнаружить активные свойства и особенности феномена времени. Между тем,

основная проблема экономики: противоречие между ограниченностью ресурсов и безграничностью человеческих потребностей, – отражающая соотношение и взаимозависимость спроса и предложения, приобретает спорный смысл именно в тесной увязке с феноменом времени.

Прежде всего, ограниченность ресурсов и безграничность потребностей во времени относительна и зависит от масштаба временного периода. Так, в краткосрочном периоде или на каждый момент времени ограниченность отдельных экономических ресурсов действительно имеет место, однако и потребности человека, также будут ограничены, поскольку лежат в рамках биологически целесообразных норм потребления организма человека и его способностей к усвоению жизненных благ. И, наоборот, в долгосрочном периоде времени, ресурсы безграничны, поскольку благодаря общественному интеллекту как источнику научно-технического прогресса, появляются новые возможности удовлетворения безграничных потребностей человека и общества в целом. «... Ресурсы ограничены лишь в краткосрочном (моментальном) периоде, а потребности безграничны лишь в долгосрочном периоде. В краткосрочном же периоде ограничены не только платежеспособные, но и действительные, и даже абсолютные потребности» [9, с. 31].

Исследование показывает, что масштаб времени в социально-экономическом моделировании является сложной методологической проблемой. То, что неверно в малых масштабах времени, может оказаться верным в больших, и наоборот. Важность соотношения между дальним и ближним горизонтом времени аналогична важности соотношений между совокупными и локальными переменными, между целым и его частями. Следует подчеркнуть, что корректность редукции, упрощения системы зависит от ее свойств, если система неустойчива, то это усложняет анализ, поскольку ее поведение будет весьма эластично к малым изменениям параметров [2, с. 287].

Необходимо отметить, что время, с одной стороны, характеризует и определяет порядок и количество использования экономических благ в соответствии с возникающими потребностями человека. Иными словами, время выступает тем универсальным и основополагающим феноменом, который устанавливает ограниченность или «редкость» тех или иных экономических благ. С другой стороны, время выступает инструментом определения ценности потребитель-

ских благ и неизбежно используется при измерении ценности производственных ресурсов. Однако по причине неоднородности и эмерджентности времени в экономических системах установление равновесного объема спроса и предложения на основе ценностных соотношений потребительских благ и ресурсов, в реальности невозможно.

Таким образом, теория общего экономического равновесия не отражает реальной действительности по причине недооценки фактора времени, где время выступает лишь в качестве редкого ресурса, ограничивающего наши возможности. Между тем, учитывая непрерывное динамическое развитие рынка во времени и пространстве, равновесие – лишь одна из гипотетически возможных ситуаций, складывающаяся в определенный момент времени в цепочке последовательно сменяющих друг друга неравновесных состояний.

Время – универсальный показатель функционирования экономики в целом, а также ее подсистем и подуровней, с помощью изменения которого создается возможность менять скорость и направление экономических процессов. Кроме того, временной параметр системы позволяет рассматривать факторы не только экономической (например, объемы производства, изменение цен, уровень безработицы и т.д.), но и любой природы, влияющие на хозяйственные процессы: экологические потрясения, политические события, технологические разработки, природные бедствия. При этом параметр времени всегда будет определяющим и доминирующим по своему влиянию, и вряд ли можно найти другой такой же по роли и охвату параметр функционирования экономической системы.

Литература

1. Астрономия и современная картина мира. – М., 1996. – 248 с.
2. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: пер. с англ. – М.: Мир, 1999. – С. 287.
3. История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: ИНФРА-М, 2003.
4. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1997.
5. Кириченко Н.А. Термодинамика, статистическая и молекулярная физика: учеб. пособие. – М.: Изд-во МФТИ, 2003.
6. Козырев Н.А. Избранные труды. – Л., 1991. – 448 с.
7. Нусратуллин В.К. Ренессанс экономической теории как практическая необходимость // Економічний вісник Донбасу. – № 1 (19). – 2010.

8. Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика. Изд. 2-е, допол. (электронный вариант). – М.: Компания Спутник+, 2006.
9. Радаев В.В. Важные условия развития экономической теории // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2004. – № 3. – С. 31.
10. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. – 1993. – Вып.1.
11. Рузавин Г.И. Концепция современного естествознания: учебник. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1999.

Бартунаев Лазарь Романович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория», Бурятский государственный университет. Адрес: 670042, г. Улан-Удэ, ул. Калашникова 18-32. E-mail: grigrass@mail.ru, т. 45-47-70

Bartunaev Lazar Romanovich, Doctor of Economic Sciences, Professor at Economic Theory Chair, Buryat State University. Address: 670042, Ulan-Ude, Kalashnikova St., 18-32. E-mail: grigrass@mail.ru. Tel: 45-47-70

Желаева Светлана Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория, национальная и мировая экономика», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. Адрес: 670000, ул. Димитрова 4а-23. E-mail: zhelay@yandex.ru, т. 89516230683.

Zhelaeva Svetlana Eduardovna, Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer at Economic Theory, National and World Economy Chair, East-Siberian State University of Technologies and Management. Address: 670000, Dimitrova St. 4a-23. E-mail: zhelay@yandex.ru. Tel: 89516230683.

УДК 33:005

© B.D. Sanditov, A.V. Mantatova

IMITATION IN ECONOMICS AND MANAGEMENT. PART II: IMITATION IN ECONOMICS

This is the second part of a review of imitation and social learning in economics and management. While the first part is primarily concerned with evidence and modeling of imitative strategies from the point of view of organization theory; in this paper we focus on formal models of imitation in economics.

Keywords: *economy, management, imitation behavior, formal models.*

Б.Д. Сандитов, А.В. Мантатова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ОБ ИМИТАЦИОННОМ ПОВЕДЕНИИ: ИМИТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

В продолжение обзора экономических аспектов поведенческих стратегий основанных на имитации и social learning, опубликованном в предыдущем выпуске журнала (Мантатова, Сандитов 2012), в статье обсуждаются подходы к описанию имитационного поведения в экономико-математических моделях.

Ключевые слова: *экономика, управление, имитационное поведение, экономико-математические модели.*

1. Imitation in Economics

Although historically mainstream economic theory with its focus on formal market mechanisms of exchange and emphasis on perfectly rational individual agents largely ignored non-market mechanisms, last two decades have seen growing recognition of the importance that non-price interactions play in economic activities. As a result there is an increasing number of works that seek to fit social interactions in general and imitation mechanisms in particular into the world of formal economic models.

Homo economicus

The economic model of human behaviour known as *homo economicus* is very distinct from the models of individual behaviour developed in other behavioural sciences. She is an amazing creature in all ways. Her *raison d'etre* is to maximize her utility at all times. For that, in addition to a comprehensive and coherent set of preferences, she possesses brain power exceeding all imaginable

limits, and never hesitates to apply it in any circumstances. Organizations consisting of many *homo economicus* together share most features with individual *homo economicus*: omniscient rationality and greediness.

What is a reason for perfectly rational individuals or organizations to copy behaviour of other individuals? While other behavioural models reviewed in the previous section consider the tendency to imitate as “hardwired” in boundedly rational individuals and organizations in the course of evolution, this cannot be the case with perfectly rational *homo economicus*: she must be sure that she is better off with copied behaviour than any other alternative. Therefore, observed imitative behaviour should be explained in terms of individual (expected) payoff from copying behaviour of the others.

Before we start reviewing economic models of imitation, we shall note that economists are cautious

not to interpret every process concerning diffusion of a novel behavioural pattern (e.g. adoption of technology) as driven by imitation. Many economic models allow for alternative explanations for observed correlations in the timing of adoption by different economic agents (famous S-shape diffusion curves) (1). Still, other models consider the diffusion process as driven by imitative behaviour. We can divide them into models with direct payoff externalities, where imitative behaviour is driven by innate preferences for being similar to one's reference group (2), and models with indirect payoff externalities, where agents have no innate preference for being conformists, but choose to imitate others for some other reason. The indirect externalities may arise for a variety of reasons: they may be a result of certain institutional arrangement as in the case of social norms (Elster 1989), competition for social status (Frank 1985), or, what deserves special attention in the light of social learning theory, informational externalities such as in informational cascades (Bikhchandani et al. 1992; Banerjee 1992).

Direct payoff externalities

Gary Becker (1991) in his treatment of restaurant pricing describes an observation made at a popular seafood restaurant in Palo Alto, California:

[Restaurant] does not take reservations, and every day it has long queues for tables during prime hours. Almost directly across the street is another seafood restaurant with comparable food, slightly higher prices, and similar service and other amenities. Yet this restaurant has many empty seats most of the time. [...] The same phenomenon is found in the pricing of successful sportive events, such as World Series and Super Bowls, and the related way in the pricing of best-selling books.

He notices that consumption of certain goods has not only private value, but also social meaning

[A] consumer's demand for some goods depends on the demands by other consumers. The motivation for this approach is the recognition that restaurant eating, watching a game or play, attending a concert, or talking about books are all social activities in which people consume a product or service together and partly in public. [...] pleasure from a good is greater when many people want to consume it, perhaps because a person does not want to be out of step with what is popular or because confidence in the quality of the food, writing, or performance is greater when a restaurant, book, or theater is more popular.

He proposes to make individual demand dependent of the aggregate demand (according to the neoclassical consumer theory it suggests that utility

of consuming "social good" depends on consumption choices of the others).

Becker is not the first economist to seek explanation for some anomalies in consumption of goods with social meaning by making the assumption of interdependence between individuals' demand schedules. Leibenstein (1950) employed a similar approach to formalize the verbal treatments of interdependencies in consumer choice due to Veblen and his theory of the leisure class (Veblen 1991), but also due to earlier writers such as John Rae, and Pigou. He examined three types of effects interdependencies that consumer choices have on individual demand: a *bandwagon effect* is an increase in individual demand due to popularity of the good, a *snob effect* is exactly the opposite, i.e. decrease in demand due to adoption of the good by other consumers, and the *Veblen effect* captures conspicuous consumption, an increase in demand for a good due to an increase in its price. He found that bandwagon and snob effects change the price elasticity of aggregate demand (with respect to individual demand), while Veblen effects may result in upward sloped parts of aggregate demand (3).

Extensive treatment of direct payoff externalities can be found in the literature on industrial organization, where they are referred as "network externalities" (Arthur 1989, Farrell and Saloner 1986). This kind of externality often appears in the context of a competition between different technical standards. Consider two standards (technologies) **A** and **B**, which are mutually incompatible. At each moment in time one potential adopter has to make his choice between the standards. Because of the incompatibility, a user of standard **A** is better off when he is surrounded by users of the same standard, **A**. Let the payoff to agent *i* from adopting a standard be the sum of the gains due to the technical efficiency of the standard and the gain due to compatibility with other users of the standard. We assume that the latter increases with the number of the users of the same standard. Suppose that *ceteris paribus* the standard **B** is more efficient than **A**.

Consider a situation where the difference in the numbers of users happens to be such that the gain due to the larger installed base offsets the loss from adoption of a technically inferior standard **A**. In such a situation a potential adopter should choose inferior standard **A**, thereby increasing the installment base of standard **A**, and subsequently increasing the gain from adopting standard **A** even further. As a result, the next adopter will also choose **A**, and so on: the system locks in an inferior (with respect to social welfare) state.

Examples of lock-ins to technically inferior standards are well known in the economics of technical change. Initial advantage of an inferior standard/technology that leads to suboptimal lock-in may arise for a variety of reasons. One such a reason often mentioned in the literature is related to first-mover advantage, and the most famous example of it is story of QWERTY vs. Dvorjak keyboard (David 1985). Another factor that may cause an early lock-in to an inferior standard is related to sponsorship of a particular technology (Cowan 1990).

Payoff externalities may give rise to informal conventions. Consider right- vs. left- hand traffic. Once most drivers choose one of the alternatives, a driver would pay a dear price for choosing the alternative. As a result all drivers are better off taking the same side, even if for whatever reason some of them have intrinsic preferences for doing it the other way. Therefore we can say that one of the alternatives will be chosen by all drivers, and no driver would like to change her choice while others stick to theirs. The two choices correspond to two stable equilibria of a coordination game among perfectly rational individualistic agents. The problem of coordination can be solved by some informal agreement (Farrell and Saloner 1986).

Indirect Payoff Externalities

Inserting externalities directly into the payoff (utility) function is a straightforward way to take into account social interactions and it allows for some insights into behaviour of a system with interdependencies between agents' choices. Nevertheless, one might feel uncomfortable about approaching to the problem this way, because the question of why do agents imitate others has an extremely simple answer – they have preferences to do so! In some applications, e.g. competition of standards mentioned above, the origin of such preferences is transparent (whenever compatibility with other users is an advantage, it is better to adopt a popular standard) and the straightforwardness of the answer is well justified. In other applications, however, it is not clear how such preferences come about and further explanations are needed.

Payoff externalities may arise due to asymmetric information. For instance, Scharfstein and Stein (1990) explain mimetic isomorphism of new institutional theory mentioned earlier in a principal-agent framework. They examine a model with a population of investment funds managers of two types: “smart” ones who observe a signal correlated with the state of the market, and “dumb” managers who observe uncorrelated noise. The labour market can judge a manager only on the basis of information

which consists of (a) profitability of investment, and (b) whether the investment behaviour of the manager is similar to behaviour of his peers.

Notice, that in the absence of (b) smart managers' decisions would be correlated (since their signals are correlated with the state of market), while dumb managers would invest at random. However, under (b) “herding” arises due to a “sharing-the-blame” effect: a manager who mimics the investment decisions of his peers is less likely to be blamed because then his decision is correlated with the decision of the others and this suggests to the labour market that he is likely to be smart. As a result even if a manager receives a negative signal about the market he may still decide to invest following the crowd to avoid being punished by the labour market. In Keynes's words “Worldly wisdom teaches that it is better for reputation to fail conventionally than to succeed unconventionally”.

As has been mentioned above, direct payoff externalities may result in the emergence of informal agreements (4). However many social norms are individually costly, and self-interested perfectly rational agents should not comply with such norms. For instance, consider racial (gender, cast etc.) discrimination. If, say, employers have positive taste for racial discrimination then they deliberately reduce the pool of potential employees and therefore an employer without racial prejudice should have competitive advantage (Becker 1976). In the long-run, in principle discrimination should disappear as a social norm even if no government/civil actions against racial discrimination are taken. Nevertheless, racial discrimination does exist, as do many other individually costly norms.

Another example of individually costly social norm is a code of vengeance. Under certain circumstances (e.g. where corresponding formal institutions are weak or absent) the code may be socially beneficial, as it might work as a barrier to unlawful violence toward others. However punishing disobedience also involves costs: complying with a vengeance code a member of a family (clan, tribe etc.) has to take revenge, which means putting himself at risk. If this is the case, the party that is supposed to punish the deviator is better not doing it. Hence a rational decision is to leave it. Knowing this, rational agents would not follow the norm. But if everybody feels the same then revenge is not a credible threat, and vengeance cannot prevent violence. Nevertheless, a social norm that is individually costly may still be sustained if it is enforced by another norm.

Akerlof (1976) explained how such norms may be supported on the example of discrimination in Indian caste system. While earlier analysis would conclude that discrimination disappears in the long-run due to room for arbitrage (Becker 1976), Akerlof showed that even individually costly customs may support themselves when not only breaking a norm is subject to penalty, but not punishing a rule-breaker is also punishable. He examined a simple model of a labour market under a caste system, in which employers have a choice between hiring labour according to caste codes with wage differentials, or according to output maximization regardless of caste. In addition, he assumes that a consumer who decides to buy goods from companies not using labour according to the caste code will be punished and become an outcast. He showed that the model has two equilibria: “low-trap” caste equilibrium, and no-caste optimal equilibrium. Once the system is trapped in the caste equilibrium, it may get out of it only if a significant share of agents decides to break the rules at the same time.

Notice that in this model the tendency to copy behaviour of others to comply with the socially imposed behavioural norm is not a part of innate preferences. Instead payoff externalities are introduced into the model in an indirect way via the institutional set up.

Although we examined only two economic contexts where payoff externalities arise even though not explicitly present in agents' preferences, there are many other instances where it happens as well (e.g. bank runs or financial crises). Now we proceed to a particular type of models with indirect payoff externalities inspired by the literature on social learning.

Informational externalities

Social learning theory outlined in section *general* emphasizes “reciprocal determinism”: environment via learning causes individual behaviour, but the individual behaviour, in turn, causes the environment. In the process of acquiring novel behaviour some knowledge is produced. It spills over to other agents and may induce some of them to copy the new mode of behaviour. This, in turn, also produces knowledge and enhances (or inhibits) the process of adoption. In contrast with the other models mentioned above, the process of adoption of a technology is driven solely by information externalities: agents' payoffs do not depend on the actions taken by others.

Bala and Goyal (1994) study a model of entry into a new market with unknown stochastic demand. They consider a pool of entrepreneurs who

face a choice whether to enter the market or abstain from the entry. Decisions are made in sequential order, so that later entrepreneurs may observe the experience of their predecessors. They found that, first, if the pool consists of one entrepreneur, then with non-zero probability a market may disappear even if it is viable. They also explore the role of heterogeneity in entrepreneurs' beliefs: if beliefs are not heterogeneous enough then similarly to the case of single entrepreneur a viable market may be abandoned, while if the population is characterised by significant heterogeneity even non-viable markets never cease.

Caplin and Leahy (1994) examine a model of market crashes with firms trying to extract information about market viability from decisions made by other firms in this market. In their model entry into a market is two-staged: initial investment allows a firm to gather information about the state of final demand and on this basis it decides whether to make additional investment and enter the market or abandon the project. Information gathered by a firm is private, however its decision (to entry into the market or cancel the project) is publicly observed. The information structure of the model implies that as far as the firms continue with their projects the knowledge of the market accumulated by firms is effectively “trapped” in private hands: there is no way to distinguish between the behaviour of a firm that has received good news and a firm that has received negative information. The situation changes dramatically when some firms decide to suspend their projects. Suspensions release negative information and the market suddenly crashes.

Bolton and Harris (1999) examined a model of social learning based on a game of strategic experimentation. Their model is an extension of the well-known two-arm bandit problem. One of the bandit arms (the “safe” arm) provides some known payoff, the other generates random payoff with unknown distribution (the “risky” arm). The bandit problem is a classic example of the trade-off between experimentation and exploitation. While usually bandit models examine a player who makes his decision in isolation based on information from his own experience with the machine, Bolton and Harris (1999) consider a population of players each of whom face the same choice between “safe” technology with known payoff and “risky” technology with unknown payoff. Time is continuous and switching between technologies is costless. Players dynamically allocate their time between the technologies. Payoffs are publicly observable.

They prove existence of symmetric equilibrium and prove that its uniqueness (5). They show the presence of two motives in agent's behaviour working in opposite directions. First, there is free-rider effect: a player may be tempted to devote time to the known technology, in the hope of free-riding on the experimentation performed by others. Second, there is "encouragement effect": a player may choose to experiment, in order to encourage experimentation with the risky technology by others, in order to benefit from the induced positive informational externality.

Informational cascades

Informational cascades represent a particular case of models for social learning that became popular among economists after the seminal works of Banerjee (1992), Bikhchandani et al. (1992) (BHW henceforth), and Welch (1992). Let us follow the presentation of BHW model given in Bikhchandani et al. (1998). Consider a population of agents presented with a choice between two actions. In the context of technology adoption it may be *Adopt* the technology or *Decline*. The payoff to adoption is either +1 or -1 depending on the state of the technology: "High" or "Low" respectively. Without any further information both states of the technology have equal probabilities (i.e. prior probabilities are $\frac{1}{2}$ for both "High" and "Low" states of the technology).

Agents make their decisions in sequence; the order in which agents decide is exogenous and known to all agents. Information about a technology comes to an agent from two sources: a private signal and information about actions of her predecessors. Private signals are conditionally independent and may be of two types "High" and "Low". Probabilities to receive a particular type of signal depends on the state of the technology, when in the favourable state of the technology the probability to receive "High" (p) is higher than the probability to receive "Low" ($1 - p$), while when the state of the technology is "Low" the probability of a "Low" signal is higher than the probability of a "High" signal. For simplicity we assume that the precision of a correct signal is the same for "High" and "Low" states of the technology. Table 1 presents conditional probabilities for the signals. Notice, that if agents' decisions were based solely on private information, then agent's optimal strategy is to "follow the signal" i.e. to adopt if the signal is favourable, otherwise reject the technology.

The other source of information is the history of adoption. Had all agents followed their signals, agents' private information would be revealed to the public. However it is not always individually op-

timal to follow one's own signal. At certain point positive (negative) public information exceeds a threshold and starts to outweigh private signals, then instead of taking action in accordance with private information the agent should "follow the herd", and adopt (reject) the technology regardless to his private information. An *informational cascade* is said to occur if an agent's action does not depend on her private signal (Bikhchandani et al. 1992).

Once an informational cascade started actions of all further agents become uninformative. Indeed, after the numbers of adopters and non-adopters are such that agent i has to follow the herd, the next agent, $(i + 1)$ must infer that i discarded private information. Hence i 's action reveal no new information to $(i + 1)$. As a result, $(i + 1)$ finds herself in the same situation as i , and therefore must ignore her private information as did i , and so does $(i + 2)$ and so on. Once an informational cascade starts accumulation of public information ceases and conformity arises.

Several features of the model are worth mentioning here. First, notice that similar to other models with lock-in, an action widely adopted does not have to be the "correct" one. Indeed, even if the state of the technology is "High", an unlucky chain of events (negative signals) might result in widespread rejection of the technology (and vice versa an informational cascade might lead to adoption of a mediocre technology). Second, notice that were agents able to observe *signals* rather than *actions* of their predecessors the true state of technology would be figured out with probability 1. Existence of suboptimal lock-ins in the model is due to the restrictions on publicly available information. Third, cascades are "fragile" (6): the arrival of better informed individuals, the release of new public information, or changes of the underlying value of adoption could dislodge an informational cascade. A cascade emerges when agents acting in self-interest find it optimal to follow the herd and do not reveal their private information. If, however, in the course of the process an agent decides to follow the signal and in contravention to popular behaviour, then her action would reveal her private information and unlock the cascade. Bernardo and Welch (2001) have shown that irrationally overconfident entrepreneurs who overweight their private signals with respect to signals of the others enhance social welfare (7).

Bounded rationality

Although the assumption of perfect rationality of human beings has allowed economists to build par-

simonious yet self-coherent models of individual behaviour, it is obviously in odds with reality. To address the problem a variety of models that account for bounded rationality of individuals have been proposed. It is impossible to give any complete review of them in a short space; instead here we focus on several key references on social learning with bounded rational individuals.

Kirman's (1993) work on "ants, rationality, and recruitment" seeks to explain the asymmetric behaviour of market participants in an apparently symmetric situation by analogy with the process of the recruiting behaviour of ants. In an experiment by entomologists a colony of ants was allowed to feed on two identical sources of food. Interestingly they documented that the pattern of exploitation of these sources was highly asymmetric: while intuitively one might expect that in the long run ants would be split in half between the sources, in fact they stabilized with 80 percent at one source, and the rest 20 percent at the other. Moreover, from time to time "flips" occur between the concentrations at the two sources, i.e. a source that was exploited by some 80 percent of ants before the "flip", attracts 20 percent after the "flip". An analogy with traders' behaviour is obvious.

Kirman formulated a simple model of such asymmetric behaviour based on a particular form of a Markov chain similar to Polya urn processes. Consider two kinds of stocks (A and B) available at the market, say stocks A and B . Some traders prefer to hold stock A , while others prefer B . The state of the system can be characterized by the "market shares" of the stocks.

Each period a trader meets another trader chosen at random from the population. With some probability the first trader adjusts his preference to the preference of the second (due to the symmetry it makes no difference who is the first and who is the second), i.e. changes his preference, if the other one has different preference, or keeps her view if the second trader is of the same type. There is also a small probability ε that the first trader changes his view independent of meeting the "model". In the real world it might happen, for instance, due to arrival of exogenous "news", or replacement of the existing trader by a new one with the different view.

Depending on the parameters of the model the equilibrium distribution of A and B shares, the fraction of the time the system spends in each of its states (particular splits of the market), is U-shaped, flat, or inverted U-shaped.

Asymmetric equilibrium distribution (U-shape form) that corresponds to the observed pattern of

ants' (and stock market) behaviour arises when parameter ε is small enough, i.e. the effect of social interaction overwhelms exogenous influence. In this case the system spends most of the time near one of the boundaries, i.e. when the one of the stocks is much more "popular" than the other, with occasional "flips" in traders' preferences.

Several features of the model are particularly interesting in our context. First, there is a sharp contrast between the complex dynamics of the system (resembling stock market "sunspot" investment targets), and yet the very simple behaviour of agents. It highlights the importance of social interactions that have to be taken into consideration if one is to build any realistic model of human (and apparently ant) behaviour:

the behaviour of the group as a whole cannot be inferred from analysing one of the identical individuals in isolation. Without taking explicit account of interaction between individuals, the group behaviour ... cannot be explained.

(Kirman 1993, p. 137)

Second, although the process of decision making is not explicitly specified in the model (hardly any economist would claim to know ants' map of preference), the behavioural rule is consistent with the social learning theory (Bandura 1977). Indeed, the second trader can be considered as a "model" for the first one. Through observational modelling the first trader may adopt the behaviour of the "model" and, in turn, pass it to another trader and so on and as a result a new pattern may arise.

The paper does not explicitly discuss the implications of imitative behaviour for overall social welfare. For that let us assume that underlying agents' behaviour rule there are some (perceived) payoffs and those payoffs are different for different actions, say, stock A has higher returns than stock B , and they are reflected in the probabilities of "conversion", i.e. preference for stock A is more likely to be "imitated" than preference for stock B . This difference in transition probabilities would bias the equilibrium distribution toward stock A . However, the general feature of the distribution, its U-shape, would still hold. Therefore, even though the system would spend more time in the socially optimal state (with most agents holding stock A), there still would be non-zero probability of a temporary "madness of the crowd", when all of a sudden the system will get stuck in sub-optimal state.

Also notice that in the model the "society" is not structured: agents meet each other at random (9). At the same time, in many situations the structure of contacts in the population is highly relevant for un-

derstanding the dynamics of the process. An obvious example is the spatial dimensions of the process. If interactions between agents have a local nature, we are likely to see localized emergence of behavioural patterns, which may differ from place to place (e.g. consider left- and right- hand traffic).

Ellison and Fudenberg (1993) examined “rules of thumb” in social learning. As well as Kirman (1993) in their model(s) agents follow some fixed behavioural rules (“rules of thumb”). The rules of thumb they study try to capture the process of social learning through “popularity weighting”: agents (individual or firm) incline to use technology that did best in the previous period. Drawing an analogy with imitation studies in organization theory one might say that the model blends frequency-based imitation mode as reflected by popularity weighting, and outcome-based imitation driven by current payoff difference.

The structure of the simple model with a homogeneous population is as follows. There is a continuum of agents who can (and must) choose between two technologies. Each period only fraction of the population can rethink their choices. The difference in payoffs to adopting technologies at time t is a random variable that is a sum of some unknown constant and a random shock. An agent can observe adoption decisions and payoffs associated with the decisions. The agents' decision rule, the rule of thumb, is based on “popularity weighting”: an agent chosen to revise her technology choice at time t take into account both current payoffs (realization of payoffs in the previous round), and popularities of the technologies. The rule of thumb is characterized by a parameter that describes “popularity weight” vs. current payoffs difference in the decision making.

Ellison and Fudenberg (1993) examined a particular case where random shocks are distributed uniformly, and they asked whether the system converges to one of its boundary states (i.e. when one of the technology dies out), and under which parameters.

They find that depending on the weighting parameter, three possible situations may arise. First, there may be “optimum” weighting when for any initial condition the system converges with probability one to the better technology.

Second, there may be “overweighting” when the system always converges to a steady state. However in contrast with the case of “optimum” weighting, whether the better technology will be selected depends on the payoff difference and the initial shares of the technologies. When expected payoff differ-

ence is high, then with probability one the better technology will be selected, regardless of the initial condition (i.e. the behaviour of the system is very similar to “optimum” weighting case). When the difference is not high enough to ensure convergence to the better technology, then all depends on the initial conditions: if the initial share of a technology is high the system converges to the technology that was more popular at the beginning of the process (path-dependency), otherwise one cannot say in advance which of the two technologies will prevail in the long run (both steady states have positive probability).

Finally, the third case when agent's decision is based predominantly on the current payoffs (the value of the weighting parameter is low) is the situation of “underweighting”. In this case the system may not converge at all. Similarly to the case of “overweighting” the difference in expected payoffs is crucial for prediction of long run behaviour of the system. If the difference in expected payoffs is high enough, then with probability one the better technology will be selected regardless of the initial condition. Otherwise the system has a nondegenerate invariant distribution.

Taking a broader perspective we can draw parallels with the organization theory literature on imitation and make conjectures about diffusion path of competing technologies in relation to organizations' strategies/“behavioural traits”. In the environment where agents put enough weight on the most popular choice (frequency-based imitation) the process of social learning always leads to conformity. On the contrary, when the decision about technological choice is heavily affected by (contemporary) performance of the technologies (outcome-based imitation) the system never settles down and both technologies will be in use at any time (on management fashion cycles see a model by Strang and Still (2004)). Moreover a large enough payoff difference ensures that the system converges to better technology no matter where it starts. In the situation when popularity weighting is overwhelming (“overweighting”) but the difference in the payoffs is moderate, the system may converge to a suboptimal steady state.

Speed of diffusion of a new superior technology in their model depends on the payoff difference. This result is consistent with empirical findings from diffusion research. Indeed, according to empirical evidence on the diffusion of innovations profitability of an innovation increases the speed of its adoption (Griliches 1957, Mansfield 1961). Another interesting finding is that for a fixed payoff differ-

ence, the speed of convergence decreases as the magnitude of the random shock is increasing. Haunschild and Miner (1997) examined the decision of hiring of an investment banker to advise an acquiring firm on an acquisition, and found that uncertainty is likely to increase the probability of frequency- and trait- based imitation, while decrease the probability of outcome-based imitation.

Ellison and Fudenberg (1995) modeled social learning in an environment where information spread via “word-of-mouth”. Similarly to Ellison and Fudenberg (1993) there are two technologies with unknown payoffs, and each period only a part of the population may reconsider their choices. Payoffs to adoption of the technologies are subject to two kinds of shocks: common shocks shared by all agents and idiosyncratic ones specific for each of the agent. “Word-of-mouth” is introduced into the model through random sampling of the population: an individual who is to reconsider her choice makes a random sample of N (exogenous) people and adopt the technology with the highest payoff. The main focus of the study is to find the conditions under which the system exhibits conformity and under which it is characterised by diversity.

First, they find that conformity is achieved if there is *not too much communication*. Furthermore, socially efficient outcomes, i.e. convergence toward the technology that does better on average, can be achieved only when there is very little communication. That might seem to be somewhat surprising, especially if compare it with the results of their previous model discussed above. Indeed, while the “rule of thumb” model says that lock in to one technology (conformity) is impossible without sufficient social learning expressed in popularity weighting, the “word-of-mouth” model suggests that social learning tends to push the system away from a lock-in.

The reason that social learning has to be restricted in order to let the system settle down is the “must-see” condition in the later model: an agent can adopt a technology only if she sees it in her sample. With this condition unpopular technologies might die out: if the size of agents' samples is relatively small the unpopular technology will not be present in the samples of many thus its share will decrease over time until it will eventually disappear. On the contrary, if the size of the sample is not small even the unpopular technology will end up in the samples of many and under some realization of random shocks it might have a dramatic comeback.

The second result is related to the efficiency of the social learning: for convergence to the better

technology the intensity of “word-of-mouth” (sample size) has to be small, but not too small. Indeed, as we know when the size of the sample is not small enough, the system never settles. If however the sample is too small the system has excessive inertia such that an unlucky realization of random shocks might lock the system into the suboptimal choice. In the middle there is a region of sample sizes where the system on the one hand may settle down, but on the other, due to the fact that on average one technology is better than the other, it avoids the suboptimal lock-in.

2. Summary

From more general perspective imitation is a mechanism of evolutionary selection relevant understanding behavior of individuals (be they animals or humans), groups of individuals (such as organizations), and aggregate collective dynamics. In this paper we reviewed literature on imitation and social learning in economics and organization theory.

Organization theory acknowledges that the task-performing rules by which organizations (and individuals within organizations) operate have evolutionary nature and arise in the process of boundedly rational search. In this respect imitation and learning from observing the others are the key mechanisms through which successful routines are transmitted within and between organizations. Research in this field mostly concerns with identifying instances, describing and classifying different types of imitation, and to less extent with the motivation of imitating agents and analysis of the effects on the collective dynamics.

In (mainstream) economics, which takes as a model of agents' behavior perfectly rational optimizing agents, the motivation for copying behaviour of others traditionally has been assigned to direct or indirect payoff externalities. In the past decade, economists turned their attention to boundedly rational behavior and developed a number of models to analyse properties of an economic system where agents imitate behavior of each other. Most of such models however have to rely on rather simple (and often *ad hoc*) assumptions about agents' behaviour to match the sophisticated organizational routines studied in organization theory. In this respect, convergence of the two field (economics and organization theory) remains the challenge for future research.

References

1. Akerlof, G. (1976): “The Economics of Caste and of the Rat Race and Other Woeful Tales,” *The Quarterly Journal of Economics*, 90(4), 599-617.

2. Arthur, W. B. (1989): "Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock In by Historical Events," *Economic Journal*, 99(394), 116-131.
3. Bala, V., and S. Goyal (1998): "Learning from Neighbours," *Review of Economic Studies*, 65(3), 595-621.
4. Bandura, A. (1977): *Social learning theory*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, NJ.
5. Banerjee, A. V. (1992): "A Simple Model of Herd Behavior," *The Quarterly Journal of Economics*, 107(3), 797-817.
6. Becker, G. S. (1976): "Altruism, Egoism, and Genetic Fitness: Economics and Sociobiology," *Journal of Economic Literature*, 14(3), 817-826.
7. Bernardo, A. E., and I. Welch (2001): "Novelty, Preferences, and Fashion: When Goods Are Unsettling," *Journal of Economics & Management Strategy*, 10(3), 301-330.
8. Bikhchandani, S., D. Hirshleifer, and I. Welch (1992): "A Theory of Fads, Fashion, Custom, and Cultural Change as Informational Cascades," *Journal of Political Economy*, 100(5), 992-1026.
9. Bolton, P., and C. Harris (1999): "Strategic Experimentation," *Econometrica*, 67(2), 349-374.
10. Caplin, A., and J. Leahy (1994): "Business as Usual, Market Crashes, and Wisdom After the Fact," *The American Economic Review*, 84(3), 548-565.
11. Cowan, R. (1990): "Nuclear Power Reactors: A Study in Technological Lock-in," *Journal of Economic History*, 50(3), 541-567.
12. Cowan, R., W. Cowan, and P. Swann (1997): "A Model of Demand with Interactions among Consumers," *International Journal of Industrial Organization*, 15(6), 711-732.
13. Davies, S. (1979): *The Diffusion of Process Innovations*. Cambridge University Press, Cambridge.
14. Ellison, G., and D. Fudenberg (1993): "Rules of Thumb for Social Learning," *Journal of Political Economy*, 101(4), 612-643.
15. Elster, J. (1989): "Social Norms and Economic Theory," *The Journal of Economic Perspectives*, 3(4), 99-117.
16. Farrell, J., and G. Saloner (1986): "Installed Base and Compatibility: Innovation, Product Preannouncements, and Predation," *The American Economic Review*, 76(5), 940-955.
17. Frank, R. H. (1985): "The Demand for Unobservable and Other Nonpositional Goods," *The American Economic Review*, 75(1), 101-116.
18. Geus, A. d. (1997): *The living company*. Harvard Business School Press, Boston.
19. Griliches, Z. (1957): "Hybrid Corn: An Exploration in the Economics of Technological Change," *Econometrica*, 25(4), 501-522.
20. Haunschild, P. R., and A. S. Miner (1997): "Modes of Interorganizational Imitation: The Effects of Outcome Salience and Uncertainty," *Administrative Science Quarterly*, 42(3), 472-500.
21. Kirman, A. (1993): "Ants, Rationality, and Recruitment," *The Quarterly Journal of Economics*, 108(1), 137-156.
22. Leibenstein, H. (1950): "Bandwagon, Snob, and Veblen Effects in the Theory of Consumers' Demand," *The Quarterly Journal of Economics*, 64(2), 183-207.
23. Mansfield, E. (1961): "Technical Change and the Rate of Imitation," *Econometrica*, 29(4), 741-766.
24. Reinstaller, A., and B. Sanditov (2005): Social structure and consumption: on the diffusion of consumer good innovation," *Journal of Evolutionary Economics*, 15(5), 505-531.
25. Strang, D., and M. C. Still (2004): "In search of the elite: revising a model of adaptive emulation with evidence from benchmarking team," *Industrial and Corporate Change*, 13(2), 309-333.
26. Veblen, T. (1991): *The theory of the leisure class*, Reprints of Economic Classics. The Writings of Thorstein Veblen. AM Kelly, Fairfield, NJ.
27. Welch, I. (1992): "Sequential Sales, Learning, and Cascades," *Journal of Finance*, 47(2), 695-732.

Примечание

1. For example, consider probit diffusion model of Davies (1979). In this model adoption of new technology happens without imitation. Actions of others have no effect on an agent. In fact, he even does not need to know what others are doing, because the only information he cares about is the threshold value.
2. In the case of adoption by a firm, profit from adopting a technology might depend on the compatibilities between competing technical standards (Farrell and Saloner 1986).
3. Bandwagon, snob, and Veblen effects may have important consequences for the dynamics of adoption of consumer goods innovations (Cowan et al. 1997; Reinstaller and Sanditov 2005)
4. In the context of imitative behaviour, social norms are interesting for two reasons. First, as is discussed above, social norms provide incentives to behave "as others do". Second, one of the main channels for diffusion of social norms is imitation.
5. Although other non-symmetric equilibria might exist.
6. This feature makes them different from other models with positive feedback.
7. They examine an evolutionary group selection model and found that groups with overconfident entrepreneurs have higher chances to survive.
8. The exact number of alternative stocks is not important.
9. It corresponds to fully-mixed approximation in epidemiological models of contagion.

Сандитов Булат Дамбаевич, кандидат технических наук, Школа Бизнеса ТЕЛЕКОМ (Франция)

Sanditov Bulat Dambayevich, PhD in Technical Sciences, TELECOM School of Management, Mines-Telecom Institute, France

Мантатова Арюна Валериановна, кандидат географических наук, старший преподаватель, Бурятский государственный университет.

Mantatova AryunaValerianovna, Candidate of Science in Geography, senior lecturer, Buryat State University, Russia

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

В данной работе предложена модель системы показателей, позволяющая изучать развитие экономики знаний в Республике Бурятия. Показатели, входящие в систему, сконструированы с учетом требований их содержательной значимости и приемлемой дифференцирующей способности.

Ключевые слова: экономика знаний, факторный анализ.

D.D. Tsyrenov

KNOWLEDGE ECONOMY IN THE REPUBLIC OF BURYATIA: FACTOR ANALYSIS

In the article the author proposes an indicators system model that helps study development of the knowledge economy in Russia. Indicators included in the system are designed to meet the requirements of their substantive significance and acceptable differentiating ability.

Keywords: Knowledge economy, factor analysis.

В последнее время все больше стран в своем развитии ориентируется на курс интенсивного экономического роста, основанного на производстве, распространении и использовании знаний и информации. Это обстоятельство находит свое выражение в различных экономических концепциях: новая экономика, информационная экономика, инновационная экономика, постиндустриальная экономика, экономика знаний и др.

Сегодня в современной экономической литературе исследовательские интересы смещаются в сторону изучения экономики нового типа – экономики знаний. Для многих стран концепция экономики знаний становится идеологическим фундаментом политического курса на экономическое развитие, которое не может осуществляться без производства конкурентоспособной инновационной продукции, созданной на основе эффективных научных исследований и разработок. В связи с этим исследование экономических процессов создания, распространения и практического применения знаний становится чрезвычайно актуальным.

Для регионов России построение экономики знаний является приоритетной национальной задачей. Становление экономики нового типа возможно только на основе многоуровневого системного подхода, включающего наряду с макро- и микроуровнем промежуточный, мезоэкономический уровень, который может быть представлен субъектами РФ. Поэтому в целях информационной поддержки формирования механизмов и инструментов политики, направленной на продвижение новой экономики, возникает актуальная необходимость в разработке количественного инструментария для комплексной оценки регионального развития экономики знаний в России.

Под экономикой знаний понимается такое состояние экономики данной страны, при котором знания являются рыночным продуктом, т.е. товаром. В данной работе экономика знаний характеризуется с позиций экономических процессов производства, распределения, обмена и потребления товаров, содержащих в себе уникальные новые знания. Кроме того, словосочетания «новая экономика», «инновационная экономика» и «экономика знаний» здесь употребляются в качестве синонимов [1].

Несмотря на то, что методологическая и терминологическая база экономики нового типа до конца не сформирована, вопрос о степени продвижения к такой экономике выходит на первый план. Для сравнительных исследований определенных территорий (стран, регионов и др.) многие организации, как российские, так и международные, разрабатывают различный количественный инструментарий (статистические показатели, интегральные индикаторы).

Методики, разработанные за рубежом, не всегда успешно удается применить к сравнительному анализу российских территорий, по крайней мере, по двум причинам. Первая причина заключается в разнице статистической методологии сбора данных, в связи с чем не для всех показателей, используемых в международной практике сравнительных исследований, могут быть найдены их российские аналоги. Вторая относится к возможности получения необходимых показателей из доступных статистических баз. Зачастую исследователю приходится иметь дело с ограниченным набором данных, что сужает информативность проводимой работы.

Республика Бурятия является субъектом Российской Федерации и входит в состав Сибирского федерального округа. Республика нахо-

дится в южной части Восточной Сибири, имеет важное геополитическое расположение, фактически являясь восточным форпостом России. На юге Республика Бурятия граничит с Монголией, на юго-западе – с Республикой Тыва, на северо-западе – с Иркутской областью, на востоке – с Забайкальским краем. Общая площадь территории республики составляет 351,3 тыс.км² (2 % площади РФ). Общий объем валового регионального продукта Республики Бурятия составил 149,5 млрд р. (по итогам 2010 г.), что в пересчете на душу населения равняется 154,7 тыс. р. Ведущей сферой экономики республики является промышленность, обеспечивающая порядка 27% ВРП.

В качестве перспективных инвестиционных проектов Республики Бурятия рассматриваются освоение месторождений полиметаллов и создание горнообогатительных комбинатов, создание транспортно-логистического центра, реализация проекта по развитию гидроэнергетики, особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань», реализация проекта «Солнечный кремний», комплексная переработка древесины и строительство инфраструктуры лесоперерабатывающего объекта в Республике Бурятия, создание объектов лесной и лесоперерабатывающей инфраструктуры, строительство Озерного горнообогатительного комбината на базе запасов колчеданно-полиметаллического месторождения «Озерное», строительство предприятия по обработке Хиагдинского уранового месторождения.

На основе анализа форм статистической отчетности (2-наука, 3-информ, 4-инновация и др.) и объективной возможности получения статистических данных из доступных информационных источников можно сформировать показате-

ли, рассчитанные для Республики Бурятия за 5 лет (2008-2012 гг.), которые подбираются в соответствии с целью сформировать модель системы показателей, количественно описывающую экономические процессы в экономике знаний.

Для построения интегрального индикатора экономики знаний было сконструировано 6 показателей. Каждый показатель обладает собственной содержательной значимостью, приемлемой дифференцирующей способностью и позволяет количественно описать отдельные аспекты экономических процессов новой экономики:

x1 – внутренние затраты на исследования и разработки, р./чел.;

x2 – объем инновационной продукции, р./чел.;

x3 – затраты на ИКТ, р./чел.

x4 – численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 10000 занятых в экономике;

x5 – затраты на технологические инновации в расчете на одного занятого в экономике, руб./чел.;

x6 – число патентов на изобретения, выданных в отчетном году на 100 исследователей.

Для разбиения показателей и их группирования применяется кластерный анализ. Соответствующие кластеры выделяются с использованием иерархического метода. Критерием объединения в кластеры является минимальное приращение внутригрупповой суммы квадратов отклонений, что чаще всего приводит к образованию типичских групп объектов примерно одинаковых размеров.

На основе проведенного анализа был сделан вывод о целесообразности выделения 3-х групп факторов (рис. 1).

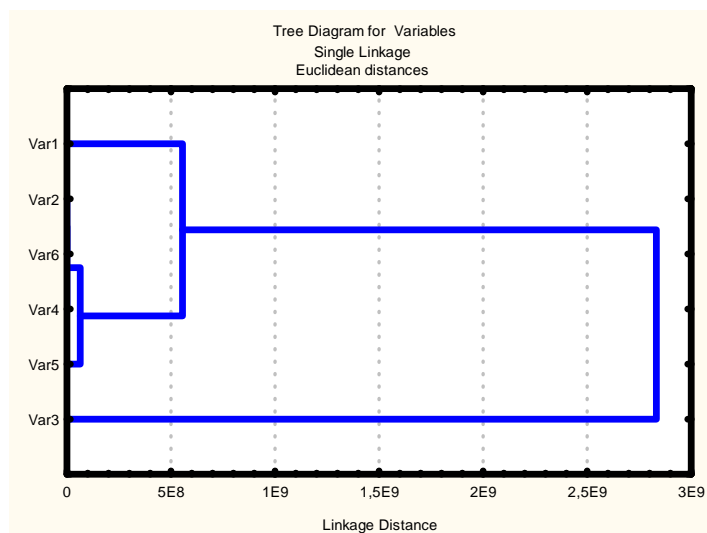

Рис. 1. Дерево кластеризации факторов для Республики Бурятия

Согласно построенному дереву кластеризации, первую группу составляют 3 фактора (x4, x5, x6). Поэтому первый кластер может быть интерпретирован как применение знаний.

Второй кластер тесно связан с показателями x1, x2 – это кластер распространения знаний.

Последний кластер, связанный с фактором x6, показывает использование ИКТ.

Таким образом, минимальное расстояние между пятью из шести факторов показывает взаимосвязь между развитием науки и экономическим развитием региона. Для активизации развития экономики знаний в Республике Бурятия необходимо уделять пристальное внимание развитию науки, ее кадровой и материально-технической составляющей, поскольку взаимо-

действие развития системы образования и других областей общественной жизни определяется запаздыванием развития системы образования и необходимым опережением для обеспечения инновационного функционирования экономики [2].

Литература

1. Теория и инструментарий развития инновационной экономики в период глобальной рецессии: колл. монография / под ред. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2011. – С. 567–603.
2. Цыренов Д.Д., Стробел Д. Институциональные основы управления образованием // Вестник БГУ. Вып. 2. Экономика и менеджмент. – 2012. – С. 59–65.

Цыренов Даши Дашанимаевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики, заместитель декана факультета экономики и управления, заведующий лабораторией экономики знаний Бурятского государственного управления, dashi555@mail.ru

Tsyrenov Dashi Dashanimaevich, Candidate of Economic Sciences, senior lecturer at Economics Chair, Assistant to the dean at Faculty of Economics and Management, Head of the Laboratory of knowledge economics, Buryat State University. dashi555@mail.ru

УДК 330.1

© В.Д. Батомункуева

КАЧЕСТВО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

Здоровье издревле является главной жизненной ценностью человека, основой гармоничного развития личности и величайшим благом. В современном обществе «максимально достижимый уровень здоровья» признается одним из неотъемлемых прав человека и народа, выступает как важнейшее условие и средство, как одна из конечных целей общественного развития. В статье рассматриваются теоретические основания и конкретные условия исследования качества здоровья населения как общественного блага.

Ключевые слова: качество здоровья населения, общественное благо, экономический рост, благосостояние.

V.D. Batomunkueva

HEALTH QUALITY OF POPULATION AS A PUBLIC BENEFIT

From the ancient times health is viewed as the main vital value of people, a basis of harmonious development of the personality and the greatest benefit. In modern society "the most achievable level of health" is seen as one of inalienable rights of a person and people, acts as the major condition and means, as one of ultimate goals of social development. In article the theoretical bases and specific conditions of research of quality population health as public benefit are considered.

Keywords: quality of health of the population, public benefit, economic growth, welfare.

Здоровье населения служит объектом исследования экономических наук, поскольку оказывает огромное влияние на развитие экономики, науки и культуры, на все социальные процессы в обществе. В последнее время значительно возросло число исследований, в которых рассматриваются экономические аспекты здоровья человека. Ученые отмечают, что «здоровье – не просто благо, это один из экономических ресурсов общества» [1], так как оно прямо или косвенно влияет на рост производительности труда и развитие экономики, общественной жизни.

Увеличение эффективности производства, изыскание резервов повышения производительности труда, рост фондоотдачи, снижение себестоимости продукции и повышение ее качества и тем самым уменьшение затрат общественного труда – все это лежит в основе анализа «социально-экономического здоровья» [2].

Качество здоровья населения представляет собой совокупность свойств (характеристик), необходимых для индивидуальной и совместной адаптации к постоянно изменяющимся условиям внешней среды, эффективного выполнения та-

ких задач, как производительная деятельность, защита Отечества, охрана природы и окружающей среды и т.д. Таким образом, качество здоровья есть совокупность свойств человеческой общности, проживающей на той или иной территории, позволяющих не только осуществлять социальные функции, но и воспроизводить, и воспитывать новые здоровые поколения.

Качество здоровья населения тесно связано с социально-экономическими условиями. Отсюда уровень здоровья населения является показателем качества жизни. Любые заметные колебания в условиях жизни достаточно быстро отражаются на качестве здоровья. Многие негативные проблемы национального здоровья связаны преимущественно с социально-бытовыми и производственными факторами, такими как низкие доходы населения, плохое качество питания и питьевой воды, недостаточная обеспеченность жильем, плохие условия труда, неудовлетворительное обслуживание, отсутствие организации досуга населения, алкоголизм, наркомания, деградация нравственных принципов, проституция, постоянный психоэмоциональный стресс и прочее [3].

В стране, где качество здоровья населения высокое, для каждого ее жителя высока вероятность иметь на протяжении всей жизни хорошее самочувствие и высокую работоспособность. Качество здоровья населения также характеризует жизнеспособность всего общества как социального организма и его возможности непрерывного гармоничного роста и социально-экономического развития.

Следовательно, в силу чрезвычайной актуализации проблемы качества здоровья населения данную категорию целесообразно исследовать как общественное благо.

Для понимания сущности здоровья населения как общественного блага важно провести различия между двумя противоположными по сути видами экономических благ – чистым частным и чистым общественным благом.

Чистое частное благо потребляется индивидуально, поскольку его можно разделить на отдельные части. Это предполагает приобретение его в частную собственность, что исключает возможность безвозмездного пользования другими субъектами. Поэтому между желающими пользоваться этим благом возникает конкуренция. Таким образом, чистое частное благо характеризуется исключаемостью и конкурентностью.

Чистому общественному благу свойственны неделимость и возможность использовать его лишь совместно с другими индивидами. При этом доступ к пользованию чистым общественным благом свободен, т.е. отсутствуют механизмы исключения из пользования одних индивидов путем присвоения другими индивидами.

Необходимо также видеть отличия общественного блага от неэкономических (свободных) благ. Последние находятся в природе без усилий человека, существующие «свободно», в достаточном количестве для полного и постоянного удовлетворения определенных потребностей человека.

Общественные же блага являются экономическими благами, поскольку они могут быть предложены лишь в ограниченном количестве.

Эффективный выпуск чистого общественного блага соответствует равенству предельной общественной выгоды и предельных общественных издержек, т.е. его условием является $MSB=MSC$. Предельная общественная выгода от потребления общественного блага представляет собой сумму предельных полезностей индивидуальных потребителей данного блага: $MSC=\sum MB$.

Кривая предельной общественной выгоды MSB одновременно является кривой спроса на общественное благо. В отличие от кривой рыночного спроса на частное благо, которое строится путем горизонтального сложения индивидуальных кривых спроса, в случае общественного блага агрегирование индивидуальных кривых происходит по вертикали (рис. 1).

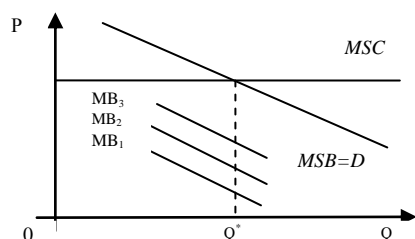

Рис. 1. Спрос и предложение на рынке общественного блага

Для определения эффективного уровня качества здоровья населения как общественного блага можно отразить путем максимизации функции общественного благосостояния.

Экономика благосостояния представляет собой направление экономической мысли, которое обосновывает политические решения на основе ценностных суждений об обществе в целом. Такими суждениями являются:

- Каждый индивид оценивает собственное благосостояние наилучшим образом.
- Благосостояние общества зависит от благосостояния его граждан.
- Если благосостояние одного из индивидов повышается и при этом не снижается благосостояние ни одного из других индивидов, то возрастает общественное благосостояние в целом (критерий оптимальности Парето).
- Существует способ ранжирования различных уровней общественного благосостояния, не противоречащий условиям 1-3.

В центре внимания экономики благосостояния находятся вопросы справедливого распределения ресурсов между различными социальными группами и индивидами, несовпадения частных и общественных интересов, различия между частной и общественной эффективностью. Важным аналитическим инструментом, позволяющим согласовать частные предпочтения с общественным и определить эффективный уровень качества здоровья населения, является функция общественного благосостояния.

Функция общественного благосостояния отражает различные оценочные суждения относи-

тельно справедливого или желательного распределения ресурсов в обществе. Она представляет собой правило, в соответствии с которым оценивается благосостояние общества в целом при условии, что известно благосостояние отдельных индивидов в виде индивидуальных оценок полезности благ и их наборов.

В случае определения эффективного качества здоровья населения предполагается, что государству известна такая функция, в которой объемы производства частных благ и качества здоровья населения как общественного блага являются независимыми переменными. Кроме того, в функцию вводятся и такие параметры, как уровень здоровья, уровень цен и сальдо платежного баланса. Тогда функция имеет следующий вид:

$$W=W(C_1, C_2, U, P, E, B),$$

где W – функция общественного благосостояния; C_1 – объем производства частного блага 1; C_2 – объем производства частного блага 2; U – объем общественного блага «качество здоровья населения»; P – уровень цен; E – уровень здоровья; B – сальдо платежного баланса.

Количественная оценка эффективного качества здоровья населения определяется путем максимизации указанной функции в условиях ресурсного ограничения. Наряду с этим для определения желаемого качества здоровья населения можно воспользоваться моделью оптимального объема общественного блага (рис. 2).

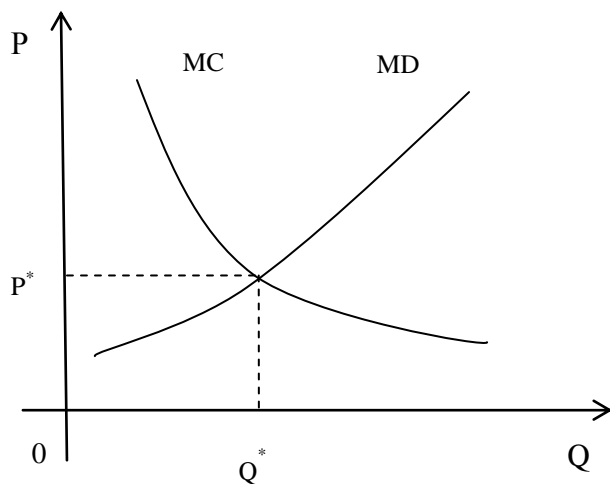

Рис. 2. Определение оптимального состояния здоровья населения

Государству следует выбрать объем общественного блага «качество здоровья населения», который соответствует точке пересечения кри-

вых предельной общественной выгоды от потребления данного общественного блага и предельных издержек производства и обеспечения

потребителей данным общественным благом, т.е. Q^* .

Таким образом, для эффективного размещения благ в экономике данное общественное благо должно выпускаться в таком количестве, при котором предельная общественная полезность – выгода от потребления данного объема, равняется предельным общественным издержкам, представляет собой стоимость ресурсов, необходимых для производства дополнительной единицы блага. Некоторые виды услуг здравоохранения приносят большую пользу обществу, чем индивидууму, так как сопровождаются положительными внешними эффектами, поэтому их относят к общественным благам.

Например, вакцинация приводит к тому, что шансы человека тяжело заболеть значительно снижаются. Кроме того, при вакцинации определенной части населения, потенциально подверженной какому-либо заболеванию, предотвращается распространение эпидемии. В этом случае медицинские услуги оказываются полезными для общества в целом, а последствия, которые они предотвращают, слишком серьезными, чтобы оставлять их на усмотрение каждого человека.

Как известно, «при наличии положительного внешнего эффекта товар или услуга продаются и покупаются в условиях равновесия в меньшем, по сравнению с эффективным, объеме» [4]. Чтобы достичь эффективного производства такого общественного блага, как вакцинация, необходимо разработать механизм, благодаря которому третьи лица, использующие положительный внешний эффект (в данном случае значительное снижение риска заболеваемости), могли бы внести свой вклад в его получение и потребление. Вакцинация относится к исключаемым чистым общественным благам (благам с ограниченным доступом), на которые легко назначить цену. Хотя, возможно, нормирование использования этих благ с помощью взносов и сборов, положительные эффекты, связанные с данным благом, делают это нежелательным. Поэтому, как правило, вакцинация населения проводится бесплатно, точнее, за счет бюджета, то есть она приносит пользу всем, помогая искоренить болезни. Однако данное государственное мероприятие, по сути, является экономическим, так как общество, располагая ограниченными в каждый данный момент финансовыми ресурсами, факторами производства для изготовления данной вакцины, вынуждено постоянно решать проблему их распределения. Принимая решение

по этому поводу, государство в отношении индивидуума стремится достичь максимума полезности, а в отношении общества в целом – аддитивной полезности [5].

Обеспечение общественных благ является функцией государства. Они финансируются за счет налоговых и иных поступлений от граждан в бюджет и прочие фонды страны. Таким образом, сумма, с которой готов расстаться каждый член общества, для того чтобы обеспечить существование благ совместного или общественного пользования в состоянии равновесия, точно совпадает с его личным желанием иметь эти блага в своем государстве (в данном количестве). Опыт 90-х гг. XX в. в нашей стране доказал, что отказ от вакцинации повысил уровень заболеваемости многих, ранее контролируемых, болезней.

Поддержание определенного качества здоровья населения охватывает совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинского обслуживания в случае утраты здоровья.

Таким образом, система экономических отношений по поводу восстановления, укрепления, поддержания, улучшения здоровья индивидуума представляет собой условие нормального воспроизводства общественной системы в целом, а здоровье населения является общественным благом.

Литература:

1. Щепин О.П., Царегородцев Г.И., Ерохин В.Г. Медицина и общество. – М.: Медицина, 1983. – 392 с. (с.8)
2. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография [Текст]. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.
3. Морозов Н.А. Здоровье населения как национальное общественное благо // Экономические науки. – 2009. – № 5 (54). – С. 86.
4. Сушкевич А.Г. Здравоохранение как отрасль: специфика экономического механизма и приоритеты государственной политики // Общество и экономика. – 1993. – №4. – С. 60-72
5. Экономические отношения в системе здравоохранения в условиях институциональных преобразований / отв. ред. В.Е. Хитрихеев; И.С. Николаев, В.М. Багинова, А.А. Марканян, К.Ж. Маланов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 150 с.

Батомункуева Валентина Доржиевна, аспирант кафедры «Финансы и кредит» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 26 тел. 8 (3012) 211400

Batomunkueva Valentina Dorzhievna, postgraduate student at Finance and Credit Chair, East Siberian State University of Technologies and Management. 670000, Ulan-Ude, 26 Smolina Str., tel. 8 (3012) 211400

УДК 334

© В.Ю. Буров

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье проведен анализ эволюции взглядов на понятия «предпринимательство» и «малое предпринимательство», рассмотрены экономические функции и их трансформация при осуществлении теневой экономической деятельности. Показана сущность предпринимательской деятельности субъектов малого бизнеса в условиях трансформируемой экономики.

Ключевые слова: предпринимательство, малое предпринимательство, экономические функции, теневые экономические отношения.

V.Yu. Burov

ESSENCE AND CONTENT OF MODERN SMALL ENTERPRISE: THEORETICAL ASPECTS

The article analyzes the evolution of views on the concept of "business" and "small business", examined the economic functions and their transformation in the shadow economy. The article shows the nature of business activities of small business in the economy transformation.

Keywords: entrepreneurship, small business, economic functions, shadow economic relations.

В общемировой практике до настоящего времени нет четкого общепринятого определения сущности предпринимательства. Результаты исследования взглядов на понятие предпринимательства различными учеными (Р. Кантильон, А. Смит, Ж. Б. Сэй, В. Зомбар, Й. Тюнен, М. Вебер, Г. Мангольд, Й. Шумпетер, Ф. Найт, Дж. Кейнс и др.) показали отсутствие единой точки зрения на этот экономический феномен.

Первая попытка осмысления предпринимательства и сам термин принадлежат Р. Кантильону и в начальный период становления капитализма предпринимательство рассматривалось как умение предвидеть и рисковать, покупая по известной цене и продавая по неизвестной. А. Смит неоднократно подчеркивал, что частные интересы предпринимателей никогда не совпадают с интересами общественными, так как, чем выше уровень производства и национального богатства, тем меньше норма прибыли. По мнению В. Зомбарта, основной целью предпринимателя является стремление к процветанию и росту своего дела, а подчиненной – рост прибыли, поскольку без него невозможно процветание. М. Вебер считал, что предпринимательская деятельность – это воплощение рациональности, функциональная эффективность, направленная на получение максимальной выгоды от использования вложенных средств и приложенных усилий.

Основы современного понимания предпринимательства заложил австрийский экономист и социолог Йозеф Шумпетер, который определил, что функциональной сущностью предпринимателя является выявление и использование новой комбинации факторов производства, т.е. реализация нововведений.

Некоторые отечественные исследователи (А.Н. Герасин и др.) к основным признакам предпринимательства относят: целеустремленность, риск, ответственность, законность и полезность обществу [6].

В результате критического анализа различных теорий мы выделяем следующие этапы развития теории предпринимательства и процесса научного осмысления практики предпринимательства [5].

Первый этап возник в XVIII в., изучение предпринимательства было связано с концентрацией внимания на несении предпринимателем риска. Такая позиция нашла отражение в трудах классиков экономической теории Р. Кантильона, М. Питерса, Р. Хизрича, А. Смита и др.

Второй этап в научном осмыслении предпринимательства зародился в начале XIX в. и связан с выделением такой его основной отличительной черты, как новаторство. Эта точка зрения принадлежит ученым-экономистам Ж.Б. Сэю, Й. Шумпетеру, П. Друкеру и др.

Третий этап – конец XIX–XX вв. – отличается сосредоточением внимания на особых личностных качествах предпринимателя, в числе которых способность реагировать на изменения экономической и общественной ситуации, самостоятельность в выборе и принятии решений, наличие управленческих способностей; на роли предпринимательства как регулирующего начала в экономической системе. Значительный вклад в развитие этих идей внесли Р. Хизрич, М. Питерс, А. Хоскинг и др.

Современный этап (четвертый) развития теории предпринимательства связан с переносом акцента на управленческий и инновационный аспект в анализе действий предпринимателя, а, следовательно, с переходом на междисциплинарный уровень анализа проблем предпринимательства.

Однако при всех имеющихся разночтениях можно выделить общие для всех подходы, которые характеризуют сущность предпринимательской деятельности и они присущи в т. ч. малому бизнесу:

- а) предпринимательская деятельность осуществляется ради получения прибыли;
- б) предпринимательская деятельность связана с риском;
- в) полезность для общества;
- г) по своей сущности предпринимательская деятельность является организаторской, самостоятельной и инициативной.

Автор считает, что такие подходы недостаточно глубоко определяют сущность понятия малого предпринимательства на современном этапе. Экономическая сущность современного малого предпринимательства проявляется в его диалектическом характере и многокритериальности его развития, функционирующего в качестве самостоятельного сектора экономики, обладающего тенденцией саморазвития и характеризующего высокой степенью неопределенности и риска, способностью к внедрению инноваций, адаптируемостью к изменениям, высоким потенциалом саморазвития и др.

При этом необходимо отметить, что малое предпринимательство как экономическое явление обладает рядом черт, характерных для предпринимательства вообще, и специфическим набором свойств, позволяющих рассматривать его в качестве самостоятельного объекта изучения.

Ю.А. Афонин и А.П. Жабин предприняли попытку определить роль малого предпринимательства в социально-экономической жизни современного российского общества в рамках ин-

ституционально-эволюционной теории П. Веблена, Р.Нельсона, С. Винтера. Исследователи определяют основные приоритетные аспекты: инновационные подходы в предпринимательстве, связанные с его саморазвитием и самоорганизацией; предпринимательство как ключевой фактор экономического прогресса, «разрушитель» стабильности в экономике направлено на преодоление факторов, препятствующих эффективному развитию дела; предпринимательство является институтом гражданского общества, частью его культуры; один из основных источников пополнения среднего класса в странах с развитой рыночной экономикой [1].

В своем исследовании мы рассматриваем малое предпринимательство как определенное социально-экономическое явление; как объект статистического учета и как объект государственного воздействия (регулирующего, фискального). Если во втором и третьем случае критериями вычленения структур малого предпринимательства из всей совокупности экономических структур являются прежде всего четкие количественные критерии, то при рассмотрении МП в качестве социально-экономического явления на передний план выходят качественные аспекты.

В основе экономической деятельности лежит сложная взаимосвязь экономических интересов субъектов предпринимательской деятельности. Интерес является основным побудителем человеческой деятельности, он лежит в основе развития личности, влияя на формирование движущих сил общества. Установлено, что наличие противоречий в системе экономических интересов затрудняет их реализацию. Если экономический интерес предпринимателя не реализуется в рамках существующей институционально оформленной системы или реализуется не в полной мере, экономические субъекты начинают искать выход из сложившейся ситуации, в т.ч. переориентируют свою деятельность в теневой сектор экономики.

В настоящее время деятельность субъектов малого предпринимательства в теневом секторе исследована недостаточно. Теневые экономические отношения имеют свои специфические черты и признаки, проявляющиеся в их системности, интегрированности во все сектора и отрасли экономики, кроме того, участие в них принимает практически все работоспособное население страны. Недостаточно исследованы формы трансформации деятельности субъектов бизнеса в теневом секторе. Не исследована трансформация экономических функций малых

предприятий при осуществлении ими теневой деятельности.

Экономические функции МП при ее деятельности в теневом секторе российской трансформируемой экономики идентичны экономическим функциям при осуществлении деятельности в официальном правовом секторе, но при этом приобретают специфичность и неадекватный и внеправовой признак [2]:

- *Расширение ассортимента и увеличение производства товаров и услуг* происходит без привлечения легального капитала и без вложения значительных государственных инвестиций. Качество товаров и услуг значительно уступает аналогам официального сектора.

- *Обслуживание крупных предприятий, изготовление для них комплектующих изделий, отдельных узлов, организация сбыта готовой продукции.* Данная функция искажается за счет коррупционных отношений между МП и крупными предприятиями, что проявляется в сильно завышенных ценах на товары и услуги.

- *Вовлечение в производство материальных и финансовых сбережений населения.* Необходимо отметить, что при теневой деятельности эта функция действительно привлекает дополнительные капиталы, в т.ч. в форме инвестиций, что является положительным моментом.

- *Разработка и внедрение инновационных технологий в производство.* Данная функция при теневой деятельности имеет два аспекта – с одной стороны одни МП теневого сектора используют старые технологии, экстенсивный метод, а с другой стороны, другие МП, наоборот, применяют самые прогрессивные технологии и выходят на интенсивный путь развития.

- *Преодоление монополизма, развитие конкуренции, формирование рыночных отношений в российской экономике являются одними из главных экономических функций малого предпринимательства.* Они реализуются не за счет равных условий деятельности, а за счет коррупционных отношений, что приводит к появлению несовершенной конкуренции. При этом необходимо отметить, что при развитой коррупции теневая деятельность протекает в условиях, когда спрос и предложение на товар и услуги определяет не рынок, а коррупционный механизм.

Следует согласиться с мнением М.Г. Лапусты, что предпринимательство в развитой рыночной экономике выполняет *общеэкономическую функцию*, объективной основой которой является деятельность субъектов предпринимательства, осуществляемая под воздействием всей сис-

темы экономических законов рыночной экономики и направленная на производство товаров и услуг [6].

Целью любой предпринимательской теневой деятельности субъектов МП является получение прибыли или сверхприбыли. Для реализации поставленной цели перед бизнесменом стоит задача стабилизации своей теневой деятельности в соответствующем сегменте рынка, что требует развития и укрепления связей с основными субъектами предпринимательской деятельности: государством, потребителями, наемными работниками; партнерами по бизнесу – на основе неформальных и коррупционных отношений.

Трансформация сущности экономических функций малых предприятий при осуществлении ими деятельности в теневом секторе экономике приводит к качественной особенности, проявляющейся в огромном потенциале быстрого достижения эффекта насыщения рынка, наличии преимуществ в скорости оборота капитала, в сокращении пути от начала до получения готового продукта (услуги).

В условиях трансформируемой экономики сущность предпринимательской деятельности субъектов малого бизнеса дополнительно проявляется в несовпадении целей, которые идентифицируются с национальными интересами и интересами хозяйствующих субъектов малого бизнеса. Деятельность, осуществляемая в условиях неэффективной государственной поддержки развития сектора МП, что подтверждается неадекватными экономическими, правовыми условиями и высоким уровнем коррупционных отношений, имеет специфические аспекты, выраженные в повышенном риске и одновременно в увеличении значимости для предпринимателя роста прибыли, что является основополагающим моментом в направлении предпринимателем своей деятельности в теневой сектор экономики с целью снижения риска и одновременного повышения роста прибыли.

Литература

1. Афонин Ю.А., Жабин А.П. Малое предпринимательство в парадигме социальной инноватики. – М.; Самара: Экономика, 2000.
2. Буров В.Ю. Теневая деятельность субъектов малого предпринимательства и пути ее легализации. – Чита: Изд-во ЧитГУ, 2010. – 215 с.
3. Буров В.Ю. Исследование теневой экономики // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). – 2011. – № 1. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7032>.

- (Идентификац. номер статьи в НТИЦ «Информрегистр» 0421000101\ 0225
4. Буров В.Ю. Методы снижения объемов теневой деятельности малого предпринимательства как фактор резерва экономического роста // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2 (34). – С. 209–215.
  5. Буров В.Ю., Потаев В.С., Суходолов А.П. Малое предпринимательство в России и Байкальском регионе. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – С. 357.
  6. Герасин А.Н. Предпринимательство: учебник / под ред. М.Г. Лапусты. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 667 с.

Буров Виталий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономических исследований Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: burovschool@rambler.ru

Burov Vitaly Yurevich, Candidate of Economic Sciences, Associate professor, Director of Institute of Economic Research, Buryat State University, e-mail: burovschool@rambler.ru

УДК 339.1

© М.М. Бурдуковская

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИРОДЫ КОНКУРЕНЦИИ

Автор, описывая современные процессы, которые происходят в глобальной экономике, раскрывает понятия «викиномика», «краудсорсинг», анализирует взаимосвязь между развитием информационных технологий и изменением природы конкуренции, рассматривает успешные мировые практики по внедрению новых бизнес-моделей. Статья будет полезна для менеджеров, владельцев компаний, а также исследователей, занимающихся проблемами глобальной экономики.

Ключевые слова: *викиномика, краудсорсинг, социальные сети, инновации, глобальное сотрудничество.*

M.M. Burdukovskaya

CHANGING THE NATURE OF BUSINESS STRUGGLE

The author describes modern processes happening in the global economy. In the article the terms such as 'wikinomics' and 'crowdsourcing' are being revealed with an analyses of connection between the development of information technology and changing of the nature of the competitiveness. Apart from that, the article examines the examples of successful international practices in the process of implementation of new business models.

Keywords: *wikinomics, crowdsourcing, social networks, innovation, global cooperation.*

Эпоха информации внесла изменения во все сферы жизни общества и прежде всего в экономику. Если в начале 2000-х гг. мы были свидетелями революционных перемен в сфере информационных технологий, то сегодня этот опыт транслируется практически на все сферы производства: принципиально меняется характер конкуренции, а также соотношение издержек, связанных с разработкой и производством продукции.

Согласно школе классической экономии, мы можем наблюдать два вида конкуренции: ценовую и неценовую. Неценовая конкуренция включает в себя постоянное усовершенствование продукта и рекламу, что увеличивает издержки фирмы и как следствие ее цену. Такие постулаты описаны в учебниках по классической экономической теории. Еще 10 лет назад мы могли наблюдать монополии отдельных крупных компаний, чистая прибыль которых позволяла им за счет рекламы и инноваций удерживать свою нишу на рынке и усложнять вход на рынок новым игрокам.

Сегодня мы наблюдаем глобальную конкуренцию, не имеющую границ. Еще в 1991 г.

американский экономист Майкл Портер опубликовал исследование «Конкурентные преимущества стран» (The Competitive Advantage of Nations), в котором он показал, что, несмотря на глобальный рынок, основными субъектами конкуренции на международном рынке являются фирмы, а не страны.

Основное внимание Портер сосредоточил на издержках. По его мнению, фирма опережает своих соперников, если имеет [3, с. 287]:

1) более низкие издержки, свидетельствующие о способности фирмы разрабатывать, выпускать и продавать сравнимый товар с меньшими затратами, чем у конкурентов. Продавая товар по такой же или примерно такой же цене, что и конкуренты, фирма в этом случае получает большую прибыль.

2) дифференциацию товаров, т.е. способность фирмы удовлетворять потребности покупателя, предлагая товар либо более высокого качества, либо с особыми потребительскими свойствами, либо с широкими возможностями послепродажного обслуживания.

Шумпетер в своем исследовании «Капитализм, социализм и демократия» обосновал точку

зрения, которая гласит, что для масштабных инноваций крупный монополистический бизнес имеет преимущества перед компанией, функционирующей в условиях совершенной конкуренции [6, с. 56].

Все эти классические модели объединяет одно – для захвата лидирующих позиций на рынке компании необходимо иметь достаточно высокую прибыль, чтобы иметь средства на закупку дорогостоящих машин, проведение маркетинговых исследований и организацию крупномасштабных рекламных кампаний.

Ситуация в корне изменилась с появлением интернета, начинавшегося как проект Министерства обороны в конце 1960-х гг. и ставшего в XXI в. массовой технологией, изменившей не только характер коммуникаций, но и реальные социальные взаимодействия. Сегодня интернет меняет рынок и, как следствие, сложившиеся бизнес-модели. Многие идеи, которые до сих пор можно было встретить только в научно-фантастических произведениях, стали обычным явлением повседневности.

Новая волна информационной революции, получившая небывалое распространение в последнее десятилетие, – массовое распространение социальных сетей. Социальные сети перевернули наши представления не только о возможностях глобальной коммуникации, но и о взаимодействии компаний и потребителей, граждан и государства.

Филип Котлер, создатель и гуру маркетинга, отметил: «Неважно, сколько вы тратите на рекламу, самых ценных клиентов можно найти бесплатно» [1, с. 29]. «Little Innovation From Everyone» («пнемногу инноваций от каждого») – такое определение он дал слову «жизнь», превратив английское «Life» в аббревиатуру. «В прежние времена человек мог узнать о компании лишь благодаря рекламе, которую она давала. За счет нее формировался имидж бренда. Сейчас такой образ формируется за счет друзей, родственников, которые активно общаются (в том числе по поводу этого бренда) через интернет» [1, с. 30–35].

Именно посредством социальных сетей, по мысли Котлера, привлечение новых клиентов станет для компаний практически бесплатным. Он приводит следующий пример: «Итальянцы из Fiat планировали создать абсолютно новый автомобиль. Они использовали Facebook, чтобы пригласить всех желающих из разных стран высказать свои идеи о том, как должна выглядеть будущая модель. В конкурсе приняли участие

более 400 тысяч человек, было высказано 40 тысяч идей. Так представители Fiat узнали, что хотят видеть в автомобиле будущие пользователи, а еще это стало одним из способов привлечения новых покупателей» [6].

Технологические революции и мировой финансовый кризис показали крупным бюрократизированным корпорациям, что классические представления о конкуренции, управлении и взаимодействии с потребителями остались в прошлом. Сегодня уже недостаточно запустить стандартную рекламную кампанию, чтобы привлечь потребителей и успешно реализовать товар. Сегодня уже не нужно иметь собственные огромные заводы и тратить баснословные суммы на рекламные кампании.

Скорость научно-технического прогресса и международная конкуренция сами по себе уже не позволяют компании угнаться за конкурентами и тем более перегнать их. «Ни одна компания в наши дни, вне зависимости от размеров или географии работ, не может в одиночку быстро разрабатывать инновационные решения. Крайне важно сотрудничество – как внешнее, с клиентами и покупателями, поставщиками и бизнес-партнерами, так и внутреннее, в пределах собственных организационных границ» [2, с. 59], – утверждает Lafley A.G., автор книги «The Game Changer: How you can drive revenue and profit growth with Innovation».

В декабре 2006 г. Дон Тапскотт, канадский ученый, преподаватель, независимый консультант, государственный советник, доктор юридических наук, профессор менеджмента Университета Торонто, бакалавр психологии и статистики, магистр педагогических наук, и Энтони Д. Уильямс опубликовали книгу под названием «Викиномика». В книге авторы описывают, как компании используют в своих бизнес-моделях принципы массового сотрудничества (masscollaboration) и взаимодействия равных (peercollaboration) для достижения коммерческого успеха.

Теория «Викиномики» показала, как новые низкочастотные инструменты сотрудничества, начиная от бесплатной Интернет-телефонии и заканчивая программами с открытым доступом, предназначенными для создания глобальных аутсорсинговых платформ, позволяют многим тысячам людей и небольшим компаниям совместно создавать продукты, выходить на новые рынки и достигать результатов, ранее доступных лишь для крупных корпораций.

До сегодняшнего дня мы не могли предположить, что знания и технологии могут быть

настолько доступными и открытыми для каждого желающего и что это обстоятельство всерьез пошатнет позиции крупных корпораций.

«Новое понимание массового сотрудничества изменяет само видение того, как компании и общество в целом могут использовать знания и способности для инноваций и создания ценностей. Это влияет практически на каждый сектор экономики и каждый аспект управления. Развивается новый вид бизнеса, открывающий двери всему миру, сотрудничающий с каждым (а в особенности с собственными клиентами), делящийся ресурсами, прежде скрытыми за семью замками, получающий огромную выгоду от массового сотрудничества и ведущий себя не как традиционная международная компания, а как глобальная компания нового типа. Компании такого типа проводят наиболее значительные изменения в своих отраслях и переписывают многие правила конкуренции» [4, с. 28].

Такие выводы подрывают традиционную теорию о конкуренции, где принято считать, что компании конкурируют, пытаются отличиться друг от друга и занимаются инновациями, делая некоторые известные вещи – привлекая лучших сотрудников, тщательно защищая интеллектуальную собственность, фокусируясь на потребителях и выстраивая исполнительскую дисциплину (то есть хорошую систему управления и контроля). Для нового делового мира этих правил недостаточно, а в ряде случаев они попросту неприменимы.

«Искусство и наука викиномика основаны на четырех мощных новых идеях – открытость, пиринг, предоставление доступа и глобальный характер деятельности» [4, с. 73], – описывают авторы в книге «Викиномика». Эти принципы заменяют собой прежние.

Открытость. Это слово имеет множество значений и смысловых оттенков. В частности, слово «открытость» ассоциируется с честностью, прозрачностью, свободой, гибкостью, экспансивностью, вовлеченностью и доступностью. Этот термин крайне редко используется в описании традиционной компании, и до недавнего времени открытость не являлась характерной чертой экономики в целом. Лишь недавно некоторые компании начали по-новому осознать смысл понятия «открытость», что незамедлительно привело к изменениям в ряде важнейших составляющих бизнеса, таких как кадровая политика, промышленные стандарты, коммуникации, инновации и др.

Компании традиционно относятся к социальным сетям, предоставлению доступа к информации и поддержке самоорганизующихся систем с определенным подозрением. Во-первых, это происходит из-за устоявшегося мнения, согласно которому компании способны сохранять конкурентоспособность, лишь держа свои самые ценные активы под секретом. Во-вторых, если речь идет, например, о человеческих ресурсах, то компании должны нанимать лучших специалистов на рынке, мотивировать, развивать и удерживать их, так как общеизвестно, что именно персонал, сотрудники являются основой конкурентоспособности.

Но, как доказывает практика, сегодня компании, открывающие свои границы внешним идеям и внешним человеческим ресурсам, более результативны, чем компании, полагающиеся исключительно на собственные ресурсы и способности.

Кроме того, они активно развивают и еще одну грань открытости – передачу прежде секретной информации партнерам, сотрудникам, клиентам, акционерам и другим заинтересованным участникам системы. Потребители тем самым обретают возможность увидеть и осознать реальную ценность продукта. Сотрудники получают часто недоступную информацию о подлинной стратегии компании, принципах ее управления и стоящих перед ней задачах.

Это в корне меняет традиционные представления о структуре управления и природе конкуренции. Открытость компании больше не делает ее уязвимой, скорее, наоборот, системы, которые недостаточно взаимодействуют с внешней средой, потеряли свою жизнеспособность в современных условиях, а сложные бюрократические структуры с многочисленными звеньями управления тянут корпорации на дно.

Один из примеров крупных компаний, которые открылись для внешней среды, – это корпорация, производящая самолеты Boeing.

По мнению Фила Кондит, бывшего CEO Boeing, инновации в аэрокосмической и оборонной отрасли являются самыми сложными и дорогостоящими. Компании, работающие в этой отрасли, давно пришли к мысли о том, что глобальная команда дизайнеров и разработчиков все больше является базовым требованием для того, чтобы просто остаться в бизнесе. Даже лучшие исследователи и разработчики, входящие в штат компании, не могут обладать всеми необходимыми для конкурентоспособности знаниями и технологиями. При этом аэрокосмиче-

ские и оборонные компании постоянно вынуждены решать чрезвычайно сложные инженерные задачи без увеличения издержек. Авиакомпании постоянно терпят убытки, поэтому наиболее привлекательными партнерами для них могут стать только те производители самолетов, которые при производстве самолетов способны максимально снизить издержки без потери качества и без ущерба для безопасности.

Передовые компании отрасли, к числу которых относится и Boeing, отвечают на это требование глобальными, гибкими, подвижными операционными структурами, которые позволяют постоянно создавать инновации и достигать более высокой эффективности. Вместо того чтобы использовать старые иерархические отношения между производителем и поставщиком, Boeing и их партнеры разделяют затраты и риски крупных проектов в течение всего жизненного цикла новых продуктов и сотрудничают друг с другом на протяжении всего цикла: от разработки дизайна до поддержки и обслуживания готового самолета. Более того, Boeing пошел на то, чтобы передать поставщикам контроль над процессом производства большей части компонентов, составляющих его самолеты. В результате – разработка революционного 787 Dreamliner, ранние продажи и экономическая эффективность которого предвещают яркое будущее когда-то находившегося в бедственном положении гиганта. Разработка 787 вывела Boeing на новый уровень: впервые самолет нового поколения был создан с помощью более чем сотни поставщиков из шести разных стран, взаимодействующих на основе сетевой структуры.

Пиринг (происходит от англ. *peering* «соседство»). На протяжении всей истории человечества та или иная форма иерархии служила основным двигателем для создания ценности и для моделирования учреждений – будь то церковь, армия или правительство. Иерархическая модель организации была столь убедительной и прочной, что большинство людей до сих пор предполагает отсутствие у нее сколько-нибудь значимых альтернатив. Даже в наши дни случается, что литература по вопросам управления, посвященная вопросам наделения полномочиями, работе в команде или прогрессивным техникам управления, как данность принимает необходимость вышестоящего контроля в современной корпорации. Разумеется, сложно предположить, что в обозримом будущем иерархии исчезнут, однако уже сейчас видно, как развивает-

ся новая форма горизонтальных организаций, которая сможет бросить вызов иерархиям с точки зрения эффективности создания товаров и услуг, связанных с информацией, а, может быть, и других материальных объектов. Как уже было сказано ранее, такая новая форма организации носит название «пиринг».

Одним из ярких примеров сетевой организации работы является проект по созданию системы Linux, над которой работала группа программистов со всего мира, контроль и распределение обязанностей между которыми осуществлялись самими разработчиками. В результате получился продукт, который смог составить конкуренцию такому гиганту, как Microsoft.

Предоставление доступа. Еще один необходимый принцип организаций, исповедующих викиномику.

Принято считать, что ресурсы (в особенности интеллектуальные) и инновации должны охраняться путем получения патентов, авторских прав и товарных знаков. Если кто-то осмелится нарушить твои права на интеллектуальную собственность, ты призываешь своих юристов и начинаешь битву. Во многих отраслях так принято думать и по сей день. Миллионы технически грамотных детей и подростков во всем мире используют Интернет для свободного создания и распространения музыки в формате MP3 (а также программ для ее обработки). Цифровая музыка представляет музыкантам и потребителям отличную возможность оказаться в самой середине паутины создания ценности. Однако вместо того чтобы признать MP3 и адаптировать собственные бизнес-модели, индустрия предпочла занять оборонительную позицию. Навязчивое стремление некоторых крупных игроков отрасли к контролю, борьбе с пиратством и соблюдению стандартов привело лишь к тому, что они лишились поддержки своих постоянных и потенциальных клиентов, слушателей музыки.

Обратный пример открытости в производственных масштабах – проект Innocentive, платформы, объединяющей ученых-любителей, которые в свободное от основной деятельности время занимаются решением сложных научных задач. Клиентами этого проекта сегодня являются такие крупные корпорации, как Procter&Gambel, IBM, Helwett Paccard и др. Все эти корпорации остаются лидерами и сохраняют свои позиции на рынке и потому, что высшее руководство компаний давно осознало недостаточность и ограниченность традиционных бизнес-моделей.

И последний принцип новой модели – *глобальный характер сотрудничества*. Глобализация стала уже обыденным условием существования для каждого из нас. Оставаться конкурентоспособным на глобальном уровне означает внимательно изучать, как развивается бизнес во всем мире, и иметь возможность привлечь еще большее количество талантливых сотрудников. Только глобальные альянсы, огромные рынки труда и сообщества равных способны обеспечить доступ к новым рынкам, идеям и технологиям. Управление человеческими ресурсами и интеллектуальными активами при этом не должно быть ограничено существующими объективно культурными отличиями, привычными стереотипами и организационными границами. Приведем здесь известный пример успешного сотрудничества CEO Apple Стива Джобса с Джоном и Уорноком, сооснователем компании Adobe Software, в издательском бизнесе. Уорнок и его коллеги из Adobe разработали компьютерный язык, который позволил распечатать сложные графические работы, выполненные на «макинтоше», на доступном по цене лазерном принтере, что привело к резкому и значительному снижению издержек при производстве печатной продукции.

Очевидно, что настала эпоха глобального сотрудничества. В одиночку или даже с командой высокопрофессиональных и организованных кадров даже крупные корпорации уже не успевают за потребителями. Недостаточно перекупить дорогостоящего ТОП-менеджера у конкурента. Куда важнее отдать разрабатываемый продукт на суд будущих потребителей.

Вероятно, по этой причине в обиход исследователей и бизнесменов вошло еще одно новое понятие: краудсорсинг (от англ. *crowd* – толпа). Впервые, в июне 2006 г. Джефф Хау употребил его в своей статье «The Rise of Crowdsourcing». В ней Хау описал феномен объединения людей для решения какой-либо задачи без вознаграждения или с очень маленьким вознаграждением и последствия развития таких объединений для компаний, решающих аналогичные задачи профессионально. Он продолжил изучать этот феномен и описывать его в своем блоге crowdsourcing.com. Через несколько лет Джефф Хау изложил свои мысли и наблюдения в книге «Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business».

Краудсорсинг – это инструмент в эпоху вики-технологий, позволяющий компаниям вовлекать целые сообщества в разработку новых продук-

тов или решение сложных задач. Одним из факторов, способствовавших внезапному появлению «фонтана творческого изобилия», стало появление невиданного до сих пор механизма распространения знаний – Интернета. На рынок труда вышли разносторонне талантливые, образованные, высокопрофессиональные кадры, которые далеко не всегда могут полностью реализовать себя на рабочем месте и обладают массой столь необходимых для производителей товаров и услуг знаний и компетенций. Краудсорсинг объединил значительный опыт глобального участия и сотрудничества, накопленный по всему миру, и доказал со всей очевидностью, что «толпа» уже не хочет потреблять то, что им предлагают корпорации, она хочет сама создавать товары и услуги.

Однозначно определить вклад любителей в экономку невозможно, но то, что он растет, очевидно. Пример – рост числа веб-страниц в геометрической прогрессии. В 1997 г. их было 200 млн к 2005 г. эта цифра возросла до 11.5 млрд, причем в основном за счет блогов. К январю 2008 г. на YouTube было размещено более 80 млн видеороликов, половина из которых – творчество любителей [5, с.34].

«Американские университеты все еще представляют собой артефакты периода эпохи Возрождения, когда образцово-показательный гражданин мог одинаково хорошо владеть пером, плугом и угольником. Это обеспечивает приток в наше общество интересных, увлекающихся людей. Но эти люди стремятся заниматься интересным и полезным делом. И именно это послужило толчком к появлению такого явления, как краудсорсинг» [5, с. 31].

Все это современные реалии рынка и глобальной экономики. В этой статье мы попытались описать явления, которые стали реальностью с массовым распространением интернета, а вместе с ним и социальных сетей. Сегодня, для того чтобы быть успешным и занимать лидирующие позиции на рынке, уже недостаточно применять традиционные модели управления. Рынок требует постоянных перемен, компании в одиночку уже не в состоянии создавать инновации, для этого им нужна «креативная толпа», которая обладает достаточными компетенциями для того, чтобы участвовать в создании новых продуктов и услуг. В этих условиях вскоре могут стереться границы между развитыми и развивающимися странами, или, напротив, может образоваться непреодолимая пропасть, которая уже не позволит «отстающим» наверстать упу-

ценное. Современные реалии требуют немедленного реагирования, пересмотра моделей управления и сотрудничества. Экономика закономерно является форвардом этого движения, но и государствам уже в самом ближайшем будущем придется смириться с тем, что граждане хотят и должны принимать участие в его управлении.

Литература

1. Design Theory, Demarketing, and Behavioral Economics: Fostering Interdisciplinary Growth in Social Marketing // The SAGE Handbook of Social Marketing / Lefebvre R., Craig Ph.Kotler. – UK: University of Stirling, 2012. – 468 p.
2. Lafley A.G., Charan R. The Game Changer: How you can drive revenue and profit growth with Innovation. – N.Y.: Crown Business, 2008. – 311 p.

Бурдуковская Мария Михайловна, аспирант первого года обучения Бурятского государственного университета, кафедра «Философия», 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6а, e-mail: Patriot20-10@yandex.ru

Burdukovskaya Maria Mikhailovna, postgraduate student at Buryat State University, Philosophy Chair, 670000, Ulan-Ude, Ranzhurova st, 6a, e-mail: Patriot20-10@yandex.ru

3. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. – М.: Международные отношения, 1993. – 896 с.
4. Тапскотт Д., Уильям Э.Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. – М.: Best Business Books, 2009. – 392 с.
5. Хау Дж. Краудсорсинг. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 288 с.
6. Котлер Ф. Превратите клиентов в последователей [Электронный ресурс]: официальный сайт бизнес-журнала Chief Time. – Режим доступа: http://www.chieftime.ru/people/detail.php?ELEMENT_ID=570 – 20.12.2012.
7. Краудсорсинг [Электронный ресурс]: информационный портал. – Режим доступа: <http://crowdsourcing.ru/> – 20.12.2012.

УДК 330.3”7”

© Л.Р. Бартунаев, С.Э. Желаева

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМА ВРЕМЕНИ КАК ПОЛИМОДАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ПРИРОДЫ: ПОНЯТИЕ И СВОЙСТВА

В представленной статье авторы исходят из необходимости изучения времени как полимодального феномена природы: время многомерно и различно для каждой системы и процесса в отдельности. На основе данной общенаучной теории времени определена тесная взаимосвязь между природным, социальным, историческим и экономическим временем, а в многообразии форм времени выделены основные свойства экономического времени.

Ключевые слова: экономическое время, процессы, формы времени, критерии, свойства.

L.R. Bartunaev, S.E. Zhelaeva

ECONOMIC FORM OF TIME AS POLYMODAL NATURE PHENOMENON: CONCEPT AND CHARACTERISTICS

In the article the author has regard to the need of study the time phenomenon as a polymodal nature: time is multidimensional and is different for each system and process particularly. On the basis of the general scientific theory of time a close relationship between the natural, social, historical and economic time was determined, and from the diversity forms of time basic characteristics of economic time were extracted.

Keywords: economic time, processes, time forms, criteria, properties.

Время в экономике является отражением и наивысшим обобщением объективной экономической действительности, характеризующей сложные взаимосвязи настоящего с прошлым и будущим. Оно выступает в качестве всеобщей меры длительности реально существующих и сменяющих друг друга экономических явлений и процессов. Поэтому, являясь частной формой всеобщего времени, экономическое время представляет собой экономическую категорию. Необходимость выделения экономического времени по отношению к другим специфичным фор-

мам определяется сущностной природой и однородностью качественной структуры экономического движения. Объекты и субъекты экономического движения, в отличие от других видов движения, например, механического или физического, где существует инерция, ускорение свободного падения тел, обладают собственными специфическими особенностями длительности, определяемой закономерностями функционирования экономической системы.

Следует иметь в виду, что экономическое время как результат проявления экономических

процессов не всегда подчинено естественной соразмерности физических или механических процессов. Наиболее подходящим здесь было определение данной формы времени как неравномерной длительности, поскольку оно способно ускоряться или замедляться в зависимости от параметров экономического движения, например, – скорости протекания экономических процессов, продолжительности событийного цикла, но при этом астрономическое (физическое) время продолжает свой равномерный счет.

Экономисты также признают, что астрономическое, часовое время не всегда применимо к исследованию экономических процессов. Маршалл, например, в известном анализе зависимости экономического равновесия от «долгих» и «коротких» периодов, в течение которых рынок считается растущим, давно подметил непригодность астрономического времени. По словам Опи, «когда он [Маршалл] стал различать долгие и короткие периоды, у него критерием было не время на часах, а «операционное» время, связанное с действием экономических сил. Основную роль обрели силы предложения; время было соответственно долгим или кратким в зависимости от изменчивости или устойчивости некоторых конкретных сил со стороны предложения. Чем выше изменчивость силы предложения, тем дольше период рассматриваемого времени, независимо от времени на часах» [1, с. 198-199].

Концепция экономического времени – специальный предмет анализа Эриха Фегелина и несколько менее аналитично – Штреллера. Но она также присутствует в трудах Бем-Баверка, Джевонса, Отто Эфертца, Кнута Викселя и многих других экономистов [2].

Несовпадение и даже некоторая несовместимость астрономического (объективного) и экономического форм времени обусловлено все увеличивающимся отрывом человеческой хозяйственной деятельности от естественного уклада жизни, технократизацией, циклическим характером развития, наращиванием производства и потребления, и что более важно – «автоматизации, а, может быть, и автаркии так называемой «второй природы», т.е. социальной жизни» [4].

Хозяйственная деятельность экономических субъектов теснейшим образом связана с развитием общества в целом. В этой связи, возникшее в двадцатом веке понятие социального времени отражает многообразные временные отношения, присущие человеческой жизнедеятельности. Социальное время принципиально немислимо

вне человеческой, в том числе экономической деятельности, неотрывно от всего многообразия видов человеческой преобразовательной активности. Специфические свойства и черты социального времени определяются всей гаммой общественных отношений, динамикой их изменения. Именно качества человеческой деятельности детерминируют специфику социальной организации времени общества в целом и ее особенности на каждом этапе истории. Причем для экономического вида деятельности совсем не последнее значение имеет отношение самого действующего индивидуума ко времени, осознание им его ценности, уникальности, необратимости, его роли как регулятора экономического поведения и стимулятора активного и осмысленного отношения к действительности.

В основу календарного отсчета времени также положен социальный факт – рождение Христа. В дальнейшем, в ходе осуществления хозяйственной и других видов деятельности, можно было наблюдать, что календарное и социальное время не всегда совпадают ни по скорости изменения, ни по вектору. Онорат Агесси отмечает: «...есть и так называемое «социальное время», которое меняется в зависимости от политического, экономического и религиозного контекста... Социальная стратификация времени проливает определенный свет на причины слабого развития африканских стран. Низкий уровень – это не отсутствие развития, а его искаженная раздвоенная форма» [3]. Описывая сегодняшнюю Латинскую Америку, Фернандо Аинса указывает: «Путешествуя пароходом или самолетом, пешком или верхом на муле, они прослеживают этапы развития истории. Но только в обратном порядке: от ультрасовременных городов до поселений и племен, образ жизни которых не менялся со времен зарождения истории. Жизненные уклады прошлого и настоящего существуют здесь бок о бок, хотя и отделены друг от друга подобно геологическим пластам, отражающим эволюцию человечества. Это придает пространственное значение любой идее восприятия времени» [9].

Социальное время неразрывно связано с социальным пространством, с социальной общностью, упорядоченной как социальный институт или неупорядоченной как некоторые общественные движения. Социальное время быстро течет, и в этом случае мы говорим о социальном прогрессе, подразумевая увеличение средней продолжительности и улучшение качества жизни определенной социальной общности. Мед-

ленное течение социального времени свидетельствует о социальной стагнации. В первом случае мы говорим о динамично развивающихся странах, в другом – о племенах Латинской Америки, некоторых развивающихся странах Африки.

В обществе помимо социального прогресса существуют противоположные процессы: военные действия, падение жизненного уровня, снижение продолжительности жизни, превышение смертности над рождаемостью, снижение избирательной активности и т.п. Приведенные примеры свидетельствуют о формировании социального времени с регрессивным вектором. Даже в границах одной страны социальные процессы протекают по-разному, и поэтому социальное время неоднородно [6]. В этой связи, следует, что неравномерность социального времени зависит и от экономического благополучия хозяйственной системы. При этом речь идет о наличии взаимозависимости социально-экономического пространства и социального времени. Поскольку хозяйственная деятельность является одной из сфер жизнедеятельности общества, можно утверждать, что экономическое время выступает особым сегментом социального времени и находится в тесной взаимосвязи с ним.

Однако не стоит забывать о важности и исторического времени, или, вернее, «исследования диалектики времени, представляющей собою объект постоянных наблюдений историка. Диалектика времени – это ядро социальной реальности, живое, внутреннее, постоянно возобновляемое противоречие между настоящим моментом и медленным течением времени. О чем бы ни шла речь, о прошлом или о настоящем, четкое понимание того, что социальное время имеет множество форм, оказывается неотъемлемым для общей методологии наук о человеке» [8].

Очень точно описывает взаимное проникновение общественных наук в своей концепции исторического времени Ф. Бродель: «Так, политэкономия открывает общие границы с социологией, а история, наименее, быть может, дифференцированная из всех социальных наук, усваивает и отражает уроки всех ее многочисленных соседей» [8]. Необходимость определять существование событий в последовательном историческом порядке, уточнять их границы (начало и конец), продолжительность, то есть их развернутость во времени, основные моменты,

этапы и направление их развития заставляют рассматривать экономическое и социальное время в качестве циклического времени-порядка. Время-порядок, иначе – историческое (хронологическое) время, проявляет себя в календарных системах, придуманных человечеством для организации общественной деятельности, и свидетельствует о тесной взаимосвязи между природным (физическим), социальным и экономическим временем. Такая многомерная природа социально-экономического времени заставляет обращать внимание на подвижность и неоднородность временных связей общества.

В исторических исследованиях недавнего времени для решения задачи синтеза смежных областей социальной науки, в том числе и экономики, историки начинают активно использовать различные модели структурирования времени, разнообразные схемы циклического и стадийного развития. Это позволяет отойти от формального воспроизведения исторического процесса только в рамках календарного времени, способствует восприятию времени как исторического процесса, его объяснению на основе циклопричинных связей между событиями различной длительности существования и моделей длинных волн, что радикально меняет представления о ходе истории. Одним из наиболее замечательных вкладов в историческую науку явилась разработанная Ф. Броделем концепция взаимодействия трех типов структур исторического времени, основанная на использовании трех типов временных измерений. При этом по шкале географического времени исследуются события, длительность которых измеряется историческими эпохами. Шкала социального времени позволяет измерять менее продолжительные события, которые происходят в истории отдельных цивилизаций, государств и экономики. Шкала индивидуального времени является основой изучения истории событий в жизни человека. Данная концепция исторического времени позволяет вырваться из плена событий, чтобы посмотреть на них другим взглядом [8].

Многомерная структура феномена времени позволяет интерпретировать его как сосуществование объективного, исторического, социального и экономического времени. Отличительные признаки различных форм времени можно рассмотреть по следующим критериям (таблица 1).

Таблица 1

Анализ критериев соотношения различных форм времени*

Критерии анализа	Объективное	Историческое	Социальное	Экономическое
Шкала измерения	Астрономические секунды, минуты, часы, сутки и т.д.	Хронологические единицы – события малой и большой длительности	События: планы достижения, аварии, встречи, рождения, продолжительность жизни и т.д.	Экономические процессы различной длительности и скорости протекания; циклы, характеризующиеся экономической конъюнктурой: краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные
Универсальность	Одинаково для всех по ритму (длительность, частота), по поколениям, культурам и т.д.	Специфично в зависимости от событий в жизни общества и человека	Преобладание универсальности применительно к обществу и человеку	Различно в зависимости от длительности и скорости процессов, уровня развития экономических систем
Направленность	Только поступательно и необратимо	Необратимо, но подвержено пересмотру восприятия и отношения к историческим событиям	Обратимо, повторяемо в разной степени и частично	Необратимо по причине временной асинхронности информации и разбалансированности хозяйственной деятельности
Темп (скорость) изменений	Стабилен, неизменен	Различен в зависимости от длительности исторического события	Ускоряется в историческом масштабе, переменчив в индивидуальном и групповом масштабах	Переменчив в субъективном и объективном восприятии, определяется параметрами экономического движения

* Составлено автором

Иначе говоря, объективное время однозначно и очевидно для мировой общественной системы как эталон, в соответствии с которым можно соотносить продолжительность всех иных явлений, а категории исторического, социального и экономического времени относительно и разнообразны, при этом они постоянно накладываются, пересекаются, взаимно проникают и дополняют друг друга посредством наполнения объективного времени своим содержанием. Таким образом, многомерность феномена времени есть не что иное, как объективное время, отражающее точку отсчета (зрения) субъективного наблюдателя. Так, анализ событий в жизни всего общества, группы людей или отдельного человека позволяет говорить о социальном времени; более длительное и масштабное историческое время формируется при изучении развития отдельных цивилизаций и государств. Или, например, экономическое время есть не что иное, как отражение субъективного времени, и рассматривается как наполненное содержанием объективное время в различных формах социальных событий: научных достижений, технологических разработок, уровня благосостояния,

активности индивидуумов и т.д., как элементов синтеза социального и экономического пространства.

Действительно, как показывает сравнительная таблица 1, особенности каждой формы времени совершенно естественно возникают при переходе к определенной системе отсчета, связанной субъективному характеру наблюдения. Более того, само понятие времени в наших интерпретациях претерпевает коренное изменение: от поступательного и неизменного до переменчивого и нестабильного. Наряду с классическим представлением о времени как об абсолютной объективной сущности, возникает представление о различных формах субъективного времени.

При тесном взаимодействии различных проявлений субъективного времени возникает особая форма социально-экономического пространства системы, которая характеризуется количественной составляющей времени – его продолжительностью (объективное время), а также отличается его качественным наполнением – социальными, экономическими и иными событиями (процессами): уровнем благосостояния, ак-

тивностью субъектов, их уровнем интеллекта и знаний, производительной силой времени и т.д. Такое многомерно-субъективное представление структуры времени позволяет упростить понимание данного феномена и приуменьшить всю сложность, нелинейность и взаимообусловленность развития любой системы мира.

Очевидно, что рассматриваемые меры времени противоречивы, что определяет необходимость выделения отличительных свойств «экономического» времени в ряду других. С помощью критериев универсальности, направленности и темпа изменений можно выделить следующие, с нашей точки зрения, отличительные свойства экономического времени:

1. Критерий универсальности (неуниверсальности) времени позволяет определить относительную природу экономического времени. Оставаясь постоянным относительно одной точки отсчета, относительно другой точки экономического времени может ускоряться или замедляться. Поэтому в качестве свойства экономического времени можно выделить его асимметричность, которая выражается в возможности несовпадения длительности и скорости экономических процессов системы. Длительность того или иного экономического процесса варьируется в значительных пределах, но в ходе его осуществления возникают критические моменты, которые нарушают равномерность развития процесса и системы в целом. Это может быть связано с множеством внешних и внутренних факторов системы, влияющих на длительность события или процесса во времени.

2. Критерий поступательности характеризует любой процесс, который может быть представлен как последовательность событий во времени. Экономическое время наряду с обычным свойством длительности, измеряемой природной мерой времени – часами, обладает способностью упорядочивания и, потому однонаправленности. В отношении длительности А. Бергсон (1923) писал о времени как «дленин». В случае времени-порядка рассматривается возможность при помощи времени установить очередность, порядок событий. А.П. Левич (1996) формулировал первое свойство как параметрическое время, второе – как предвремя. Первое используется, например, при подсчете затрат труда, энергии, денег на выполнение какого-то плана. Второе свойство необходимо для выявления причинно-следственных связей в цепи событий, для согласования действий частей в многокомпонентных системах и др. При этом, время-

порядок предполагает безусловную смену событий (строгий или нестрогий порядок) или их одновременное воплощение. Даже циклическое время в экономике, которое характеризуется «повтором» различных стадий развития системы, также предполагает последовательность процессов, возникающих в силу социальных, политических, экономических, экологических и иных причин. Конечно, можно изменить направление и порядок экономических процессов во времени, как, например, заключение фьючерсных контрактов, но не направление самого времени.

3. Кроме того, критерий поступательности или направленности времени отражает свойство не столько необратимости самого экономического времени, которое является безусловным на основе вышеуказанных умозаключений, сколько необратимости экономических процессов во времени. В данном случае мы рассматриваем временные свойства, присущие экономическому пространству. Временное экономическое пространство является многомерным, поскольку существуют многочисленные варианты группировки экономических процессов, которые не совпадают друг с другом. Дифференцированные направления экономической реальности по каждой из этих групп специфичны и не совпадают друг с другом. Каждый из участников экономических процессов действует в своих особых условиях, в собственном пространстве временных возможностей. Качественная самобытность и независимость складывающихся в каждый момент времени экономических процессов обусловлены асинхронностью действий экономических субъектов и асимметричностью поступающей к ним информации. Это позволяет утверждать о невозможности возврата к определенной исходной ситуации в экономике. Вместе с тем разнородность экономических процессов не исключает их взаимосвязанности в рамках целостной системы. Данное обстоятельство обуславливает у различных элементов экономики наличие общих временных свойств, которые могут выступать универсальным эталоном для соизмерения всех экономических изменений. Одно из этих свойств – необратимость экономических процессов во времени системы.

4. Критерий темпа изменений в системе отражает различное восприятие скорости времени различными субъектами экономической системы, что выражается в нелинейности и многоуровневости экономического времени. Формально нелинейность выражается в несовпаде-

нии шкал отсчета астрономического и экономического времени, а по содержанию нелинейность обуславливается множеством частных процессов, входящих в состав единого системного процесса. Многоуровневость экономического времени выражается в том, что наряду с внутренним экономическим временем системы выделяется индивидуальное время экономического субъекта. Экономическое время системы определяет взаимосвязи, взаимовлияние и совокупность индивидуальных векторов времени движения элементов целого. При этом отразить индивидуальное время посредством системного времени невозможно по причине множественной разнонаправленности временных векторов каждого субъекта. Поэтому затраты времени экономической системы как способа выражения общественной значимости экономической деятельности, существенно отличаются от индивидуальных затрат времени. Очевидно, что потоки системного времени учитывают только те потоки индивидуального времени экономических субъектов, которые непосредственно участвуют в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Экономические субъекты, находясь каждый в своем индивидуальном потоке времени, окружены различными фазами временных длительностей и циклов: фазами жизненного цикла смены поколения людей, природных циклов, политических и социальных шоков, физической и моральной смены основного капитала, изменения потребностей и фазами жизненных циклов продукции, технологий, информации, институтов и т.д. Сложное отношение экономических субъектов со временем обуславливает дуальность временной среды и темпоральных параметров их деятельности: подвижность экономики характеризуют параметры скорости и масштабов экономических процессов, а экономическую инерционность – параметры продолжительности отдельного событийного цикла и совокупной длительности периода осуществления данной цепи событий [5]. По причине ограниченности времени как универсального ресурса экономические субъекты стремятся обеспечить формирование оптимальной цепи событий, позволяющих получить наибольшие результаты при экономии времени.

Таким образом, изучая экономическое время, мы рассматриваем его не только как объективное время абсолютного пространства, единицы измерения которого позволяют дать количественную оценку экономическим событиям сис-

темы, но и как частную форму времени, связанную с качественным содержанием реальной социально-экономической системы посредством операции перехода к субъективному наблюдателю.

Экономическое время, в нашем понимании, – это универсальный измеритель хозяйственных процессов как обществом в целом, так и отдельными субъектами. С точки зрения первых, время – это форма объективной экономической действительности, которая выступает в качестве всеобщей меры неравномерной длительности реально существующих и сменяющих друг друга экономических явлений и процессов, что позволяет дать количественную оценку экономическим событиям системы, а с точки зрения вторых, – форма субъективной экономической действительности, связанная с качественным содержанием реальной социально-экономической системы посредством операции перехода к субъективному наблюдателю. При этом экономическое время выражает фундаментальные взаимосвязи, возникающие между участниками экономических процессов, и приобретает для субъектов определенную ценность. Стремление к экономии времени и повышению его полезности является основополагающим принципом экономической деятельности людей во все времена и эпохи.

Литература

1. Opie R. Marshall's Time Analysis // *Ec. J.* – 1931. – V. 41. – June. – P. 198-199.
2. Vogelin E. Die Zeit in der Wirtschaft // *Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik.* – 1924. – Bd 53. – P. 204; Streller R. Statik und Dynamik in der theoretischen Nationalokonomie. – Leipzig, 1926. – S. 126 ff.; его же. Die Dynamik der theoretischen Nationalokonomie. Tübingen, 1928. Passim.
3. Агесси О. Тревожные ритмы. // *Курьер ЮНЕСКО* – 1991. – Июнь.
4. Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени // *Социол. исслед.* – 2006.
5. Орехова Е. Экономическое время как «среда» экономического развития // *Общество и экономика.* – 2006. – № 1. – С. 140.
6. Рекорд И.Г. Социальное время. Заметки по онтологии // *Социс.* – 2006. – 7.
7. Прогресс-Универс, 1993. 30. Бирюков В.В. Время как фактор развития экономики в рыночных условиях: монография. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2000.
8. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории / под ред. И.С. Кона; РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 (переиздание 1963). С. 115-142. ["Ecrits sur l'histoire"; в русский перевод не включена ч. 3 "Коммуникация и социальная математика"]*
9. Фернандо А. В поисках настоящего // *Курьер ЮНЕСКО.* – 1991. – Июнь.

Бартунаев Лазарь Романович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория», Бурятский государственный университет. 670042, г. Улан-Удэ, ул. Калашникова, 18. E-mail: grigrass@mail.ru

Bartunaev Lazar Romanovich, Doctor of Economic Sciences, Professor at «Economic theory» Chair, Buryat State University. 670042, Ulan-Ude, Kalashnikova St. 18. E-mail: grigrass@mail.ru

Желаева Светлана Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория, национальная и мировая экономика», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. 670000, ул. Димитрова, 4а. E-mail: zhelay@yandex.ru

Zhelaeva Svetlana Eduardovna, Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer at the Economic theory, national and world economy Chair, East-Siberian State University of Technologies and Management. 670000, Dimitrova St., 4a-23. E-mail: zhelay@yandex.ru

---

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА INDUSTRIAL AND REGIONAL ECONOMY

УДК 332.1:338.47

© Н.Ю. Сандакова

ОСНОВЫ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

Автором статьи разработан алгоритм повышения эффективности функционирования транспортной системы региона на основе субъектно-объектного анализа, определены основные виды взаимосвязей региональной транспортной системы, выявлены «критические зоны» противоречий внутри региональной транспортной системы, определяющие ее качественное развитие. Рассмотрены инновационные транспортные технологии как основной фактор, способствующий развитию регионов Сибирского федерального округа.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие региона, транспортная система.

N.Yu. Sandakova

BASICS OF SUBJECT-OBJECT ANALYSIS OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

The author developed an algorithm to improve the efficiency of the transport system in the region on the basis of subject-object analysis, established the key interrelations of the regional transport system, identified the "critical zone" contradictions within the regional transport system, defining its qualitative development. Innovative transport technologies are considered as a major factor contributing to the regional development of Siberian Federal District.

Keywords: socio-economic development of the region, the transport system.

Несмотря на достаточную изученность теории систем, тем не менее целесообразно рассмотреть вопрос повышения социально-экономического потенциала региона как следствие развития транспортной системы. Логика познавательно-исследовательского процесса может строиться от онтологического (эмпирического) объекта к гносеологическому (идеальному) объекту и от него – снова к онтологическому (современная философия науки различает и другие подходы). От того, с каким объектом имеет дело данное исследование в конкретной ситуации, зависит сам метод исследования. Дальнейшая же конкретизация и выработка метода связаны с выяснением, изучением и познанием самого предмета исследования. В нашем исследовании в качестве метода используется метод субъектно-объектного анализа.

Постнеклассическая научная рациональность (конец XX– начало XXI в.) подчеркивает значимость целостного субъектно-объектного анализа. В онтологии науки изучение объектов, выявление их свойств и связей всегда сопровождается определением их сущности, а в социологии науки определяется социально-экономическая значимость результатов научно-исследовательской деятельности. Объект как таковой не может существовать в реальности

вне субъекта и выбора средств познания. Объект выделяется, формулируется и фиксируется субъектом как определенная часть объективной реальности, которые и подвергаются познавательной, исследовательской и проектной процедуре. Следовательно, объект науки есть результат, продукт взаимодействия субъекта и средства науки и объективной реальности.

Подобный целостный субъектно-объектный подход позволяет нам не рассматривать отдельно субъект и объект нашего исследования, а рассмотреть в качестве результата сущность новой транспортной системы как условие, фактор развития социально-экономических процессов в регионе.

По критерию «сущность-существование» необходимо различать объект исследования региональной экономики (науки), то, на что направлена познавательно-исследовательская деятельность субъекта данной науки (существование), и объект знания (сущность), т.е. то, что отыскивается в этом объекте, то, к чему относится само искомое экономическое знание, которое и есть предмет данной науки. Следовательно, можно предположить, что в нашем исследовании транспортная система будет являться объектом исследования как необходимое условие развития региональной экономики в це-

лом. Объект знания представим рядом искомым экономических знаний, определяющих сущность нашего исследования: 1) реализация объективных потребностей и потенциала функционирования и развития общественно-хозяйственной системы региона в интересах ее субъектов; 2) согласование интересов указанных субъектов и определение их совместных целей в ходе формирования транспортной системы; 3) объектное воплощение поставленных совместных целей в результатах функционирования и развития системы региона.

Регион как мезоуровень и входящие в его состав элементы микроуровня в нашем исследовании – это субъект, функционирование и развитие которого зависят от воплощения объекта знаний.

В связи с этим исследование в области развития транспортной системы региона и выработки соответствующего механизма должно проводиться в следующей последовательности (рис. 1):

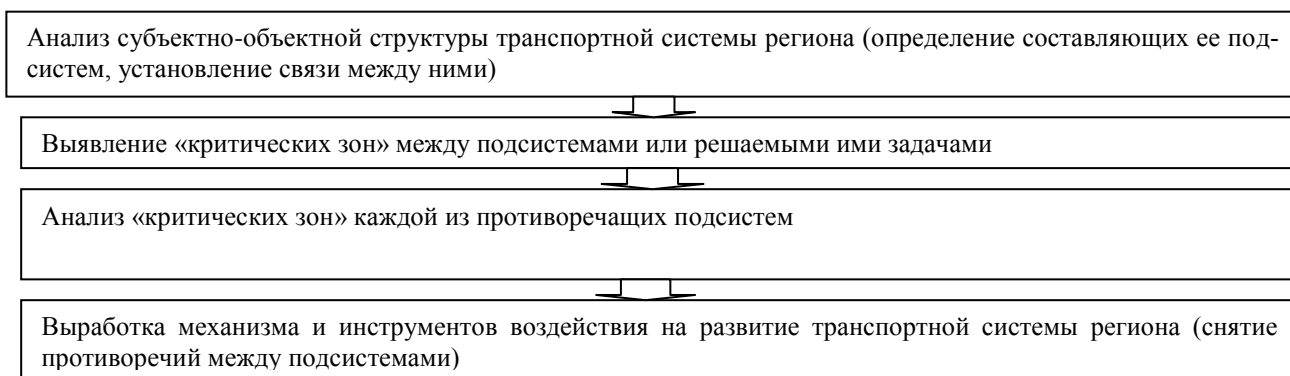

Рис. 1. Алгоритм повышения эффективности функционирования транспортной системы региона (составлено автором)

В связи с тем, что транспортная система, объект настоящего исследования, является сложной открытой системой, акцентируем внимание на многообразии связей, имеющих место внутри и вне транспортной системы.

Анализируя субъектно-объектную структуру транспортной системы, в силу значительного количества компонентов, входящих в нее (элементов, подсистем, связей и т.п.), таких как социально-экономические, природно-ресурсные, демографические, трудовые, необходимо по-

строить алгоритмы взаимосвязей (отношений) подсистем.

В связи с этим необходимо отчетливо представлять, что диалектическое единство всех элементов транспортной системы дает повод для серьезного экономического анализа и прогнозирования, поскольку именно высокоэффективная транспортная система определяет развитие региона.

Концептуальная схема формирования и функционирования транспортной системы в регионе представлена на рисунке 2.

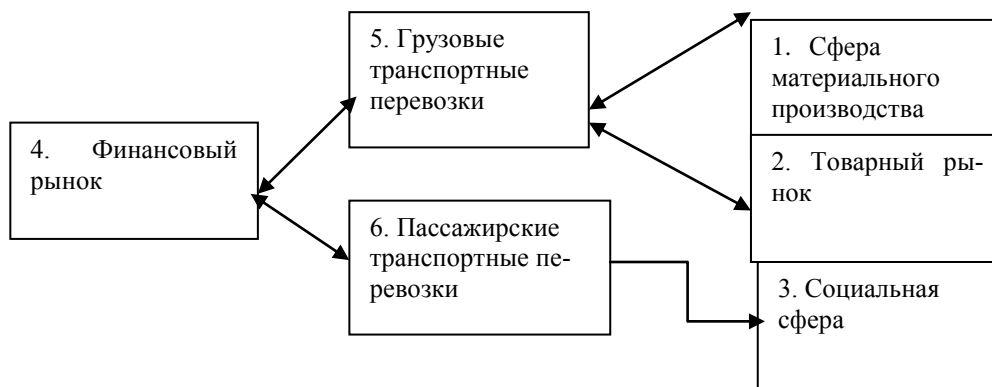

Рис. 2. Концептуальная схема формирования и функционирования транспортной системы в регионе (составлено автором)

Анализируя субъектно-объектную структуру отношений и интересов транспортной системы

региона, мы считаем необходимым выделить нижеследующие связи (табл. 1).

Таблица 1

Основные виды взаимосвязей транспортной системы региона

Направленность связей	Содержание связей
4-5;4-6	Экономические инвестиции
5-4;6-4	Инвестиционные доходы
5-1-2; 6-3	Реализация транспортных услуг
1-5;2-5;	Реализация продукции и услуг
3-6; 1-5; 2-5	Доходы от оказания транспортных услуг

Что касается возникающих в транспортной системе противоречий, то на уровне составляющих транспортную систему подсистем – это противоречия, возникающие между экономиче-

ской, социальной и экологической подсистемами или их основными целями функционирования (рис. 3, табл. 2).

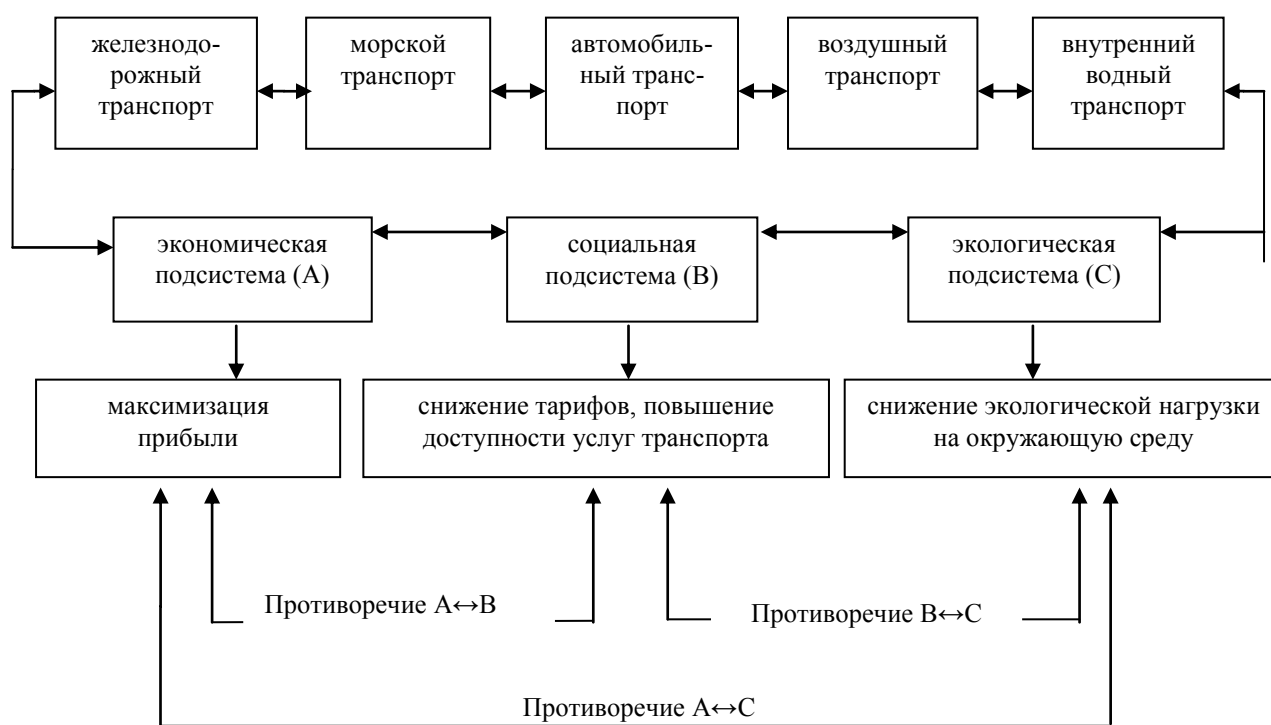

Рис. 3. Выявление «критических зон» между подсистемами или решаемыми ими задачами (составлено автором)

Если проанализировать представленные в таблице 2 противоречия и области их разрешения, то мы приходим к выводу, что все они находятся не в плоскостях самих подсистем, а в сфере организации взаимодействия различных видов транспорта, его технико-экономических характеристик, состояния объектов транспортной инфраструктуры, географических и климатических условий эксплуатации транспортных

средств. И вся сложность разрешения данных противоречий состоит в выделении таких групп, определении возникающих между ними противоречий и выработке управляющих воздействий, снимающих данные противоречия. В связи с этим необходимо выделить те основные группы элементов транспортной системы, которые могут представлять собой объекты управления.

Составляющие противоречий региональной транспортной системы и область их разрешения

Группа противоречий	Составляющая противоречий	Область разрешения противоречий
А↔В (противоречие между экономической подсистемой и социальной подсистемой)	Противоречие между сдерживанием роста тарифов на перевозку и необходимостью осуществлять перевозку населения. Противоречие между ограниченной транспортной доступностью в регионах со сложными климатическими условиями и малой плотностью населения и необходимостью реализовывать в этих регионах социальные задачи государства, закрепленные в Конституции РФ. Противоречие между необходимостью повышения транспортной мобильности населения и необходимостью значительных капитальных вложений в транспортную инфраструктуру.	Формирование региональной экономической политики, направленной на развитие экономически эффективных транспортных систем, финансирование НИОКР и производство инновационных исследований в области нетрадиционных видов транспорта
В↔С (противоречие между социальной подсистемой и экологической подсистемой)	Противоречие в необходимости интенсивного освоения новых территорий (строительство транспортной инфраструктуры) с целью повышения мобильности населения и возрастание экологической нагрузки в экологической подсистеме (вывод земельных территорий из эксплуатации, выбросы в воздушную среду и пр.)	Формирование региональной социальной политики, направленной на повышение мобильности населения посредством транспортной системы, несущей минимальную экологическую нагрузку на окружающую среду, финансирование НИОКР и производство инновационных исследований в области нетрадиционных видов транспорта
А↔С (противоречие между экономической подсистемой и экологической подсистемой)	Противоречие в целях экономической подсистемы и экологической подсистемы, между необходимостью максимизации прибыли, а следовательно, снижение затрат на обеспечение экологосберегающих мероприятий и повышение экологических требований к функционированию транспортной системы (уровень шума, уровень выбросов и пр.)	Формирование региональной экологической политики, направленной на внедрение транспортных средств, несущих минимальную экологическую нагрузку

Между видами транспортных средств (видами транспортными подсистемами) также имеются противоречия, связанные с необходимостью перевалки грузов (как следствие возникновение посредников, хранение грузов и перегрузка), точность перевозок одного вида транспорта зависит от точности перевозок смежного вида транспорта, подчиненность разным ведомствам сдерживает развитие межвидовой кооперации и интеграцию транспортных средств. В целом это приводит к увеличению транспортных издержек, снижению эффективности функционирования транспортной системы, снижению качества предоставляемой транспортной услуги.

Таким образом, анализ противоречий внутри и вне транспортной системы выявил необходимость пересмотра региональной политики в частях «экономика-транспорт», «социальная политика-транспорт»; «экология-транспорт». К со-

жалению, существующие видовые транспортные подсистемы не в состоянии решить данные проблемы традиционным путем, в силу либо низких экономико-технических характеристик (высокий показатель топливной эффективности – количество израсходованного топлива на 1 пассажира или на 1 километр пути): авиационный транспорт; либо в необходимости значительных капитальных вложений на создание транспортной инфраструктуры и поддержание ее технико-эксплуатационного состояния в рабочем виде – железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, авиационный транспорт. Невозможность обеспечения круглогодичной эксплуатации, высокие затраты на дноуглубительные работы и низкие скорости значительно снижают рентабельность водного внутреннего транспорта. Высокий уровень шума (авиационный транспорт), высокий уровень выбросов продуктов нефтепереработки в окружающую среду (авто-

мобильный транспорт, авиационный транспорт), необходимость строительства специальной транспортной инфраструктуры, предусматривающей вывод земель из хозяйственного оборота – все это не способствует улучшению экологической обстановки в регионе. Современный железнодорожный транспорт в качестве энергоносителя использует электроэнергию, что в условиях «энергодифицита» сдерживает решение иных задач в регионе: производственных и социальных.

Следовательно, выявленные «критические зоны» противоречий позволяют нам предположить, что источником их снижения является развитие инновационных транспортных технологий, а значит в качестве объекта управления можно определить научно-технический прогресс. Очевидно, что традиционный подход к функционированию транспортной системы не способен в полной мере удовлетворить эколого-социально-экономические потребности региона.

В России уровень внедренных инноваций в транспортную систему остается крайне низким. При этом основные направления инноваций определены направлениями в Транспортной стратегии:

- создание высокоскоростных железнодорожных магистралей;
- возведение скоростных автомагистралей с повышенными требованиями по безопасности дорожного движения;
- увеличение доступности гражданской авиации в разы и применение новых технологий спутниковой навигации;
- обеспечение бесперебойного судоходства независимо от погодных условий и времени суток;
- использование современных видов городского общественного транспорта;
- управление транспортным комплексом и логистика перевозок на основе систем навигации ГЛОНАСС.

В целом данные направления развития инноваций коррелируются с направлениями развития мировой транспортной системы. Но вызывает сомнение возможность их реализации в ближайшей перспективе в регионах со сложными климатическими условиями и малой плотностью населения. Например, на территории Сибири, Дальнего Востока и Севера до сих пор пассажирские перевозки носят дотационный характер, существует проблема «северного завоза». И здесь технически и технологически сложно организовать высокоскоростные перевозки тради-

ционными транспортными средствами. Таким образом, интеграция в мировую транспортную систему в условиях глобализации и современного состояния транспортного комплекса способна спровоцировать кризисные явления в российской транспортной системе.

С другой стороны, невозможно рассматривать проблему будущей цивилизации вне анализа современных тенденций развития науки и ее перспектив.

Исходя из понимания того, что транспортная система определяет развитие экономики региона, необходимо рассмотреть альтернативные (инновационные) варианты транспортных средств, на базе которых возможно создание высокоэффективной транспортной системы в регионах с особыми климатическими условиями. По сути, инновационные решения в транспортной системе должны решить задачу развития территорий СФО и ДВФО, повысить их инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность.

В связи с изложенным представляется актуальной задача исследования инновационных решений в области транспорта. Сегодня можно выделить ряд научных разработок, которые способны выступить в качестве дополнения либо альтернативы существующим транспортным средствам (табл. 3).

Таблица 3
Инновационные разработки в области транспортных технологий

Виды транспорта	Возможные альтернативные решения
Железнодорожный	- струнный транспорт Юницкого - транспортная система с вертикальной путевой структурой
Воздушный	- летательный аппарат «Динго» - летательный аппарат «ЭКИП» - дирижабли нового поколения
Речной (морской)	- амфибийные суда на воздушной подушке 2-го поколения; - экранопланы

Анализ этих инновационных разработок в области транспорта позволяет сделать вывод, что: 1) российскими учеными спроектированы

транспортные средства, способные конкурировать с традиционными;

2) наиболее перспективными и реалистичными для внедрения видятся разработки летательного аппарата «ЭКИП» (по сути, экранолет) и экранопланов.

В целом инновационный путь развития транспортной системы видится безальтернативным для регионов с малой плотностью населения и сложными климатическими условиями. Именно инновационные транспортные средства способны вывести транспортную систему региона на уровень опережающего развития по отношению к экономике региона в целом, а не наоборот. Ситуация, когда региональные бюджеты финансируют местные пассажирские перевозки, является распространенной, но противостественной в условиях рыночной экономики. Следовательно, необходимо предъявить новые требования к транспортным средствам, рассмотреть новые подходы к формированию и

функционированию транспортной системы, что позволит региональным транспортным системам эффективно влиться в транспортную систему России, а в условиях глобализации – и в мировую транспортную систему.

Литературы

1. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года [Текст]: распоряжение правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. №1734-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 декабря 2008 г. № 50. Ст. 5977.
2. Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010-2015 годы)» [Текст]: постановление правительства РФ от 12 октября 2010 г. – № 828 // Собрание законодательства РФ от 01 ноября 2010 г. – №44.
3. Драчев П.Т., Кноль В.А., Никитин А.Н. Проект «Ноосферные транспортные системы Сибири и Дальнего Востока». Итоги реализации [Текст]. – Новосибирск: Изд-во НГАСУ, 2005. – 606 с.
4. Степин В.С. Философия науки: общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук [Текст]. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

Сандакова Наталья Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, каф. «Экономика, организация и управление перерабатывающей промышленности и сферы услуг», ВСГУТУ, e-mail: ns2005@yandex.ru

Sandakova Natalya Yurievna, Candidate in Economic Sciences., Associate professor at "Economics, organization and management of the processing industry and the service sector" Chair, East Siberian State University of Technologies and Management, Ulan-Ude, Russia, e-mail: ns2005@yandex.ru

УДК 332.1

© Н.И. Атанов, М.В. Бадмаева, М.М. Егоров

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ И ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена развитию экономики и повышению жизненного уровня сельского населения. Обоснованы источники местного самоуправления: содержательное финансовое наполнение наделенных полномочий и ответственности местного самоуправления и создание информационно-коммуникационной инфраструктуры, включая муниципальную статистику и модернизация жилищно-бытовых условий сельских жителей.

Ключевые слова: местное самоуправление, модернизация, межбюджетные отношения, региональная статистика.

N.I. Atanov, M.V. Badmaeva, M.M. Egorov

FACTORS AND MECHANISMS OF RURAL LIFE AND ECONOMY MODERNIZATION

The article is devoted to the economy development and improvement of living standards of the rural population. The author substantiates the sources of local self-development: significant financial support of invested authority and responsibility of local government, establishment of the ICT infrastructure, including municipal statistics and upgrading the living conditions of rural people.

Keywords: local government, modernization, intergovernmental relations, the regional statistics.

Развитие местной экономики и состояние жизненного пространства конкретной территории по сути являются сиаемскими близнецами в обеспечении конкурентоспособности местных сообществ. В этом смысле анализ факторов экономического развития без учета состояния жизненного пространства региона или территории в его составе, равноценно труду мифическо-

го Сизифа. Территориальный срез демографического и трудового потенциала сельских территорий показывает, что Республика Бурятия постепенно утрачивает демографическую и экономическую безопасность. Поэтому восстановление жизненного пространства по формуле «Народосбережение», создание комфортной среды для проживания и трудовой деятельности явля-

ется приоритетной государственной заботой. В первую очередь для восточных регионов России с чрезвычайно низкой плотностью населения (ниже трех человек на 1 кв. км) и потому разреженным экономическим пространством. Именно поэтому, из-за низкой тесноты связей между акторами рынка, узости спроса и предложения, восток России от Забайкалья до Камчатки, можно отнести к регионам провала рынка.

Проектный подход на рыночных принципах, культивируемые за последние 20 лет в России, не способен обеспечить комплексное развитие территорий. Например, сколько ни развивай Улан-Удэнскую, либо Гусиноозерскую промышленную агломерации, пропорционального экономического роста даже смежных муниципальных районов не произойдет, не говоря об окраинных. Наоборот, отток населения приведет к еще большему обезлюдению периферийных сельских территорий. Такая же проекция может повториться и в других субъектах востока России.

Пространственное развитие мы связываем, прежде всего, с традиционными видами деятельности, на которых столетиями покоилась Россия, а из них – с крестьянским трудом. Данный выбор, на наш взгляд, не нуждается в дополнительных обоснованиях, если хотим накормить свой народ своими продуктами питания, одевать его в отечественный трикотаж, кожаные, шубные, меховые изделия, строить дома из местных материалов, обставлять квартиры мебелью из российской древесины и т.д. На этом направлении развития, к сожалению, нас вновь подстерегают демографические ловушки. Казавшийся нескончаемым российский крестьянский ресурс обнажил свою исчерпаемость. В одной из своих последних работ академик Л. Абалкин назвал его аграрной трагедией России [1], пытаясь, по нашему мнению, всколыхнуть общественность и государственное управление к крестьянской проблематике, акцентируя на то, что «промедление смерти подобно». Хроника многовековой эксплуатации крестьянства (прямой и скрытой), а также его судьбоносная роль в истории Российского государства, в его сохранении и развитии, убедительно раскрытый автором, подчеркивает о том громадном долге, который накопила страна перед крестьянством.

Происходящее с российским селом шокирует. За последние 10 лет перестали существовать 13,3 тыс. деревень, т.е. в среднем по 156 в каждом из 85 субъектов Российской Федерации, по 15 ежегодно. Экстраполяция данной тенденции

покажет, что за каких-то полвека российский ландшафт от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей останется без сел, без крестьянства, как особого сословия в российской социально-демографической стратификации.

Обследования, проведенные в шести муниципальных районах Республики Бурятия по теме «Социально – экономическое обновление села на факторах конкурентоспособности» показали, что вся совокупность проблем регионального крестьянства складывается из следующих составляющих.

1. Демографическая безопасность Забайкалья, граничащего с Китаем и Монголией, находится на критическом уровне, как по численности населения, так и по качеству человеческого потенциала из-за не прекращающегося миграционного оттока.

2. Моральный дух сельчан демонстрирует некую заброшенность, второсортность и безысходность, хотя нравственная традиционность не растрачена.

3. В то же время, крестьянство пребывает в состоянии поиска своей ниши в быстро изменяющемся мире и трансформирующихся межличностных и общественных отношениях, в открывшейся свободе и в перманентной ситуации «один на один» со своими проблемами.

4. Весь производственный и инфраструктурный аппарат крестьянского хозяйства и быта, созданного в советский период, изношен до пределов списания. Распад колхозно-совхозной системы не нашел адекватной альтернативы в новых, рыночных организационно-правовых формах. Производство сельскохозяйственной продукции поддерживается на 80% в натуральном секторе – личном подсобном хозяйстве крестьян.

5. Адаптация системы местного самоуправления происходит сложно, в основном из-за кадрового «голода», дисбаланса между полномочиями и ответственностью – с одной стороны и бюджетной обеспеченностью – с другой.

Выводы дают основу для выработки стратегии модернизации села. Многие из частных проблем решаемы на уровне муниципального района и Республики Бурятия не только за счет финансов, но и организационно-управленческих преобразований, активизации местных инициатив. Но принципиальные, государственно важнейшие вопросы, безусловно, нужно решать сообща, всей страной. Это, прежде всего, вывод крестьянства на конкурентоспособные позиции.

Данная цель интегрирует в себе и демографические, и модернизационные процессы в широком смысле слова.

Модернизацию села считаем целесообразным начинать с социально-бытовой сферы, т.е. обустройства жизненного пространства. Условия проживания сельского населения никак нельзя считать удовлетворительными. Если отключить электроснабжение, российское село вновь погружится в быт XIX века. Дома без холодного и горячего водоснабжения, без канализации и других удобств трудно назвать жильем в современном смысле слова.

Создание социально-бытовых условий нового поколения обеспечит привлекательность села для жизне- и трудоустройства, закладки модернизированного фундамента новой аграрной экономики.

Можно и далее развивать мысль в том же духе, если бы для этого имелись, наряду с необходимыми, достаточные условия. Речь идет о приоритетах в государственной политике социально-экономического развития. К сожалению, вопросы подъема аграрной экономики и обновления села в приоритетах не значатся. Пока в лидерах на государственное внимание силовые ведомства и имиджевые спортивные проекты. Во истину: сила есть, ума не надо.

Правовая основа становления и развития местного самоуправления заложена Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Был пройден пятилетний адаптационно-внедренческий период правоприменения закона, внесения в него поправок и дополнений.

За прошедший период после принятия закона № 131-ФЗ в муниципальном звене произведен ряд принципиальных организационно-управленческих преобразований. Юридически оформлены поселенческие муниципальные образования, созданы администрации, определены предметы ведения и осуществлено разграничение полномочий, сформирована бюджетная система и т.д. Естественно одним махом создать действенную систему в самом сложном его секторе – первичном звене общественных отношений – задача трудноразрешимая.

Практика реализации федерального закона ФЗ № 131 показывает, что основным сдерживающим фактором является глубокий дисбаланс между полномочиями и ответственностью муниципалитетов с бюджетной обеспеченностью. И пока этот дисбаланс не будет ликвидирован,

нет оснований рассчитывать на высокие темпы и пропорции в пространственном развитии региона.

В значительной степени разубить этот «гордиев узел» межбюджетных проблем поможет отход от политики унитаризма к демократическому принципу распределения доходов в пользу муниципальных бюджетов. В регионе нужно отказаться от дублирования неконструктивной практики централизации доходов в федеральный бюджет, и действий по принципу «дам – не дам» в зависимости от политико-административного поведения региональной власти. Муниципальные образования, особенно сельские, лишены своих законных прав распоряжаться доходами, извлеченными на их территории, вполне заслужили восстановления «статус-кво» в этом вопросе.

Децентрализация регионального бюджета имеет своей целью достижение бездефицитности муниципальных бюджетов. И этот шаг должна сделать исполнительная и законодательная власть региона путем передачи муниципалитетам большей части бюджетных полномочий, оставив у себя только ту часть доходной базы, которая необходима для исполнения региональных функций государственного управления. Ясно, что средств на их исполнение в дотационном региональном бюджете будет недостаточно. Восполнение образующегося дефицита необходимо добиваться из федерального бюджета путем обоснованного доказательства необходимого размера безвозмездных поступлений.

Позитивные последствия и угрозы децентрализации регионального бюджета заключаются в следующем.

1. Чем больше прав, полномочий и ответственности по управлению развитием территорий будет делегировано из федерального центра в регионы, а от региона на муниципальный уровень, тем устойчивее пирамида властной вертикали. Сегодня она обращена основанием вверх, а острием вниз, т.е. вся система государственного устройства неустойчива. С каждым годом все больше управленческих полномочий передаются в регионы и муниципалитеты, а средства для их исполнения сконцентрированы в федеральном центре. В стране создана классическая асимметрия «рака-щуки-лебедя». Задача государственного управления – поставить пирамиду власти основанием вниз, наделив муниципалитеты бюджетными ресурсами для полноценного местного самоуправления.

2. Муниципальное управление, получив необходимое бюджетное обеспечение, будет объективно поставлено в условия активно заниматься вопросами развития района, поселения. На порядок сократится хождение глав районов по «коридорам власти» для выбивания денег, бесчисленного множества согласований разного рода в министерствах и ведомствах, значительно оздоровится и упростится административно-управленческий процесс, а следовательно, сократятся бюджетные расходы. У муниципальных образований появится реальный интерес увеличения своей доходной базы.

3. Не менее, а более важен вопрос о сокращении коррупционных оснований, когда у чиновников изымут полномочия распределения финансовых ресурсов.

4. Угрозы на пути децентрализации регионального бюджета и обеспечения бездефицитности муниципальных бюджетов кроются в расчистке завалов и ловушек. Прежде всего, в правильном восприятии и политической воли со стороны всех ответственных властных структур во главе с высшим должностным лицом в регионе. Предстоят законодательная и нормативная проработка вопроса, организационные и кадровые изменения, модернизация структуры управления в органах исполнительной власти и в администрациях муниципальных районов и решение множества других вопросов.

Другим обязательным новведением институционального характера является создание полноценной информационно-коммуникационной системы и, прежде всего, муниципальной статистики.

Совершенно очевидно, что без полной, объективной статистической информации невозможно анализировать и устанавливать точный диагноз проблемных точек в экономике и социальной жизни и уж тем более – ставить стратегические задачи и делать точные прогнозы.

На наш взгляд, первым и самым простым действием местных властей в поселениях должно стать восстановление счетоводства, введение в домохозяйствах хозяйственной книги для наиболее полного учета и планирования экономических, социальных и других индикаторов и показателей.

В этой связи кое-что сделано со стороны Росстата, органов исполнительной власти страны и регионов. В 2007 году была создана и размещена в свободном доступе на официальном сайте Росстата база данных статистических показателей, характеризующих состояние экономики и

социальной сферы муниципального образования, которая включает информацию по каждому из более 24 тысяч муниципальных образований. Исследователи отмечают, что, несмотря на существенное расширение базы данных с момента ее создания (в 2009 году в 2 раза больше показателей, чем в 2007 году), состав показателей, формируемых по муниципальным образованиям, не отвечает задачам, поставленным перед регионами и муниципальными образованиями [2]. Большинство показателей, необходимых органам местного самоуправления для анализа социально-экономического развития муниципальных образований, имеются лишь по крупным и средним предприятиям, в то время как ряд важнейших показателей может быть получен только на основе сплошного статистического обследования организаций, находящихся в границах муниципального образования.

Принимая во внимание подобные недостатки, Росстатом принято решение продолжить работы по расширению информационной базы региональной и муниципальной статистики, необходимой для стратегического планирования и анализа целевых программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В 2011 году началось проведение сплошного федерального статистического наблюдения субъектов малого и среднего предпринимательства. В 2012 году планируется построение базовых таблиц «затраты-выпуск», необходимых для построения межотраслевых балансов, а также проведение выборочного федерального статистического наблюдения затрат на производство и результатов деятельности хозяйствующих субъектов [3].

Данные мероприятия, безусловно, важные, но одномоментные. Создание муниципальной и региональной статистики находится в компетенции региональной власти. Попытки решить вопрос каждый раз наталкиваются на бюджетные ограничения, хотя всем ясно, что без объективного и полного учета вся система государственной власти носит вероятностный характер с «ручным управлением», а это есть не что иное, как метод проб и ошибок.

На самом деле создание муниципальной статистики не требует обязательного построения бюрократической аппаратной «вертикали» и встраивания его в общую схему Росстата. Функции муниципальной статистики с успехом можно вменить в обязанности действующих администраций районов и поселений, без создания

дополнительных рабочих мест. Нужна лишь политическая воля и объективное желание власти видеть зеркальное отображение реального положения дел вместо подгонки нужных показателей к нужным мероприятиям.

Таким образом, из всего множества проблем модернизации [4] жизненного и экономического пространства муниципальных территорий региона, авторами изложены подходы к механизмам реализации двух ключевых факторов: финансового и информационного, силами местной власти, без апелляции к федеральному центру. Ждут методологической и методической проработки ряд других важных вопросов пространственного развития регионов. При этом авторы отдают себе отчет по поводу ограниченности возможностей регионов решить эти проблемы только собственными силами.

Атанов Николай Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. 670024, г. Улан-Удэ, ул. Гагарина, 64-85, тел.: 89246533844, e-mail: orei.bnc@mail.ru

Atanov Nikolai Ivanovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies at the Buryat Scientific Center of the Russian Academy of Science, e-mail: orei.bnc@mail.ru

Бадмаева Мария Валентиновна, доктор философских наук, доцент, декан факультета экономики и управления Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, тел.: 213744, e-mail: badmaeva_maria@mail.ru

Badmaeva Maria Valentinovna, Doctor of Philosophy, Associate professor, Dean of Economic and Management Department at Buryat State University. Ulan-Ude, Smolina st. 24a, 670000, tel.: 8(3012) 213744, e-mail: badmaeva_maria@mail.ru

Егоров Михаил Матвеевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики социально-культурной сферы Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. Адрес: 670013, Ключевская, 28-12, тел.: 467629. E-mail: info@vsgaki.ru

Egorov Mikhail Matveevich, Doctor of Economic Sciences, Professor at the Economics of Socio-cultural sphere Chair, East-Siberian State Academy of Culture and Art. Address: 670013. Kluchevskayast, 28-12. Tel: 467629. E-mail: info@vsgaki.ru

УДК 332.1

© К.П. Дырхеев

ВАРИАНТЫ ПОСТРОЕНИЯ МАТРИЧНОГО БАЛАНСА РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБОРОТА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №12-01-98011-р " Моделирование и оптимизация региональной эколого-экономической системы Республики Бурятия "

В статье дается представление о региональном воспроизводственном процессе как совокупности экономических операций между хозяйственными субъектами, которые реализуются в форме регионального экономического оборота. Рассмотрены варианты представления трехмерных экономических операций в двумерной матричной форме.

Ключевые слова: экономические операции, региональный экономический оборот, принцип двойной записи, матрица экономического оборота.

K.P. Dirkheev

VARIATIONS OF CONSTRUCTION MATRIX BALANCE OF REGIONAL ECONOMIC TURNOVER

The article gives an idea of the regional process of reproduction as a set of economic transactions between economic agents, which are realized in the form of regional economic turnover. Considered options of representation a three-dimensional economic operations in a two-dimensional matrix form.

Keywords: economic transactions, the regional economic turnover, the principle of double-entry, matrix of economic turnover.

Макроэкономический подход к исследованию региональной экономической системы

предполагает анализ основных стадий воспроизводственного процесса в регионе – производст-

ва, потребления и накопления продукта. Практически региональный воспроизводственный процесс реализуется как совокупность элементарных экономических операций, представляющих собой региональный экономический оборот. В конечном счете экономические агенты как субъекты экономических операций, осуществляющие разнообразные стоимостные потоки, формируют определенную структуру функционирующей экономической системы региона.

Представление о региональном экономическом обороте как о совокупности операций, связанных со стоимостными потоками, позволяет применять при его описании бухгалтерский принцип двойной записи. По данному принципу любая экономическая операция, будь то транзакционная сделка или трансфертная передача денежных средств, записывается в соответствующих счетах как доход одной и расход другой экономической единицы. Последовательное применение принципа двойной записи экономических операций приводит к отражению регионального экономического оборота в целом в виде единой системы, сбалансированной по построению.

В статической постановке за определенный достаточно короткий период времени (в пределах года) для регистрации каждой экономической операции необходим следующий минимальный объем информации:

X – сумма операции; $i = 1, 2, \dots, n$ – номера получателей денежных средств; $j = 1, 2, \dots, n$ – номера плательщиков; $r = 1, 2, \dots, m$ – номера объектов операции (содержание операции). По методологии системы национальных счетов экономические операции по характеру своего осуществления бывают операциями на компенсационной основе (акты купли-продажи товаров) и трансфертами (стоимостные потоки без компенсаций).

Тогда X^r_{ij} – трехмерная интерпретация каждой экономической операции. Соблюдение принципа трехмерности экономических опера-

ций позволяет анализировать финансовый аспект регионального воспроизводства, который отвечает определенным требованиям исследуемого объекта.

Практически для изучения регионального экономического оборота нет необходимости в полной и подробной информации. Вызывает интерес геометрическая интерпретация Б.Л. Исаевым трехмерности каждой экономической операции, которую можно представить как запись в трехмерной системе координат. В таком случае анализ регионального экономического оборота состоит в последовательном переходе от одной плоскости к параллельной ей другой плоскости [2, с. 49]. В трехмерной системе координат достаточно выбрать один из трех вариантов, чтобы таким последовательным анализом отдельных плоскостей перебрать все элементы исследуемой системы.

В основе построения интегрированных балансов «межсубъектных» финансовых связей, описывающих экономический оборот региона в целом, лежит комбинация всех возможных подходов к двумерному представлению трехмерной информации об экономических операциях. Рассмотрим различные варианты, на сочетании которых строится интегрированная балансовая система.

Первый вариант: исследуются попарные связи между всеми экономическими агентами i и j по каждой операции r . Если таким образом исследовать все возможные операции, взяв все значения r , то экономический оборот будет полностью исчерпан. В таком случае описание экономического оборота приводит к расчету «межсубъектных» балансов, т.е. балансов между экономическими агентами:

$$X^1_{ij} + X^2_{ij} + \dots + X^r_{ij} + \dots + X^m_{ij} = X_{ij}, (i, j = 1, 2, \dots, n),$$

и к построению квадратной таблицы (матрицы) порядка n , отражающей «адресность» операций (кто кому и сколько в итоге заплатил по всем видам операций):

		Плательщики			
		j=1	j=2	...	j=n
Получатели	i=1	X ₁₁	X ₁₂	...	X _{1n}
	i=2	X ₂₁	X ₂₂	...	X _{2n}
	...	...	...	...	...
	i=n	X _{n1}	X _{n2}	...	X _{nn}

Затем по каждой строке суммируется доход i -го экономического агента, получаемого от всех j -х агентов

$$X_{i1} + X_{i2} + \dots + X_{ij} + \dots + X_{in} = X_i, \quad (i = 1, 2, \dots, n),$$

а по каждому столбцу суммируются выплаты j -го экономического агента всем i -м агентам:

$$X_{1j} + X_{2j} + \dots + X_{ij} + \dots + X_{nj} = X_j, \quad (j = 1, 2, \dots, n).$$

Соответственно суммарный экономический оборот (X) равен:

$$X = X_1 + \dots + X_i + \dots + X_n = X_1 + \dots + X_j + \dots + X_n.$$

При определении суммы операций между экономическими агентами X_{ij} в явном виде не отражается вид экономической операции r . Однако можно предположить, что каждый экономический агент занят производством какого-то одного вида продукции или услуги, за счет реализации которой он получает выручку от потребляющих данный вид продукции (услуги) других производственных агентов. В таком случае мы получаем двустороннюю экономическую операцию на компенсационной основе, при которой содержание операции и составляет вид производимой продукции (услуги). Тогда мы получаем не что иное как «шахматную таблицу» первого квадранта межотраслевого баланса – квадратную матрицу порядка n . А межотраслевой баланс, как известно, построен по принципу технологически «чистых» отраслей (видов производимой продукции или услуги), когда каждая отрасль в таблице представлена двояким образом. Как элемент строки она выступает в роли

поставщика производимой ей продукции (услуги) и одновременно в роли получателя денежного дохода, а как элемент столбца – в роли потребителя продукции других отраслей, несущего соответствующие денежные расходы. При этом показатель X_{ij} представляет величину межотраслевых потоков продукции или услуги (от агента i к агенту j) и соответствующих денежных средств (от агента j к агенту i). Кроме того, межотраслевой баланс дополняется вторым квадрантом с отражением конечного использования i -й продукции (услуги) Y_i и соответствующего получения денежного дохода i -м агентом от всех конечных потребителей.

Второй вариант: исследуется экономический оборот по признаку получателей доходов i -ми экономическими агентами и видов совершаемых операций (r). Экономический оборот исчерпывается путем перебора всех плательщиков (j):

$$X_{i1}^r + X_{i2}^r + \dots + X_{ij}^r + \dots + X_{in}^r = X_{ir}, \quad (i = 1, 2, \dots, n; r = 1, 2, \dots, m).$$

Показатель X_{ir} показывает, какую сумму дохода получил i -й экономический агент по операции вида r . Данный показатель является элементом балансовой таблицы (матрицы) экономического оборота прямоугольной формы, в которой по столбцам отражаются затраты всех экономических агентов по отдельным видам операций, а по строкам – доходы каждого из экономических агентов от этих операций:

		Операции				
		r=1	r=2	r=3	...	r=m
Получатели	i=1	X_{11}	X_{12}	X_{13}	...	X_{1m}
	i=2	X_{21}	X_{22}	X_{23}	...	X_{2m}
	...	...	...	...	...	...
	i=n	X_{n1}	X_{n2}	X_{n3}	...	X_{nm}

Затем по каждой строке суммируется доход i -го экономического агента, получаемого от всех видов экономических операций:

$$X_{i1} + X_{i2} + \dots + X_{ir} + \dots + X_{im} = X_i, \quad (i = 1, 2, \dots, n).$$

Соответственно по каждому столбцу можно определять общие затраты всех экономических агентов по конкретному виду операции:

$$X_{1r} + X_{2r} + \dots + X_{ir} + \dots + X_{nr} = X_r, \quad (r = 1, 2, \dots, m).$$

Наконец, получаем суммарный экономический оборот:

$$X = X_1 + X_2 + \dots + X_i + \dots + X_n = X_1 + X_2 + \dots + X_r + \dots + X_m.$$

Третий вариант: исследуется экономический оборот по признаку видов совершаемых экономических операций (r) и плательщиков по ним. В целом экономический оборот исчерпывается путем перебора всех получателей доходов по экономическим операциям:

$$X_{1j}^r + X_{2j}^r + \dots + X_{ij}^r + \dots + X_{nj}^r = X_{rj}, \quad (r = 1, 2, \dots, m; j = 1, 2, \dots, n).$$

Показатель X_{ij} показывает сумму расходов j -го экономического агента по каждому виду операции r . Данный показатель является элементом балансовой таблицы (матрицы) экономического оборота прямоугольной формы, в которой по

строкам отражаются доходы всех экономических агентов по конкретным видам операций, а по столбцам – расходы каждого из экономических агентов по этим операциям:

		Плательщики			
		j=1	j=2	...	j=n
Операции	r=1	X_{11}	X_{12}	...	X_{1n}
	r=2	X_{21}	X_{22}	...	X_{2n}
	r=3	X_{31}	X_{32}	...	X_{3n}
	...	...	...	...	...
	r=m	X_{m1}	X_{m2}	...	X_{mn}

Затем по каждой строке суммируются затраты всех экономических агентов по каждому виду экономических операций:

$$X_{r1} + X_{r2} + \dots + X_{rj} + \dots + X_{rn} = X_r, \quad (r = 1, 2, \dots, m).$$

Соответственно по каждому столбцу определяются затраты каждого экономического агента по всем экономическим операциям:

$$X_{1j} + X_{2j} + \dots + X_{rj} + \dots + X_{mj} = X_j, \quad (j = 1, 2, \dots, n).$$

Результат общего экономического оборота равен:

$$X = X_1 + X_2 + \dots + X_r + \dots + X_m = X_1 + X_2 + \dots + X_j + \dots + X_n.$$

Таким образом, результат экономического оборота X можно получать тремя разными вариантами двумерного представления трехмерной информации об экономических операциях: X_{ij} , X_{ir} , X_{rj} . В любом случае первый индекс при переменной означает либо i -го получателя дохода либо r -й вид операции, по которой получают доходы все участвующие в данной операции экономические агенты, второй индекс – либо j -гоплательщика либо r -й вид операции, по которой несут затраты все участвующие в данной операции экономические агенты.

В целом, как считает ряд авторов [1, 2, 3, 4 и др.], баланс регионального экономического оборота можно изображать в форме системы балансовых уравнений и матриц, в форме графа или серии корреспондирующих счетов. Удобным для анализа и моделирования является представление баланса регионального экономического оборота в форме квадратной матрицы, в которой каждая пара «строка-столбец» с одним и тем же номером образует счет, а каждый элемент матрицы – корреспонденцию счетов. Тогда сумма операции может быть записана один раз, но прочитываться дважды: по строке как доход, по столбцу как расход.

Литература

1. Абрютин М.С. От бухгалтерского учета к национальным счетам: учеб.-практ. пособие. – М.: Финстатинформ, 2001.
2. Исаев Б.Л. Балансы межотраслевых финансовых связей. – М.: Наука, 1973.
3. Леонтьев В. Межотраслевая экономика: пер. с англ. – М.: Экономика, 1997.
4. Никитина В.З., Ставчиков А.И. Моделирование материально-финансовых отношений предприятий и отраслей. – М.: Наука, 1977.

Дырхеев Константин Павлович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории факультета экономики и управления Бурятского государственного университета, 670045, г. Улан-Удэ, ул. Норильская, 14. e-mail: konst0506@rambler.ru

Dyrkheev Konstantin Pavlovich, Candidate of Economic Sciences, Associate professor, Head of Economic Theory Chair at Economics and Management Faculty of Buryat State University, 670045, Ulan-Ude, Norilskaya st., 14, e-mail: konst0506@rambler.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассмотрены методологические основы отраслевой оптимизации региональной экономики на основе метода оценки чувствительности вариаций и моделирования межотраслевого баланса региональной экономики на примере Республики Бурятия.

Ключевые слова: региональная экономика, оптимизация отраслевой структуры, межотраслевой баланс.

Ts.D. Shirapov

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF INDUSTRIAL STRUCTURE OPTIMIZATION IN REGIONAL ECONOMY

The article describes methodological foundations of industry optimization in regional economy on the basis of evaluation of sensitivity of variations and modeling inter-sectoral balance of the regional economy through the example of the Republic of Buryatia.

Keywords: regional economy, optimizing industrial structure, inter-sectoral balance.

Рыночные реформы, проводимые в течение последних пятнадцати лет, кардинальным образом изменили облик экономической жизни России. Эти изменения не только носили макроэкономический характер, но и сопровождались колоссальной трансформацией экономической структуры России. Изменилась структура производства, структура образования и распределения доходов, отраслевые пропорции цен.

Значительные сдвиги произошли не только в отраслевом разрезе производства, но и во взаимоотношениях региональных экономик между собой и с народным хозяйством страны в целом. С распадом Советского Союза также исчезла единая система планирования территориального развития. Регионы оказались во многом предоставленными самим себе и должны были самостоятельно решать возникшие проблемы. За годы реформ многократно возросла межрегиональная дифференциация в социально-экономическом развитии. Ее дальнейшее увеличение может создать угрозу сбалансированности экономического развития и политической целостности страны [3].

Это требует создания комплекса мер, направленных на сближение уровней развития субъектов Российской Федерации. В связи с этим разработка региональной политики невозможна без анализа складывающейся в регионах ситуации и построения сценарных прогнозов на будущее.

Актуальность регионального аспекта макроструктурного анализа и прогноза связана также с возросшей обособленностью региональных экономик, а значит, и с необходимостью регулирования их как элементов целостной системы.

Рассмотрение отраслевой структуры хозяйственной системы является основополагающим

для исследования региональной экономики, поскольку она лежит в основе всех структур (секторальной, институциональной, территориальной, социальной, социально-экономической). Отраслевая структура формируется на основе общественного разделения труда, показывает существующее в обществе распределение экономических ресурсов между отраслями и сферами производства, максимально полно отражает деятельностный подход к исследованию экономических процессов, позволяет использовать статистические данные, адекватные для сравнения. Характеристика отраслевой структуры экономики позволяет установить вклад каждой отрасли в создание валового внутреннего продукта, проследить межотраслевые связи и пропорции, поэтому отражает закономерности развития общественного воспроизводства.

В структуре региональной экономики можно выделить отрасли специализации, оказывающие решающее воздействие на состав, темпы и масштабы развития вспомогательных отраслей и объектов производственной инфраструктуры. Чем сильнее производственные связи между предприятиями, расположенными в одном регионе, тем масштабнее проявляются мультипликационные эффекты. Развитие сферы производства непосредственно влияет на деятельность объектов непрямой сферы, расположенных на территории региона и отдельных муниципальных образований.

Таким образом, увеличение (уменьшение) спроса на конечную продукцию отраслей приводит к соответствующему изменению выпуска не только промежуточной продукции предприятий региона, но и к росту (спаду) производства потребительской продукции и возрастанию

(снижению) нагрузки на объекты социальной инфраструктуры. Поэтому развитие экономики региона должно происходить комплексно, с учетом как производственных, так и непроизводственных связей между ее отраслями.

Нарушение принципа системности, учитывающего мультипликационные эффекты, приводит к диспропорциональному развитию региональной экономики и ухудшению социально-экономического положения в регионе.

В связи с изложенным пропорциональное развитие отраслей региональной экономики является необходимым условием ее устойчивого развития, что в свою очередь определяет инвестиционную привлекательность региона. Вследствие указанного обстоятельства одной из задач эффективного управления региональной экономикой является разработка ее экономико-математической модели, позволяющей оптимизировать отраслевую структуру. Указанная модель должна адекватно отображать региональную экономическую систему в формализованном виде как целостность, образуемую территориально-производственным комплексом определенной местности и соответствующим территориальным объединением людей. При разработке оптимизационной модели структуры региональной экономики, с точки зрения распределения инвестиционных ресурсов между ее отраслями, необходимо строить модель межотраслевого баланса (МОБ).

Обширный объем информации, входящий в состав таблиц межотраслевого баланса, позволяет проводить детальный анализ общего состояния экономики и ее важнейших отраслей, а также потоков ресурсов по различным направлениям их использования.

Использование модельного аппарата межотраслевого баланса позволяет решать аналитические задачи. Эти задачи имеют «игровой» характер. Они строятся на базе разработки различных сценариев в области инвестиционной, ценовой, внешнеэкономической государственной политики. Результаты сценариев дают возможность оценить влияние тех или иных мероприятий на объемы выпусков отраслей, уровень цен, доходы населения и другие показатели. «Игровые» задачи для межотраслевого баланса тесно связаны с задачами прогнозного характера, где модели межотраслевого баланса отводится роль

связующего звена между отдельными прогнозами. Поэтому использование модели межотраслевого характера в статической постановке позволяет значительно повысить уровень сбалансированности прогнозов комплексного социально-экономического развития региона.

Таким образом, в применении межотраслевого баланса для экономического анализа можно различить два методологических подхода [1]:

1) анализ информации, непосредственно содержащейся в таблицах МОБ (аналитическая обработка таблиц);

2) анализ на основе моделей межотраслевых связей.

Первый подход, по сути, представляет собой анализ структуры экономики как за отчетный период, так и в динамике (стоимостный состав продукции, структура затрат производства, структура потребления, структура валового внутреннего продукта и так далее). Второй подход основывается на построении разного рода моделей с экзогенными и эндогенными параметрами. Выходные параметры таких моделей есть не что иное, как прогноз.

Для получения прогноза развития региональной экономики в контексте отраслевой структуры целесообразно использование метода оценки чувствительности вариаций, который позволяет производить расчет результирующего признака при условии варьирования факторных признаков, связанных с увеличением доли определенной отрасли в структуре региональной экономики.

В рамках сценарного подхода с использованием метода чувствительности вариаций осуществляется корректировка МОБ региона. Полученные значения ВРП при различных вариантах сценариев будут служить критерием оптимизации отраслевой структуры региональной экономики и проведения оптимизации отраслевой структуры.

Далее приводится построение прогноза результирующего признака – значения ВРП на 2013 г., при предположении, что произойдет увеличение доли отдельной отрасли на 5% от уровня 2012 г., в то время как показатели других отраслей останутся на прежнем уровне. В итоге получается семь сценариев изменения отраслевой структуры, в зависимости от изменения каждого факторного признака (табл. 1).

Таблица 1

Условия расчета результативного признака

Сценарии	Промышленность	Строительство	Сельское и лесное хозяйство	Транспорт и связь	Торговля	Прочие виды деятельности	Нематериальные услуги
1	+5%	0	0	0	0	0	0
2	0	+5%	0	0	0	0	0
3	0	0	+5%	0	0	0	0
4	0	0	0	+5%	0	0	0
5	0	0	0	0	+5%	0	0
6	0	0	0	0	0	+5%	0
7	0	0	0	0	0	0	+5%

Первый сценарий предполагает увеличение доли промышленности на 5%, в то время как структура других отраслей остается на уровне предыдущего года. Второй сценарий предусматривает рост доли строительства на 5%, объемы производства остальных отраслей остаются неизменными. Третий и последующий сценарии предполагают увеличение доли сельского и лесного хозяйства, транспорта и связи, торговли, прочих видов деятельности, нематериальных услуг в отраслевой структуре на 5% соответственно при неизменных прочих условиях.

Данный прогноз позволил оценить рост ВРП при изменении отраслевой структуры и выявить тот сценарий, который будет приводить к ее оптимизации.

В результате использования игрового подхода и проведенных расчетов были получены следующие значения (табл. 2): при третьем сценарии – увеличение доли сельскохозяйственного производства на 5%, отклонение от величины ВРП базового года составило наибольшее значение +6,39%, а при шестом сценарии наблюдается отрицательное отклонение на величину -3,06%.

Таблица 2

Величина ВРП с учетом сценариев изменения отраслевой структуры региональной экономики Республики Бурятия, млрд р.

Сценарии	ВРП, 2013 г., млрд р.	Отклонение от величины базового 2012 г., %
1	176,2	4,48
2	165,3	-1,81
3	179,8	6,39
4	167,9	-0,23
5	165,5	-1,69
6	163,3	-3,06
7	177,0	4,91

Проведенные расчеты показывают, что наибольшее рост ВРП обеспечивают следующие отрасли: сельское и лесное хозяйство, нематериальные услуги (включая туризм) и промышленное производство. Отрицательный прирост ВРП при изменении отраслевой структуры региональной экономики демонстрируют другие отрасли (строительство, транспорт и связь, торговля и прочие виды деятельности). Как отмечают авторы [2], особое место сельского хозяйства в национальном хозяйстве страны обусловлено, во-первых, его важнейшей ролью в обеспечении населения не только продовольствием,

но и другими важнейшими общественными благами и услугами, а во-вторых, связано со значительным ресурсным потенциалом, сосредоточенным в отрасли.

Таким образом, полученные результаты позволяют оптимально определять ориентиры при распределении инвестиционных ресурсов и строить обоснованные планы развития региона.

Литература

1. Саяпова А.Р. Прогнозирование межотраслевых пропорций в регионе. – М.: Наука, 2003. – 222 с.

2. Слепнева Л.Р., Цыренов Д.Д. Совершенствование организационно-хозяйственной инфраструктуры в сельском хозяйстве региона // Вестник Бурятского государственного университета, 2012. – Вып. D. – С. 33-37.
3. Стрижкова Л.А. Роль макроэкономических исследований в государственном управлении экономикой переходного периода. – М.: Изд-во ИМЭИ, 1997. – 251 с.
4. Узяков М.Н. Трансформация российской экономики и возможности экономического роста. – М.: Изд-во ИСЭПН, 2000. – 360 с.

Ширапов Цырен Дашидоржиевич, аспирант кафедры «Финансы и кредит» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, e-mail: tsiren1987@mail.ru

Shirapov Tsyren Dashidorzhievich, postgraduate student, Finance and Credit Chair, East Siberian State University of Technologies and Management, e-mail: tsiren1987@mail.ru

УДК 314.88

© С.С. Михайлова

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В статье рассмотрены особенности демографического развития Республики Бурятия, представлен среднесрочный прогноз численности населения региона.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, миграция, прогнозирование численности населения.

S.S. Mikhailova

THE REPUBLIC OF BURYATIA DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT FORECASTING

The article shows peculiarities of demographic development of the Republic of Buryatia, and presents a medium-term forecast of the region's population size.

Keywords: birth rate, death-rate, migration, population size forecast.

Республика Бурятия расположена в южной части Восточной Сибири, входит в состав Сибирского федерального округа. Регион традиционно характеризовался благоприятной демографической ситуацией вследствие преобладания

сельского населения, этнических особенностей. В то же время под воздействием кризисных явлений 1990-х гг. демографическое положение региона существенно ухудшилось (табл. 1).

Таблица 1

Показатели демографического развития населения Республики Бурятия

	1990	2000	2005	2007	2009	2010
Численность населения, тыс. чел.	1048,1	1004,8	969,1	960,0	960,7	963,5
Коэффициент рождаемости, ‰	20,0	11,2	13,7	14,6	16,9	17,3
Коэффициент смертности, ‰	14,1	19,3	19,9	16,0	14,4	14,6
Естественный прирост, ‰	5,9	-8,0	-6,2	-1,3	2,6	2,7
Миграционный прирост, ‰	-	-4,0	-4,4	-2,9	-1,6	-3,4
Число женщин на 1000 мужчин, чел.	1052,3	1082,1	1107,0	1115,0	1116,9	1117,6
Общая демографическая нагрузка, ‰	794,7	670,4	566,9	550,6	571,4	595,1
Средний возраст живущего населения, лет	29,7	32,7	33,8	34,1	34,3	34,4

Республика Бурятия традиционно относилась к территориям с высоким уровнем рождаемости. На протяжении 1980-х гг. общий коэффициент рождаемости составлял 20,4-24,1‰. С началом социально-экономических преобразований, вызвавшим резкое падение уровня жизни населения в стране, отмечается спад рождаемости.

Рост уровня рождаемости в 2000-х гг. связан как с увеличением интенсивности деторождения, так и позитивными сдвигами в возрастной структуре женщин. За рассматриваемый период произошло смещение абсолютного числа рождения детей в старшие возрастные группы.

Общий уровень рождаемости зависит от факторов интенсивности деторождения в каждой возрастной группе и половозрастной структуры населения. Для оценки влияния каждого из указанных факторов рассчитаны базисный темп прироста общего коэффициента рождаемости, темп прироста общего коэффициента рождаемости, обусловленный изменением интенсивности деторождения, и темп прироста общего коэффициента рождаемости, обусловленный изменением половозрастной структуры населения по сравнению с базисным периодом. В период с 1991 по 1993 г. на уровень рождаемости оказывали негативное влияние изменение интенсивности деторождения и изменение половозрастной структуры населения. С 1994 г. изменение половозрастной структуры населения приобрело положительный характер, общий коэффициент рождаемости увеличивался до 2007 г.

Уровень смертности населения зависит от сложившейся социально-экономической ситуации в стране, уровня медицинского обслуживания, условий жизни. Социальные потрясения в обществе вызывают рост смертности среди населения, причем рост это может наблюдаться и в последующие, более благоприятные, периоды. Анализ динамики общего коэффициента смертности населения Республики Бурятия позволяет выделить периоды роста, стабилизации и снижения уровня смертности. Так, интенсивный рост смертности населения региона отмечен в 1991-1994 гг. и 1999-2005 гг., что является следствием кризисных явлений в стране. Стабилизация и снижение общего уровня смертности наблюдается в периоды 1995-1998 гг. и 2006-2010 гг. Снижение смертности в посткризисные периоды связано с улучшением социально-экономической ситуации и адаптацией населения к новым условиям жизни.

Высокий уровень смертности обусловлен накоплением неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения в сочетании с воздействием высокого уровня стресса, снижением качества жизни в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы. Более неблагоприятная ситуация со смертностью сложилась в сельской местности республики. За период 1990-2010 гг. смертность сельского населения превышала смертность городского населения в среднем на 1,25%.

Основными причинами смертности населения республики в 2010 г. являлись болезни системы кровообращения (49,1 %), внешние причины (19,9 %), новообразования (13,1 %), болезни

органов дыхания (5,6 %), самоубийства (5,1%), болезни органов пищеварения (5,0 %). Распределение умерших лиц по основным классам и причинам смерти за период 1990-2010 гг. практически не изменилось, при этом отмечен абсолютный рост смертности по всем классам и причинам смертности. Устойчиво растет число умерших от инфекционных и паразитарных болезней, новообразований, болезней органов пищеварения. По сравнению с уровнем 1990 г. существенно возросла смертность от случайных отравлений алкоголем, достигнув максимального значения в 2003 г. – 94,6 умерших на 100 000 человек (в 15,3 раза превышает уровень 1990 г.), в 2010 г. показатель составил 34,7 умерших на 100 000 человек (в 5,6 раза превышает уровень 1990 г.). Также возросла смертность от самоубийств и убийств в 1,7 и 1,5 раза соответственно к уровню 1990 г.

Рост общего уровня смертности в регионе обусловлен не только ростом ее интенсивности, но и изменением возрастной структуры населения (старение населения). За период 1990-2009 гг. уровень смертности населения Республики Бурятия вырос на 41,6%, в том числе на 21,5% за счет роста интенсивности смертности, на 16,6% за счет изменения возрастной структуры населения. До 2006 г. рост общего коэффициента смертности обуславливался преимущественно увеличением смертности, начиная с 2007 г. преобладающее влияние оказывает процесс старения населения региона. Причем влияние изменения возрастной структуры населения с каждым годом растет. Среди мужского и женского населения соотношение влияния рассматриваемых факторов на изменение уровня смертности различно: смертность среди мужского населения обусловлена ростом ее интенсивности в большей степени, чем смертность среди женского населения.

Ожидаемая продолжительность жизни населения Республики Бурятия в 2009 г. составила 65,3 года, в том числе мужского населения – 59,3 года, женского населения – 71,6 лет. Разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин в период 1990-2009 гг. в среднем составлял 12,7 лет, минимальное значение отмечено в 1991 г. – 10,4 года, максимальное значение в 2005 г. – 14,4 года. Ожидаемая продолжительность жизни городского населения в 2009 г. составила 67,0 лет, что выше показателя сельского населения на 3,9 лет. Разрыв в продолжительности жизни сельского и городского населения имеет тенденцию к росту.

Сокращение численности населения региона также вызвано миграционными процессами: за период с 1993 по 2010 г. из региона выехало 206 859 человек, прибыло – 151 782 человека, общие потери, вызванные миграцией населения, составили 55 077 человек. Таким образом, основным фактором сокращения численности населения Республики Бурятия является миграционное движение, обусловленное неблагоприятной социально-экономической ситуацией в регионе.

Миграционная активность различна в разрезе возрастных групп населения: доля трудоспособного населения в общей численности выбывших в период 2000-2010 гг. составляла в среднем 77,0% (в структуре прибывших – 76,6%), молодежь трудоспособного возраста – 15,3% (15,6%), старше трудоспособного возраста – 7,7% (7,8%). Наблюдается тенденция роста доли мигрантов в трудоспособном возрасте. В структуре миграционной убыли населения региона за период 2000-2010 гг. преобладала доля лиц трудоспособного возраста.

Таким образом, в период с 1993 по 2006 г. особенности половозрастной структуры населения Республики Бурятия оказывали положительное влияние на демографические процессы, тем самым позволив сгладить ухудшение демографической ситуации под воздействием социально-экономических потрясений в обществе. В настоящее время наблюдается снижение позитивного влияния половозрастной структуры населения, вызванное процессами интенсивного старения населения, последствиями демографического кризиса 1990-х гг. В последние годы в регионе наблюдается незначительный естественный прирост населения, при этом общая численность населения сокращается под влиянием миграционного оттока населения преимущественно в трудоспособном возрасте.

Для прогнозирования численности населения региона на краткосрочную и среднесрочную перспективу используется метод экстраполяции. Основное математическое тождество имеет следующий вид [1]:

$$y_{t+1} = y_t + \frac{(k_{1,t} - k_{2,t} + k_{3,t}) \times y_t}{1000}$$

где y_t – общая численность населения, $k_{1,t}$ – общий коэффициент рождаемости, ‰, $k_{2,t}$ – общий коэффициент смертности, ‰, $k_{3,t}$ – коэффициент миграционного прироста, ‰, t – условный год.

Основным недостатком метода экстраполяции численности населения является невозможность учета изменения половозрастной структуры населения, поэтому данный метод имеет слабую прогностическую способность при увеличении периода прогнозирования. Для составления прогноза численности населения региона на долгосрочную перспективу предпочтительнее использовать метод передвижки возрастов.

Метод экстраполяции предполагает наличие прогнозных оценок коэффициентов естественного и механического движения населения. Для перспективной оценки значений коэффициента рождаемости, смертности, миграционного прироста предложено использование трендовых моделей с вводом фиктивных переменных, отражающих институциональные изменения. Ретроспективным периодом является 1990-2010 гг.

При моделировании динамики общего коэффициента рождаемости введена фиктивная переменная, отражающая влияние институциональных изменений с 2007 г.: ввод нормативных документов, устанавливающих право на получение материнского (семейного) капитала при рождении второго или последующих детей.

В качестве ретроспективного периода для показателя коэффициента рождаемости принят период 1993-2010 гг., так как с 1990 по 1993 г. наблюдалась тенденция сокращения уровня рождаемости, с 1993 г. – тенденция роста. Статистическим обоснованием изменения ретроспективного периода является качество уравнения регрессии. Далее представлен вид регрессионного уравнения, статистические критерии его качества для различных периодов основания прогноза:

1) 1990-2010 гг.

$$\hat{k}_{1,t} = 13,49 - 0,06 t + 4,45 \gamma$$

$t_{расч} \quad (-0,64) \quad (3,24)$

$R^2=0,76; \delta=9,76\%; DW=1,75; F_{набл}=7,54;$
 $F_{крит}(2,18)=2,62; t_{крит}(18) = 1,73;$

2) 1993-2010 гг.

$$\hat{k}_{1,t} = 10,23 + 0,23 t + 2,37 \gamma$$

$t_{расч} \quad (5,63) \quad (4,64)$

$R^2=0,93; \delta=3,93\%; DW=1,82; F_{набл}=94,72;$
 $F_{крит}(2,15)=2,70; t_{крит}(15) = 1,75;$

где γ принимает значение 0 до 2007 г., значение 1 – с 2007 г. Регрессионные модели и ее параметры статистически значимы при $\alpha=0,05$ по F -критерию Фишера и t -критерию Стьюдента.

В качестве прогнозной модели предпочтительнее рассматривать второе регрессионное уравнение. На основании уравнения регрессии сформулирован следующий вывод: ежегодный абсолютный прирост уровня рождаемости за период с 1993 по 2010 г. составляет в среднем 0,23‰; проведение стимулирующих мер, направленных на увеличение рождаемости, привело к росту общего коэффициента рождаемости в среднем на 2,37‰.

На основании регрессионной модели определены прогнозные значения моделируемой переменной.

Прогнозная модель общего коэффициента смертности населения Республики Бурятия имеет следующий вид:

$$\hat{k}_{2,t} = 9,79 + 0,37t - 3,45\gamma$$

$t_{расч} \quad (8,67) \quad (-5,30)$

$$R^2=0,90; \bar{\delta}=5,44\%; DW=1,93; F_{набл}=37,96;$$

$$F_{крит}(2,18)=2,62; t_{крит}(18) = 1,73;$$

где γ принимает значение 0 до 2007 г., значение 1 – с 2007 г. Уравнение множественной регрессии и ее параметры статистически значимы при $\alpha=0,05$ по F -критерию Фишера и t -критерию Стьюдента.

Уровень смертности населения Республики Бурятия растет в среднем на 0,37 ‰ в год, с 2007 г. под влиянием изменения демографической политики общий уровень смертности снизился в среднем на 3,45 ‰.

Для моделирования миграционного прироста населения используется трендовая модель. В период 1990-1996 гг. отмечена сильная вариация показателя, вызванная неустойчивой социально-экономической ситуацией, с 1997 г. наблюдается тенденция сокращения миграционного оттока населения. При моделировании показателя используются данные за период 1997-2010 гг., модель имеет следующий вид:

$$\hat{k}_{3,t} = -6,26 + 0,18t$$

$t_{расч} \quad (4,88)$

$$R^2=0,86; \bar{\delta}=13,93\%; DW=2,03; F_{набл}=23,81;$$

$$F_{крит}(1,12)=3,18; t_{крит}(12) = 1,78.$$

Прогнозная модель и ее параметры статистически значимы при $\alpha=0,05$ по F -критерию Фишера и t -критерию Стьюдента.

Фактор времени обуславливает 66,5% вариации миграционного прироста населения Республики Бурятия, 33,5% вариации показателя зависит от других факторов: социально-экономическая ситуация в регионе и стране в целом, различия в уровне заработной платы между регионами и пр. Таким образом, миграционный прирост населения региона ежегодно увеличивается в среднем на 0,18‰.

Для оценки перспективной численности населения Республики Бурятия на период до 2015 г. математическая модель преобразуется следующим образом:

$$\hat{y}_{t+1} = y_t + \frac{(\hat{k}_{1,t} - \hat{k}_{2,t} + \hat{k}_{3,t}) \times y_t}{1000}$$

Прогнозирование численности Республики Бурятия осуществляется в трех вариантах:

- базовый вариант, при котором в качестве прогнозных значений показателей естественного и механического движения населения принимается точечная оценка;

- оптимистический вариант, при котором в качестве прогнозных значений общего коэффициента рождаемости и миграционного прироста населения принимается верхняя граница доверительного интервала, общего коэффициента смертности – нижняя граница доверительного интервала;

- пессимистический сценарий, при котором в качестве прогнозных значений общего коэффициента рождаемости и миграционного прироста населения принимается нижняя граница доверительного интервала, общего коэффициента смертности – верхняя граница доверительного интервала.

Результаты статистической оценки перспективной численности населения Республики Бурятия на период до 2015 г. представлены на рис. 1.

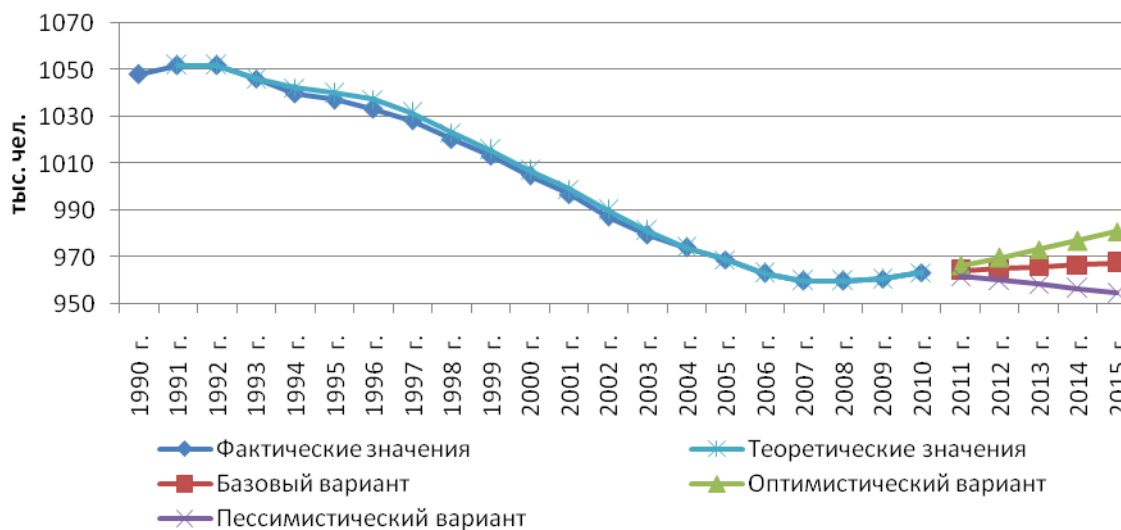

Рис. 1. Статистическая оценка численности населения Республики Бурятия на период 2012-2015 гг., тыс. чел.

В целом основные проблемы развития населения Республики Бурятия сходны с общероссийскими:

- старение населения и повышение демографической нагрузки на лиц трудоспособного возраста;
- рост среднего возраста женщин при рождении детей;
- сохранение высокого уровня смертности населения, в том числе среди населения трудоспособного возраста;
- сокращение ожидаемой продолжительности жизни населения и большой ее разрыв для мужского и женского населения;

- миграционный отток населения преимущественно трудоспособного возраста.

Тем не менее наблюдаются позитивные тенденции в демографическом развитии региона, обусловленные благоприятной половозрастной структурой населения. В среднесрочной перспективе прогнозируется рост численности населения, в долгосрочном периоде возможно ухудшение демографического положения региона вследствие интенсивного старения населения.

Литература:

1. Рыбаковский Л.Л.: [сайт]. URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik2a36.html>

Михайлова Светлана Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры макроэкономики, экономической информатики и статистики ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления». 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 26, тел. 89021671455, e-mail: ssmihailova@rambler.ru

Mikhailova Svetlana Sergeevna, Candidate of Economic Sciences, Associate professor at Macroeconomic, Economic Informatics and Statistics Chair, East Siberian State University of Technology and Management. 670000, Ulan-Ude, Smolin str. 26, tel. 89021671455, e-mail: ssmihailova@rambler.ru

УДК 332.1

© К.П. Дырхеев, Г.Т. Найданов

МАТЕРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБОРОТА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №12-01-98011-р " Моделирование и оптимизация региональной эколого-экономической системы Республики Бурятия "

В статье рассматриваются возможности моделирования интегрированного баланса регионального экономического оборота и, в частности, его материального аспекта, необходимого для анализа материально-вещественных и хозяйственных связей в регионе.

Ключевые слова: межотраслевой баланс, региональные счета, материально-финансовый баланс, матричный баланс, материальный оборот

MATERIAL ASPECT OF REGIONAL ECONOMIC TURNOVER MODELING

This article deals with the possibilities of modeling integrated balance of the regional economic turnover and, in particular, its material aspect needed for analysis of logistical and economic ties in the region.

Keywords: interindustry balance, regional accounts, material and financial balance, matrix model, material turnover

Системный анализ воспроизводственных пропорций и структурных сдвигов как на уровне национальной, так и региональной экономики всегда привлекает внимание исследователей в области макроэкономического моделирования и экономической статистики [1; 2; 5]. Для решения данной проблемы актуальной является задача построения интегрированной балансовой системы экономического оборота для отражения всех стадий воспроизводственного процесса.

Между тем разработка такого рода балансовых построений и их практическая реализация сопряжены с немалыми трудностями. С одной стороны, можно получить неподдающуюся количественной формализации большую таблицу, по которой сложно анализировать какие-либо экономически содержательные структурные соотношения. С другой стороны, излишняя формализация таких балансовых схем часто приводит к их чрезмерной абстракции. В определенной степени абстрактными являются «чистые» отрасли межотраслевого баланса, которые совершенно необходимы для описания технологического аспекта воспроизводственного процесса в регионе. Однако для изучения организационно-хозяйственных связей, вытекающих из принимаемых на предприятиях экономико-правовых решений, применимы балансовые схемы другого рода.

Кроме того, практическая реализация интегрированных балансовых построений осложняется тем, что существующая статистическая информация в недостаточной степени приспособлена для взаимной увязки различных аспектов регионального экономического оборота. Между тем разработка и внедрение полностью интегрированного баланса экономического оборота требует решения проблемы стандартизации экономической информации и широкого применения автоматизированных средств для ее сбора и обработки.

Определенные возможности в данном направлении открываются в связи с переходом российской экономической статистики на принятую в мировой практике систему национального счетоводства и интенсивным развитием компьютерных информационных технологий.

Принципы национального счетоводства реализуемы на региональном уровне, что позволяет строить систему региональных счетов для анализа основных стадий воспроизводственного процесса. Важно, что и на областном уровне имеется система взаимосвязанных классификаций основных структурных элементов регионального счетоводства.

Последовательность построения региональных счетов определяется стадиями воспроизводственного процесса. В их основе – экономический кругооборот и обеспечение замкнутости системы счетов на основе жесткой увязки показателей, при которой гарантируется балансовое равенство совокупных доходов и расходов по секторам и экономике региона в целом. Это означает, что весь процесс регионального воспроизводства может быть представлен как совокупность экономических операций всех экономических агентов, а также то, что каждая операция отражается на счетах этих агентов либо как процесс пополнения ресурсов, либо их использования.

В национальном и региональном счетоводстве счета сгруппированы по признакам основных стадий воспроизводственного процесса и организационно-хозяйственной структуры национальной или региональной экономики. В разрезе секторов региональной экономики строятся такие группы счетов, как счет производства, счета доходов и счета накоплений. Во всех этих счетах отражается взаимосвязь между начальным формированием денежных ресурсов в производственной деятельности, последующим движением доходов и их использованием.

Своеобразной сводной таблицей региональных счетов является счет продуктов и услуг, в котором общие ресурсы формируются за счет валового выпуска собственного регионального производства и ввоза (включая импорт). Формируемые таким образом общие ресурсы используются для промежуточного и конечного потребления на экономической территории региона, валового накопления основных фондов и изменения запасов материальных оборотных средств, а также идут на вывоз за пределы региона (включая экспорт). На основе данного

счета рассчитывается базовый показатель валового регионального продукта, структура которого представлена потребительскими расходами домашних хозяйств и инвестиционными расходами, объемом государственных закупок и чистым вывозом (экспортом).

Основным методологическим приемом системы счетов является применение к описанию экономического оборота на определенной территории бухгалтерского принципа двойной записи, по которому любая экономическая операция записывается в соответствующих счетах как доход одной и расход другой экономической единицы. С точки зрения экономики региона в целом любой экономический показатель представляет собой не просто какую-то независимую числовую величину, а характеристику какой-то конкретной двусторонней хозяйственной связи. В этом смысле удобным для анализа является представление баланса регионального экономического оборота в форме квадратной матрицы, в которой каждая пара «строка-столбец» образует счет, а каждый элемент матрицы – корреспонденцию счетов. Тогда каждое число, выражающее сумму операции, будучи записанным один раз, прочитывается дважды: по строке – как доход, по столбцу – как расход. По данному принципу разрабатывается известная и практически используемая блочная матрица экономического оборота по определенному территориальному образованию в виде сводного материально-финансового баланса.

Интегрированная система макроэкономической информации на уровне отдельного региона носит многоступенчатый характер. Каждая ступень отвечает определенному уровню принятия решений в функционирующей экономике региона. При этом полная интеграция предполагает строгую связь с уровнем предприятий, ин-

формация для которых также должна строиться на основе метода двойной записи. Модель производственно-финансовой деятельности предприятий, построенная в матричной форме, является по сути основой сводного материально-финансового баланса региона. Представляя собой его низший уровень, матричная информация предприятий непосредственно должна сводиться к более высоким уровням отраслей, секторов и всего регионального хозяйственного комплекса.

Сводный материально-финансовый баланс региона может иметь различную конкретную форму в зависимости от того, с какой степенью детализации и в каком направлении необходимо исследовать экономические связи. В любом случае построение интегрированной балансовой модели экономического оборота имеет своей главной целью «согласование пропорций материального оборота с финансовыми и другими пропорциями, и первым шагом на этом пути является моделирование материального аспекта экономического оборота» [5, с. 82].

Материальный аспект экономического оборота необходим для анализа материально-вещественных и хозяйственных связей в регионе. Составляемая для этих целей региональная балансовая модель материального оборота должна представлять собой совокупность экономических операций, объектами которых являются виды производимых продуктов и услуг ($r=1,2,\dots,m$), а субъектами – экономические агенты. В упрощенном виде региональный баланс материального оборота можно представить в виде блочной матрицы, соответствующей двум счетам в системе региональных счетов, а именно счету продуктов и услуг (с учетом сальдо по вывозу-ввозу) и счету производства (табл. 1).

Таблица 1

Матричный региональный баланс материального оборота

		Виды продукции и услуг $r=1 \dots r=m$	Расходы производителей $j=1 \dots j=n$	Расходы конечных потребителей	Итого
Виды продукции и услуг	$r=1$ ... $r=m$		$X_{11} \dots X_{1n}$ ... $X_{m1} \dots X_{mn}$	Y_1 ... Y_m	X_1 ... X_m
Доходы производителей	$i=1$ ... $i=n$	$X_{11} \dots X_{1m}$ ... $X_{n1} \dots X_{nm}$			X_1 ... X_n
Валовая добавленная стоимость			$Z_1 \dots Z_n$		Z
Итого		$X_1 \dots X_m$	$X_1 \dots X_n$	Y	

В качестве экономических агентов в данном балансе выступают:

– во-первых, организационно оформленные фирмы-производители ($i, j = 1, 2, \dots, n$). Эти фирмы, с одной стороны, получают доходы (выручку) от производимых продуктов и услуг (данные по i -м строкам: элементы X_{ir}), с другой стороны, осуществляют текущие производственные расходы, отражаемые в матрице в виде используемых продуктов и услуг в качестве сырья и материалов и в виде валовой добавленной стоимости (данные по j -м столбцам: элементы X_{rj} и Z_j);

– во-вторых, конечные потребители, которые в данном балансе агрегированы: домашние хозяйства, осуществляющие потребительские расходы, фирмы-производители, осуществляющие инвестиционные расходы, государственные учреждения со своими расходами и представители «остального мира», несущие расходы за чистый вывоз товаров (включая чистый экспорт) из региона. В совокупности все конечные потребители осуществляют расходы за определенные используемые виды продуктов и услуг (Y_r).

Рассмотрим содержание балансов по строкам и столбцам.

Балансы по строкам.

По видам продуктов и услуг получаем баланс их использования на производственное и конечное потребление:

$$X_{r1} + \dots + X_{rj} + \dots + X_{rn} + Y_r = X_r, \quad (r=1, 2, \dots, m).$$

Заметим, что данный баланс получается из полного тождества счета продуктов и услуг:

$$X_{r1} + \dots + X_{rj} + \dots + X_{rn} + Y_r + V_r = X_r + V_r, \quad (r=1, 2, \dots, m),$$

где V_r – ввоз (включая импорт товаров в регион).

По субъектам-производителям получаем их суммарные доходы от производимых ими продуктов и услуг:

$$X_{i1} + \dots + X_{ir} + \dots + X_{in} = X_i, \quad (i=1, 2, \dots, n).$$

Валовой региональный доход получается как сумма валовых добавленных стоимостей (ВДС) всех субъектов-производителей:

$$Z_1 + \dots + Z_j + \dots + Z_n = Z.$$

Балансы по столбцам.

По видам продуктов и услуг получаем объем каждого их вида в стоимостном выражении, производимый разными экономическими субъектами,

$$X_{1r} + \dots + X_{ir} + \dots + X_{nr} = X_r, \quad (r = 1, 2, \dots, m).$$

По субъектам-производителям получаем их стоимостную структуру с определением их валовых добавленных стоимостей:

$$Z_j = X_j - (X_{1j} + \dots + X_{rj} + \dots + X_{nj}), \quad (j=1, 2, \dots, n).$$

Валовой региональный продукт определяется как сумма видов конечных продуктов и услуг в стоимостном выражении:

$$Y_1 + \dots + Y_r + \dots + Y_m = Y.$$

На макроэкономическом уровне всего региона выполняются следующие тождества:

$$X = X_1 + \dots + X_r + \dots + X_m = X_1 + \dots + X_j + \dots + X_n,$$

т.е. суммарный валовой выпуск в экономике региона есть сумма выпусков всех производимых в регионе продуктов и услуг и одновременно есть сумма валовых выпусков всех субъектов-производителей, причем

$$X_i = X_j, \text{ если } i = j.$$

Валовой региональный продукт и валовой региональный доход совпадают по определению: $Y = Z$.

Частным случаем данного баланса материального оборота является ситуация, когда индексы видов операций r (продуктов и услуг) и индексы производителей как получателей доходов i совпадают, т.е. $r = i$. При этом $i, j = 1, 2, \dots, n$, т.е. имеем «чистые» отрасли межотраслевого баланса, при котором множество продуктов и услуг совпадает с множеством фирм-производителей.

Представленный матричный баланс материального оборота, соответствующий счету продуктов и услуг и счету производства, является первым этапом построения интегрированного баланса регионального экономического оборота. Следующие этапы построения связаны с дальнейшим движением доходов и финансовых потоков, отражаемых в системе региональных счетов. В конечном счете мы получаем полную картину материально-финансовых потоков и связей в экономике региона.

Литература

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
2. Кобринский Н.Е., Майминас Е.З., Смирнов А.Д. Экономическая кибернетика. – М.: Экономика, 1982.
3. Основы национального счетоводства (международный стандарт) / под ред. Ю.Н. Иванова. – М.: ИНФРА-М, 2005.
4. Рябушкин Б.Т., Хоменко Т.А. Система национальных счетов. – М.: Финансы и статистика, 2003.
5. Сводный материально-финансовый баланс (Проблемы моделирования) / под ред. Б.Л. Исаева, А.Г. Терушкина. – М.: Наука, 1978.
6. Система национальных счетов – инструмент макроэкономического анализа / под ред. Ю.Н. Иванова. – М.: Финстатинформ, 2006.

Дырхеев Константин Павлович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории факультета экономики и управления Бурятского государственного университета, e-mail: konst0506@rambler.ru

Dyrkheev Konstantin Pavlovich, candidate of economic science, assistant professor, head of economic theory chair at Economics and Management Department of Buryat State University, e-mail: konst0506@rambler.ru

Найданов Гончик Тушинович, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики факультета экономики и управления Бурятского государственного университета, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Фрунзе 5, кв. 19

Naydanov Gonchik Tushinovich, Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer at Economics Chair, Economics and Management Faculty of Buryat State University, 670045, Ulan-Ude, Frunze st, 5 – 19.

УДК 332.1:574

© А.М. Барлуков

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА С ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИЕЙ

Статья посвящена проблеме разработки системы эколого-экономических моделей, исследующих воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы в Республике Бурятия.

Ключевые слова: безопасное и рациональное природопользование, эколого-экономическая система, устойчивое развитие, эколого-экономическое моделирование.

А.М. Barlukov

MODELING OF THE REGIONAL ECO-ECONOMIC SYSTEM: PROSPECTS AND TENDENCIES OF REGIONAL DEVELOPMENT WITH THE ENVIRONMENTAL REGULATIONS

The article is devoted to the compilation of system of eco-economic models, examining the influence of economic activity on the environment and natural resources of the Republic of Buryatia.

Keywords: safe and rational environmental management, eco-economic system, sustainable development, eco-economic modeling.

Для выявления перспектив развития региональной эколого-экономической системы необходимо уделять особое внимание разработке эколого-экономических моделей, исследующих проблему воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы региона.

При исследовании экономических процессов, как правило, возникает необходимость в обработке и анализе данных, полученных в эксперименте, с последующим применением результатов обработки при моделировании и проектировании реальных процессов. Пусть дана некоторая функция $y = f(x)$. Это означает, что любому значению x ставится в соответствие значение y . На практике часто оказывается, что найти это значение достаточно сложно: функция $f(x)$ является решением сложной задачи. В этом случае вычисляют небольшую таблицу значений выходного параметра от аргумента и по некоторым точкам строят функцию известными значениями функции образуют следующую таблицу (табл. 1):

Таблица 1
Значения сеточной функции

x_0	x_1	x_2	...	x_{n-1}	x_n
y_0	y_1	y_2	...	y_{n-1}	y_n

При этом требуется получить значение функции $f(x)$ в точке x , принадлежащее отрезку $[x_0, x_n]$, но не совпадающее ни с одним значением x_i . Часто при этом неизвестно аналитическое выражение функции $f(x)$, или оно не пригодно для вычислений.

В этих случаях используется прием построения приближающей функции $F(x)$, которая очень близка к $f(x)$ и совпадает с ней в точках $x_0, x_1, x_2, \dots, x_n$. При этом нахождение приближенной функции называется интерполяцией, а точки $x_0, x_1, x_2, \dots, x_n$ – узлами интерполяции. Если значение аргумента x расположено между узлами $x_0 \leq x \leq x_n$, то нахождение приближенного значения функции $f(x)$ называется интерполяцией, если интерполирующую функцию вы

числяют вне отрезка $[x_0, x_n]$, то процесс называют экстраполяцией. Обычно интерполирующую функцию ищут в виде полинома n степени [1]:

$$P_n(x) = a_0 + a_1x + a_2x^2 + \dots + a_{n-1}x^{n-1} + a_nx^n.$$

Таким образом, построим эколого-экономическую модель с помощью второго интерполяционного многочлена Ньютона для анализа взаимодействия основных показателей, ха-

рактеризующих воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия.

Основанием для расчетов послужили официальные данные государственной статистики по Республике Бурятия [2], представленные в таблице 2.

Таблица 2

Основные показатели, характеризующие воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия за период с 1995 по 2010 г.

Годы	Нарушено земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью, га	Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, тыс. т.	Сброс загрязненных сточных вод, млн м ³	Образование отходов производства и потребления, тыс. т.
1995	6 471	120,4	149,2	3,6
2000	6 318	98,1	119,7	6,7
2001	6 970	101,0	120,6	107,5
2002	6 189	102,4	70,0	10 650,5
2003	6 911	85,9	66,8	14 261,3
2004	7 239	83,9	68,3	13 558,5
2005	7 244	86,6	61,1	16 874,7
2006	6 547	83,8	52,4	18 026,5
2007	6 547	90,7	49,5	20 134,7
2008	6 500	98,5	45,9	18 832,5
2009	6 500	96,3	44,9	13 781,6
2010	6 500	95,2	42,4	16 726,6

При построении модели с помощью интерполяционных многочленов необходимо задать следующие сеточные функции.

Пусть для сеточной функции $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,10}$; y_i – нарушено земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью (га) в x_i -м году; x_i – год, тогда (табл. 3):

Таблица 3

Значения сеточной функции «Нарушено земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью»

x_i	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
y_i	6318	6970	6189	6911	7239	7244	6547	6547	6500	6500	6500

Пусть 2000 год – базовый год, тогда данная таблица будет выглядеть следующим образом (табл. 4):

Таблица 4

Значения сеточной функции «Нарушено земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью»

x_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
y_i	6318	6970	6189	6911	7239	7244	6547	6547	6500	6500	6500

Пусть для сеточной функции $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,10}$; y_i – выброшено в атмосферу загрязняющих веществ (тыс. т) в x_i -м году; x_i – год, тогда (табл. 5):

Таблица 5

Значения сеточной функции «Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ»

x_i	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
y_i	98,1	101,0	102,4	85,9	83,9	86,6	83,8	90,7	98,5	96,3	95,2

Пусть 2000 г. – базовый год, тогда данная таблица будет выглядеть следующим образом (табл. 6):

Таблица 6

Значения сеточной функции «Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ»

x_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
y_i	98,1	101,0	102,4	85,9	83,9	86,6	83,8	90,7	98,5	96,3	95,2

Пусть для сеточной функции $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,10}$; y_i – сброс загрязненных сточных вод (млн м³) в x_i -м году; x_i – год, тогда (табл. 7):

Таблица 7

Значения сеточной функции «Сброс загрязненных сточных вод»

x_i	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
y_i	119,7	120,6	70,0	66,8	68,3	61,1	52,4	49,5	45,9	44,9	42,4

Пусть 2000 г. – базовый год, тогда данная таблица будет выглядеть следующим образом (табл. 8):

Таблица 8

Значения сеточной функции «Сброс загрязненных сточных вод»

x_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
y_i	119,7	120,6	70,0	66,8	68,3	61,1	52,4	49,5	45,9	44,9	42,4

Пусть для сеточной функции $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,10}$; y_i – образование отходов производства и потребления (тыс. т) в x_i -м году; x_i – год, тогда (табл. 9):

Таблица 9

Значения сеточной функции «Образование отходов производства и потребления»

x_i	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
y_i	6,7	107,5	10650,5	14261,3	13558,5	16874,7	18026,5	20134,7	18832,5	13781,6	16726,6

Пусть 2000 г. – базовый год, тогда данная (табл. 10):
таблица будет выглядеть следующим образом

Таблица 10

Значения сеточной функции «Образование отходов производства и потребления»

x_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
y_i	6,7	107,5	10650,5	14261,3	13558,5	16874,7	18026,5	20134,7	18832,5	13781,6	16726,6

Для каждой сеточной функции построим приближение с помощью второго интерполяционного многочлена Ньютона для последующей возможной экстраполяции за правой границей отрезка [0,10] и анализа взаимодействия основных показателей, характеризующих воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия.

Рассмотрим сеточную функцию $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,10}$, характеризующую нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью (табл. 4).

$$P_{10}(x) = y_{10} + t\Delta y_9 + \frac{t(t+1)}{2!} \Delta^2 y_8 + \frac{t(t+1)(t+2)}{3!} \Delta^3 y_7 + \frac{t(t+1)(t+2)(t+3)}{4!} \Delta^4 y_6 + \frac{t(t+1)(t+2)(t+3)(t+4)}{5!} \Delta^5 y_5 + \frac{t(t+1)(t+2)(t+3)(t+4)(t+5)}{6!} \Delta^6 y_4 + \frac{t(t+1)(t+2)(t+3)(t+4)(t+5)(t+6)}{7!} \Delta^7 y_3 + \frac{t(t+1)(t+2)(t+3)(t+4)(t+5)(t+6)(t+7)}{8!} \Delta^8 y_2 + \frac{t(t+1)(t+2)(t+3)(t+4)(t+5)(t+6)(t+7)(t+8)}{9!} \Delta^9 y_1 + \frac{t(t+1)(t+2)(t+3)(t+4)(t+5)(t+6)(t+7)(t+8)(t+9)}{10!} \Delta^{10} y_0$$

Т.к. из таблицы значений, задающих данную сеточную функцию видно, что $h=1$, следовательно $t = x - x_{10} = x - 10$.

Теперь необходимо найти конечные разности.

Воспользуемся формулой для определения конечных разностей k -го порядка:

$$\Delta y_i = y_{i+1} - y_i$$

Воспользуемся формулой для решения задачи глобальной интерполяции второго интерполяционного многочлена Ньютона n -й степени:

$$P_n(x) = y_n + t\Delta y_{n-1} + \frac{t(t+1)}{2!} \Delta^2 y_{n-2} + \dots + \frac{t(t+1)\dots(t+n-1)}{n!} \Delta^n y_0$$

$$\frac{x - x_n}{h} = t$$

Для данной сеточной функции второй интерполяционный многочлен Ньютона 10-й степени в общем виде будет выглядеть следующим образом:

$$\Delta^2 y_i = \Delta y_{i+1} - \Delta y_i = y_{i+2} - 2y_{i+1} + y_i$$

.....

$$\Delta^k y_i = \Delta^{k-1} y_{i+1} - \Delta^{k-1} y_i$$

Для данной сеточной функции конечные разности 10-го порядка будут следующими (табл. 11).

Таблица 11

Конечные разности 10-го порядка сеточной функции

x_i	y_i	Δy_i	$\Delta^2 y_i$	$\Delta^3 y_i$	$\Delta^4 y_i$	$\Delta^5 y_i$	$\Delta^6 y_i$	$\Delta^7 y_i$	$\Delta^8 y_i$	$\Delta^9 y_i$	$\Delta^{10} y_i$
0	6 318	652	-1 433	2 936	-4 833	6 801	-9 219	13 865	-24 660	48 506	-96 265
1	6 970	-781	1 503	-1 897	1 968	-2 418	4 646	-10 795	23 846	-47 759	
2	6 189	722	-394	71	-450	2 228	-6 149	13 051	-23 913		
3	6 911	328	-323	-379	1 778	-3 921	6 902	-10 862			
4	7 239	5	-702	1 399	-2 143	2 981	-3 960				
5	7 244	-697	697	-744	838	-979					
6	6 547	0	-47	94	-141						
7	6 547	-47	47	-47							

x_i	y_i	Δy_i	$\Delta^2 y_i$	$\Delta^3 y_i$	$\Delta^4 y_i$	$\Delta^5 y_i$	$\Delta^6 y_i$	$\Delta^7 y_i$	$\Delta^8 y_i$	$\Delta^9 y_i$	$\Delta^{10} y_i$
8	6 500	0	0								
9	6 500	0									
10	6 500										

Таким образом, второй интерполяционный многочлен Ньютона 10-й степени для данной сеточной функции будет следующим:

$$P_{10}(x) = 6500 + (x-10) * 0 + \frac{(x-10)(x-9)}{2!} * 0 + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)}{3!} (-47) + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)}{4!} \times (x-7)(-141) + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)(x-7)(x-6)}{5!} (-979) + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)(x-7)(x-6)(x-5)}{6!} \times (-3960) + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)(x-7)(x-6)(x-5)(x-4)}{7!} (-10862) + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)(x-7) \times (x-6)(x-5)(x-4)(x-3)(-23913)}{9!} + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)(x-7)(x-6)(x-5)(x-4)(x-3)(x-2)}{9!} \times (-47759) + \frac{(x-10)(x-9)(x-8)(x-7)(x-6)(x-5)(x-4)(x-3)(x-2)(x-1)}{10!} (-96265)$$

При упрощении данного выражения получим следующую модель, характеризующую нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью по Республике Бурятия:

При упрощении данного выражения получим следующую модель, характеризующую нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью по Республике Бурятия:

$$P_{10}(x) = 6500 - ((x-10)(x-9)(x-8))(7,8333 + ((x-7)(5,875 + ((x-6)(8,1583 + ((x-5) \times (5,5 + ((x-4)(2,1552 + ((x-3)(0,5931 + ((x-2)(0,1316 + (x-1)0,0265))))))))))$$

На рисунке 1 представлена графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих

нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью по Республике Бурятия.

Рис. 1. Графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью по Республике Бурятия

Теперь рассмотрим сеточную функцию $y_i = f(x_i)$, $i = 0, 10$, характеризующую выброс в атмосферу загрязняющих веществ (табл. 6).

Для данной сеточной функции конечные разности 10-го порядка будут следующими (табл. 12).

Таблица 12

Конечные разности 10-го порядка сеточной функции

x_i	y_i	Δy_i	$\Delta^2 y_i$	$\Delta^3 y_i$	$\Delta^4 y_i$	$\Delta^5 y_i$	$\Delta^6 y_i$	$\Delta^7 y_i$	$\Delta^8 y_i$	$\Delta^9 y_i$	$\Delta^{10} y_i$
0	98,1	2,9	-1,5	-16,4	48,8	-91	132,8	-148,8	89,6	116,1	-537,4
1	101,0	1,4	-17,9	32,4	-42,2	41,8	-16	-59,2	205,7	-421,3	
2	102,4	-16,5	14,5	-9,8	-0,4	25,8	-75,2	146,5	-215,6		
3	85,9	-2	4,7	-10,2	25,4	-49,4	71,3	-69,1			
4	83,9	2,7	-5,5	15,2	-24	21,9	2,2				
5	86,6	-2,8	9,7	-8,8	-2,1	24,1					
6	83,8	6,9	0,9	-10,9	22						
7	90,7	7,8	-10	11,1							
8	98,5	-2,2	1,1								
9	96,3	-1,1									
10	95,2										

Таким образом, получим следующую модель, характеризующую выброс в атмосферу загрязняющих веществ по Республике Бурятия:

$$P_{10}(x) = 95,2 + (x - 10)(-1,1 + ((x - 9)(0,55 + ((x - 8)(1,85 + ((x - 7)(0,9167 + ((x - 6)(0,2008 + ((x - 5) \times (0,0031 + ((x - 4)(-0,0137 + ((x - 3)(-0,0053 + ((x - 2)(-0,0012 + (x - 1)(-0,0001))))))))))))))$$

На рисунке 2 представлена графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих

выброс в атмосферу загрязняющих веществ по Республике Бурятия.

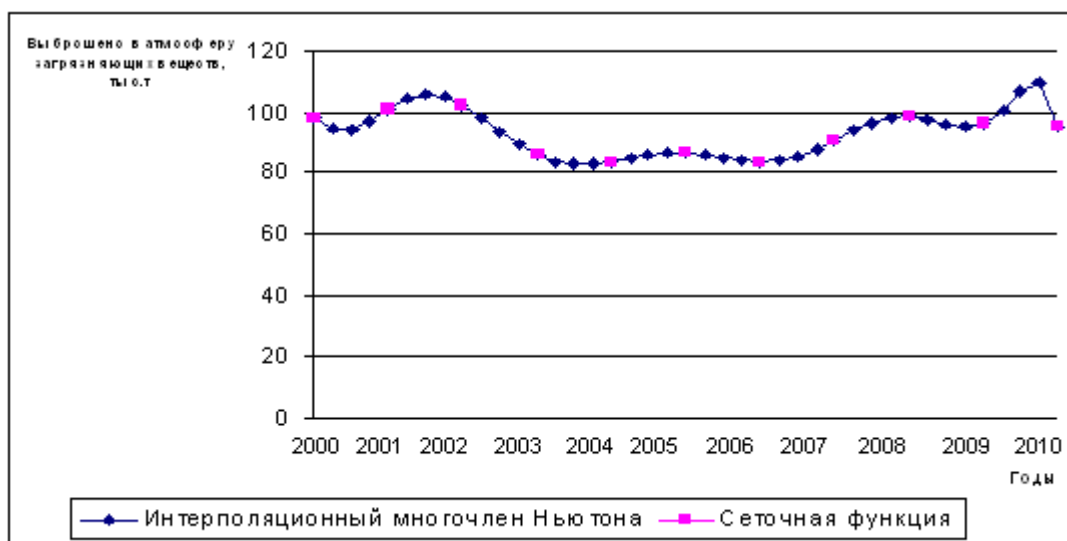

Рис. 2. Графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих выброс в атмосферу загрязняющих веществ по Республике Бурятия

Теперь рассмотрим сеточную функцию $y_i = f(x_i)$, $i = 0,10$, характеризующую сброс загрязненных сточных вод (табл. 8).

Для данной сеточной функции конечные разности 10-го порядка будут следующими (табл. 13).

Таблица 13

Конечные разности 10-го порядка сеточной функции

x_i	y_i	Δy_i	$\Delta^2 y_i$	$\Delta^3 y_i$	$\Delta^4 y_i$	$\Delta^5 y_i$	$\Delta^6 y_i$	$\Delta^7 y_i$	$\Delta^8 y_i$	$\Delta^9 y_i$	$\Delta^{10} y_i$
0	119,7	0,9	-51,5	98,9	-141,6	170,9	-179,6	167,8	-149,4	161,9	-283,6
1	120,6	-50,6	47,4	-42,7	29,3	-8,7	-11,8	18,4	12,5	-121,7	
2	70,0	-3,2	4,7	-13,4	20,6	-20,5	6,6	30,9	-109,2		
3	66,8	1,5	-8,7	7,2	0,1	-13,9	37,5	-78,3			
4	68,3	-7,2	-1,5	7,3	-13,8	23,6	-40,8				
5	61,1	-8,7	5,8	-6,5	9,8	-17,2					
6	52,4	-2,9	-0,7	3,3	-7,4						
7	49,5	-3,6	2,6	-4,1							
8	45,9	-1	-1,5								
9	44,9	-2,5									
10	42,4										

Таким образом, получим следующую модель, характеризующую сброс загрязненных сточных вод по Республике Бурятия:

$$P_{10}(x) = 42,4 + (x-10)(-2,5 + ((x-9)(-0,75 + ((x-8)(-0,6833 + ((x-7)(-0,3083 + ((x-6)(-0,1433 + ((x-5)(-0,0566 + ((x-4)(-0,0155 + ((x-3)(-0,0027 + ((x-2)(-0,0003 + (x-1)(-0,00008))))))))))))))$$

На рисунке 3 представлена графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих

сброс загрязненных сточных вод по Республике Бурятия.

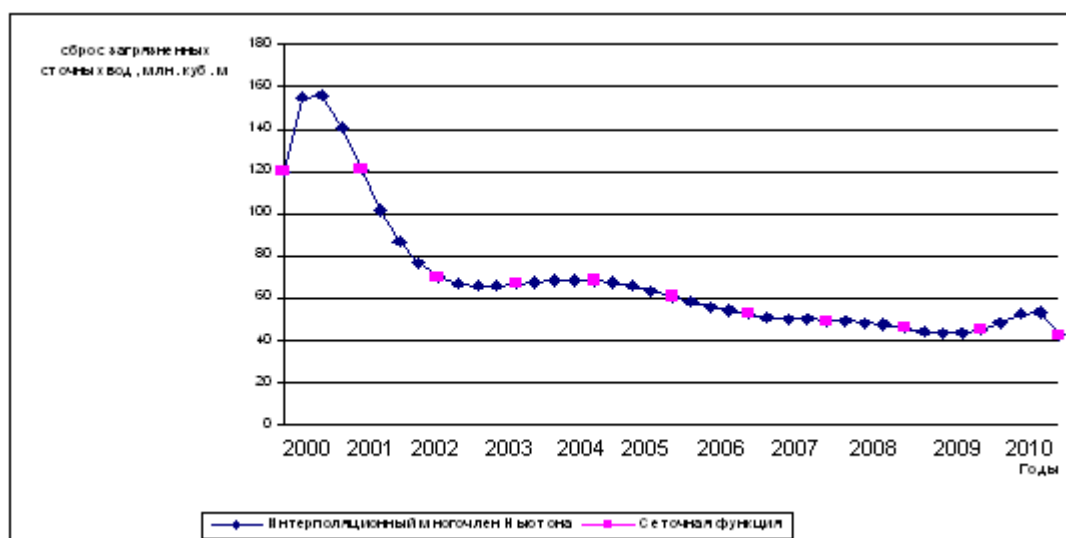

Рис. 3. Графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих сброс загрязненных сточных вод по Республике Бурятия

Теперь рассмотрим сеточную функцию $y_i = f(x_i)$, $i = 0, 10$, характеризующую образование отходов производства и потребления (табл. 10).

Для данной сеточной функции конечные разности 10-го порядка будут следующими (табл. 14).

Таблица 14

Конечные разности 10-го порядка сеточной функции

x_i	y_i	Δy_i	$\Delta^2 y_i$	$\Delta^3 y_i$	$\Delta^4 y_i$	$\Delta^5 y_i$	$\Delta^6 y_i$	$\Delta^7 y_i$	$\Delta^8 y_i$	$\Delta^9 y_i$	$\Delta^{10} y_i$
0	6,7	100,8	10442,2	-17374,4	19993	-14279	-5951	50001,2	-134663	288245,5	-542517
1	107,5	10543	-6932,2	2618,6	5714	-20230	44050,2	-84662,2	153582,1	-254272	
2	10650,5	3610,8	-4313,6	8332,6	-14516	23820,2	-40612	68919,9	-100690		
3	14261,3	-702,8	4019	-6183,4	9304,2	-16791,8	28307,9	-31769,6			
4	13558,5	3316,2	-2164,4	3120,8	-7487,6	11516,1	-3461,7				
5	16874,7	1151,8	956,4	-4366,8	4028,5	8054,4					
6	18026,5	2108,2	-3410,4	-338,3	12082,9						
7	20134,7	-1302,2	-3748,7	11744,6							
8	18832,5	-5050,9	7995,9								
9	13781,6	2945									
10	16726,6										

Таким образом, получим следующую модель, характеризующую образование отходов производства и потребления по Республике Бурятия:

$$P_{10}(x) = 16726,6 + (x-10)(2945 + ((x-9)(3997,95 + ((x-8)(1957,43 + ((x-7)(503,45 + ((x-6) \times (67,12 + ((x-5)(-4,81 + ((x-4)(-6,3 + ((x-3)(-2,5 + ((x-2)(-0,7 + (x-1)(-0,15)))))))))))$$

На рисунке 4 представлена графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих

образование отходов производства и потребления по Республике Бурятия.

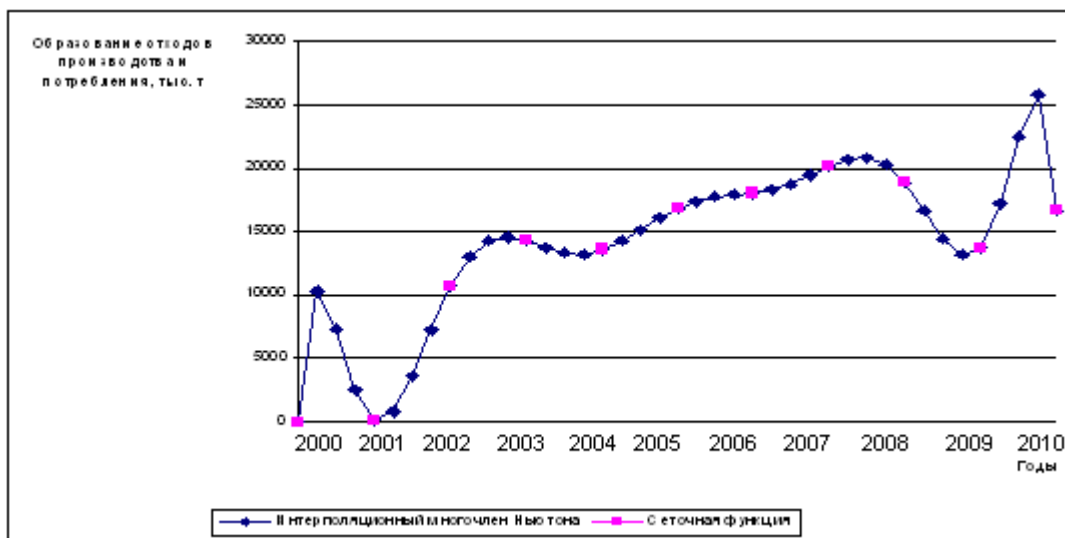

Рис. 4. Графическая интерпретация сеточной функции и интерполяционного многочлена Ньютона, характеризующих образование отходов производства и потребления по Республике Бурятия

В результате эколого-экономическая модель воздействия хозяйственной деятельности на ок-

ружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия выглядит следующим образом:

$$\begin{cases}
 P^I_{10}(x) = 6500 - ((x-10)(x-9)(x-8))(7,8333 + ((x-7)(5,875 + ((x-6)(8,1583 + ((x-5) \times \\
 \times (5,5 + ((x-4)(2,1552 + ((x-3)(0,5931 + ((x-2)(0,1316 + (x-1)0,0265))))))) \\
 P^{II}_{10}(x) = 95,2 + (x-10)(-1,1 + ((x-9)(0,55 + ((x-8)(1,85 + ((x-7)(0,9167 + ((x-6)(0,2008 + ((x-5) \times \\
 \times (0,0031 + ((x-4)(-0,0137 + ((x-3)(-0,0053 + ((x-2)(-0,0012 + (x-1)(-0,0001))))))) \\
 P^{III}_{10}(x) = 42,4 + (x-10)(-2,5 + ((x-9)(-0,75 + ((x-8)(-0,6833 + ((x-7)(-0,3083 + ((x-6)(-0,1433 + \\
 + ((x-5)(-0,0566 + ((x-4)(-0,0155 + ((x-3)(-0,0027 + ((x-2)(-0,0003 + (x-1)(-0,00008))))))) \\
 P^{IV}_{10}(x) = 16726,6 + (x-10)(2945 + ((x-9)(3997,95 + ((x-8)(1957,43 + ((x-7)(503,45 + ((x-6) \times \\
 \times (67,12 + ((x-5)(-4,81 + ((x-4)(-6,3 + ((x-3)(-2,5 + ((x-2)(-0,7 + (x-1)(-0,15)))))))
 \end{cases}$$

При решении задачи экстраполяции за правой границей отрезка [0,10] с помощью данной эколого-экономической модели выявляется общая тенденция улучшения состояния окружающей среды и природных ресурсов в Республике Бурятия за счет уменьшения воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы.

Для анализа взаимодействия основных показателей, характеризующих воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия, рассмотрим следующие сплайн-функции.

1. Сплайн-функция $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,1}$, характеризующая нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью в 2009-2010 гг. (табл. 15).

Таблица 15

*Значения сплайн-функции
«Нарушено земель в связи
с несельскохозяйственной деятельностью»*

x_i	0	1
y_i	6500	6499

Вспользуемся формулой для решения задачи сплайн-интерполирования с помощью второго интерполяционного многочлена Ньютона 1-й степени:

$$P_1(x) = y_1 + t\Delta y_0, \frac{x-x_1}{h} = t$$

Т.к. из таблицы значений, задающих данную сплайн-функцию видно, что $h = 1$, следовательно $t = x - x_1 = x - 1$.

Теперь необходимо найти конечные разности.

Вспользуемся формулой для определения конечных разностей 1-го порядка:

$$\Delta y_i = y_{i+1} - y_i$$

Для данной сплайн-функции конечные разности 1-го порядка будут следующими (табл. 16).

Таблица 16

*Конечные разности 1-го порядка
сплайн-функции*

x_i	y_i	Δy_i
0	6500	-1
1	6499	

Таким образом, получим следующую модель, характеризующую нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью по Республике Бурятия в 2009-2010 гг.:

$$P_1(x) = 6499 + (x-1)(-1)$$

В данной сплайн-функции значение y_1 , характеризующее нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью в 2010 г., в силу нетривиальности модели было взято на уровне 6499 га с учетом общей тенденции улучшения состояния окружающей среды и природных ресурсов в Республике Бурятия за счет уменьшения воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы.

2. Сплайн-функция $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,1}$, характеризующая выброс в атмосферу загрязняющих веществ в 2009-2010 гг. (табл. 17):

Таблица 17

Значения сплайн-функции
«Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ»

x_i	0	1
y_i	96,3	95,2

Для данной сплайн-функции конечные разности 1-го порядка будут следующими (табл. 18).

Таблица 18

Конечные разности 1-го порядка
сплайн-функции

x_i	y_i	Δy_i
0	96,3	-1,1
1	95,2	

Таким образом, получим следующую модель, характеризующую выброс в атмосферу загрязняющих веществ по Республике Бурятия в 2009-2010 гг.:

$$P_1(x) = 95,2 + (x-1)(-1,1)$$

3. Сплайн-функция $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,1}$, характеризующая сброс загрязненных сточных вод в 2009-2010 гг. (табл. 19).

Таблица 19

Значения сплайн-функции
«Сброс загрязненных сточных вод»

x_i	0	1
y_i	44,9	42,4

Для данной сплайн-функции конечные разности 1-го порядка будут следующими (табл. 20).

Таблица 20

Конечные разности 1-го порядка
сплайн-функции

x_i	y_i	Δy_i
0	44,9	-2,5
1	42,4	

Таким образом, получим следующую модель, характеризующую сброс загрязненных сточных вод по Республике Бурятия в 2009-2010 гг.:

$$P_1(x) = 42,4 + (x-1)(-2,5)$$

4. Сплайн-функция $y_i = f(x_i)$, $i = \overline{0,1}$, характеризующая образование отходов производства и потребления в 2009-2010 гг. (табл. 21).

Таблица 21

Значения сплайн-функции
«Образование отходов производства и потребления»

x_i	0	1
y_i	1378 1,6	1672 6,6

Для данной сплайн-функции конечные разности 1-го порядка будут следующими (табл. 22).

Таблица 22

Конечные разности 1-го порядка
сплайн-функции

x_i	y_i	Δy_i
0	13781,6	2945
1	16726,6	

Таким образом, получим следующую модель, характеризующую образование отходов производства и потребления по Республике Бурятия в 2009-2010 гг.:

$$P_1(x) = 16726,6 + (x-1)2945$$

В результате получена следующая линейная эколого-экономическая модель воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия:

$$\begin{cases} P^I_1(x) = 6499 + (x-1)(-1) = 6500 - x \\ P^{II}_1(x) = 95,2 + (x-1)(-1,1) = 96,3 - 1,1x \\ P^{III}_1(x) = 42,4 + (x-1)(-2,5) = 44,9 - 2,5x \\ P^{IV}_1(x) = 16726,6 + (x-1)2945 = 13781,6 + 2945x \end{cases}$$

Т.к. $P^I_1(x)$ характеризует нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью (га); $P^{II}_1(x)$ – выброс в атмосферу загрязняющих веществ (тыс. т); $P^{III}_1(x)$ – сброс загрязнен-

ных сточных вод (млн м³); $P^{IV}_1(x)$ – образование отходов производства и потребления (тыс. т), то становится вполне целесообразной задача поиска определенной закономерности между данными показателями (моделями, функциями).

Таким образом, получим следующую систему:

$$\begin{cases} P^{II}_1(x) = 1,1P^I_1(x) - 7053,7 \\ P^{III}_1(x) = 2,5P^I_1(x) - 16205,1 \\ P^{IV}_1(x) = 191562816 - 2945P^I_1(x) \\ P^{III}_1(x) = 2,273P^{II}_1(x) - 173,964 \\ P^{IV}_1(x) = 271602,964 - 2677,273P^{II}_1(x) \\ P^{IV}_1(x) = 66673,8 - 1178P^{III}_1(x) \end{cases}$$

Данная система уравнений выявляет определенную закономерность между основными показателями, характеризующими воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия.

Из системы видно, что нарушение земель в связи с несельскохозяйственной деятельностью $P^I_1(x)$ находится в прямой зависимости с выбросами в атмосферу загрязняющих веществ $P^{II}_1(x)$ и сбросом загрязненных сточных вод $P^{III}_1(x)$ и в обратной зависимости с образованием отходов производства и потребления $P^{IV}_1(x)$. В свою очередь, выбросы в атмосферу загрязняющих веществ $P^{II}_1(x)$ находятся в прямой за-

висимости со сбросом загрязненных сточных вод $P^{III}_1(x)$ и в обратной зависимости с образованием отходов производства и потребления $P^{IV}_1(x)$. Сброс загрязненных сточных вод $P^{III}_1(x)$ находится в обратной зависимости с образованием отходов производства и потребления $P^{IV}_1(x)$.

Таким образом, для улучшения состояния окружающей среды и природных ресурсов в Республике Бурятия в рамках данной линейной эколого-экономической модели благоприятен будет тот случай, когда $P^{III}_1(x) \rightarrow 0$, тогда $P^{IV}_1(x) \rightarrow 66673,8$ (в силу обратной зависимости (минимаксное значение в системе для $P^{IV}_1(x)$)), и значения оставшихся показателей $P^I_1(x)$ и $P^{II}_1(x)$ снизятся в отличие от значений 2010 г. ($P^I_1(x) \rightarrow 6482,04$, $P^{II}_1(x) \rightarrow 76,535$).

В итоге для окружающей среды и природных ресурсов будет нанесен наименьший урон при заметном снижении значений большинства показателей, характеризующих воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду и природные ресурсы по Республике Бурятия.

Литература

1. Костомаров Д.П., Фаворский А.П. Вводные лекции по численным методам. – М.: Наука, 1987. – 215 с.
2. Статистический ежегодник. 2011: ст. сб. / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2011. – 329 с.

Барлуков Александр Михайлович, аспирант кафедры экономики Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, тел.: 8(301-2)21-35-06, e-mail: barlukov88@mail.ru

Barlukov Aleksander Mikhailovich, postgraduate student, Economy chair, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolina St. 24a, tel. 8(301-2)21-35-06, e-mail: barlukov88@mail.ru

УДК 332

© А.Н. Пивоваров, Я.А. Очирова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются практические вопросы формирования и развития туристического кластера Республики Бурятия как одного из направлений модернизации региональной экономики. Региональный туристический кластер базируется на историко-этнографических, природно-рекреационных, религиозных и иных особенностях региона.

Ключевые слова: туризм, кластер, инфраструктура

A.N. Pivovarov, Ya.A. Ochirova

SOME ISSUES WITH TOURISM CLUSTER OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AND SOLUTIONS

The article deals with practical issues of tourism cluster formation and development in Republic of Buryatia as one of the ways of regional economy modernization. Regional tourist cluster is based on history and ethnographic, natural and recreational, religious and other features of the region.

Keywords: tourism, cluster, infrastructure.

Согласно теории Майкла Портера, кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. Туристический же кластер – это сосредоточение в рамках одной ограниченной территории взаимосвязанных предприятий и организаций, занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристического продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами. С помощью кластеров повышается конкурентоспособность территории, укрепляется и развивается экономическая ситуация. Кластеры стимулируют инновации и развитие новых направлений, содействуют эффективной работе предприятий и организаций, входящих в кластер. В этой связи туристический кластер Республики Бурятия должен включать три основных составляющих:

1) рост благосостояния жителей республики за счет создания новых рабочих мест и увеличения доходов бюджета;

2) знакомство жителей России и других стран с природой, историей и культурой Республики Бурятия;

3) сохранение и развитие природного и культурного наследия Республики Бурятия за счет увеличения финансирования и привлечения большего внимания.

Кластерный подход в качестве концептуальной основы повышения конкурентоспособности региона был впервые закреплён законом Республики Бурятия от 09.11.2007 № 2595 –III «О Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2008-2010 гг. и на период до 2017 г.». В соответствии с программой были определены кластеры: «Агропищевой», «Жилье», «Туризм». Дальнейшее развитие, закрепляющее приоритетность туристического кластера, они нашли в более чем 30 законодательных и нормативных документах Республики Бурятия. В анализе этих документов прослеживается противоречие между практическими действиями органов управления республики и реальными потребностями в подготовке кадров.

К примеру, в вопросах подготовки специалистов для туристической отрасли.

В разделе «Предполагаемые потребности в трудовых ресурсах» содержатся лишь общие формулировки больше напоминающие договора о намерениях или благие пожелания:

- «подготовка мультиязычного персонала будет осуществляться на факультете иностранных языков Бурятского государственного университета;

- подготовкой персонала для обслуживания средств размещения занимаются пять учебных заведений, в т.ч. два вуза (Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, представительство Российского нового университета);

- в республике подготовкой персонала для объектов общественного питания занимаются 23 учебных заведения, в т.ч. один вуз (Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления);

- подготовка специалистов для спасательных служб, лыжного патруля, медицинских служб будет осуществляться на базе факультета физической культуры и медицинского факультета Бурятского государственного университета;

- подготовка, переподготовка кадров обслуживания горнолыжного комплекса будет осуществляться с учетом мировых стандартов ИСО 9000 на базе Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления).

В целом за период до 2020 г. в учреждениях профессионального образования (НПО, СПО и ВПО) будет подготовлено 26 927 человек для сферы туризма и 6 847 – для сферы бытовых услуг и общепита. Однако в распоряжении президента Республики Бурятия от 25.08.2011 г. № 52-пр в приложении «Потребность организаций в Республике Бурятия в квалифицированных кадрах начального профессионального образования на 2011-2014 гг.» вообще не упоминаются специалисты сферы туризма. В секторе среднего профессионального образования потребность организаций в Республике Бурятия в квалифицированных кадрах на 2012-2015 гг. по специальности «Туризм» определена лишь в количестве 102 человек, по специальности «Гостиничный сервис» – 115. Потребность организаций в квалифицированных кадрах с высшим профес-

сиональным образованием на 2011-2018 гг. определена по специальностям:

«Сервис» – в количестве 75 человек;

«Туризм» – в количестве 246 человек;

«Гостиничный сервис» – в количестве 287 человек.

Профильное высшее образование чрезмерно академично при явном недостатке практических навыков и знаний. Обучение методом «погружения» в реальную среду обслуживания туристов не ведется, производственная практика непосредственно в гостиничном секторе и в экскурсионном обслуживании учебными заведениями, как правило, не обеспечивается. Учебные программы не отвечают реальным запросам туристического бизнеса. При нехватке квалифицированных кадров выпускники профильных специальностей часто остаются невостребованными из-за отсутствия конкретных навыков и знаний.

Из числа безработных граждан, направляемых на профессиональное обучение и переподготовку в 2012 г., по специальностям в сфере туризма запланированы только менеджеры в общественном питании и гостиничном обслуживании в количестве 10 человек и менеджеры по туризму, так же в количестве 10 человек. Недостаточна подготовка специалистов по производству сувенирной продукции. Торговля сувенирами и изделиями народных ремесел и промыслов является важнейшим сегментом индустрии гостеприимства, через который турист приобретает овестьщенные элементы потребляемых впечатлений. Не выпускаются специалисты по организации сельского туризма, способствующего сокращению безработицы и развитию малого предпринимательства в аграрном секторе. Потенциал этой формы приема отдыхающих вообще не учтен.

Основой позиционирования Республики Бурятия на мировом и внутреннем туристических рынках является озеро Байкал как объект мирового наследия, символ многоконфессиональности (буддизм, шаманизм, христианство), этнокультурного своеобразия и традиций восточной медицины. Эти возможности используются не в полной мере. И в первую очередь не задействована культурная составляющая туризма: произведения художников, архитекторов, музыкантов, писателей, ученых, мастеров прикладного искусства, отражающих творчество народа, его язык, обычаи, верования. Не нашли достойного места традиционные профессии, народные промыслы, фольклор, народные фестивали, цере-

монии и религиозные ритуалы, а также национальные спортивные состязания. В туристическом кластере наряду с оздоровительными (бальнеологическими, минеральными и пр.) природными ресурсами следует использовать потенциал восточной и нетрадиционной медицины, играющих заметную роль в формировании рекреационной привлекательности территории. Недостаточно учитываются социально-экономические интересы местного населения, заинтересованного в трудоустройстве и в улучшении качества жизни. Решаемые в процессе создания туристического кластера задачи в значительной степени определяются целями регионального развития, а реализация этих задач приходится в зависимости от:

а) формирования регионального хозяйственного механизма, регулирующего социально-экономическое развитие в условиях жестких ограничений антропогенного воздействия на окружающую среду и органично сочетающегося с системой управления индустрией туризма;

б) осуществления инвестиционной политики, направленной на модернизацию и развитие социальной инфраструктуры, строительного и агропромышленного комплексов на основе экологически прогрессивных технологий, адаптированных к местным условиям;

в) принятия мер по стимулированию диверсификации регионального хозяйственного комплекса в целях кардинального повышения доли туризма и рекреации в валовом региональном продукте и структуре доходов консолидированного бюджета Республики Бурятия.

Республике необходимо вовлечение в процесс создания туристического кластера, наряду с властно-распорядительными органами и субъектами профильного и связанного бизнеса, соответствующих элементов:

1) профессиональных объединений объектов различных секторов туристической отрасли (турагенты и туроператоры, гостиничный менеджмент, рестораторы т.д.);

2) государственных и негосударственных (формальных и неформальных) институтов природоохранной направленности;

3) государственных и негосударственных (формальных и неформальных) институтов воспитания, образования и науки;

4) ассоциаций крестьянских и фермерских хозяйств, сельских товаропроизводителей и иных объединений, ориентированных на производство экологически чистой продукции аграрного комплекса;

5) ассоциаций, союзов и сообществ, объединяющих финансистов, промышленников и предпринимателей всех категорий, заинтересованных в различных формах участия в проектах туризма и рекреации;

6) институтов, стимулирующих развитие местных народных промыслов, а также широкое вовлечение местного населения в сферу обслуживания отдыхающих;

7) институтов этнокультурной направленности и национально культурных автономий, а также институтов традиционных религий и верований народов, населяющих Республику Бурятия;

8) различных сообществ, направленных на стимулирование развития промышленного, лю-

бительского и спортивного рыболовства и охотничьего хозяйства;

9) государственных и негосударственных (формальных и неформальных) институтов здравоохранения, в том числе восточной и нетрадиционной медицины;

10) федераций и иных объединений физической культуры и спорта, в первую очередь водных, горнолыжных и экстремальных видов.

Республика упускает возможность объединения в рамках единой системы управления опорных институциональных структур будущего кластера, субъектов малого и среднего предпринимательства. А ведь эта среда непосредственно влияет на функционирование регионального туристического кластера (табл. 1).

Таблица 1

Направления воздействия среды функционирования регионального туристического кластера

Субъекты воздействия	Целевые направления воздействия
Распорядительные и регулирующие органы власти всех уровней.	Административное и нормативное регулирование, обеспечение конкурентной среды, условий государственно-частного партнерства. Формирование механизма управления. Установление уровня общественно-необходимых затрат. Анализ и учет интересов прочих элементов системы.
Объединения субъектов туристской отрасли	Производство, распределение, диверсификация и реализация продукта туристских комплексов. Ценообразование. Требования к маркетингу, региональной кадровой политике.
Предпринимательские сообщества	Формирование финансовой, инвестиционной, производственной и кадровой базы регионального туристского комплекса.
Институты природоохранной направленности	Анализ сочетаний компонентов природной среды с социально-экономическими условиями и культурными ресурсами туризма. Научно-исследовательская работа. Координирование природных мероприятий. Экологический аудит туристической деятельности.
Институты воспитания и образования	Учебно-воспитательная, массово-разъяснительная и пропагандистская работа. Криминогенно-профилактические мероприятия. Качественная модернизация программ подготовки кадров.
Этнокультурные и религиозные институты	Включение материального и нематериального культурного достояния и культурной специфики региона в состав туристического продукта. Мобилизация событийного туризма.
Объединение субъектов народных промыслов	Формирование материального компонента этнокультурной и религиозной составляющей туристического продукта региона.
Объединение медицинского сообщества, в том числе нетрадиционной медицины.	Мобилизация ресурсов для удовлетворения медико-биологической функции рекреации.
Сообщества рыболовства и охоты	Мобилизация ресурсов для реализации маркетинговой концепции, ориентированную на рыбную ловлю на Байкале и сибирскую охоту.
Объединение спортивного сообщества	Мобилизация ресурсов событийного туризма, водных, горнолыжных, экстремальных и традиционных видов спорта.
Политические партии и общественные объединения	Лоббирование законопроектов, содействующих эффективной реализации проектов ОЭЗ. Формирование независимых экспертных оценок деятельности ОЭЗ. Обеспечение публичности процессов функционирования ОЭЗ.

Институциональная среда кластера должна, прежде всего, обладать высоким воздействием; быть простой в понимании и удобной для ис-

пользования социально-психологических мотиваций; быть адаптивной и стимулирующей эффективное развитие:

- для туристов: сочетание уникальных историко-культурных, религиозных и природных объектов в достаточной близости и транспортной доступности;

- для компаний: возможность стабильного и последовательного развития бизнеса в туристической сфере;

- для населения: возможность получить достойную работу с перспективами личностного развития и повысить уровень благосостояния.

У республики нет другой альтернативы, как решать стоящие перед ней стратегические цели туристического кластера, главными из которых, на наш взгляд, являются следующие:

Цель 1. «Расширение известности туристического кластера Республики Бурятия на мировом рынке» включает следующие задачи:

- формирование общего предложения Республики Бурятия для мирового туристического рынка (включая имидж, символику и т.п.);

- определение целевых рынков для кластера;

- формирование программы приоритетных мероприятий по продвижению туристического кластера Республики Бурятия для целевых рынков;

- формирование регулярной программы общего продвижения туристического кластера Республики Бурятия.

Цель 2. «Создание конкурентоспособных туристических продуктов» включает следующие задачи:

- определение ограниченного набора потенциальных комплексных туристических продуктов – не более двух на каждый из наиболее сильных туристических активов Бурятии: история, религия, культура; экстремальный отдых; природа; горнолыжный отдых; оздоровление;

- окончательный отбор двух комплексных туристических продуктов, включающих разные виды отдыха за один тур, и трех специализированных продуктов по направлениям;

- обсуждение выбранных туристических продуктов и разработка «малыми» туристическими компаниями дополнительных предложений, позволяющих разнообразить комплексные туристические продукты по выбору туристов;

- продвижение выбранных туристических продуктов в рамках деятельности по стратегической цели 1.

Цель 3. «Создание благоприятной туристической инфраструктуры и высокого качества бизнес-климата для туризма» включает следующие задачи. Развитие:

- инфраструктуры, обеспечивающей доставку туристов в Республику Бурятия (авиационное сообщение, железнодорожное сообщение);

- гостиничной инфраструктуры в г. Улан-Удэ, в районах расположения основных туристических активов и около основных автодорог;

- специализированной туристической инфраструктуры (рестораны и кафе, пункты проката спортивного и туристического оборудования, конные базы, горнолыжные базы и т.п.);

- возможностей для этнографического туризма (традиционные бурятские поселения, традиционные русские поселения, народные промыслы, народные культура и искусство и т.п.);

- системы подготовки кадров для туристического кластера;

- информационной инфраструктуры (прежде всего в сети Интернет).

Цель 4. «Сохранение и развитие природного и культурного богатства Республики Бурятия» включает следующие задачи:

- снижение антропогенной нагрузки на озеро Байкал за счет сокращения доступа неорганизованных туристов, мероприятий по утилизации отходов и повышения ответственности за загрязнение озера Байкал;

- выбор «золотых объектов» природного и культурного наследия Республики Бурятия и разработка для них режима особой охраны;

- участие в международных программах сохранения и развития объектов культурного наследия и природных богатств;

- увеличение финансирования мероприятий по сохранению и развитию культурного и природного богатства за счет увеличения доходов бизнеса и республиканского бюджета от туризма.

Как известно, кластеры образуются и развиваются только там, где все необходимые факторы, ресурсы и компетенции сосредотачиваются, достигая определенного масштаба. Решение поставленных проблем позволит Республике Бурятия на равных конкурировать с другими регионами Российской Федерации по числу посетителей туристов (в том числе иностранных) и доходам от туристической деятельности.

Литература

1. ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)» (утв. постановлением Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644);

2. Концепция развития туризма на период до 2010 г. (утв. постановлением Правительства РБ от 29 июля 2003 г. № 241);

3. РЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Бурятия на 2011-2016 гг.»;

4. РЦП «Развитие трудовых ресурсов в Республике Бурятия на период до 2010-2020 гг.» (утв. постановлением Правительства РБ от 19 февраля 2010 г № 6).

Пивоваров Александр Николаевич, кандидат экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления БГУ, тел. (3012)21-35-06.

Pivovarov Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Economic Sciences, professor at State and Municipal Management Chair, Buryat State University, tel. (3012)21-35-06.

Очирова Яна Андреевна, университет Джун-Джен, Тайвань.
Ochirova Yana Andreevna, Chung-Cheng University, Taiwan

УДК 330.341.2

© З.Б. Дугаржапов

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ РЕГИОНОВ

В статье рассматриваются вопросы социально-экономической дифференциации регионов. Автором обосновывается положение о том, что выравнивание регионов должно начинаться не со сглаживания показателей валового регионального продукта или технологического уклада, а с изменения и развития институциональной среды.

Ключевые слова: институциональная среда, межрегиональное взаимодействие и дифференциация, симметричное развитие.

Z.B. Dugarzhapov

INSTITUTIONAL FEATURES AS THE FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DISTINCTION OF THE REGIONS

In article is devoted to socio-economic distinction issues of the regions. The author established a point, that alignment of the regions should not begin with smoothing of indicators of a gross regional product or technological mode, but from a change and development of institutional environment.

Keywords: Institutional environment, inter-regional interaction, differentiation, symmetric development.

При всем разнообразии политических, социальных и экономических характеристик любого современного федеративного государства его реальная целостность, политическая и социальная стабильность зависят от степени регионального единства комплекса его социальных благ и способности хозяйства каждой из территорий его обеспечивать. Целостность страны зависит от способности удовлетворять потребности населения. Соответственно для каждого региона возможно выделение собственных регионообразующих потребностей населения, а, следовательно, и благ, способных их удовлетворять.

Межрегиональные (горизонтальные) отношения в рамках целого бывают нескольких типов: автаркия и сепаратизм, сотрудничество и интеграция. Опасность для целостности государства представляют глубокие территориальные различия экономических и социальных показателей. Асимметричное развитие приводит к усилению центробежных тенденций, взаимному удалению региональных показателей друг от

друга, углублению межрегиональных различий. За определенным пределом региональное расслоение неизбежно приводит к неконтролируемым дезинтеграционным процессам и разрушению государства.

Пределом обнищания региона является уровень, при котором не удовлетворяются базовые потребности населения. С другой стороны, желательным является уровень экономических и социальных показателей, при котором невозможна эксплуатация региона, а межрегиональный обмен близок к эквивалентному. Обеспечение элементарных условий существования и удовлетворение базовых потребностей населения необходимо для осуществления свободы выбора как основного условия рыночной экономики.

Очевидно, что при неудовлетворении базовых потребностей населения региона достигается предел обнищания региона, и возникает угроза его исчезновения. Следовательно, пределом дифференциации регионов по уровню экономи-

ческого развития будет такое состояние межрегионального различия, при котором невозможно взаимодействие регионов в рамках одной страны и высока вероятность ее распада. Таким образом, именно потеря общности институционального устройства, позволяющей регионам взаимодействовать в рамках одной страны, является пределом относительной дифференциации регионов.

Отсюда следует вывод о том, что, с одной стороны, особенности институциональной среды обуславливают возникновение региона, но, с другой стороны, потеря общности в устройстве институциональной среды регионов страны приводит к ее распаду.

Таким образом, необходимо перейти от асимметричного к гармоничному региональному развитию. Асимметричным будем называть такой тип развития за определенный период, при котором регионы, характеризующиеся относительным преимуществом по конкретному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, а регионы с относительным отставанием – его усугубляют; симметричным – такой тип регионального развития, при котором разрыв в уровне региональных показателей сокращается. Следует отметить, что обоим типам территориального развития присуща неравномерность.

Межрегиональное неравенство возникло как в результате различного начального состояния подсистем регионов, выражающегося, например, как в обеспеченности ресурсами, так и в различной эффективности взаимодействия этих подсистем, определяемой экономическими институтами. В дальнейшем социально-экономическое различие возрастает из-за неравномерного распределения доходов, так как развитые регионы с высокой эффективностью использования ресурсов перетягивают трудовые ресурсы и капитал из менее развитых [8, с. 28].

Регионы можно разделить на две группы: центральные и периферийные. Центральные расположены на пересечении межрегиональных потоков информации, ресурсов, товаров и услуг. Технический прогресс зарождается в центрах, а также там концентрируются связанные с ним плоды растущей производительности факторов. Благодаря повышению спроса, сопровождающему рост производительности, в центрах концентрируется промышленность, развитие которой ускоряется вследствие непрерывных технических нововведений, способствующих все

большей диверсификации товаров и услуг, т.е. техническому прогрессу.

Таким образом, историческая эволюция стихийно приводит к тому, что периферия исключена из интенсивного обмена промышленными товарами и во многих случаях эксплуатируема центральными регионами. Периферийные регионы попадают в замкнутый круг, препятствующий их развитию.

Низкий уровень производительности труда, с одной стороны, предопределяет невысокий уровень доходов, а с другой стороны, является его следствием. Он в значительной мере обусловлен отсталостью системы общего и профессионального образования, которая в свою очередь не может развиваться из-за низкого уровня доходов. Важно, что каждый из лимитирующих факторов является следствием и предпосылкой не одного, а целого ряда ограничений [5, с. 141].

Все описанные факторы препятствуют вхождению неразвитых регионов в качестве равноправных партнеров в межрегиональное сообщество. Более того, являются причиной их изоляции.

Конфликтный характер отношений центра и периферии рассматривается как следствие неблагоприятного положения периферийных регионов в системе межрегионального разделения труда, что выражается в ухудшении условий торговли, растущем дефиците региональных бюджетов и в утечке ресурсов. Экономический процесс стал рассматриваться не как автоматически наступающее равновесие (достигаемое посредством рынка), а как возникновение и усиление асимметричной взаимозависимости между различными регионами. Таким образом, одной из причин растущей дифференциации центра и периферии является невзаимовыгодный обмен. Различают две формы невзаимовыгодного обмена: побочную (поверхностную) и истинную (глубинную). Первая складывается в результате нарушений, возникающих в ходе выравнивания эффективности использования ресурсов. Вторая связана с различиями в устройстве институциональной среды региона.

Различия в устройстве институциональной среды выражается в эффективности взаимодействия подсистем региона, что говорит о разной эффективности использования ресурсного потенциала и разном технологическом уровне. Институциональная среда играет немалую роль как в появлении новых изобретений, так и в способности воспринимать технологии, уже нашедшие применение где-то в ином месте (диффузия но-

вовведений) [7, с. 307]. Изобретения бывают двух типов: макроизобретения и микроизобретения. Макроизобретения носят прорывной характер, например, паровая машина или двигатель внутреннего сгорания. Микроизобретения это инновации, постепенно улучшающие существующую технологию. По мере развития экономики регионы, как правило, стремятся ускорить процесс инноваций, создавая исследовательские центры и увеличивая расходы на НИ-ОКР. Но хотя это явно увеличивает число микроизобретений, влияние капиталовложений на появление макроизобретений остается неясным [4, с. 5]. Можно предположить, что именно особенности институционального устройства создают предпосылки для появления макроизобретений. Также некоторые инновации могут способствовать появлению новых институтов, которые в свою очередь способствуют появлению других изобретений [6, с. 308].

В историческом плане повышение совокупной производительности факторов, принятое мерило технического прогресса, совпало с углублением разделения труда и специализации производства. Это увеличило значение экономических институтов, облегчающих обмен товарами и услугами между специализированными производственными единицами. Изменение институциональной среды дает шанс регионам создать у себя фундаментальные условия, благоприятствующие экономическому росту.

Экономический рост характеризуется увеличением материальных и духовных благ, а следовательно, увеличивается степень удовлетворения потребностей населения. Увеличение материальных и духовных благ при интенсивном развитии свидетельствует о повышении эффективности использования ресурсов [1, с. 24]. С другой стороны, в регионах, где не удовлетворяются базовые потребности населения, существует прямая взаимосвязь между уровнем жизни и производительностью труда. Соответственно с ростом дохода должна повыситься работоспособность и эффективность труда. Повышение эффективности использования ресурсов возможно в результате научно-технического прогресса, рассматриваемого как сложное взаимодействие разнообразных технологических альтернатив, реализуемых конкурирующими и сотрудничающими хозяйствующими субъектами в условиях соответствующего институционального окружения. Научно-технический прогресс – это процесс развития и последовательной смены технологических укладов. Под технологическим

укладом понимается конгломерат сопряженных производств, охватывающий замкнутый воспроизводственный цикл от добычи природных ресурсов и профессиональной подготовки кадров до непроизводственного потребления [3, с. 5].

Технологический уклад обладает сложной внутренней структурой. Его ядро образует совокупность базисных технологических процессов, лежащих в основе соответствующих базисных технологических совокупностей. Технологические цепочки, составляющие технологический уклад, охватывают совокупности всех уровней переработки ресурсов и замыкаются на соответствующий тип непроизводственного потребления, который служит одновременно важнейшим источником его расширения, обеспечивая воспроизводство трудовых ресурсов соответствующего качества.

Межрегиональные различия институциональной среды предопределяют существование явления технологической многоукладности экономики страны. Оно заключается в одновременном автономном воспроизводстве нескольких технологических укладов, что обуславливает появление ряда серьезных диспропорций, возрастание экономических потерь, снижение эффективности производства, замедление и ухудшение качества экономического роста. Синхронизация технологических сдвигов в разных регионах тем выше, чем сильнее они интегрированы друг с другом и чем меньше препятствий развитию межрегиональных экономических связей. При этом чем теснее регион экономически связан с центром генерирования технологических изменений, тем выше уровень синхронизации ее технико-экономического развития с глобальной динамикой.

Интеграция новых регионов в число развитых осуществляется в фазе роста очередного технологического уклада. Это происходит в случаях, когда соответствующим регионам удается в период замещения технологического уклада и структурной перестройки мировой экономики создать у себя конкурентные производства нового технологического уклада, последующее расширение которых обеспечивает значительную монопольную ренту, что становится источником экономического роста. В экономически отсталых регионах отсутствуют значительные производственные мощности, существует проблема высвобождения связанного в них капитала, а также намного выше сопротивление институциональной среды структурной перестройке. Включение региона в число экономи-

чески развитых предполагает наличие соответствующих внутренних социально-экономических, научно-технических и институциональных предпосылок: достаточно развитого промышленного потенциала, наличие широких слоев образованного населения, доступа к внешней информации, капитала и ресурсов. Все эти условия формируются в ходе жизненного цикла предшествующего технологического уклада. Воспроизводство последнего создает предпосылки для становления следующего технологического уклада, который не может быть создан на пустом месте. В то же время для формирования этих предпосылок совсем необязательно развивать производства предшествующего технологического уклада до уровня развитых регионов.

Внедрение новых технологий без изменения институциональной среды не способствует развитию региона. Таким же образом любые инвестиции должны обязательно сопровождаться технологическими инновациями. Проникновение новой техники на периферию привносит в ее техническую структуру слои повышенной производительности и эффективности, которые накладываются на предыдущие слои с меньшей производительностью и эффективностью. Изменения технической структуры сопровождаются модификациями структуры занятости, поскольку рабочая сила перемещается из слоев с меньшей производительностью в верхние слои с высокой производительностью. Структура доходов не эволюционирует в соответствии с изменениями в технике и занятости, и у большей части работающих в секторах с растущей производительностью заработная плата в силу игры рыночных сил не повышается соответствующим образом.

Лишь часть плодов технического прогресса достается ограниченному слою трудящихся, которые благодаря своему общественному весу могут приобрести квалификацию, необходимую для работы с новой техникой. Часть плодов растущей производительности составляет излишек,

который присваивается высшими слоями общества, концентрирующими основную часть капитала в форме товаров производственного назначения и собственности. Неравномерное распределение доходов в пользу высших слоев способствует тому, что они имитируют формы потребления, присущие центрам [2, с.44]. Соответственно, основная часть излишка переходит в центры. Таким образом, в регионах, использующих новую технику без соответствующего изменения институциональной среды, возникает привилегированное общество потребления, что ведет к потерям потенциала накопления капитала, а в дальнейшем – к полной зависимости от центра.

Выравнивание регионов должно начинаться не со сглаживания показателей валового регионального продукта (ВРП) или технологического уклада, а с изменения и развития институциональной среды. Таким образом, удастся создать условия для внедрения технологических инноваций, а также возникновения способности к их созданию.

Литература

1. Портер М. Международная конкуренция. – М.: Международные отношения, 1993. – 896 с.
2. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М.: Изд-во ИЛА РАН, 1992, – 340 с.
3. Балацкий Е. Теория институциональных ловушек и правовой плюрализм // Общество и экономика. – 2001, № 10. – С. 84–97.
4. Мировая экономика в XX веке: потрясающие достижения и серьезные проблемы (Глава 5 доклада МВФ «Обзор мировой экономики») // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – №1. – С. 3–15.
5. Нуреев Р.М. Теория развития: институциональные концепции становления рыночной экономики // Вопросы экономики. – 2000. – № 6. – С. 46–52; №7. – С. 141–156.
6. Brian J. Loasby. Market institution and economic evolution // Journal of evolutionary economics. – 2000. – № 10. – P. 297–309.
7. Marjolein C.J. Caniels, Verspagen B. Barriers to knowledge spillovers and regional convergence in an evolutionary model // Journal Evolutionary Economics. – 2001. – № 11. – P. 307–329.
8. Tokao Fukuchi. Long-run development of multi-regional economy // Regional Science. – 2000. – № 79. – P. 1–31.

Дугаржапов Зорикто Баирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» ФГБОУ ВПО "Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления". E-mail: zorikd@mail.ru

Dugarzhapov Zorikto Bairovich, Candidate of Economic Sciences, associate professor at Finance and Credit Chair of East-Siberian State University of Technology and Management. E-mail: zorikd@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

В статье рассматриваются вопросы формирования и развития кластерных образований на территории г. Санкт-Петербурга. Особое внимание уделяется фармацевтическому, машиностроительному и автомобильным кластерам. В статье дается подробное описание предпосылок формирования кластеров в г. Санкт-Петербурге и их роли в развитии экономики региона.

Ключевые слова: кластер, территориальный кластер, территориальное развитие, автомобильная промышленность, иностранные инвестиции, государственная поддержка.

Ch.V. Dashimolonov

SHAPING OF CLUSTER FORMATIONS AS A FACTOR OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION (THROUGH THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

The article deals with issues of shaping and development of cluster formations in St. Petersburg, with emphasis on pharmaceutical, machine building and automobile clusters. The article describes in details prerequisites for cluster development in St. Petersburg and its role in development of the region.

Keywords: Cluster, territorial cluster, territorial development, automobile industry, foreign investments, government support.

Формирование кластерных инициатив в Санкт-Петербурге проводится в нескольких направлениях. Их основы изложены в постановлении правительства г. Санкт-Петербурга (проект «Об основах кластерной политики в Санкт-Петербурге на 2010 – 2013 годы»). Цель кластерной политики Санкт-Петербурга – создание и поддержка кластеров, объединяющих предприятия, организации и научные учреждения, для выпуска конкурентоспособных продуктов и услуг. В сеть инновационно-технологических кластеров Санкт-Петербурга входит порядка десяти кластерных образований: в области машиностроения и металлообработки, оптоэлектроники, фармацевтики, IT-кластер, полимерный кластер, автомобильный и др.

Формирование региональной сети инновационно-технологических кластеров может являться источником поступательной макроэкономической динамики, поскольку процесс кластеризации позволяет выявить факторы развития конкурентных преимуществ региона, способствует развитию приоритетных отраслей, определяющих инвестиционную привлекательность территорий. Функционирование технологических кластеров в различных отраслях экономики, как правило, способствует развитию региональной экономики, влекущему за собой рост занятости, увеличение налогооблагаемой базы, что в конечном итоге создает предпосылки для устойчивого развития региона.

В целях реализации «Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 г.» [1] принята «Концепция создания фармацевтического кластера в Санкт-Петербурге» [2].

В ней под кластером понимается «совокупность потенциальных и перспективных сегментов, состоящих из существующих научных центров, являющихся основой для инновационного развития кластера, лечебно-методической базы для оценки и внедрения разработок, а также инвестиционных проектов создания ряда контрактных и собственных производств достаточной мощности для собственных целей кластера и привлечения крупных иностранных фармацевтических компаний» [2]. В поддержку кластера подчеркивается: «Для создания инновационного кластера есть все основания, поскольку представлены принципиально необходимые для его развития сегменты – научные базы для разработки новых и воспроизводственных субстанций и лекарственных препаратов, база доклинических исследований с наработанными зарубежными связями, развитая клиническая база во всех областях современной медицины, система подготовки квалифицированных кадров, включая технологию фармацевтического производства, фармацевтические компании, ориентированные на внедрение собственных разработок и пр.» [3].

В концепции предложено два основных направления продвижения кластерной инициативы:

1. Создание центров на базе научно-исследовательских и образовательных учреждений. На их базе будут размещаться заказы на исследования и разработки, финансируемые из федерального бюджета и средств частных компаний.

2. Реализация инвестиционных проектов в сфере фармацевтического производства.

Данное направление перспективно: Санкт-Петербург – общепризнанный мировой научный и медицинский лидер, а развитие научно-исследовательского направления – приоритет создаваемого кластера. Научные, лабораторные, доклинические и клинические исследования лекарственных средств – рынок со значительным мультипликативным эффектом. Он приводит к развитию всей инфраструктуры научной и медицинской сферы, к привлечению высококвалифицированных специалистов, создает спрос на образовательные услуги, стимулирует потребление ресурсов, в т.ч. высоких технологий.

Кроме фармацевтического кластера активно развивается технологический кластер машиностроения и металлообработки Санкт-Петербурга, который был создан в 2009 г. Тогда в него вошли 15 предприятий, в том числе ОАО “Звезда”, “Светлана”, “Силовые машины” и др. Сейчас в составе кластера уже более 25 предприятий, причем наряду с производственными компаниями в нем участвуют вузы, НИИ, общественные организации, страховые компании. На предприятиях кластера работает около 25 тыс. человек, оборот – 39 млрд р. в год.

Все предприятия кластера – от малых до больших, от частных до государственных – предоставили информацию о своем технологическом оборудовании, которое они могут предложить для размещения заказа. Таким образом, была выстроена система субконтракции, которая позволила предприятиям активнее задействовать имеющиеся ресурсы и существенно экономить

средства на поддержание и развитие технологической базы. Одной из проблем является отсутствие законодательных актов, которые бы регулировали отношения между предприятиями. В России пока нет культуры взаимоотношений между юридическими лицами (нарушаются сроки поставки, цены, качество). Одна из задач технологического кластера как саморегулируемой организации – разработка единых стандартов и типового регламента взаимоотношений между предприятиями.

Санкт-Петербург привлекает иностранных инвесторов, в первую очередь, как центр третичного сектора экономики с рыночной инфраструктурой и повышенным спросом на товары и услуги.

Следует отметить, что в соответствии с рейтингом инвестиционной привлекательности регионов 2010-2011 гг. агентства Эксперт РА, который был проведен 16 декабря 2011 г. в Москве в рамках IX Регионального инвестиционного конгресса «Инвестиционный климат: лучшие практики регионов», Санкт-Петербург получил высший инвестиционный рейтинг 1А как регион с максимальным потенциалом и минимальным риском[4].

Если проследить динамику притока иностранных инвестиций по отраслям с 2004 по 2010 г., то стоит отметить наибольший спрос со стороны зарубежных инвесторов, в первую очередь, на автомобильную промышленность и строительство.

Автомобильная промышленность является ведущей отраслью машиностроения и определяет экономический и социальный уровень развития города.

В области автомобилестроения на территории Санкт-Петербурга действуют крупные мировые инвесторы, реализовавшие свои проекты, которые представлены в следующей таблице:

Таблица 1

Реализация строительства автомобильных заводов в Санкт-Петербурге[5]

Название автомобильных заводов	Сроки реализации	Объем инвестиций
1. Автомобильный завод компании «Тойота Мотор Корпорейшен»	2005-2007	\$ 100 млн (133)
2. Автомобильный завод компании «Дженерал Моторз»	2003-2008	\$ 303 млн (75)
3. Автомобильный завод компании «Ниссан Мотор Ко., Лтд»	2006-2009	\$ 200 млн
4. Автомобильный завод компании «Хендэ Мотор Компани»	2007-2010	\$ 650 млн (400)
5. Завод по производству автокомплектующих компании «Магна»	2006-2010	\$ 103 млн

6. Промышленный парк группы поставщиков компании «Хендэ Мотор Компани»	2008-2010	\$ 200 млн
--	-----------	------------

Следует отметить, что Санкт-Петербург является одним из немногих городов России, где одновременно несколько мировых гигантов автомобилестроения формируют собственные предприятия.

Для формирования автомобильного кластера в Санкт-Петербурге изначально не было объективных причин, так как в городе не было предприятий, когда-либо выпускавших автомобильную технику. В регионе не было ЗИЛа, ВАЗа или автозавода “Москвич”, существовал только завод “Карбюратор”, который в период “перестройки” был закрыт. Первым проектом в сфере автомобильного строительства стал автозавод «Ford» во Всеволожском районе Ленинградской области, который не был первым в формировании автомобильного кластера в регионе.

При принятии решения о создании автосборочных производств инвесторов, прежде всего, привлекает внятная инвестиционная политика региона, возможности всесторонней поддержки местных властей в реализации проектов, получения подготовленной промышленной площадки для запуска производства, выгодное географическое положение города с точки зрения близости рынка сбыта и возможности доставки автомобильных компонентов из-за рубежа.

В январе-июле 2012 г. петербургские автозаводы Toyota, GM, Nissan, Hyundai выпустили 215 600 автомобилей, что на 83% выше показателя за аналогичный период прошлого года [6].

Первой “ласточкой” в создании автомобильного кластера в Санкт-Петербурге стал японский завод “Toyota” в п. Шушары, активную поддержку которому оказывал президент РФ Владимир Путин. После успешного запуска “Toyota” в 2007 г. вслед за японскими инвесторами активно начали интересоваться Санкт-Петербургом как потенциальной производственной площадкой другие мировые автогиганты, такие как “Дженерал Моторс”, “Хендай”, “Киа Моторс” и “Ниссан”. Многие из них уже разместили свои производственные мощности на территории города.

В процессе такой политики, когда город активно начал привлекать в регион автопроизводителей, многие эксперты говорили о проблемах и последствиях, которые могут иметь место. Например, что Санкт-Петербург может повторить судьбу американского Детройта, когда этот город фактически умер после краха автомобиль-

ной промышленности в США. Даже через большое количество времени город не сможет вернуть те колоссальные вложения в инженерную подготовку территорий, где сейчас располагаются эти заводы, автомобильные предприятия не смогут обеспечить рабочими местами тысячи петербуржцев, как было обещано властями, ведь по факту на многих заводах все автоматизировано и необходимость в большом количестве рабочих отпадает.

По оценкам петербургского экономиста, профессора СПбГЭУ Оксаны Дмитриевой, чтобы город начал получать дивиденды от тех вложений, которые были оформлены в виде подготовки промышленных участков, значительного уменьшения налоговой базы и т.д., необходимо более 100 лет.

Сравнивая Санкт-Петербург с другими регионами, где действуют автомобильные кластеры, мы видим, что конкуренты не просто организуют сборку автомобилей, но и создают учебные центры (г. Калуга, учебный центр Wolkswagen).

Очевидно, что фактор сохранения приверженности иностранного инвестора петербургскому автомобильному рынку объясняется как наличием выгодного географического положения Санкт-Петербурга и развитием его транспортной инфраструктуры, так и растущей конкурентоспособностью автомобилестроения города. Поэтому иностранные инвесторы стараются сохранить и укрепить свои позиции на данном рынке. Открытым остается вопрос, насколько городу выгоден такой автомобильный кластер, где по сути происходит “отверточное” производство автомобилей.

Таким образом, функционирование успешных и экономически обоснованных кластерных образований может быть основным фактором устойчивого развития региона, в то же время пример автомобильного кластера в Санкт-Петербурге подчеркивает необходимость более продуманного отбора кластерных инициатив для их дальнейшей поддержки.

Литература

1. Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. Утверждена приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 23.10.2009 г. № 965.
2. Постановление правительства Санкт-Петербурга от 22.10.2010 г. № 419 “О Концепции создания фармацевтического кластера в Санкт-Петербурге”.

3. Угольников О.Д., Петров А.П. Инновационная экономика: региональные кластерные инициативы: монография. – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010. – 191 с.

4. URL: www.expert.ru

5. URL: www.cedipt.spb.ru

6. По данным аналитического агентства “Автостат”.

Дашимолонов Чингис Викторович, ст. преподаватель Государственной полярной академии, г. Санкт-Петербург. Тел.: +7(911) 2274078. E-mail: dchingis@yandex.ru

Dashimolonov Chingis Victorovich, Senior lecturer at State Polar Academy. St. Petersburg. Tel.: +7(911)2274078. E-mail: dchingis@yandex.ru

УДК 338

© В.С. Потаев

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье представлен анализ хода реализации и последствий аграрных реформ в Республике Бурятия.

Ключевые слова: аграрные реформы, фермерские хозяйства.

V.S. Potaev

AGRARIAN REFORM IN THE REPUBLIC OF BURYATIA: CHARACTERISTICS AND CHALLENGES

The article provides an analysis of agrarian reform progress implementation and its after-effect in the Republic of Buryatia.

Keywords: agrarian reform, farm enterprise.

Началом становления рыночных отношений в целом по стране, как известно, считается конец 80-х – начало 90-х гг. В сельском хозяйстве либерализация цен без соответствующей государственной поддержки агробизнеса привела к резкому диспаритету цен между промышленным и аграрным секторами. Это, в свою очередь, обусловило высокую себестоимость производимой продукции сельского хозяйства, что при низкой платежеспособности сделало отрасль нерентабельной. Неэффективность отрасли обусловили также коллективные формы агробизнеса. В сложившейся обстановке одним из путей повышения эффективности производства сельскохозяйственной продукции являлось проведение адекватных аграрных реформ. В основе осуществляемых реформ в России были приватизация земли, имущества колхозов и совхозов, их реорганизация; развитие малых форм хозяйствования на селе; реструктуризация производства по видам продукции; создание рыночной инфраструктуры и многое другое.

Нормативно-правовой базой проведения аграрных реформ явились федеральные законы, принятые в конце 80-х гг. и в последующем несколько откорректированные: «О земельной реформе», «О предприятиях и предпринимательской деятельности», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О личном подсобном хозяйстве» и др.; кодексы законов: Земельный кодекс, Гражданский кодекс, Трудовой кодекс и др. Во исполнение законов в конце декабря 1991 г. был

издан указ президента «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», согласно которому колхозы и совхозы были обязаны в 1992 г. провести реорганизацию, привести свой статус в соответствие с законом «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и перерегистрироваться в соответствующих органах. При этом, согласно рекомендациям Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации, реорганизация колхозов и совхозов осуществлялась по трем направлениям:

- раздел на крестьянские хозяйства и малые кооперативы с последующим объединением в ассоциацию или кооперативы;
- реорганизация хозяйства или его части в акционерное общество открытого или закрытого типов;
- реорганизация хозяйства или его части в производственный кооператив.

За 1992-1993 гг. в стране было перерегистрировано 24 344 колхоза и совхоза, или 95% от общего количества, при этом из числа перерегистрированных хозяйств сохранили свой статус 6 373 колхоза и совхоза, или 34%. В процессе реорганизации было создано 272 акционерных общества открытого типа, 11 493 товарищества с ограниченной ответственностью и смешанных товариществ, 1 861 сельскохозяйственный кооператив, 936 ассоциаций крестьянских хозяйств и 4 273 прочих формирований. Сельскохозяйст-

венные земли, используемые перечисленными предприятиями согласно закону «О земельной реформе» и Земельному кодексу, стали их собственностью.

Аграрные преобразования, проводимые в Республике Бурятия, в целом не отличались от общероссийских аграрных реформ. К началу 1994 г. процесс массовой реорганизации и перерегистрации колхозов и совхозов в республике был практически завершен. Из имевшихся 206 хозяйств (137 совхозов и 63 колхоза) первоначальный статус сохранили 60 колхозов и 49 совхозов, или 53 от общего их количества, а 6 сов-

хозов поменяли свой статус на колхозы. Остальные 97 хозяйств были преобразованы в акционерные общества открытого типа (5 ед.), товарищества с ограниченной ответственностью (20 ед.), в сельскохозяйственные кооперативы (4 ед.), в подсобные хозяйства предприятий (8 ед.) и в прочие хозяйства с коллективно-долевой формой собственности. В последующем реорганизация коллективных форм хозяйствования на селе и процесс создания крестьянских (фермерских) хозяйств в республике протекали довольно «вяло», что видно из таблицы 1.

Таблица 1

Динамика развития организационно-правовых форм хозяйствования

Формы хозяйствования	Годы				
	1992	1994	2001	2005	2008
Колхозы	63	53	24	-	-
Совхозы	137	46	10	-	-
Учебные хозяйства и межхозы	6	5	-	-	-
Подсобные хозяйства	-	12	5	-	-
Акционерные общества	-	8	8	13	4
Сельскохозяйственные производственные кооперативы	-	8	157	53	11
Товарищества на вере	-	-	5	2	-
Унитарные предприятия	-	-	6	6	4
Общества с ограниченной ответственностью	-	-	2	13	6
Прочие коллективные хозяйства	-	94	21	8	-
<i>Итого коллективных хозяйств</i>	<i>206</i>	<i>226</i>	<i>238</i>	<i>95</i>	<i>25</i>
Крестьянские (фермерские) хозяйства	230	2770	2681	2551	2479
Личные подсобные хозяйства, тыс.	152	147	150	146	153

Как видно из таблицы 1, процесс приведения юридического статуса колхозов и совхозов в соответствие с новым законодательством слишком затянулся, и даже после принятия Гражданского кодекса (1995 г.) их число в 2001 г. составляло 34 единицы (24 колхоза и 10 совхозов). Большое количество сельскохозяйственных кооперативов объясняется принятием в стране закона «О сельскохозяйственной кооперации» в конце 1995 г. и усиленной пропагандой данной формы хозяйствования со стороны работников Министерства сельского хозяйства и продоволь-

ствия Республики Бурятия. К общим закономерностям динамики развития коллективных сельскохозяйственных организаций можно отнести вначале увеличение их числа за счет раздела и дробления крупных сельскохозяйственных предприятий на мелкие, а в последующем – их сокращение.

Насколько повлияли рыночные отношения на объемы производства продукции сельского хозяйства можно показать, используя данные таблицы 2 и рисунка 1.

Таблица 2

Производство сельскохозяйственной продукции (в хозяйствах всех категорий), тыс. т

Годы	Зерно	Картофель	Овощи	Мясо (в убойном весе)	Молоко	Шерсть (в физ. весе), т	Яйца (млн шт.)
1991	454,5	200,5	58,4	70,1	261,4	4479	271,3
1995	262,6	204,8	34,8	48,3	164,2	1404	126,4
2000	178,1	167,9	78,2	36,2	231,3	596	68,4

2005	83,0	223,23	104,3	307	225,9	564	62,7
2007	81,6	224,5	109,1	28,2	246,8	553	62,8
2010	72,4	164,7	46,5	28,0	229,5	528	64,9

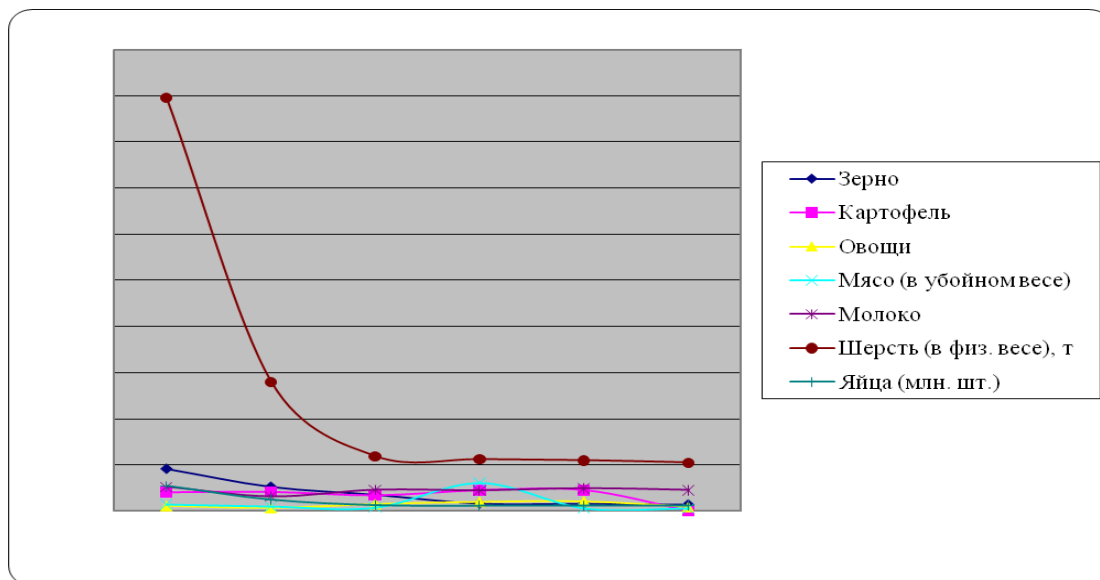

Рис. 1. Динамика производства сельскохозяйственной продукции, тыс. т

Как видно из приведенных данных, за период экономических реформ производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции в Республике Бурятия резко снизилось. Наиболее неадаптированными к условиям рынка оказались отрасли производства шерсти, зерна, яиц и мяса. В Сибирском федеральном округе по объемам производства зерна Республика Бурятия занимает одно из последних мест наряду с республиками Тыва и Алтай. С овощами примерно такая же картина [2]. Низкие объемы производства зерна и овощей объясняются в первую очередь суровыми природно-климатическими условиями юга Восточной Сибири, которые выражены врезкой континентальности и аридности климата, недостатке плодородных земель для производства зерна и овощей

открытого грунта. Слаборазвитое зерновое хозяйство, в свою очередь тормозит развитие производства мяса, в особенности свинины и птицы. Переход на рыночные отношения в сельском хозяйстве еще более ярко подчеркнул данную проблему.

Так, производство зерна в 2010 г. по сравнению с 1991 г. снизилось на 382,1 тыс. т, или в 6,3 раза, мяса – на 42,1 тыс. т (в 2,5 раза), шерсти – на 3951 т (в 8,5 раза) и яиц – на 206,4 млн шт. (в 4,2 раза).

Снижение объемов производства продукции сельского хозяйства произошло главным образом за счет сокращения посевов и численности сельскохозяйственных животных (таблицы 3 и 4).

Таблица 3

Посевная площадь сельскохозяйственных культур, тыс. га

Годы	1991	1995	2000	2005	2010
Культуры					
Зерновые	383,8	327,6	252,1	113,2	107,0
Картофель	20,3	21,0	19,1	19,5	13,4
Овощи	2,5	2,5	4,1	4,6	1,9
Кормовые культуры	348,5	198,4	80,5	75,1	69,6
Итого	765,5	551,7	361,6	213,6	192,8

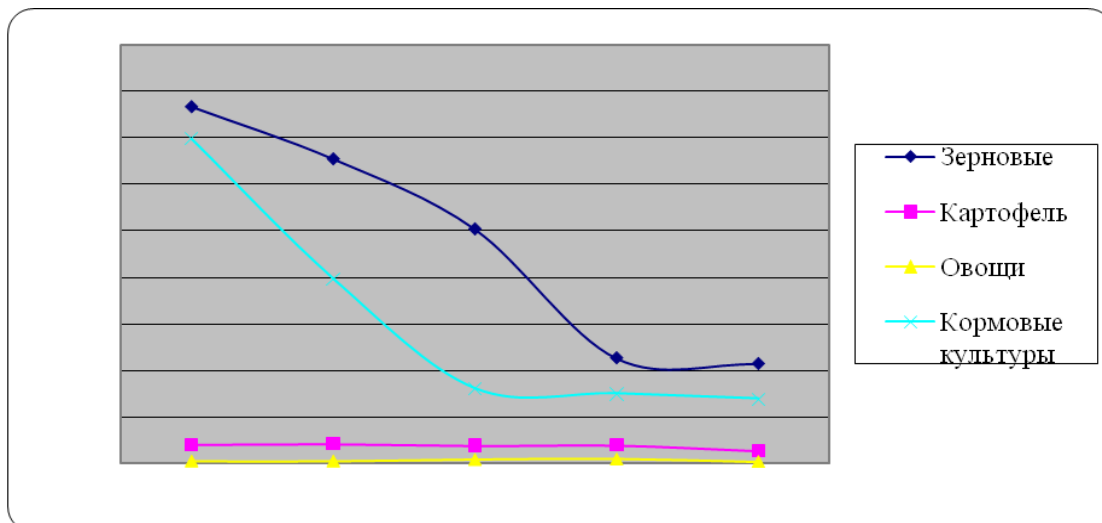

Рис. 2. Изменения посевной площади, тыс. га

Как видно из таблицы 3 и рисунка 2, вся посевная площадь с 1991 по 2010 г. сократилась в 4,0 раза, в том числе под посевы зерновых культур в 3,6 раза, картофеля – в 1,5 раза, овощей – в 1,3 раза и посевы под кормовые культуры сократились в 5,0 раз. Больше всего сократились посевы зерновых и кормовых культур (в 3,6 и 5,0

раза соответственно). Это объясняется тем, что производство зерна и кормов во многих хозяйствах республики стало высокочрезвычайно затратным и нерентабельным.

Изменения поголовья скота в хозяйствах всех категорий за годы реформ представлены в таблице 4.

Таблица 4

Численность сельскохозяйственных животных (на начало года), тыс. гол.

Годы	Крупный рогатый скот	в том числе			
		коровы	свиньи	овцы и козы	лошади
1992	549,6	190,1	264,3	1262,7	75,7
1996	392,7	162,3	147,2	455,1	68,3
2001	339,0	143,6	116,8	217,2	49,7
2006	312,4	128,6	73,1	219,4	47,3
2008	348,5	143,4	75,4	236,2	56,8
2011	363,1	148,5	74,9	262,9	63,8

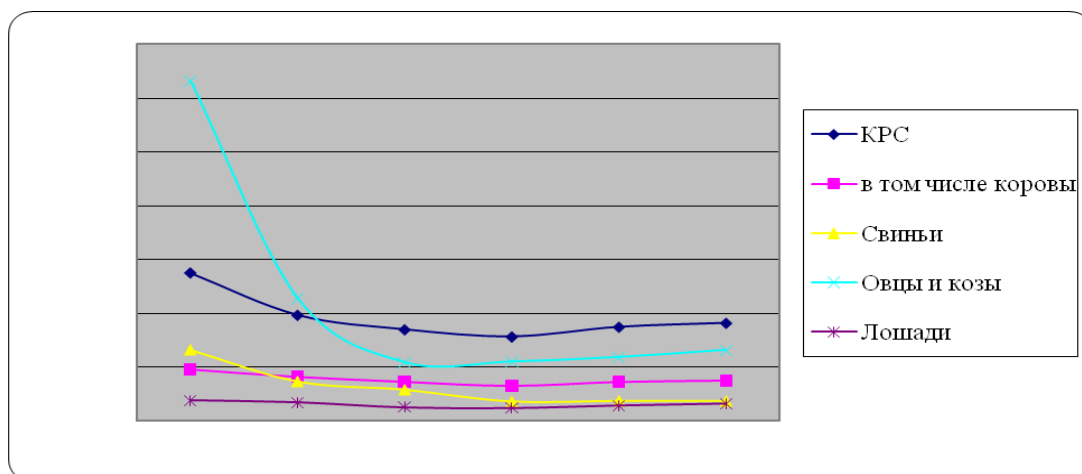

Рис. 3. Изменение численности сельскохозяйственных животных, тыс. гол

Из данных таблицы 4 и рисунка 3 видно, насколько ощутимо сократилось поголовье скота за рассматриваемые годы.

Так, всего крупного рогатого скота за период с начала 1992 г. по 2011 г. сократилось на 186,5 тыс. гол., или в 1,5 раза, в т.ч. коров – на 41,6 (в 1,3 раза), свиней – на 189,4 (в 3,5 раза), овец и коз – на 999,8 (в 4,8 раз), и лошадей – на 11,5 (в 1,9 раза). Наибольшее сокращение отмечено

среди овец (4,8 раза) и свиней (в 3,5 раза). Некоторое увеличение численности крупного рогатого скота объясняется ростом поголовья скота мясного направления, рост числа овец произошел за счет роста численности грубошерстных и полугрубошерстных мясных овец, поголовье лошадей пополнилось табунными лошадьми.

Распределение скота в зависимости от категории хозяйств представлено в таблице 5.

Таблица 5

*Поголовье скота по категориям хозяйств
(в % от хозяйств всех категорий)*

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
		коровы			
Сельскохозяйственные предприятия					
1992	62	55	43	87	93
1995	44	39	31	77	79
2001	21	19	24	64	43
2006	14	14	38	51	32
2011	15	15	44	39	19
Хозяйства населения					
1992	37	44	57	10	6
1995	50	55	66	17	16
2001	73	75	73	32	49
2005	78	78	65	39	56
2006	79	79	59	40	57
2011	75	75	47	45	68
Крестьянские (фермерские) хозяйства					
1992	1	1	0,4	3	1
1995	6	6	3	6	5
2001	6	6	3	4	8
2006	7	7	3	9	11
2011	10	10	9	16	13

Из представленных данных видно, что за годы реформ произошло смещение поголовья скота из общественного сектора производства (сельскохозяйственные предприятия) в частный сектор (хозяйства населения и крестьянские (фермерские) хозяйства). Рост доли поголовья сельскохозяйственных животных в личных подсобных хозяйствах произошел вследствие того, что были сняты с данной формы хозяйствования все ограничения по лимиту численности содержания скота в личных подворьях. (В дореформенный период в одном ЛПХ разрешалось содержать не более 1 коровы с телятником, 2 свиньи и 10 овец или коз). Однако в последние годы удельный вес сельхозживотных, содержащихся в личных подсобных хозяйствах, перестал расти и даже начал сокращаться. Это связано с проблемами увеличения поголовья скота в подворьях

в силу ограниченности земельных ресурсов, граждан проживающих в крупных сельских населенных пунктах.

Динамично происходит рост численности сельскохозяйственных животных в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Так, доля крупного рогатого скота КФХ в 2011 г. от общего поголовья достигла 10%, свиней – 9%, овец и коз – 16%, лошадей – 13%.

Структурные изменения, произошедшие в сельском хозяйстве республики за период аграрных реформ, в последующем отразились на отраслевой структуре производства продукции по категориям хозяйств. Структура производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств приведена в таблице 6 и рисунках 4 и 5.

Таблица 6

Структура валовой продукции сельского хозяйства
(в % от объема в хозяйствах всех категорий)

	Годы						
	1991	1995	2000	2005	2006	2007	2010
Сельхозпредприятия							
Валовая продукция, всего	65	43	37	13	14	13	13
В т.ч. растениеводства	73	50	37	14	15	14	15
Животноводства	64	40	36	13	13	12	12
Хозяйства населения							
Валовая продукция, всего	35	54	59	84	83	84	82
В т.ч. растениеводства	27	47	59	84	83	83	81
животноводства	36	57	60	83	83	84	83
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Валовая продукция, всего	0,2	3	3	3	3	4	5
В т.ч. растениеводства	0,1	3	3	2	2	3	4
животноводства	0,3	3	4	4	4	4	5

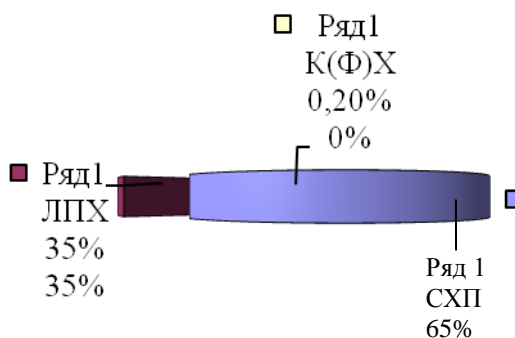

Рис. 4. Структура валовой продукции по категориям хозяйствования (1991 г.)

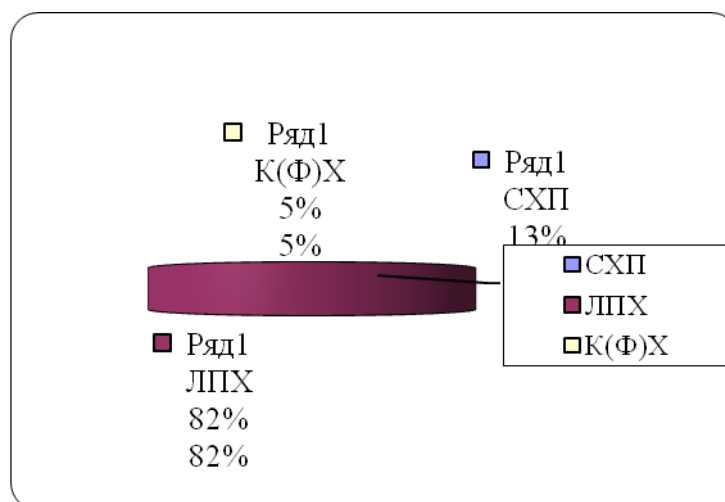

Рис 5. Структура валовой продукции по категориям хозяйствования (2010 г.)

Относительные цифры показывают, что если в начале реформ продукция сельского хозяйства производилась главным образом в сельскохозяйственных предприятиях (65%), то к 2000 г. она составила 37%, а в 2010 г. – лишь 13%. В

хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах за период 1991-2010 гг., наоборот, их доля выросла соответственно с 35% до 82% и с 0,2% до 5%. Это объясняется развитием хозяйств населения и увеличением числа кре-

стьянских (фермерских) хозяйств с соответствующим вовлечением в этот сектор земельных и других ресурсов. Кроме того, в отношении личных подсобных хозяйств населения следует отметить, что здесь первоначальное увеличение объемов производства произошло за счет расширения производственных ресурсов лишь при незначительном увеличении их количества. В крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйствах доля продукции растениеводства выросла с 27% до 85%, а животноводства – с 36 до 88%. Это, естественно, связано с концентрацией производства продукции растениеводства (в особенности картофеля и овощей) в хозяйствах населения и со смещением поголовья сельскохозяйственных животных из сельхозпредприятий в частный сектор.

Анализ экономической эффективности *сельскохозяйственных предприятий* за последние годы показал, что число сельхозпредприятий сокращается (с 238 в 2001 г. до 25 в 2008 г.). При этом прибыльных хозяйств в 2001 г. было 76 единиц (46%), а в 2008 г. – 21 (84%). Среднегодовая численность работников по последним данным составляет 112 чел. Однако большинство сельскохозяйственных организаций относится к малым предприятиям с числом работников не более 60 человек. В среднем на 1 сельскохозяйственное предприятие приходится 2,2 га посевной площади, 568 гол. крупного рогатого скота, в т.ч. 216 коров, 632 свиньи, овец и коз – 1 144 гол. На наш взгляд, количество сельскохозяйственных организаций (на уровне 20-25 единиц) и их размеры в целом стабилизировались. Возможно, чуть более двух десятков руководителей, способных управлять крупными сельскохозяйственными предприятиями, осталось в республике, и данное число, наверное, будет неизменным. Основной специализацией сельскохозяйственных организаций будут оставаться зерновое хозяйство, производство и реализация свинины, мяса птицы и яиц.

Число *крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ)* за последнее десятилетие остается практически неизменным. С начала 2000 г. количество зарегистрированных крестьянских (фермерских) хозяйств составляет около 2500 единиц. Доля производимой сельскохозяйственной продукции зарегистрированными фермерами остается еще малой (5%). Многие имеющиеся крестьянские (фермерские) хозяйства предпочитают не регистрироваться и оставаться личными подсобными хозяйствами. Средний размер земельного участка составляет 44 га. На одно хо-

зяйство приходится в среднем 11,4 голов крупного рогатого скота, в т.ч. 4,7 коров; 1,8 свиней; 3,2 лошадей; 11,5 голов овец и коз.

Однако на первое января 2011 г. в Республике Бурятия уже насчитывалось 4368 К(Ф)Х и индивидуальных предпринимателей, осуществлявших свою деятельность в сфере сельского хозяйства. Рост числа фермерских хозяйств только за 2010 г. составил 1793 ед., т.е. вырос в 1,7 раза. Примерно такой же рост произошел и в целом по Сибирскому федеральному округу. По данным сравнительного анализа Росстата, численность КФХ и ИП [3] увеличилась в 1,7 раза, в том числе по Забайкальскому краю – в 1,6 и Иркутской области – в 1,4 раза. Это объясняется принятием (и соответственно финансированием) в последние годы ряда федеральных целевых программ по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств [4; 5; 6; 7].

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) согласно российскому законодательству не являются коммерческими организациями. Их численность в последнее время составляет порядка 137 тыс., за ними закреплено 89,2 тыс. га, или в среднем на одну семью приходится 0,58 га. Крупного рогатого скота в среднем на одно ЛПХ приходится 2,0 гол., в т.ч. 0,8 коровы, свиней – 0,3 гол., овец и коз – 0,8 гол.

При сравнении производственных ресурсов КФХ и ЛПХ видно, что по поголовью крупного рогатого скота, приходящегося на одно хозяйство, личные подсобные хозяйства меньше крестьянских (фермерских) хозяйств в 5,7 раз, в том числе по числу коров – в 5,8 раз, свиней – в 6,0 раз, овец и коз – в 14 раз.

Владелец ЛПХ, в отличие от фермера, поставляющего товар на рынок для получения прибыли, организует свое производство в основном для удовлетворения потребностей семьи в продуктах питания. При высоком уровне товарности владелец подворья переходит в разряд фермеров и обязан зарегистрировать личное подворье как крестьянское (фермерское) хозяйство.

Перспективы развития сельского хозяйства по стране отражены в первую очередь в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы и других федеральных целевых и отраслевых программах, а по Республике Бурятия в республиканских целевых программах «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республике Бурятия на

2011-2017 гг. и на период до 2020 года», «Сохранение и развитие малых сел в Республике Бурятия на 2012 – 2015 годы» и др.

Таким образом, на основании анализа аграрных реформ, проводимых в республике с начала 90-х гг., можно выделить следующие их особенности и проблемы.

Особенности:

1. Наиболее устойчивыми в Республике Бурятия в условиях рыночной экономики были отрасли производства картофеля, овощей и молока. Неадаптированными к условиям рынка оказались сферы производства шерсти, зерна, яиц и мяса.

2. Основными причинами снижения производства сельскохозяйственной продукции являются вывод и сокращение используемых ресурсов производства. Наибольшее сокращение посевных площадей отмечено по посевам зерновых и кормовых культур, в стаде сельскохозяйственных сильное сокращение произошло среди овец и свиней.

3. Число и значение сельхозпредприятий снизилось, основными производителями продукции сельского хозяйства в настоящее время стали КФХ и ЛПХ. Доля личных хозяйств населения и крестьянских (фермерских) хозяйств за период 1991-2010 гг. выросла с 35% до 87%. При этом последние развиваются наиболее динамично.

Проблемы:

1. Основные проблемы развития сельского хозяйства связаны с развитием КФХ и ЛПХ предпринимательского типа. Кроме льготного кредитования и налогообложения им необходима помощь в выделении земельных участков, электрификации и телефонизации, обустройстве

и улучшении дорог, консультационном и информационном обеспечении.

2. В отношении крупных сельскохозяйственных предприятий решение проблем должно быть сконцентрировано на сохранении имеющегося их числа, обеспечении их качественным менеджментом и повышении экономической эффективности. Последнее возможно при специализации их на зерновом хозяйстве, на промышленном производстве мяса свиней, птицы и яиц.

3. Решение других проблем должно быть связано с эффективным выполнением Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции и других федеральных и республиканских целевых и отраслевых программ развития отрасли и социальной сферы сельских территорий.

Литература

1. Бурятия в цифрах: ст. сб. / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2011. – С. 61.
2. Сельское хозяйство России. – М.: Изд-во МСХ, 2010. – 54 с.
3. Сравнительный анализ численности КФХ и ИП. – М.: Росстат, 2012.
4. Отраслевая целевая программа «Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств и других малых форм хозяйствования в АПК на 2009-2011 годы». URL: <http://www.mcx.ru>
5. Отраслевая целевая программа «Развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на 2012-2014 годы». URL: <http://www.mcx.ru>
6. Отраслевая целевая программа «Поддержка начинающих фермеров на период 2012-2014 гг.». URL: <http://www.mcx.ru>
7. Республиканская целевая программа «Сохранение и развитие малых сел в Республике Бурятия на 2012–2015 гг.». URL: <http://www.mcx.ru>

Потаев Виктор Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой организации производства, коммерции и предпринимательства Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. E-mail: potaev@rambler.ru

Potaev Victor Sergeevich, Doctor of Economic Sciences, professor, Head of Industrial Management, Commerce and Entrepreneurship Chair, V.R. Philippov Buryat State Academy of Agriculture. E-mail: potaev@rambler.ru

---

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ MANAGEMENT ISSUES

УДК 334.021.1

© Д.Д. Цыренов, Б.Д. Цырендоржиева

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья подготовлена в рамках гранта Бурятского госуниверситета, №59101 от 14.09.2012 г.

В статье представлены концептуальные основы формирования системы менеджмента качества, образовательного процесса.

Ключевые слова: *система менеджмента качества, качество образования.*

D.D. Tsyrenov, B.D. Tsyrendorzhieva

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR QUALITY MANAGEMENT SYSTEM FORMATION AT THE UNIVERSITY

The paper presents conceptual framework for the formation of quality management system for educational process.

Keywords: *system, management system, quality of education.*

Термин «качество» существует уже около 2500 лет со времен Аристотеля, который определил его как существенную определенность объекта, в силу которой он является данным. Эта трактовка была основной вплоть до XX в., когда появилось другое понимание: качество – это один из существенных признаков, свойств, особенностей, характеризующих данный объект (например, теплота и холодность, тяжесть и легкость). В этом смысле качество может быть выражено с помощью методов метрологии, товароведения, гравиметрии, калориметрии и других наук.

С 1987 по 2001 г. в нашей стране нормативно был закреплен термин: «качество продукции – совокупность свойств продукции, обуславливающих ее пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением» (ГОСТ 15467-87 Качество продукции. Термины). Известно, что в номенклатуру государственных стандартов на продукцию в основном входят показатели назначения, безопасности, иногда – надежности, значительно реже – эстетические, экологические и эргономические показатели. Считалось, что если значения показателей продукции соответствуют требованиям стандартов, то продукция качественная. Но, к сожалению, не всегда требования государственного стандарта на продукцию полностью соответствовали требованиям потребителей (внеш-

ний вид, удобство в эксплуатации, надежность и другие). Поэтому данное определение термина «качество» отражает подход, свойственный рынку производителя.

В высокоразвитых странах еще в 1980-х гг. начался переход от рынка производителя к рынку потребителя. Это нашло отражение и в определении термина «качество». В международном стандарте ИСО 8402:1994 качество определяется как совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять установленные или предполагаемые потребности. Объект – это то, что может быть индивидуально описано и рассмотрено. Объектом может быть, например, деятельность или процесс, продукция, организация, система или отдельное лицо или любая комбинация из них. Следовательно, если организация с помощью маркетинговых исследований или при заключении контракта выяснила, что необходимо потребителю, реализовала все эти требования в выпущенной продукции и получила одобрение потребителя, выраженное в совершении покупки, то значит, продукция является качественной.

Вышепредставленное определение отражает еще один аспект – «удовлетворение предполагаемых потребностей». Производителю важно предугадать желание потребителя, вывести на рынок товар, о котором он даже не мечтал, или дополнить известную продукцию какими-либо

новыми свойствами. Известный американский специалист в области менеджмента качества Арманд Фейгенбаум считает, что в XXI в. в конкурентной борьбе будет выигрывать тот, кто умеет предугадывать требования потребителей.

В новой версии международных стандартов ИСО серии 9000, гармонизированных в 2001 г. с российскими стандартами, появилось новое определение: «Качество – степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям» (ГОСТ Р ИСО 9000-2001). Следовательно, теперь российская трактовка термина «качество» также ориентирована на требования потребителя и других заинтересованных сторон, как и в мировом сообществе.

Термины «качество образования», «результаты (продукция) образовательного процесса» до сих пор вызывают бурные дискуссии среди специалистов как в области образования, так и менеджмента качества. В законе РФ «Об образовании» указывается, что образование – целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов). Современная российская педагогика расширяет это понятие: образование – это процесс обучения, воспитания и развития личности. В справочной литературе упоминается сокращенный вариант: образование – это целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства. Кроме того, университет – это организация непроизводственной сферы, основным процессом деятельности которой является образовательный процесс. Часто понятие «образовательный процесс» отождествляют с «учебно-воспитательным процессом», но, согласно трактовке современной педагогической науки, он имеет более широкое понятие. В терминологии российской педагогики образовательный процесс определяется как передача и освоение социально-культурного опыта, а также формирование способности к его обогащению.

Поворот науки к проблеме качества образования в 1990-х гг. не является случайным. Это показатель сдвигов, происходящих в качестве бытия человечества [7]. Известный специалист в области менеджмента качества В.А. Качалов отмечает, что качество в образовании – это не только результаты учебы, но и система, модель, организация и процедуры, которые гарантируют, что студенты получают комплексное лично-

стное и социальное развитие, дающее им возможность удовлетворить свои потребности и позволяющие им внести вклад в прогресс общества. Профессор И.М. Ильинский в своей работе [4] подчеркивает следующее: «Проблема качества образования существовала всегда. Сейчас она чрезвычайно обострилась не только в России, но и во всем мире. При этом нет четких критериев понятия «качество образования». Показателей могут быть сотни».

В российском высшем образовании качество подготовки специалистов связывается главным образом с реализацией федеральных государственных образовательных стандартов, государственным регулированием деятельности вузов. Образовательные программы того или иного цикла учебных предметов обуславливают содержание образования соответствующего уровня и направленности. Однако, как отмечает М.Г. Беляева [2], «... даже соблюдение вузом стандартов не гарантирует высокого качества образования. Прослушивание определенного количества часов по установленным предметам не гарантирует конкурентоспособность выпускника на рынке труда...».

Многие авторы выделяют основную триаду компонентов качества образования: условия, процесс и результат образовательной деятельности. К условиям образовательного процесса ученые [1] относят: тип и вид образовательного учреждения; профессиональный уровень педагогических кадров; особенности контингента учащихся; учебно-методическое, нормативно-правовое, материально-техническое и финансовое обеспечение образовательного процесса. Реализация образовательного процесса осуществляется на основе образовательной программы учреждения, включающей цели образовательной деятельности, учебный план образовательного учреждения, учебные программы по образовательным областям и предметам, используемые педагогические технологии и методы обучения, систему диагностики промежуточных и итоговых результатов, систему дополнительного образования, систему управления, обеспечение инновационных процессов, творческие достижения педагогов. В качестве результатов образовательного процесса рассматривают итоги текущей и итоговой аттестации, творческие достижения обучающихся, обеспечение продолжения образования, состояние здоровья обучающихся, удовлетворение образовательного заказа обучающихся и родителей.

А.И. Субетто и В.А. Селезнева [8] дополнительно выделяют внутренние и внешние компоненты качества образования. К внутренним компонентам относятся условия, процесс и результат образовательной деятельности, причем под результатом понимается лишь качество знаний, умений и навыков обучающегося. Внешние компоненты отражают соответствие внутренних компонентов потребностям государства, запросам учащихся, их родителей, определенных социальных групп, соответствие образования государственным стандартам, имидж образовательного учреждения, гарантирующий стабильное высокое качество образования.

При рассмотрении качества образования на первое место ставится качество ценностей, целей и норм [6]. Под ценностью здесь понимается важность, значение. Ценность заявляется, провозглашается, осознается, принимается. Цель формируется в русле заявленных ценностей и так, чтобы ее достижение можно было бы проверить. Нормы – это нечто узаконенное, уставленное. Они обычно принимаются государством, образовательным учреждением. Норма качества включает несколько компонентов: федеральный, региональный, компонент образовательного учреждения и «личную норму» самого обучающегося.

В.А. Качалов в своей работе [5], систематизировав различные взгляды на факторы, определяющие качество образования, предложил свою классификацию, состоящую из семи факторов, сгруппированных в три группы:

1. Качество субъекта получения образовательных услуг (абитуриента, студента, слушателя, аспиранта).

2. Качество объекта предоставления образовательных услуг (школы, среднего специального учебного заведения, вуза), в том числе:

- качество управления (назначение, цели, принципы, методы, структуры, организация планирования);

- качество проекта предоставления образовательных услуг (структура и содержание программ обучения);

- качество ресурсного обеспечения процесса предоставления образовательных услуг: материально-технического, методического, кадрового, финансового и так далее.

3. Качество процесса предоставления образовательных услуг, в том числе:

- качество организации и реализации применяемых технологий предоставления образовательных услуг (структура взаимодействия субъ-

ектов, форма и содержание образовательного процесса, мотивационные факторы);

- качество контроля над процессом предоставления образовательных услуг;

- качество контроля результатов предоставления образовательных услуг.

Из многообразных характеристик качества профессионального образования выделяют три группы показателей, имеющих наибольшее значение при моделировании качества профессионального образования: показатели «назначения», показатели «надежности» качества и так называемые «эксплуатационные» показатели [9].

Создавая систему управления качеством в университете, прежде всего, необходимо определиться с конечной продукцией, которую он выпускает. Одни вузы за основу своей деятельности принимают выпуск специалиста, другие – оказание образовательной услуги.

Е.Б. Гафорова в своей работе [3] утверждает, что результатом, или выходом учебного процесса, является образовательная услуга и как ее важная составляющая – полученные студентами знания и подготовленные специалисты.

Важнейшая задача сферы образования – удовлетворение образовательных потребностей общества в целом и каждого обучающегося в частности. Потребность общества – иметь людей, готовых разрабатывать конструкции и технологии, производить, организовывать и управлять, осуществлять подготовку новых поколений, обеспечивать существование и развитие человека и общества. Потребность обучающегося – иметь гарантированную профессию и уровень знаний, достаточный для реализации его способностей, продвижения в карьере, получения определенного дохода и так далее [5]. Образовательные потребности каждого субъекта различны, поэтому чем шире спектр образовательных услуг, тем больше возможность у потребителя найти удовлетворение своей потребности.

Еще один важный термин, используемый при создании СМК, – «заинтересованные стороны». Согласно ГОСТ Р ИСО 9001-2001, заинтересованная сторона – это лицо или группа, заинтересованная в успехе деятельности организации. Например: потребители, владельцы, работники организации, поставщики, банкиры, ассоциации, партнеры или общество. Заинтересованные стороны можно разделить на пять групп: потребители, акционеры («управление»), общество («окружающая среда»), поставщики и персонал организации. В контексте СМК университета это:

- потребители – абитуриенты, родители (попечители), предприятия (организации). Причем студентов можно считать потребителями или внутренними потребителями, а предприятия (организации) – конечными пользователями;
- управление – Министерство образования и науки РФ;
- общество («Окружающая среда») – администрации субъектов Федерации, советы ректоров вузов регионов, службы занятости, средства массовой информации и другие;
- поставщики – учреждения среднего, начального и среднего профессионального образования;
- персонал – сотрудники университета;

Каждая из заинтересованных сторон предъявляет свои требования к качеству образования. Министерство образования и науки России, несмотря на то, что является управляющим органом для большинства вузов, представляет интересы государства и общества по обобщению и формулированию требований к качеству образовательных услуг в виде ФГОС ВПО. В России исторически так сложилось, что университеты в своей деятельности нацелены на реализацию в первую очередь именно этих требований. Но и все другие заинтересованные стороны имеют свои требования, поэтому необходимо разработать процедуру их определения и стремиться учитывать их при создании и функционировании SMK вуза.

Однако следует согласиться с мнением специалистов [3] о дуалистической роли студентов в процессе образования. Необходимо с предельной осторожностью относиться к требованиям, выдвигаемым студентами, и к их суждениям о качестве образования. Следует ранжировать студентов с точки зрения их отношения к учебе и участия в образовательном процессе. Качество образовательной услуги первого аспекта не менее зависит от исходной подготовки студента, его мотивации к получению профессиональной подготовки, чем от самой образовательной деятельности (педагоги, новации, материально-технические ресурсы, что регулируется SMK вуза). В наибольшей мере потребителями (конечными пользователями) образовательной услуги первого аспекта являются предприятия и организации, поскольку именно в сфере реальной экономики может в полной мере проявиться ее результат. Их мнение и требования к выпуск-

никам следует изучать, формулировать и реализовывать.

В каждом конкретном университете разработчики системы качества делают упор на различные аспекты в функционировании вуза. Одни считают главной составляющей образовательного процесса кафедру и занимаются совершенствованием ее работы, вводя рейтинги кафедр, изучая ее взаимосвязи в структуре университета. Другие видят главный недостаток в тяжеловесности управленческой структуры университета, традиционно сложившейся в предыдущие десятилетия, и обосновывают структурную модификацию вуза в целом. Третьи особое внимание уделяют обучению персонала в области менеджмента качества. Эта задача решается с помощью двух механизмов: подготовка молодых специалистов в университете и дополнительная подготовка руководителей и специалистов в рамках специальных программ.

Таким образом, можно сформулировать следующие концептуальные основы создания системы качества университета, исходя из интересов потребителей специалистов и самого вуза. Это достижение:

- соответствия качества подготовки бакалавров и магистров требованиям федеральных государственных образовательных стандартов (необходимый уровень качества);
- соответствия качества подготовки бакалавров и магистров текущим запросам работодателей (желательный уровень качества с точки зрения востребованности выпускников университетов и их конкурентоспособность на сегодняшний день);
- оперативного уровня качества подготовки бакалавров и магистров, соответствующего потенциальным запросам работодателей (перспективный уровень качества, обеспечивающий конкурентоспособность и долговременность существования университета).

Литература

1. Афанасьева М.П., Кейман И.С., Севрук А.И. Управление качеством в образовательном учреждении // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1999. – №1. – С. 35–38.
2. Беляева М.Г. Проблемы качества образования в условиях реформы высшей школы // Стандарты и качество. – 2002. – №4. – С. 20–21.
3. Гаффорова Е.Б. Создание системы менеджмента качества в вузе // Методы менеджмента качества. – 2002. – № 12. – С.12–16.
4. Ильинский И.М. Качество – ядро образовательного процесса // Стандарты и качество. – 2002. – № 4. – С. 22–24.

5. Качалов В.А. Проблемы управления качеством в вузах. Заметки менеджера по качеству. Ч. 7. Вузы России и современные методы менеджмента качества: простое признание или активное внедрение // Стандарты и качество. – 2000. – №12. – С. 82–87.
6. Скок Г.В. Формирование ценностей, целей и норм как основы построения системы качества образования / под общ. ред. А.С. Вострикова // Качество образования: концепции, проблемы: материалы III Междунар. науч.-метод. конф. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000. – 380 с.
7. Стрижов А.М. Понятие качества образовательной услуги в условиях рыночных отношений. // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1999. – №3. – С. 47–50.
8. Субетто А.И., Селезнева В.А. Качество образования как синтезатор проблем развития образования в России: мониторинг, квалиметрия, доктрина / под общ. ред. А.С. Вострикова // Качество образования: концепции, проблемы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000. – 380 с.
9. Цыренов Д.Д. Оценка качества профессионального образования с учетом критерия занятости: теория и практика // Проблемы современной экономики. – СПб., 2011. – Вып. 3. – С. 315–318.

Цыренов Даши Дашанимаевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики, заместитель декана факультета экономики и управления, заведующий лабораторией экономики знаний Бурятского государственного университета. E-mail: dashi555@mail.ru

Tsyrenov Dashi Dashanimaevich, Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer at the Economics Chair, Assistant to the dean at Economy and Management Faculty, the Head of "Economy of Knowledge" laboratory, Buryat State University, dashi555@mail.ru

Цырендоржиева Баирма Дамбиевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой бурятского языка Бурятского государственного университета.

Tsyrendorzhieva Bairma Dambievna, Candidate of Science in Philology, Associate professor, Head of Buryat language Chair, Buryat State University, bairma_11@mail.ru

УДК 330.131

© М.Ю. Матвеев

ИННОВАЦИОННАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВОМ

В статье рассмотрены стратегии принятия решений и тенденции развития нововведений.

Ключевые слова: управление строительством, принятие решений, инновационное развитие.

M.Yu. Matveev

INNOVATIVE PERCEPTIVITY OF CONSTRUCTION MANAGEMENT MODEL

The article is devoted to decision-making strategy and innovation development trends.

Keywords: construction management, decision-making, innovative development.

Процесс управления строительством в формализованном виде можно рассматривать как стремление к минимизации функционала, количественно характеризующего «расстояние» между точкой, отображающей цель управления, и точкой, соответствующей фактическому протеканию процесса в управляемом объекте.

В центре механизма действия управляющей системы находится процесс принятия решений. Этот процесс состоит из следующих фаз:

- выяснение проблемы, сбор доступной информации;
- обработка информации (классификация, анализ, оценка);
- разработка различных вариантов управленческих решений;
- выбор оптимального варианта по установленному критерию, принятие решения;

- реализация принятого решения путем назначения исполнителя, установления сроков и способов осуществления;

- установление форм и методов контроля исполнения, т.е. сбора информации о ходе реализации решения.

Между органами управления и производственными подразделениями в процессе строительства реализуются функциональные связи через потоки информации между управляющей и управляемой подсистемами. Эта информация служит для осуществления основных функций управления.

Стратегии, или системы правил, которыми руководствуются в процессе выбора решений, можно разделить на алгоритмические и эвристические. *Алгоритмические* – системы алгоритмических правил, четко определенных и по-

звolyающих произвести выбор альтернативы за конечное число шагов. *Эвристические стратегии* – набор правил, принципов и приемов интуитивного характера, которые гораздо менее четко определены и не всегда позволяют получить оптимальное решение. Достоинство второй группы в том, что они способны радикально уменьшить сложность и трудность задачи и в значительной мере снижают напряженность интеллектуальных усилий, требующихся для подготовки и принятия решения.

Выбор субъектом той или иной стратегии зависит от вида ситуации, представления о ней и от личности человека, принимающего решение. Существует много стратегий, которые имеют разную структуру и базируются на противоположном ходе познавательных процессов, но тем не менее приводят к сходным прогностическим результатам.

Величина риска может оказывать основное влияние на выбор альтернативы. По поводу определения риска и методов его измерения существует большое разнообразие мнений.

Риск определяют как дисперсию, либо как математическое ожидание убытка, величину убытка, разность между выигрышем и проигрышем и т.д.

Наиболее правомерной представляется такая модель принятия решения, когда в процессе выбора учитываются два параметра: *математическое ожидание альтернативы (EV)* и *степень риска (R)*, присущие данной альтернативе («ветви» на «дереве» решений и исходов – схема 1), где:

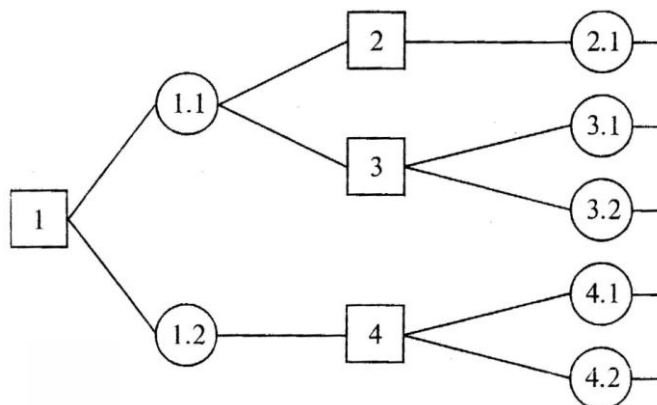
$$EV = \sum_{j=1}^m P_j W_j$$

т.е. EV – функция двух переменных: вероятности исходов (P_j) и их ценности (W_j).

Эти переменные можно понимать в объективном смысле, как и выше, либо в субъективном как полезность (U) и субъективную вероятность (P_s).

Схема 1

«Дерево» решений и исходов

Каждое решение с возможными вариантами исходов вызывает необходимость в следующих решениях, которые, в свою очередь, характеризуются различными последствиями. В общем виде это можно представить в виде «дерева» решений и исходов, которое состоит из «ветвей», «узлов» – квадратов (решений), «узлов» – кружков (соответствующих им исходов). Количественная оценка рассчитывается с конца «ветвей» к исходной проблеме, и выявляется целесообразная последовательность решений.

«Инновационная восприимчивость модели управления определяется способностью модели к адаптации или обновлению всех элементов

организационной структуры в целом, изменению вертикальных и горизонтальных связей в соответствии с потребностями новых технологий производства и управления» [1]. Эта категория является результирующим вектором управленческого решения и характеризует взаимосвязь показателей инновации и характеристик оргструктуры. Факторами, обеспечивающими реализацию инновационных решений, являются финансовые, организационные, технико-технологические, экологические, социальные при условии актуализации информации на рынке инноваций. При этом подлежат анализу степень риска, соотношение затрат и ожидаемого

эффекта (экономический потенциал инновационного предложения), совместимость инновации с действующими организационно-технологическими методами, сроки освоения и окупаемости нововведения.

Научно-технологические инновации ориентированы на повышение социально-экономических результатов деятельности при соблюдении требований экологической безопасности, сохранения среды обитания и ее реконструкции (восстановления).

Любое нововведение развивается во времени по единому принципу. Первый этап его внедрения характеризуется медленным наращиванием эффекта. На втором этапе ускоряется темп реализации потенциала, заложенного в инноваци-

онное предложение. Далее наступает период устойчивого использования (третий этап) и спад (четвертый этап). На третьем этапе целесообразно переходить на более продвинутую новацию. Это можно представить следующим образом (рис. 2).

Инновационный потенциал строительного предприятия включает инновационные источники (интеллектуальные, технические, финансовые, организационные), запасы предприятия (резервные мощности оборудования, запасы материально-технических ресурсов, резерв рабочих кадров, организационные резервы) и различные средства (технические, материальные, финансовые, кадровые)[2].

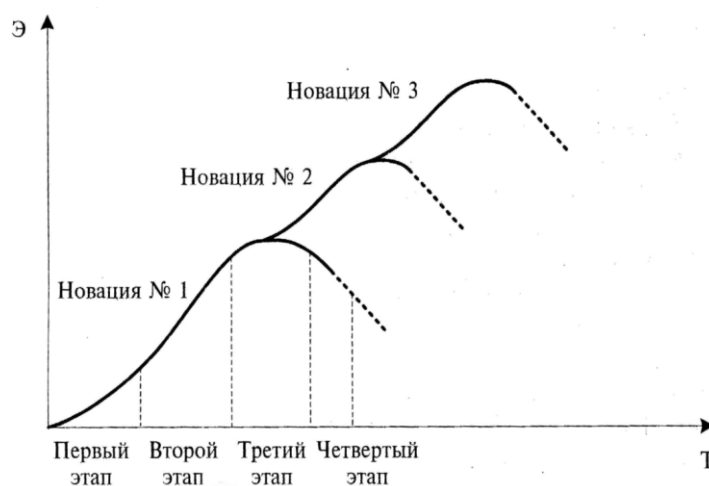

Рис. 2. Тенденции развития нововведений (в координатах «время–эффект»)

Эти составляющие способны к действиям по инновационному обновлению предприятия для более результативной деятельности.

Факторы, влияющие на величину инновационного потенциала, характеризуются количественными показателями, техническим уровнем (соответствие отечественным и мировым стандартам), организационно-технологической гибкостью и надежностью, экономической устойчивостью, квалификационным уровнем работников.

Предложено рассчитывать интегральный показатель инновационного потенциала предприятия по формуле

$$P = \sum_{i=1}^m k_i \sum_{j=1}^n \frac{k_{ij} + g_{ij}}{2} f_{ij}$$

где k – коэффициент, определяющий влияние фактора на инновационный потенциал строительного предприятия;

g – коэффициент субъективной оценки влияния фактора на инновационный потенциал данного предприятия;

f – величина фактора, влияющего на инновационный потенциал строительного предприятия;

$i = 1, 2, \dots, m$ – количество групп факторов;

$j = 1, 2, \dots, n$ – количество факторов в группе [2].

Разработка и внедрение нововведения проходит унифицированные этапы: от поиска и анализа идей (в отдельных случаях генерирования идей) к оценке их соответствия целям, с анализом возможностей (по ресурсам всех видов); далее разработка проекта нововведения, его развитие, апробация (техническая и рыночная), поиск «ниши» и внедрение на рынок, коммерциализация и формирование стратегии развития.

Современный инвестиционный принцип в инновационной сфере подразумевает соответствие конкурентоспособности нововведения и базы его внедрения. То есть в отсталых условиях

расширенного воспроизводства не может быть передовых технологий.

Государственная экономическая политика предусматривает равные условия регулирования и поддержки.

Принцип «равной поддержки» распространяется на инновационную деятельность, НИ-ОКР, информационные сети, инфраструктуру и другие сферы национальной экономики. Это учитывается при принятии решений о направле-

ниях научно-технологического развития по отраслям экономики.

Литература

1. Швецов В.А. Разработка моделей и методов управления региональным строительством. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 2002.
2. Рубахов А.И. Гибкость и устойчивость строительных предприятий. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 2002.

Матвеев Михаил Юрьевич, кандидат экономических наук, директор Центрального научно-исследовательского института экономики и управления в строительстве. г. Москва, просп. Вернадского, д. 29

Matveev Mikhail Yurievich, Candidate of Economic Sciences, Director of the Central Research Institute of Economics and Management in Construction. Moscow, Prospect Vernadskogo 29.

УДК 323.1

© Д.Ц. Будаева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АВТОНОМИЙ)

Данная статья посвящена анализу теоретических предпосылок формирования национально-культурных автономий и выявлению методов совершенствования государственного регулирования межнациональных (межэтнических) отношений.

Ключевые слова: государственное регулирование межнациональных отношений, национально-культурные автономии, организационно-финансовые механизмы управления.

D.Ts. Budaeva

PUBLIC ADMINISTRATION OF NATIONAL RELATIONS (THROUGH THE EXAMPLE OF NATIONAL-CULTURAL ADMINISTRATIVE AUTONOMIES)

This article analyzes theoretical prerequisites for national-cultural autonomies formation and identifies ways of improvement state regulation of cross-national (ethnic) relations.

Keywords: government regulation of inter-ethnic relations, national-cultural autonomy, organizational and financial mechanisms of management.

К числу ключевых вопросов национальной политики демократической России относится компетентное управление вопросами формирования и развития межнациональных (межэтнических) отношений. Эта проблема приобретает особую актуальность в регионах, отличающихся особым разнообразием этнического состава, языков, традиций, вероисповеданий и т.д. К числу таких регионов, безусловно, относится и Республика Бурятия, которая по индексу национальной мозаичности занимает одно из первых мест в Российской Федерации. По данным переписи 2010 г., в республике проживают представители более 150 национальностей, проповедующие не только ведущие мировые религии (православие, буддизм и ислам), но новые для данной территории религии, именуемые в научной литературе «нетрадиционными». Например, Общество сознания Кришны, Вера Бахаи, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней

(мормоны) и т.д. [1]. Если же справедлив тезис о том, что многонациональность служит потенциальным источником межнациональной напряженности [2], то, несомненно, в Бурятии, являющейся многонациональной и многоконфессиональной республикой, имеются потенциальные предпосылки для возникновения межнациональных разногласий. Однако республика в течение длительного исторического времени в основном отличалась политической стабильностью и межнациональным спокойствием, что обусловлено многими факторами, к числу которых можно отнести национальную политику, проводимую региональными органами власти, направленную на сохранение и развитие межнациональной толерантности.

Одним из эффективных механизмов, способствующих сохранению и развитию межнационального согласия, является создание национально-культурных автономий, призванных воз-

рождать традиционную культуру своего народа, знакомить с ее особенностями население республики, устанавливать контакты с зарубежными соотечественниками, обеспечить более полное участие национальных групп и этнических диаспор в общественно-политической жизни общества.

В настоящее время в нашей стране создано и функционирует 14 федеральных национально-культурных автономий, более 100 региональных и свыше 300 местных [3]. В Бурятии зарегистрировано более 30 национально-культурных автономий. Это – ассоциации, землячества, центры, общины и т.д., многие из которых отличаются особой активностью в решении не только культурных, но и общественно-политических задач.

Институционализация национально-культурных автономий началась с момента принятия федерального закона «О национально-культурной автономии» [4], инициированного в основном сторонниками конструктивистской концепции этничности, базирующейся на идеях видного деятеля II Интернационала Отто Бауэра. Он считал, что нация – «это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» [5] и тем самым обосновал «психологическую теорию нации». На базе данного подхода и выросла идея о национально-культурной автономии, поддерживаемая еще Карлом Реннером (он же Р. Шпрингер), писавшем, что «нация – это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей. Это культурная общность группы современных людей, не связанных с «землей» [6].

В этой связи следует отметить, что другие сторонники II Интернационала, например Карл Каутский, при определении нации основной упор делали на общности территории, языка и хозяйственной жизни [7]. Эта точка зрения получила название «историко-экономической» концепции нации и была поддержана В.И. Лениным. Лидер большевиков подверг резкой критике психологический подход и, соответственно, идею национально-культурной автономии. Именно поддержка В.И. Лениным «историко-экономической» концепции нации сыграла впоследствии большую роль в создании территориальных автономий и национальных республик.

С утверждением марксизма в качестве официальной идеологии страны и с приходом И.В. Сталина к власти не ослабла дискуссия, развернувшаяся вокруг этнополитических концепций. Поэтому И.В. Сталин уделил серьезное внима-

ние вопросам уточнения понятия «нация». Он, обобщив наиболее значимые в общественной науке достижения и наработки, связанные с национальной проблематикой, пришел к выводу, что «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [8]. Чтобы определение было исчерпывающим, добавил: «только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию. Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [9].

В своем определении нации И.В. Сталин попытался выявить и объединить те рациональные начала, которые существовали по данной проблематике в двух основных концепциях марксизма. Говоря, что «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей», он подчеркнул возможность применения формационного подхода, ибо «исторически сложившаяся общность» есть именно общность, сложившаяся в условиях определенной формации. Подчеркивая, что «нация» есть общность на базе общности языка, автор продемонстрировал выход на метод лингвистической классификации народов. Указав, что нация образовывается на основе общности территории и экономической жизни, применил арсенал историко-экономической концепции нации. Отметив, что нация формируется на общности «психического склада, проявляющегося в общности культуры», доказал возможность использования психологической теории нации, основанной О. Бауэром.

Многие согласны с тем, что для обществоведческой науки определение, сформулированное И.В. Сталиным, имело несомненную значимость, стало образцом применения марксистской методологии и сыграло важную роль в практике проведения национальной политики советской страны.

Но, с другой стороны, как пишет А.Е. Жарников, «привязав столь сложное явление как «нация» лишь к четырем (и не более) признакам и заявив, что если у кого-либо отсутствует хотя бы один из них, то он не является еще нацией, следовательно, остается общностью более низкого порядка, он фактически заложил основу качественного ранжирования народов. Такой подход с приходом Сталина к власти не мог не сказаться на практике национальной политики и «национально-государственном строительстве» в СССР. И хотя нигде, ни в одном официальном

документе об этом не говорилось, внутригосударственное деление СССР на союзные республики, автономные республики, автономные округа и области фактически опиралось на заложенные в данном определении идеи» [10].

После XXII съезда КПСС, окончательно осудившего культ личности Сталина, советские обществоведы подвергли пересмотру его теоретические изыскания, а также методологический подход, примененный к определению понятия «нация». Е.М. Жуков [11], М.С. Джунусов [12], С.Т. Калтахчян [13], М.П. Рогачев и М.А. Свердлин [14], Т.Ю. Бурмистрова [15] и многие другие раскритиковали признаки нации, сформулированные Сталиным. Действительно, существуют народы, не имеющие единой территории проживания, единой экономики и говорящие на разных диалектах, но ощущающие себя единым народом, более того – признаваемые в этом качестве международным правом. О спорности критериев говорит то, что, например, армянам или эстонцам было предоставлено право называться «нацией» в полном смысле этого слова и потому им разрешалось создание союзных республик, однако не менее многочисленному татарскому населению было предоставлено право создания автономной республики. К тому же, в течение весьма короткого времени признаков нации мог пересматриваться по тем или иным причинам. Так, карелы признавались нацией и получили право создания союзной республики, но затем их стали рассматривать в качестве народности и лишили статуса самостоятельной республики и т.д.

Большие трудности вызвал анализ четвертого признака, то есть углубление в культурно-психологическую проблематику. Выяснилось, что вряд ли совпадет психологический склад у богатых и бедных, у эксплуататоров и эксплуатируемых, считающих себя, например, русскими, татарами, бурятами и т.д. Оказалось, что национальная психология и национальный характер – это и миф и реальность [16], поэтому они трудно поддавались переводу в рациональные научные категории.

К числу заслуг участников дискуссии относится то, что они вернули этнический фактор. Так, М.С. Джунусов предложил не спорить о признаках нации, а разделить эти признаки на социальные и этнические. «В нации, писал он, имеется неэтническое (социально-классовое) и этническое» [17]. По мнению С.Т. Калтахчяна, «для правильного понимания как сущности нации, так и места и роли этнических особенно-

стей необходимо различать такие взаимосвязанные, но не идентичные понятия, как «нация» и «национальность» [18]. Он полагал, что нация представляет собой сугубо социальное явление, а «национальность выступает как этническая характеристика, особенность нации» [19]. С.Т. Калтахчян, продолжая свою мысль, указывал, что национальность характеризует этнически не только нации, но и народности, выступая «как общее наименование всех национальных образований» [20].

Возврат этнического фактора, как в лоно академической науки, так и в сферу политики был обусловлен новым дыханием психологической теории нации, именуемой в настоящее время конструктивизмом. В нашей стране конструктивизм утвердился благодаря усилиям В.А. Тишкова [21]. По его мнению, этничность – ситуативный, нередко «навязанный» феномен, создаваемый средствами символического различения. Процесс социального конструирования может быть направлен на компенсацию дефицита культурной отличительности. Элиты в стремлении мобилизовать этническую группу против своих противников или государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то отдельной чертой (например, диалектом), а многими особенностями, этот процесс приобретает масштабный характер, если ему на службу поставлена государственная машина [22]. В.А. Тишков при утверждении данного подхода особое внимание уделяет социально-политическому контексту. По его мнению, различия между русскими и украинцами, между казахами и киргизами, между узбеками и таджиками за годы трансформации российского общества, стали более четкими и разнообразными, чем это было в советский период. В настоящее время в нашей стране есть как решительные сторонники конструктивизма [23], так и не согласные с определением «этноса» и, соответственно, «нации» только по субъективным основаниям [24].

В конструктивизме этничность понимается как реальный и символический капитал, объясняется потребностями людей в преодолении отчуждения и используется в целях социальной мобилизации, доминирования и установления антидискриминационного баланса в межгрупповых отношениях, социального контроля, удовлетворения гедонистических устремлений, доступа к ресурсам и т.д. Ключевым концептом является идея этнического интереса. В таком пони-

мании этнос есть общность, объединяемая интересами, а этничность является средством достижения групповых интересов [25].

В западных государствах конструктивистские теории появились в конце 1930-х гг. и в настоящее время стали доминирующими. Их появление было связано с тем, что этничность стала проявлять себя в формах, требующих новых и дополнительных объяснений, соответствующих изменившимся условиям. Сейчас конструктивистские теории рассматриваются как часть философии и методологии модернизма.

Многие конструктивисты придерживаются точки зрения норвежского социолога и антрополога Ф. Барта, рассматривающего этничность как форму социальной организации культурных различий. В рамках данного подхода особую значимость приобретают не позитивистские и натуралистические трактовки этнических феноменов, основанные на объективных атрибутах этнической группы, как, например, территория или исторические факты, а их субъективная сторона: групповое сознание, мифология, чувство солидарности и т.д. [26]. Рост значимости субъективных сторон: «субъективных убеждений», «субъективной веры», «этнической солидарности», «этнической мобилизации» и т. д. – в основном обусловлен востребованностью «политического спроса на идеи такого рода» [27], развитием этнополитических напряжений.

Итак, рассмотрев идейные предпосылки создания национально-культурных автономий и исторические истоки национальной политики нашей страны, следует заметить, что Россия продолжает испытывать влияние двух этнополитических концепций, ибо среди ученых и политиков есть представители обоих направлений. Этот момент особенно наглядно проявился во время обсуждения «Стратегии государственной национальной политики», принятой в декабре 2012 г.

Тем не менее реальные процессы, происходящие в обществе, доказали жизнеспособность многих положений двух этнополитических концепций этничности, что позволяет заявить, что каждая концепция – это и миф и реальность. Так, стойкость национально-культурных автономий, в том числе и национально-культурных автономий Республики Бурятия, показывает значимость в развитии общества психологических теорий наций.

В настоящее время национально-культурные автономии республики прошли этап простого количественного роста численности, как самих

автономий, так и их участников. На современном этапе развития НКА можно говорить и о качественных изменениях. Во многом такие перемены стали возможны в результате изменения приоритетов государственной национальной политики многонационального региона.

Большую роль в активизации деятельности национально-культурных автономий сыграло открытие под патронажем президента Республики Бурятия общественно-политического учреждения – «Дома Дружбы», в рамках которого созданы благоприятные условия для работы различных форм национально-культурных автономий: центров, ассоциаций и т.п. В связи с созданием благоприятных условий работы многие национально-культурные автономии не только активизировали свою деятельность, но и упорядочили ее в контексте национальной политики гражданского общества. В частности, начали обращать внимание не только на традиционные этнокультурные мероприятия развлекательной направленности (национальные праздники), но и на образовательные, информационные и воспитательные проекты и работы. В рамках реализации образовательных программ для обучения родному языку, содействия возрождению национальных традиций и обычаев организовываются воскресные школы и языковые курсы. В этом отношении большие достижения имеют национально-культурные центры поляков, евреев и других народностей.

В целях обеспечения преемственности поколений и расширения знаний о своем материнском анклаве национально-культурные автономии многих диаспор большое внимание уделяют информационной работе: организуют различные встречи и выставки, издают газеты, публикуют книги, проводят конференции и т.д.

Национально-культурные автономии, содействуя социализации людей, особенно молодежи, выполняют большие гражданские и культурно-просветительские функции, направленные на усиление культурного диалога народов, находящихся в условиях социокультурного пограничья. Выполнение перечисленных и других задач стало возможным благодаря успешной реализации государственной национальной политики, направленной на совершенствование взаимодействия органов власти, регулирующих межнациональные отношения, и национально-культурных центров, заинтересованных в повышении эффективности своей работы путем содействия развитию инициативы масс. Все это в конечном счете способствует сохранению

межнационального согласия, обеспечивающего политическую стабильность полиэтничного региона.

Литература

1. Баторова Е.Б., Ахмадулина С.З. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990-2000-е годы). – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2010. – С. 80–105
2. Котанджян Г.С. Грани согласия – конфликта. Цивилизованные проблемы теоретической и прикладной политологии. – М.: Луч, 1992. – С. 10.
3. Баталова С.Р. О стратегии развития национальной культуры в условиях глобализации и модернизации // Диалог культур в местных сообществах в условиях трансформации российской государственности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ. – С. 49.
4. Федеральный Закон РФ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.
5. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1909. – С. 139.
6. Шпрингер Р. Национальная проблема. – СПб., 1909. – С. 43.
7. Каутский К. Национальные проблемы. – СПб., 1903.
8. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. [Электронный ресурс]. – URL: <http://hronos.km.ru/libris/stalin/2-19.html> – С. 6.
9. Там же. – С. 7.
10. Жарников А.Е. Дискуссия о понятии «нация» в советской и современной российской науке // Вопросы национальных и федеративных отношений. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – С. 30.
11. Жуков Е.М. XXII съезд КПСС и задачи советских историков // Вопросы истории. – 1961. – №12. – С. 8–9.
12. Джунусов М.С. Две тенденции социализма в национальных отношениях. – Ташкент, 1975.
13. Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональных общностей людей. – М., 1976.
14. Рогачев М.П., Свердлин М.А. Нации – народ – человечество. – М., 1967.
15. Бурмистрова Т.Ю. Теория социалистической нации. – Л., 1970.
16. Кон И.С. Национальный характер – миф или реальность // Иностранная литература. – 1968. – № 9. – С. 228.
17. Джунусов М.С. Указ. соч. – С. 28.
18. Калтахчян С.Т. Указ. соч. – С. 75.
19. Там же. – С. 77.
20. Там же. – С. 76.
21. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.
22. Этничность и этническая идентичность: проблема соотношения понятий и подходы к их исследованию. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-14944.html>. – С. 4.
23. Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд. – СПб., 1998.
24. Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. – М., 2006. – С. 212–214.
25. Елаева И.Э. Этничность бурят в постсоветский период // Традиции и инновации в этнической культуре бурят. – М.; Улан-Удэ, 1999. – С. 49.
26. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. – Bergen, 1969
27. Паин Э. Этнополитический маятник. – М., 2004. – С. 31.

Будаева Дарима Цырендоржиевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления БГУ. E-mail: darb@rambler.ru

Budaeva Darima Tsyrendorzhievna, Candidate of Political Sciences, Senior lecturer at State and Municipal Management Chair, Buryat State University. E-mail: darb@rambler.ru

УДК 332.1

© О.С. Тулохонов

ЭКСПЕРТНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-32-01303 "Муниципальное регулирование развития территориального общественного самоуправления в городских и сельских поселениях Республики Бурятия"

Статья посвящена различным аспектам экспертной оценки деятельности территориального общественного самоуправления.

Ключевые слова: оценка деятельности органов территориального общественного самоуправления, система показателей результативности деятельности территориального общественного самоуправления, эксперты, экспертная оценка.

O.S. Tulokhonov

EXPERT ASSESSMENT METHOD OF TERRITORIAL PUBLIC SECTOR ACTIVITY

The article is devoted to various aspects of expert assessment method of territorial public sector activity.

Keywords: performance assessment of territorial public sector, system of assessment indicators of public sector activity, experts, expert opinion.

В настоящее время проявляется интерес к методическим подходам оценки результатов деятельности органов местного самоуправления и

территориального общественного самоуправления. Это обусловлено прежде всего политической и экономической конъюнктурой, требую-

щей максимального использования внутренних резервов (лучше, если не государственных), повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления при ограниченных финансовых ресурсах, а также формирования и активизации институтов гражданского общества.

Предлагаем рассмотреть экспертный метод оценки деятельности территориального общественного самоуправления, который, на наш взгляд, является самым популярным. Он закреплен в нормативно-правовых актах и используется при проведении различных конкурсов.

Важным элементом любой оценки деятельности территориального общественного самоуправления является система показателей (целевых ориентиров и конечных результатов), позволяющих объективно раскрывать деятельность органов ТОС и их вклад в социально-экономическое развитие территории муниципального образования.

Из множества показателей конечных результатов, предлагаемых в экономической литературе, выделяется система В.П. Максимова, который выделил следующие группы:

1. Общие показатели, характеризующие организационную деятельность самих органов ТОС, формы и методы работы с жителями, проживающими на территории ТОС.

2. Социальные показатели, отражающие оказание органами ТОС социальных услуг населению.

3. Экономические показатели, выраженные в улучшении инфраструктуры территории, в границах которой осуществляют свою деятельность органы ТОС.

К общим показателям относится количество:

- 1) заседаний, проведенных комитетом ТОС;
- 2) вопросов, рассмотренных на заседании комитета ТОС;
- 3) проведенных собраний (сходов) с жителями домов, улиц;
- 4) проведенных опросов жителей, проживающих на территории ТОС;
- 5) проведенных комитетом ТОС приемов жителей:

- численность жителей, обратившихся в комитет ТОС;

- число вопросов, решенных при содействии комитета ТОС;

6) проведенных градостроительных согласований по застройке территории.

К социальным показателям относится количество:

- 1) открытых детских клубов по месту жительства;
- 2) созданных детских кружков;
- 3) созданных детских спортивных секций;
- 4) созданных спортивных дворовых команд;
- 5) проведенных спортивных соревнований;
- 6) созданных детских трудовых бригад;
- 7) детей, направленных в загородные и городские лагеря отдыха;
- 8) проведенных праздников дворов, улиц;
- 9) проведенных культурно-массовых мероприятий с ветеранами;
- 10) проведенных смотров-конкурсов на звание: лучший дом, лучший двор (улица), лучший подъезд;
- 11) случаев социальной помощи многодетным семьям, инвалидам, пенсионерам;
- 12) созданных народных дружин по охране общественного порядка;
- 13) проведенных рейдов ДНД;
- 14) составленных административных протоколов.

Экономические показатели:

1. Установлено единиц: малых архитектурных форм (шт.); детских спортивных площадок и хоккейных кортов (шт.); детских игровых городков, (шт.).

2. Отремонтировано внутривортовых дорог и тротуаров (м²).

3. Проведен текущий ремонт: малых архитектурных форм (шт.); спортивных площадок (шт.); детских игровых городков (шт.).

4. Отремонтировано силами жителей: домов; подъездов.

5. Установлено: металлических дверей в подъездах (шт.); домофонов (шт.).

6. Организовано субботников, в них приняло участие жителей (чел.).

7. Посажено: деревьев; кустарников; цветов (шт.).

8. Привлечено дополнительных финансовых средств (руб.), в том числе с помощью муниципальных грантов (руб.).

9. Оказана материальная помощь социально незащищенным категориям населения (руб.) [1, с. 68].

На наш взгляд, используя данную номенклатуру показателей, можно формировать целевые ориентиры и перечень конечных результатов деятельности территориального общественного самоуправления. Сопоставление которых позволит в определенной степени проводить комплексную оценку результативности деятельности органов общественного самоуправления на

различных уровнях (по отдельным органам ТОС, в границах территории микрорайонов, городских и сельских поселений, внутригородского района, в целом по муниципальному образованию) и получать необходимую информацию о ТОС с определенной периодичностью.

Однако данная методика позволяет только количественно оценить деятельность ТОС. Другими словами, фактические показатели деятельности ТОС могут формально соответствовать целевым ориентирам (быть результативными), но насколько качественно, или еще важнее, насколько эффективнее они выполнены, комплексная оценка результативности деятельности органов общественного самоуправления не дает ответа.

Поэтому не исключая вышеназванную методику, мы предлагаем дополнительно использовать экспертный метод оценки деятельности органов общественного самоуправления.

Из множества методов, существующих в теории и применяемых на практике, мы предлагаем использовать балльный. Суть его заключается в том, что эксперт помещает каждый из анализируемых показателей деятельности территориального общественного самоуправления в определенный интервал (приписывает балл). Измерителем при этом является качество достигнутых целевых ориентиров.

Число интервалов, на которые разбивается диапазон изменения качества, может быть разным. Самое популярное и общеизвестное число интервалов это 5 (пятибалльная оценка).

В качестве экспертов должны быть компетентные представители органов государственной власти и местного самоуправления, которые отвечают за развитие территориального общественного самоуправления на своем уровне. На региональном уровне в Республике Бурятия курирует данное направление Комитет территориального развития Администрации главы Республики Бурятия и правительства Республики Бурятия. На местном уровне в г. Улан-Удэ работает советник мэра по развитию ТОС.

Кроме гражданских и муниципальных служащих в качестве экспертов должны выступать члены различных ассоциаций территориальных общественных самоуправлений или их председатели.

В качестве независимых экспертов могут быть представители профессорско-преподавательского состава вузов, специализирующихся в области муниципального управления. В Республике Бурятия, согласно соглаше-

нию, Бурятский государственный университет является учебно-методическим центром системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров и системы поддержки и сопровождения деятельности органов местного самоуправления Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

После оценки экспертов возникает необходимость обработки результатов опроса. Из множества существующих вариантов мы предлагаем использовать методы математической статистики.

В научной литературе и на практике для формирования обобщенной оценки экспертов чаще используют средние величины, например точечную оценку экспертов, которая вычисляется как среднее арифметическое:

$$\bar{x}_j = \frac{\sum_{j=1}^m x_j}{m},$$

где x_j – оценка j -го эксперта (1-5 баллов); m – число экспертов.

Оценки экспертов по различным причинам могут расходиться. Поэтому мы предлагаем учитывать величину расхождения. Чем меньше данная величина, тем надежнее и достовернее оценка. Здесь можно использовать вариационный размах (R):

$$R = x_{\max} - x_{\min},$$

где $x_{\max}$ – максимальная оценка;
 $x_{\min}$ – минимальная оценка.

Далее определяется среднее квадратическое отклонение:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^m (x_j - \bar{x}_j)^2}{m-1}},$$

и в заключении уточняется коэффициент вариации (V):

$$V = \frac{\sigma}{\bar{x}_j} \cdot 100\%.$$

На наш взгляд, данный экспертный метод может дополнить количественную оценку результативности деятельности территориального общественного самоуправления в части учета качественных аспектов.

Таким образом, мы предлагаем не только учитывать степень достижения целевых ориен-

тиров, но и качество выполненных конечных результатов. Это в свою очередь, позволит выделять успешные и проблемные территориальные общественные самоуправления на различных уровнях (по отдельным органам ТОС, в границах территории микрорайонов, городских и сельских поселений, внутригородского района, в целом по муниципальному образованию) и на различный период (квартал, год и т.д.).

Литература

1. Максимов В.П. Оценка эффективности территориального общественного самоуправления и его вклада в со-

Тулохонов Олег Сергеевич, кандидат экономических наук, ст. науч. сотр. ИЭИ БГУ, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, тел.: 8(3012)21-35-06, e-mail: oltul@mail.ru.

Tulokhonov Oleg Sergeevich, Candidate of Economic Sciences, Senior research associate at Institute of Economic Research, Senior lecturer at State and Municipal Management Chair of Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin St, 24 A, tel: 8(3012)21-35-06, e-mail: oltul@mail.ru

циально-экономическое развитие муниципального образования // Гор. управление. – 2005. – №9. – С. 63-75.

2. Тулохонов О.С. Методические подходы к оценке результативности и эффективности деятельности территориального общественного самоуправления // Электронный научный журнал: <http://vseup.ru/page/journal/> // Вестник-экономист Забайкальского государственного университета. – 2012. – №5.
3. Тулохонов О.С. Методические рекомендации по использованию показателей результативности деятельности территориального общественного самоуправления // Моделирование социо-эколого-экономических процессов в регионе: материалы межрегион. молодежной школы-семинара. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 144-151.

УДК 338.439.02

© Л.Р. Слепнева, И.В. Бадмаева

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА

В статье рассмотрены различные подходы к определению агропродовольственного рынка и изучению его сущности. Авторами рассмотрена структура агропродовольственного рынка и приведены подходы к классификации его основных частей, проанализирована динамика основных показателей рынка за 2012 г. в России – зерна, мяса, молока.

Ключевые слова: агропродовольственный рынок, структура агропродовольственного рынка, роль агропродовольственного рынка, динамика развития агропродовольственного рынка.

L.R. Slepneva, I.V. Badmaeva

ESSENCE AND STRUCTURE OF AGROFOOD MARKET

The article is devoted to various approaches to agrofood market definition and study of its essence. The author examined structure of the agrofood market and approaches to classification its main segments. Dynamics of the main market indicators for 2012 in Russia – grains, meat, milk are analyzed.

Keywords: agrofood market, structure of the agrofood market, role of agrofood market, dynamics of agrofood market development.

Спад производства сельскохозяйственной продукции, сопровождающийся критическим снижением уровня доступности продуктов питания для значительной части населения, резкое увеличение импорта продуктов питания, зачастую низкого качества, усиливающаяся конкурентная борьба на международных рынках актуализируют вопросы исследования сущности и структуры агропродовольственного рынка.

Достижение основных параметров «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» – наполнение агропродовольственного рынка важнейшими видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на уровне 85–90% за счет отечественных производителей – объективно требует рассмот-

рения структуры агропродовольственного рынка с позиции современной экономической ситуации, характеризующейся открытостью рынка в связи с вступлением России во ВТО.

Сущность и содержание агропродовольственного рынка, методические подходы к его социально-экономической оценке, факторы, воздействующие на рынок, принципы и методы его формирования в современной литературе до сих пор не нашли методологического единства трактовок.

Еще в советский период в экономических справочниках понятие «рынок» было представлено как «... совокупность социально-экономических отношений в сфере обмена, посредством которых осуществляется реализация

товаров и окончательное признание обществом характера заключенного в них труда» [1]. На наш взгляд, данное определение является весьма узким, так как затрагивает лишь только отношения обмена в рамках воспроизводственного процесса. Это объясняется тем, что переход от плановой к рыночной экономике привел к большим системным изменениям в агропромышленном комплексе. В связи с реформированием экономики процесс обеспечения населения и других потребителей натуральными продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем осуществляется на новой рыночной основе. В отличие от плано-распределительной системы, которая исходила из приоритета ускоренного развития производства, рынок как регулятор экономических отношений существенно смещает акцент в отношениях производитель – потребитель в сторону интересов потребителя. Другими словами, рынок формирует механизм, при котором производство настраивается исключительно на потребительский спрос.

В системе рыночного хозяйства особое место занимают агропродовольственные рынки, главная особенность которых заключается в специфике и особенностях на нем товаров (сельскохозяйственная продукция, сырье для промышленной переработки и продовольствие).

Независимо от того, развивается сельскохозяйственное производство или нет, в любой стране так или иначе имеют место агропродовольственные рынки, так как через них осуществляется продовольственное обеспечение населения и реализуется социально-экономическая политика.

Агропродовольственные рынки представляют собой сложную организационно-производственную систему и самым тесным образом связаны с другими рынками, входящими в АПК.

Отдельные авторы среди рынков АПК особо выделяют продовольственный рынок. Так, по мнению Ю.И. Агирбова и А.П. Леснова, продовольственный рынок следует рассматривать в двух аспектах: широком и узком. «В широком смысле – это совокупность всех рынков, функционирующих в аграрном секторе; в узком – это рынок сельскохозяйственной продукции, объектом которого является товар, произведенный непосредственно в сельском хозяйстве и проходящий через все стадии его товародвижения до конечного потребителя» [2].

Мы не можем согласиться с такой трактовкой, так как продовольственный рынок не мо-

жет уместить в себя все рынки аграрного сектора и тем более АПК в целом. В.А. Ключаки и А.Н.Д. Магомедов акцентируют свое внимание на том, что «...продовольственный рынок представляет собой сложное явление, подчиняющееся в своем развитии законам спроса и предложения», и выделяют у него «свойство осуществлять взаимодействие, основанное на децентрализованном механизме ценовых сегментов» [3].

На основе обобщения различных источников в самом общем смысле «под продовольственным рынком понимается сложная совокупность товарно-денежных отношений между всеми хозяйствующими субъектами, прямо или опосредованно участвующих в производстве, переработке, хранении, транспортировке и реализации сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия как за счет отечественных товаропроизводителей АПК, так и по линии импорта» (4).

В экономической литературе не сложилось единство мнений по выбору тех или иных критериев для классификации агропродовольственных рынков. Ряд отечественных и зарубежных авторов за основу классификации берут такие критерии, как территориальный охват (мировой, зональный, национальный, межрегиональный, региональный, местный), объект купли-продажи (рынок мяса и мясных продуктов, рыбы и рыбных продуктов, рынок молока и молочных продуктов, рынок хлеба и хлебобулочных изделий, сахара и кондитерских изделий, рынок плодоовощной продукции, рынок растительного масла и других жиров, макаронных изделий и др.), группы покупателей (удовлетворение потребностей населения, обеспечение продовольственным сырьем предприятий пищевой промышленности, реализация продовольственной продукции торговым посредникам), форма организации обмена (оптовые, розничные, рынки государственных закупок), тип конкуренции (монополизованный, олигополистический, деконцентрированный), экономико-правовой аспект (легальный, полуполулегальный, нелегальный), положение в региональном экономическом пространстве (географическое местоположение агропродовольственного рынка, удаленность от центра региона), динамичность развития (слабо развивающиеся, динамично развивающиеся рынки), уровень самообеспеченности основными продуктами питания, (формируемый только за счет внутреннего производства, с незначительной долей импорта, с равной долей товаров

внутреннего и импортного производства, с преобладанием импортных товаров), интенсивность межрегиональных продовольственных связей (слабая интенсивность, интенсивные торговые связи по ввозу, интенсивные торговые связи по вывозу), уровень развития рынка (неразвитый, регулируемый, свободный), роль в едином агропродовольственном рынке (ориентированные на локальное или межрегиональное пространство рынки).

При этом существующие классификации не всегда позволяют рассматривать взаимозависимость и взаимообусловленность рынков в единой системе агропродовольственного рынка.

В связи с тем, что устойчивое развитие агропродовольственного рынка невозможно обеспечить без эффективного государственного регулирования, нами предложено в зависимости от степени государственного воздействия на рыночные процессы выделять два типа рынка – регулируемый рынок и нерегулируемый рынок.

На нерегулируемом рынке отсутствует государственное вмешательство в рыночный процесс. Такой рынок называют стихийным, или свободным. Здесь объемы продаж и цены формируются в результате прямых торгов между продавцами и покупателями. Он меньше всего интересует экономистов, поскольку здесь невозможно объективно учесть доходы продавцов и расходы покупателей. Примером такого рынка является «толкучка».

На регулируемом рынке, подразделяемом, в свою очередь, на «жестко» и «мягко» регламентируемые рынки, государство устанавливает общие правила поведения его участников, включающие лицензии на право производства и продажи благ, таможенные пошлины, налоговые льготы, ограничения на ввоз или вывоз некоторых товаров в/из страны и др. Между государством и участниками рынка экономические отношения устанавливаются на основе договоров, контрактов, соглашений, госзаказов. Государство издает законы, помогающие развитию конкуренции, рынка и рыночных отношений, проявляя при этом активность или пассивность вмешательства.

Степень участия государства в регулировании агропродовольственного рынка некоторым образом гарантирует стабильность цен и устойчивость рыночной конъюнктуры. Построение ценовых моделей регулирования рынка опирается на принципы составления балансов предложения и потребления, выявление тенденций дефицита или образования излишков продук-

ции, определение предпосылок рациональной организации движения запасов, оценку и использование экспортно-импортного потенциала.

Динамичность развития агропродовольственного рынка можно рассмотреть через основные секторы продовольственного рынка. Базовым сектором российского агропродовольственного рынка является рынок зерна. В 2012 г. стабильность ситуации на зерновом рынке определялась высоким уровнем предложения пшеницы и кукурузы в результате значительного прироста их производства. Впервые в России был зафиксирован исторический рекорд экспорта пшеницы – 18,5 млн тонн.

Экспорт зерна, по оценке Зернового союза, составил 14-15 млн тонн, экспортный потенциал – 16-17 млн тонн. Россия в 2012 г. увеличила экспорт пшеницы и меслина на 18% до 15,293 млн тонн. В денежном выражении поставки основной зерновой культуры выросли на 37% – до 4,28 млрд долларов. Подавляющая часть зерна – 14,8 млн тонн (на 4,14 млрд долларов) – была экспортирована в страны дальнего зарубежья.

Главным направлением вывоза в 2012 г. остался регион Ближнего Востока и Северной Африки. На рекордно высоком уровне сохранился ввоз в Египет, выросли отгрузки в Турцию, Израиль, Йемен и Ливию, Ирак. Впервые за последние три года были осуществлены крупные поставки российской пшеницы в ЕС, главным покупателем выступили Италия и Испания, меньшее значение имели Греция, Нидерланды и Португалия. Значительно увеличился экспорт в страны СНГ (Грузия, Казахстан, Беларусь) и Восточную Африку, отгрузки в Восточную и Юго-Восточную Азию снизились.

В мировом масштабе Россия выступила крупнейшим экспортером, причем это фиксировалось на протяжении всей второй половины года.

Что касается рынка мяса, здесь продолжается тенденция к росту объема импорта мяса. Несмотря на то, что Россия стремительно наращивает производство мяса: за последние шесть лет объем производства мяса птицы увеличился на 1,8 млн тонн, или на 130%, а свинины – на 858 тыс. тонн, или на 54%, доля импортного мяса на рынке все же достаточно высока.

Благодаря активному развитию птицеводства в современной России, доля импорта куриного мяса минимальна и составляет порядка 19%. Эти 19% делят между собой поставщики из США, Германии, Бразилии и Франции, а также еще 15 государств.

Доля импорта свинины в России находится на уровне 33,3%. Основными импортерами свинины являются Бразилия (30-40% общего количества импортируемой свинины), Германия (16%), Канада (15%) и Дания (12%).

Производство крупного рогатого скота в России не так хорошо развито, как птицеводство и свиноводство, и поэтому наблюдается очень высокая зависимость от импорта говядины. В основном говядину ввозят в Россию в замороженном виде. Так, охлажденное мясо поставляют ближайшие соседи (Литва с долей в 40%, Германия с 21% и Польша с 13%), замороженное – Бразилия (41%), Уругвай (13%) и Австралия (11%).

Таким образом, по данным ФТС России по состоянию на начало 2012 г., импорт мяса в Россию (без учета торговли с Республикой Беларусь) увеличился на 7,6% к аналогичному периоду прошлого года и составил 1 595,5 тыс. тонн, в т. ч.: говядины — 562,2 тыс. тонн (+ 2,2% к аналогичному периоду 2011 г.); свинины — 629,0 тыс. тонн (+ 6,7%); мяса птицы – 404,3 тыс. тонн (+ 17,8%).

Производство молока расположено в основных районах проживания населения в связи с небольшим сроком хранения продукции. В региональном разрезе основные мощности по производству молока располагаются в Центральном и Приволжском федеральных округах.

Среди субъектов России ведущими регионами по объемам выпуска творога и свежего сыра являются Москва и Московская область, а также Краснодарский край.

Экспортно-импортные поставки практически не влияют на российский рынок молока, поскольку объемы импорта и экспорта незначительны. Так, доля экспортных поставок в объеме внутреннего производства составила менее 0,1% по итогам 2012 г. Основным направлением российского экспорта молока и сливок является регион Закавказья, который представлен рынками Абхазии, Азербайджана и Грузии. Эти страны стали ведущими потребителями российского молока и сливок, на них пришлось более половины объема поставок из России за рубеж.

Молоко и сливки иностранного производства занимают на российском рынке небольшую долю. Основными импортерами являются страны дальнего зарубежья. Выделяются на общем фоне поставщики из Финляндии, наращивающие поставки молока и сливок в Россию на протяжении 2008–2012 гг. Также значимыми импортерами являются страны Прибалтики (Эстония, Литва)

и Западной Европы (Германия, Франция), которые входят в пятерку главных поставщиков молока и сливок в Россию.

Таким образом, современный агропродовольственный рынок России ориентирован на полное насыщение внутреннего рынка основными сельскохозяйственными продуктами собственного производства и рост экспортных поставок на мировые рынки.

Вследствие постоянного роста объема доходов Россия, несомненно, является наиболее быстрорастущим и привлекательным для иностранных инвесторов рынком в мире. Нестабильное законодательство на территории Российской Федерации остается одним из основных факторов, сдерживающих инвестиции в пищевую промышленность со стороны иностранных производителей.

Эффективное решение поставленных ближнесрочных и долгосрочных задач позволит перейти к инновационной модели АПК, в центре которой будет обеспечение продовольственной безопасности страны и комплексное устойчивое развитие села. Для этого есть все предпосылки – мощная государственная поддержка, благоприятный инвестиционный климат в отрасли, огромный ресурсный потенциал.

В растениеводстве предстоит освоить интенсивные технологии, базирующиеся на новом поколении тракторов и сельскохозяйственных машин, увеличении внесения минеральных удобрений, переходе на посев перспективных высокоурожайных сортов и гибридов.

В животноводстве продолжится планомерное наращивание производства мяса и молока. В связи с этим необходимо активно использовать возможности селекции, совершенствования кормовой базы, оптимизации технологических процессов.

Это позволит уже в ближайшие 2-3 года полностью обеспечить себя основными продуктами питания и начать осваивать новые экспортные направления.

Литература и примечания

1. Политическая экономия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – Т. 3. – С. 570.
2. Агирбов Ю.И., Мухамедзянов Р.Р., Леснов А.П. Рынки сельскохозяйственной продукции: учеб. пособие. – М., 2005. – 345 с.
3. Клюкач В.А., Логинов Д.А. Маркетинг в агропромышленном комплексе: учебник. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ГСХА, 2009. 492 с.; Магомедов А.Н.Д., Иваков А.А. и др. Концепция развития аграрного маркетинга. – М.: ФГУП Типография Россельхозакадемии, 2011.
4. Кибиров А.Я. Агропродовольственная политика России // Экономика. – 2012. – №8.

Слепнева Людмила Романовна, доктор экономических наук, профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, тел.: (3012)213433.

Slepneva Lyudmila Romanovna, Doctor of Economic Sciences, professor, East-Siberian State University of Technology and Management, tel.: (3012)213433.

Бадмаева Ирина Валерьевна, соискатель, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, тел.: (3012)213433.

Badmaeva Irina Valer'evna, postgraduate student, East-Siberian State University of Technology and Management, tel.: (3012)213433.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА ISSUES OF THE THEORY AND THE HISTORY OF THE LAW AND THE STATE

УДК 930 (517.3)

© С.Ж. Дугарова

ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ ВЕЛИКОЙ ЯСЫ

В статье рассмотрены особенности норм уголовно-правового регулирования в средневековом монгольском государстве. Механизм правового регулирования, представляя действенную меру обеспечения правопорядка и социального согласия, явился фактором прогрессивного в целом развития монгольского общества.

Ключевые слова: Их засаг, преступление, ответственность, наказание, штраф.

S.Zh. Dugarova

CHARACTERISTICS OF CRIMINAL AND LEGAL BAN OF GREAT YASA

The article features norms of criminal and legal regulation in medieval Mongolia. The mechanism of legal regulation, being an effective instrument for enforcement of law and a social consent, played a role of a driver for progressive development of the Mongolian society.

Keywords: Ikh zasag, crime, responsibility, punishment, penalty.

Уголовное право – совокупность юридических норм и правовых институтов, которые регулируют сферу общественно-опасного поведения, – сложилось в результате возникновения и развития государства. Оно является необходимым инструментом охраны интересов общества, достигшего определенного состояния зрелости, затрагивает интересы всех слоев общества. Большинство органов государства функционирует исключительно для реализации задач уголовного права.

Нормы уголовного права в составе *Их засаг* имели цель укрепить новое политическое устройство общества, власть хана на принадлежащей монголам территории, обеспечить равноправные связи империи с иностранными государствами в сфере торговли, договорных отношений. Великая Яса – *Их засаг* – предписывала всем подданным, независимо от происхождения, строго соблюдать закон. Если ранее все конфликты и споры разрешали главы родов на основе норм, традиций, обычаев, с утверждением *Их засаг* нарушения должны были рассматривать специальные должностные лица – *заргач*, назначаемые ханом и устанавливающие наказание от имени государства.

Для правовых систем древности характерно было отсутствие разграничения между уголовным преступлением и гражданско-правовым деликтом [1, с. 141]. В монгольской империи с развитием государства постепенно стало про-

даться различие между преступлением, вызывающим наказание со стороны государства, и гражданским правонарушением, причинением имущественного вреда. Правонарушения, которые влекли уголовную ответственность, т.е. ответственность перед государством, *Их засаг* определял понятием *яал*, а причинение материального вреда частному лицу обозначалось термином *андза*. Имела место коллективная ответственность в целях предупреждения правонарушения, предусматривавшая ответственность военачальников за преступления воинов, хозяев за слуг, родителей за детей. Содержание норм *Их засаг* соответствовало особенностям численной системы военного, общественного устройства, способствовавшей быстрому распространению среди структурных единиц армии и общества основных принципов закона с целью предупреждения совершения преступлений.

Среди кочевников-монголов наиболее презренным, гнусным преступлением признавалось воровство. Многочисленные источники отмечают, что в монгольском обществе редкими были случаи воровства. Так, согласно Сборнику летописей Рашид-ад-Дина, во время празднования один человек, опьянев, украл из дворца хана золотую чашу. Хан, обнаружив пропажу, объявил, что в случае возврата украденной чаши наказания не будет. На следующий день вор вернул чашу во дворец. Когда у вора спросили, как он посмел совершить кражу из дворца хана, тот

ответил: «Хотел тем самым обратить внимание хана на ненадежность охраны дворца». Хан согласился, постановив, что такого человека нельзя подвергать наказанию. По приказу хана ему выдали из казны государства 500 монет, одежду, коня и отправили в Китай, назначив его тысячником [2, с. 89]. Схожие сведения содержатся и в других источниках, свидетельствующих о смягчении или освобождении от наказания в случае признания преступником своей вины. Так П. Карпини отмечал, что виновное лицо могло быть освобождено от наказания при условии признания вины и возврата хозяину вещи. За крупную кражу, каковой признавалось, например, конокрадство, назначался штраф, за неплату которого следовала смертная казнь. За похищение одного барана предусматривалось телесное наказание. В случае конокрадства виновное лицо обязано было вернуть коня хозяину и заплатить штраф в размере девяти голов лошадей – девяток. При несостоятельности следовало отдать в рабство детей. При отсутствии таковых назначали смертную казнь [3, с. 73]. По мнению исследователей, чаще бедняк совершал мелкую кражу – похищение одной головы барана, тогда как конокрадство могли совершить зажиточные люди. Поэтому и наказание за кражу мелкого скота и конокрадство было различным.

В рассматриваемый период времени в обществе порицалось колдовство. В источниках есть много сведений о наказании за чародейство. Так, жизнь Фатимы, имевшей большое влияние на Доргоно хатан, детей хана, была прервана казнью. *Их засаг* определял колдовство как действие, за которое следовало наказать смертной казнью [2, с. 56]. Недостойное поведение в сфере брачно-семейных отношений угрожало крепости семьи. За распутное поведение предусматривалась смертная казнь независимо от происхождения, положения в обществе [4, с. 261]. В.А. Рязановский, ссылаясь на сведения Макризи, Вартана, Магакия, отмечал нормы об установлении смертной казни за убийство человека, распутство, определяя их как статьи *Их засаг* [5, с. 86]. Макризи в числе основных статей *Их засаг* выделял норму, предусматривавшую наказание за распутное поведение. Вартан отмечал, что закон Чингисхана строго запрещал воровство, лжесвидетельство. Магакий также писал, что нормы *Их засаг* предписывали бережное отношение друг к другу, не допускать обман, воровство, почтительное отношение к престарелым, бедным людям. Закон Чингисхана предусматривал строгое наказание за нарушение

правил в семейных отношениях, разумно полагая, что от крепости семьи зависит стабильность общества [6, с. 206].

Согласно «Сокровенному сказанию монголов», тысячникам, сотникам, десятникам было приказано довести до сведения населения о строгом запрете нарушения закона Чингисхана. Всякий отступивший от нормы *Их засаг*, подлежал наказанию. Нарушитель определялся как «алдалтан» – лицо, нарушившее нормы *Их засаг*. Г.Е. Грумм-Гржимайло определял понятие «гэмтэн» как лицо, признающее себя виновным в случае собственного признания в совершении преступления [7, с. 439]. Если лицо не сознавалось, то устанавливали вину путем применения к обвиняемому пыток. Сайшиял выделяет норму *Их засаг*, согласно которой если раб украл чужое имущество, наказанию в виде казни и конфискации имущества подлежал хозяин вместе с рабом [8, с. 42]. Причастные к совершению подобных действий определялись как преступники (*хэргийн эзэнтэн*). Отсюда следует, что под «хэргийн эзэнтэн» подразумевалось лицо, совершившее преступление, а также лица, причастные к данному преступлению. К сожалению, исследователь не указал источники заимствования данной нормы.

По мнению Ц. Минжин, в *Их засаг* выделялись две категории субъектов преступления: общий и особенный [6, с. 202]. Нормы *Их засаг* распространялись на все население империи – начиная от самого хана и кончая простыми людьми. На территории государства все, независимо от сословной и национальной принадлежности, должны были следовать нормам закона Чингисхана. Так, согласно указу Угэдэй хана *Их засаг* Чингисхана должен был сохранить прежнюю силу. Все лица, виновные в совершении преступления в период времени до начала правления преемников Чингисхана подлежали наказанию согласно Ясе.

Наказание в отношении лиц, совершивших преступление в период правления нового хана, должно было устанавливаться в соответствии с нормами *Их засаг* [2, с. 32]. Указы последующих ханов предписывали строго следовать данному принципу в уголовно-правовой политике. Во времена правления Монх хана действовало правило, согласно которому законы должны были быть доведены до сведения населения, а в случае необходимости тексты законов предписывали переводить на язык местного населения [2, с. 222]. В указах ханов уголовно-правовые запреты распространяются на всех людей: *хун бур* (каждый), *хэн нэгэн* (кто-либо). Лишь незначи-

тельное количество статей регламентировали случаи ответственности членов Золотого рода – хишектепов (гвардейцев) – в случае совершения ими преступления. При обвинении членов ханского рода, должностных лиц, гвардейцев в нарушении норм *Их засаг* проводили тщательную проверку, с целью установления причастности их к преступлению. Согласно нормам *Их засаг*, представители Золотого рода при первом нарушении подлежали устному внушению. В случае повторного нарушения следовало виновного наказать. После троекратного нарушения виновный подвергался ссылке в отдаленную местность Балжин-Хулжир. Если наказание в виде ссылки не достигало цели – исправления виновного, то лицо заключали в кандалы и опускали в земельную яму (своего рода тюрьму). Осознавший свою вину после отбытия наказания мог быть возвращен домой. В противном случае следовало созвать собрание всех родственников виновного и решить дальнейшую его судьбу [9, с. 409]. Другая категория, приравненная к членам Золотого рода – *хэшиктены*, гвардейцы хана. Согласно Сокровенному сказанию монголов, *хэшиктены* не должны были подвергаться наказанию со стороны военачальников. Без согласия хана никто не мог наказывать гвардейцев. В случае конфликта *хэшиктенов* с воинами других подразделений последние подлежали смертной казни [10, с. 141].

Таким образом, дворцовая гвардия, именуемая *торгон цэриг*, в отличие от военных других подразделений обладала своего рода иммунитетом, согласно нормам уголовного права. На территории империи подвластное население управлялось в соответствии с *Их засаг*. В случае нарушения предписаний *Их засаг*, виновные определялись понятием «алдалтан» – преступники подлежали наказанию.

По мнению большинства исследователей истории монгольского права, из 51 статьи закона Чингисхана, посвященной системе наказания, 41 статья или 80% предусматривала наказание в виде смертной казни – *цаазар авах ял*. Ц. Минжин считает, что данное утверждение требует уточнения. Так, ученые замечают, что большая часть закона до сих пор не обнаружена. В связи с этим возникает два вопроса: из каких источников заимствованы данные нормы?; статьи включали наказание о назначении смертной казни или составляли систему наказания, установленного государством? Очевидно, что слово «цаазлана», встречающееся в нормах *Их засаг*, имело содержание, отличное от понятия «уголовное наказание в виде смертной казни». В законе

смертная казнь предусматривалась за убийство, мошенничество, кражу, присвоение казенного имущества, бунт, нарушение воинской дисциплины. Согласно сведениям Сокровенного сказания монголов, Чингисхан, определяя меру наказания, использовал слово *мөхөриулха*, которое имело значение «лишить жизни». Указ Чингисхана об установлении высшей меры наказания имел целью укрепить установленный в обществе правопорядок. Ранее в силу особенностей хозяйственного уклада, быта кочевого общества наказание не предусматривалось за убийство, похищение чужого имущества, поскольку все конфликты, споры разрешались на основе обычаев кровной мести. Чингисхан, объединив монгольские роды в единое государство для искоренения в обществе подобных случаев, установил государственное наказание. В целях предупреждения нарушения установленного порядка вводилось понятие «цаазлана» в значении запрета. В условиях объединения родов в единое государство необходимо было установить общее правило на территории государства. Для охраны установленного порядка Чингисхан ввел нормы о наказании, которые ранее не были известны кочевому обществу. Древние обычаи монголов предписывали бережное отношение к окружающей среде. П. Карпини отмечал, что у монголов запрещалось вытаскивать мясо из котла ножом, проливать молоко на землю. Следовало наказывать поперхнувшегося едой человека [3, с. 73]. Отметим, что нет сведений о наказании людей при совершении подобных действий смертной казнью. Поэтому понятие «цаазлана» имело значение «запрещено». С какого времени понятие наказание «цаазлана» получило значение лишения жизни?

Обратимся к источникам. В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина приведены слова Бату хана, правителя Золотой Орды: «Всякого, кто нарушит закон, следует лишить головы» [2, с. 204]. Также Рашид-ад-Дин упоминает молодую жену Чагатая, приговоренную к казни за распутство [2, с. 154]. Вместе с тем при назначении наказания в виде смертной казни учитывали злой умысел преступника [2, с. 155]. Способы смертной казни зависели от сословной принадлежности преступника. Члены Золотого рода, а также знатные люди приговаривались к смертной казни без пролития крови: путем поединка, закатывания в войлок, удушения. Самым суровым видом смертной казни было закупоривание землей глаз, ноздрей, ротовой полости, ушных раковин человека. При приведении в исполнение наказания смертной казни прибегали к по-

единку – борьбе. Известно, что для этого готовили «улсын бох барилдаач»- специального государственного борца. Так, при Чингисхане одним из таких борцов был Хубилай, при Угэдэй хане – Филэ. «Бөх барилдах» – поединок с целью перелома позвоночника – представлял собой вид смертной казни, применяемый к представителям знати, членов Золотого рода. Таким образом были казнены шаман Теб Тенгери, Джамуха [6, с. 54]. Известно, что по приказу Монх хана были жестоко казнены участники дворцового заговора путем закупоривания камнями ротовой полости [2, с. 212]. Подобной мере наказания подвергались чиновники за дерзкие речи, непослушание. В рассматриваемый период времени распространенными были наказания, имевшие целью не только лишение жизни, но и унижение чести, достоинства, одной из таких мер наказания было волочение лошадыми.

Их засаг устанавливал особый порядок назначения наказания членам Золотого рода, предусматривая поучение, назидание и только при повторном нарушении назначение наказания. Так, Угэдэй хан подверг осуждению сына Гуюка за массовую выдачу и распространение верительных грамот – пайцзы. Гуюк вынужден был обратно отобрать ранее выданные им пайцзы. После был отправлен к Бату хану в Орду для вынесения коллективного решения членами рода. В источниках чаще упоминается наказание *цөлөх* – ссылка, нежели *гяндлах* – тюремное заключение. Известно, что после вступления на престол Хубилай хан отправил в ссылку сына Гуюк хана – Хуку – за поддержку Аригбөха в Туркестане [2, с. 265]. Заключение в тюрьму – *гяндлах*, ссылка – *цөлөх* – относилось к тяжелым видам наказания. Только в одной статье *Их засаг* указывается место ссылки осужденных – Балжун – Хулжир, в остальных статьях место ссылки определяется в пространной формулировке: «эчнээ, холл, далд». Заключение в тюрьму упоминается в одной статье, данное наказание назначалось за преступления, совершенные членами ханского дома. Тюремное заключение не получило большого распространения в практике наказания в кочевом обществе в силу особенностей хозяйственного уклада. Были известны различные виды телесного наказания: битье кнутом, палками, розгами, посохом.

Имущественные наказания – конфискация имущества, штраф – назначались за кражу. В случае несостоятельности виновного лица следовало отдать его детей, жену в рабство потерпевшему. При наложении штрафа учитывали обстоятельства совершения кражи, размеры по-

хищенного. Так, похищение 1 барана признавалось незначительной кражей, которая влекла телесное наказание [11, с.116]. Конокрадство определялось как тяжкое преступление, за которое предусматривался удвоенный размер штрафа. Виновный должен был вернуть хозяину коня и заплатить штраф в размере 9 голов скота. При отсутствии скота следовало обратить детей в рабство, при отсутствии таковых вор приговаривался к смертной казни. Штраф – девяток – назначался за похищение крупного рогатого скота, имел целью не только возмещение причиненного ущерба. Наказание часто имело обтекаемую формулировку: *хундээр* (тяжелое), *чангаар* (сильное), что свидетельствовало о том, что *заргач* при разрешении дел в пределах своей компетенции исходил из обстоятельств совершения преступления. Понятие «ял» использовалось для определения меры наказания, устанавливаемой в соответствии с характером совершенного преступления.

Уголовная политика государства проводилась согласно нормам *Их засаг* о наказании. Вместе с тем закон Чингисхана предусматривал основания освобождения от наказания. Так, сподвижники Чингисхана Зэлмэ, Борохул, Сорханшар были удостоены иммунитета в сфере уголовного права – освобождались от наказания до 9 раз [12, с. 241]. Заметим, что в источниках нет сведений о совершении ими преступлений. От наказания могли быть освобождены не только заслуженные люди. Основаниями освобождения от ответственности было вступление на престол хана, официальные празднования в государстве. Угэдэй ханом был издан указ о прощении всем совершившим преступление до вступления на престол и освобождении от преследования и наказания [2, с. 32]. Известно об издании подобного указа Монх ханом об освобождении от наказания нарушителей запретов на территории империи. Для контроля за исполнением своего указа ханом были отправлены специальные послы на окраины империи [2, с. 220]. Хан вопрошал: «Кто посмеет нарушить Великий закон *Их засаг*? Это несчастные люди, которые из-за бедности, нужды идут на грешное». Освободив таковых, отдал приказ выдать им из казны по 10 монет, предварительно отобрав от них заверение в письменной форме о том, что впредь не будут совершать подобное [2, с. 77].

Таким образом, основы уголовного права были заложены исторически. Нормы *Их засаг* были направлены на укрепление правопорядка в обществе путем установления наказания за на-

рушения, а также исправления отступившего, предупреждения совершения преступлений. Уголовное право, обладая самым мощным и ярко выраженным карательным инструментарием, делало процесс наказания наглядным, демонстративным для восприятия членами общества, чтобы никто не совершал уголовно-наказуемые деяния.

Литература

1. Тумурова А.Т. Генезис обычного права бурят. – Улан-Удэ, 2005.
2. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – М., 1971.

Дугарова Сержена Жигмытовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Бурятского государственного университета e-mail:dugarova_s@mail.ru.

Dugarova Serzhena Zhigmytovna, Candidate of Historical Science, Associate professor at the Theory and History of Law and the State Chair, Law Faculty, Buryat State University, e-mail: dugarova_s@mail.ru.

3. Рязановский В.А. Обзор памятников монгольского права. – Улаанбаатар, 2000.
4. Пэн Дая, Сюй Тин. Хар татарын хэргийн товч. – Улаанбаатар, 2006.
5. Минжин Ц. Их засаг. – Улаанбаатар, 2009.
6. Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926.
7. Сайшиял. Сказание о Чингисхане. – Улан-Удэ, 2007.
8. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – М., 2002.
9. Рахельвитц И. Сокровенное сказание монголов. – Улаанбаатар, 2006.
10. Карпини П. Путешествие в восточные страны. – М., 1957.
11. Рубрук В. История монголов. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911.
12. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. – Л., 1941.

УДК 32.001 (517.3)

© П.Н. Дудин

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ МОНГОЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В работе детально проанализирован процесс международного признания Монголии в первой половине XX в. с точки зрения его оформления и закрепления в международно-правовых актах. Изучено содержание международных договоров 1912–1924 гг.

Ключевые слова: договор, соглашение, признание, статус, государство.

P.N. Dudin

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE INTERNATIONAL RECOGNITION OF MONGOLIA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The research in details analyzes a process of International recognition of Mongolia in the first half of the XX-th century from the viewpoint of its registration and establishment in international legislation acts. Examined the content of international treaties of 1912–1924.

Keywords: treaty, agreement, recognition, status, state.

В настоящее время наблюдается большой исследовательский интерес к проблемам геополитики Центральной Азии. Это объясняется тем, что изменения во внешнеполитическом раскладе региона, произошедшие в 1990-е гг., равно как 100 лет назад, привели к коренным переменам в расстановке сил и появлению новых факторов, влияющих на международную ситуацию в регионе.

Монголия в этой новой системе отношений занимала и продолжает занимать важное место в сфере пересечения интересов различных государств, особое положение среди которых занимают Россия и Китай. И по сей день монгольский (монголо-тибетский) мир весомо и независимо позиционирует себя в системе связей с русским (российско-евразийским), китайским (дальневосточным), исламским (в т.ч. централь-

ноазиатским), индийским (южно-азиатским) и западным (евро-атлантическим) мирами [13, с. 3].

При этом необходимо учитывать то, что начавшая складываться в 1920-1930-е гг. система международных отношений в регионе именно в этот период формирует свои основные черты.

Во-первых, в выбранном нами регионе после распада двух Великих империй появляются новые участники международных отношений – государства и государствовподобные образования.

Во-вторых, проявление интересов Японии в регионе и активная, зачастую агрессивная, политика, в т. ч. и по отношению к Монголии, борьба за влияние, Вторая мировая война не могли не привести к активизации процесса оформления и закреплению статуса Монголии

на внешнеполитической арене. При этом, как мы отмечали в одной из предыдущих работ, Монголия, находившаяся в начале XX в. на периферии мировой политической системы, сумела не только добиться значительной самостоятельности, но и международного признания [6, с. 110]. Здесь же в очередной раз уместно вспомнить слова одного из руководителей Института стратегических исследований при Министерстве обороны Монголии Байяра Санджагийн о том, что Монголия может быть интересна миру потому, что «имеет общую границу с тремя странами и районами, у которых часто были антагонистические отношения друг с другом» [11, с. 6].

Вопрос о международно-правовом статусе Монголии в первой половине XX в. неслучайно вызывает интерес у правоведов и государствоведов, историков и политологов, поскольку именно этот аспект, в силу разной трактовки понятий «государство», «независимость», «суверенитет» и др., в конечном итоге является индикатором состоятельности и самодостаточности государства, свидетельствует о его правомочности и «дееспособности».

При этом важно понимать, что говорить о полноценности государства можно только тогда, когда имеет место быть не только формальная организация политической власти (государственная организация), но и общество, населяющее определенную территорию, придает ей соответствующий статус, наделяет определенными свойствами и направляет к развитию – т.е. речь идет о таком явлении как государственность. Чаще всего это понятие используется как синоним государства, а также для обозначения какого-либо исторического этапа в его развитии (например, китайская государственность, российская государственность в период Киевской Руси, государственность монголов в эпоху Чингисхана и т.п.).

При этом состоятельность характеризует развитие социума, результатом которого может стать государство, а его статусность позволяет определить место этого государства в зависимости от масштабности и международных функций в мировой системе. Иначе говоря, состоятельность показывает степень развитости государственных структур, способность, потенцию социума организовать политическую рамку своего бытия, т.е. создать собственную форму государственной жизни. Следовательно, состоятельность обозначает весь строй общественной жизни, политический порядок, являясь результатом

исторического развития нации и национальной идеи.

Как нами отмечалось ранее, общество должно достигнуть не только определенного исторического, социального, экономического, но и идеологического уровня, при котором процесс организации общественного взаимодействия перетекает в процесс самоорганизации, формирования собственных органов управления на определенной территории, способности контролировать эту территорию и т.д. Механизмы управления этим процессом тоже могут быть разнообразными: от примитивной государственности на закате разложения первобытно-общинной формы организации власти до «супер-государственности» эпохи Средневековья, когда такое политическое образование, как империя, выступало алгоритмом оформления цивилизации и ее апогеем [15, с.19].

В нашем же понимании государственность представляет собой политико-правовое состояние, присущее тому или иному обществу, что обусловлено его исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельностью, единой территорией, историческим прошлым, культурной и этнической общностью и способно создать относительно устойчивую, прочную политическую организацию, обеспечивающую территориальное, институциональное и функциональное единство – свойство и важнейший элемент общественной структуры.

В свою очередь, монгольская государственность в рассматриваемый период предопределила возникновение и развитие государственных институтов, формируемых на первоначальном этапе и преобразуемых при переходе от монархии к республике, а также идеологию, нашедшую свое выражение в форме панмонголизма, взаимоотношений молодого государства с монгольским обществом: князьями, ламами, шабанами, революционерами и т.д., а также в связи с другими государствами, прежде всего Россией, Китаем и Японией [9, с. 16].

Монгольская государственность в процессе активного становления с 1911 г. развивалась поступательно, это позволило на определенном историческом участке сформировать основные государственные институты, а в середине XX в. образовать самостоятельное независимое государство в качестве полноценного участника международных отношений.

Монголия в качестве объекта исследования выбрана неслучайно, поскольку именно эта страна за относительно короткий промежуток времени, реализовав в полной мере имеющийся

у нее потенциал внутренних и внешних предпосылок и условий, сумела добиться независимости и стать полноценным субъектом международных отношений. В начале XX в. страной пройден сложный путь государственного строительства: международно-правовая признанная автономия (1911 – 1919 гг.), затем в 1921 г. при поддержке Советской России фактически независимое, но формально находящееся в составе государственное образование, которое в 1946 г. получает признание со стороны государства-сюзера Китая, а в 1961 г. – член ООН.

Как известно, еще 27 и 28 июля 1911 г. на тайном собрании феодалов было принято решение отделиться от Китая при поддержке России, которое, однако, Россия не поддержала, высказавшись за автономию [7, с. 45]. 1 декабря 1911 г. в Урге было обнародовано «Воззвание ханов, ванов, бэйсэ, гунов, дзасаков, а равно хамбо, шанцотбы и да-лам всех четырех халхасских аймаков», в котором независимость новой Монголии изначально обосновывалась древним правом [11, с. 80].

Условно можно выделить три этапа в развитии международно-правового положения Монголии в первой половине XX в.: 1 этап (1911–1919 гг.) – период договорной и признаваемой всеми заинтересованными сторонами автономии Внешней Монголии в составе Китая; 2 этап (1921–1946 г.) – период фактической независимости и признаваемости самостоятельности Монголии со стороны ряда государств и государственных образований; 3 этап (1946–1961 г.) – период признания Монголии в качестве суверенного государства прежде всего со стороны Китая, России и ряда других государств и дальнейший процесс приобретения международного признания.

Статус Монголии первоначально характеризуется тем, что имеет договорную основу, т.е. международно-правовое положение Халхи определялось, исходя из соглашений, заключаемых заинтересованными сторонами, а Россия и Монголия сошлись на положении широкой автономии [3, с. 32], которая предполагала 5 аспектов: торговые отношения; вопросы в сфере промышленности; некоторые военные вопросы; внешние сношения; правовое положение русских подданных, в первую очередь, участвующих в торговых операциях [4, с. 163].

Причины, по которым царское правительство вмешалось в процессы восстановления монгольской государственности, раскрываются нами в ранее изданной монографии, где указывается, что после русско-японского соглашения 1907 г.

Монголия перестала быть только объектом русско-китайских отношений. Она стала не менее важным объектом в русско-японских отношениях [11, с. 84–85].

8 (21) декабря 1913 г. монгольской и китайской сторонами был подписан договор, в котором оговаривалась фактическая государственная граница, разделяющая Внешнюю Монголию и Китай. И хотя она носила временный, демаркационный характер, тем не менее, это было крупной военной и дипломатической победой. Китай был вынужден юридически признать Кобдо частью Халхи и на время отказаться от своих попыток вернуть его силой оружия в состав Китая [11, с. 89–90].

Однако официального подтверждения независимости по-прежнему не было в силу того, что ни Россия, на которую возлагались основные надежды о признании суверенитета, ни тем более Китайская Республика не собирались воспринимать Внешнюю Монголию в качестве самостоятельного государства. Поэтому дальнейшие действия монгольского правительства были направлены в сторону получения признания независимости со стороны других государственных образований. 11 января 1913 г. (29 декабря 1912 г. по старому стилю) представители Далай-ламы XIII и Богдо-гэгэна VIII подписали в Урге совместный монголо-тибетский договор о дружбе и союзе. В преамбуле договора указывалось: «Монголия и Тибет, освободившись от маньчжурской династии и отделившись от Китая, образовали свои самостоятельные государства» [12, с. 41]. Договор интересен несколькими моментами. Во-первых, он устанавливал отношения между странами, духовно и политически близкими, единоверными и одинаково тяготевшими китайским владычеством. Во-вторых, это были теократии с высоким авторитетом религиозного лидера, что, помимо международно-правового, предполагало некий сакральный смысл и содержание договоренностей. В-третьих, вопрос о юридической силе монголо-тибетского договора 1913 г. остается спорным. Однако официально Россия, наравне с Великобританией также не признавала договор легитимным в силу неправомочности сторон по его заключению.

5 ноября 1913 г. в результате русско-китайских переговоров в Кяхте была подписана декларация, явившаяся своего рода компромиссом в возникнувшем споре о статусе Внешней Монголии. Согласно декларации, территория Халхи признавалась частью Китая на правах широкой автономии, Китай, в свою очередь,

признавал автономию Монголии (статьи 1 и 2). Признавалось исключительное право Внешней Монголии ведать вопросами внутреннего управления и решать вопросы, касающиеся торговой и промышленной сфер. На китайские власти накладывалось обязательство не вмешиваться во внутренние процессы управления, не посылать на территорию Монголии войска и не содержать там никаких гражданских или военных властей, воздерживаясь от политики колонизации. Такое же обязательство брала на себя и российская сторона (ст. 3) [10, с. 114].

7 июня 1915 г. русско-китайско-монгольское или так называемое «Тройное соглашение» об автономии Внешней Монголии было подписано, во многом оно воспроизводило ранее закрепленные позиции. Россия и Китай обязывались не вводить свои войска на территорию Внешней Монголии, не претендовать на колонизацию ее земель и не вмешиваться в дела внутреннего управления автономной Монголии. Однако, т.н. «Кяхтинская система» просуществовала недолго: после крушения Российской империи соотношение сил в Монголии нарушилось. 22 ноября 1919 г. посредством декрета китайского президента Сюй Шичана автономия Монголии ликвидируется, а войска военачальника Сюй Шучжэна входят в Ургу [8, с. 51].

Следовательно, рассматривая период 1911–1919 гг. в контексте международно-правового признания, вести речь о нем, и, как следствие, о независимости нельзя в силу объективного характера ее отсутствия – и Россия, и Китай, и сама Монголия в заключаемых договорах и соглашениях подтверждали автономный статус Халхи.

Но, начиная с 1921 г. ситуация принципиально меняется. События февраля-ноября 1921 г. изменили как международное положение Внешней Монголии, так и внутривластную расстановку сил [5, с. 80–81]. После установления власти МНР фактическое монгольское руководство в лице партийных лидеров настроено однозначно – на независимость. Первым шагом к этому стало заключение Соглашения 5 ноября 1921 г. между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений.

Документ предусматривал взаимное признание правительства РСФСР и Монгольского народного правительства единственными законными представителями (ст. 1 и 2), однако понятия «Государство» стороны избегают. Соглашение между Монголией и РСФСР является первым масштабным документом того периода, а его особое значение для Монголии заключалось

в том, что Россия была первым и на тот момент единственным государством, признавшим ее де-факто независимость и установившим с нею официальные межгосударственные отношения.

Однако, 31 мая 1924 г. в Пекине было заключено Соглашение об общих принципах регулирования вопросов между СССР и Китайской республикой. Его важнейшая роль заключалась в том, что в ст. 5 этого соглашения говорилось: «правительство СССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает там суверенитет Китая», таким образом, устанавливались рамки ее статуса. В самой Монголии на эту проблему смотрели иначе.

Так Внешняя Монголия превращалась в составную часть Китая, а Советская Россия обязалась признавать там полный китайский суверенитет. В основе решения о признании Монголии частью Китая лежало желание советского руководства ускорить революционный процесс в Китае, сохранив нормальные отношения с официальным Пекином и не оттолкнуть от себя китайских революционеров, которые были категорически против автономии и, тем более, независимости Внешней Монголии. Е.А. Белов пишет о том, что монгольский вопрос был в какой-то степени для Москвы важной «разменной картой» в большой революционной игре в Китае [1]. Другой мотив подобного международно-правового оформления статуса Монголии советским правительством был связан с возможным пересмотром или аннулированием статьи 5 советско-китайского соглашения после победы китайской революции, которая, как казалось тогда в Москве, была близка. Однако поражение революции «законсервировало» на долгое время статус Внешней Монголии, согласно статье 5.

На международное положение МНР в начале 30-х гг. XX в. оказывало влияние созданное Японией в марте 1932 г. японцами квазигосударство Маньчжоу-Го, а также автономное государство Мэнцзян. Одной из причин этого было усиление внешнеполитической активности Японии на Дальнем Востоке, не скрывавшей своего интереса к национальному движению монгольских народов [1, с. 321]. В 20–30-е гг. XX в. Япония начала оказывать значительное влияние на Монголию, преследуя определенную цель – создать буферное пространство, дающее возможность вмешиваться в дела России. В итоге Япония вмешивается в международно-дипломатический вопрос о независимости Монголии [17, с. 15]. Монголия же в этот период времени находится в международно-правовой

изоляции (кроме советской стороны, а также Тувинской Народной Республики (ТНР), независимый статус Монголии на тот период времени не был признан ни одним государством мира); отсутствует возможность, а, главное, заинтересованность третьих стран в оказании военно-политической и экономической помощи Монголии [18, с. 50].

После нападения Германии на Советский Союз правительство Чан Кайши, учитывая тяжелое положение СССР на фронте, стало готовиться к тому, чтобы реально покончить с существованием МНР, как только появится первая передышка в войне с Японией. В январе 1942 г. в плане оперативного управления при военном комитете Китайской Республики отмечалось, что независимость МНР должна быть ликвидирована в ближайшее время и что Внешней Монголии следует предоставить широкую автономию в составе Китая.

Основной этап решения монгольского вопроса приходится на февраль 1945 г. – период подготовки и проведения Крымской (Ялтинской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). 11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым пунктом которого было «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)» [1]. 14 августа 1945 г. был подписан Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем и состоялся обмен нотами между МИДами Китая и СССР по вопросу о государственной независимости МНР. Чан Кайши в своей речи от 24 августа 1945 г. на совместном заседании Верховного Совета национальной обороны и Центрального исполнительного комитета Гоминьдана, признавая фактическую независимость Внешней Монголии, заявил, что на основе революционных принципов Гоминьдана Китай юридически признает независимость Внешней Монголии и будет поддерживать с ней дружественные отношения.

20 октября 1945 г. по требованию правительства Китая на всей территории Внешней Монголии был проведен референдум, который подтвердил стремление монгольского народа к государственной независимости. 12 ноября 1945 г. протоколы комиссии по проведению плебисцита были утверждены Президиумом Малого хурала. Советскому и китайскому правительствам были направлены соответствующие ноты об итогах голосования. 5 января 1946 г. правительство Китайской Республики, ознакомившись с итогами

плебисцита, официально признало независимость МНР.

В результате реализации Ялтинских соглашений, драматических советско-китайских переговоров, завершившихся подписанием 14 августа 1945 г. Договора, плебисцита и официального признания Китаем 5 января 1946 г. независимости МНР, последняя приобрела статус суверенного государства. 14 февраля 1946 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения.

Литература

1. Балдано М.Н. Бурятские национальные демократы о политическом объединении монгольских народов. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в XX в.: сб. науч. ст. / отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. Л.В. Курас. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2008.
2. Батсайхан О., Кузьмин С.Л. Основания современной монгольской государственности // Олон улс судлал № 2. – 2008.
3. Дудин П.Н. Внешняя Монголия и вопросы приобретения независимости в первой четверти XX в. (1911-1924 гг.) // Адвокатура и общество: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.
4. Дудин П.Н. История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX века (1911–1924 гг.) // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 7.
5. Дудин П.Н. Конституционное развитие Монголии в 1920–1940-е гг. // Конституция и законодательство Республики Бурятия в структуре российского законодательства: сб. науч. тр. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.
6. Дудин П.Н. Монгольская теократия на пути становления государственности в 1911–1924 гг. // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 2 а.
7. Дудин П.Н. Политико-правовая характеристика государственного строительства и государственности Монголии в первой половине XX в. // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 2 а.
8. Дудин П.Н. Политико-правовые вопросы становления государственности Монголии в первой четверти XX в. // Бурятия в условиях модернизации российского общества: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Оттиск, 2011.
9. Дудин П.Н. Становление государственности Монголии (первая половина XX в.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
10. Дудин П.Н. Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии 1911–1924 г. // Вестник Конституционного Суда Республики Бурятия. – 2010. – № 4.
11. Дудин П.Н., Митупов К.Б.-М. Становление монгольской государственности (первая половина XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
12. Дудин П.Н. Статус Внешней Монголии в международных договорах с участием России в начале XX века (1911–1924 гг.) // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 5 (36).
13. Железняков А.С. Социально-историческая детерминация политических процессов в Монголии.: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М.: Институт социологии РАН, 2009.

14. Коломер Ж. Великие империи, малые нации: неясное будущее суверенного государства // Политическая наука. – 2008. – № 4.
15. Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «кочевая империя» // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9. Вып. 1.
16. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. – 2009. – № 1.
17. Пушечникова О.Н. Отечественная историография проблемы независимости Монголии // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – 2(56).
18. Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.
19. Хашчулуун Ч. Современная Монголия – продукт и оплот панмонголизма // Калмыцкий университет. – 2007. – № 11 (811). – 31 авг.
20. Batsaikhan O. The Culmination of The Mongolian National Revolution of 1911 or The Enthronement of Bogdo Jebtsundam // UB POST. Friday, December 18, 2009.
21. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. / J.M. Colomer. – L., N.Y.: Routledge, 2007.

Дудин Павел Николаевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Бурятского государственного университета. E-mail: dudinpavel@mail.ru

Dudin Pavel Nikolaevich, Candidate of Political Science, Senior Lecturer at Theory and History of Law and the State Chair, Law Faculty, Buryat State University. E-mail: dudinpavel@mail.ru

---

ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА ISSUES OF THE CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.4

© В.Ю. Пантелеев

ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН ОРГАНАМИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье обоснована классификация экономических прав граждан, а также роль Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в защите отдельных экономических прав.

Ключевые слова: Конституционный суд, Уставный суд, нормоконтроль, экономические права.

V.Yu. Panteleev

PROTECTION OF ECONOMIC RIGHTS OF CITIZENS BY CONSTITUTIONAL JUSTICE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article validates classification of economic rights of citizens, and the role of the Constitutional Court and the Constitutional (charter) courts of the Russian Federation in protection of individual economic rights.

Keywords: constitutional court, charter court, normative control, economic rights.

В современном мире комплексная защита прав и свобод человека является приоритетом для всех органов государственной власти и местного самоуправления. Согласно ч.1 ст.45 Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина РФ, гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Защита экономических прав граждан, на наш взгляд, может быть осуществлена в нескольких формах: как в судебном, так и во внесудебном порядке. Во внесудебном порядке экономические права граждан защищаются органами исполнительной власти, например, Роспотребнадзором, антимонопольными и другими органами, а в судебном – в судах общей юрисдикции, арбитражных судах, Конституционном Суде РФ, конституционных (уставных) судах субъектов РФ. Конституция РФ особо выделяет именно судебный порядок защиты нарушенных прав и свобод. Так, в соответствии с ч.1 ст.46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Мы полагаем, что следует проводить разграничения между защитой конституционных прав (свобод) и их охраной. Необходимо отметить, что и охрана, и защита конституционных прав являются составляющими механизма реализации последних. Согласимся с Е.В. Киричек, что цель реализации – получить то благо, которое предусмотрено субъективным правом, цель охраны и защиты –

предупредить правонарушение, устранить причины, их порождающие (охрана), и восстановить процесс реализации, если он прервался (защита), т.е. охрана и защита прав служат обеспечению реализации прав [1, с. 116]. В литературе по вопросу соотношения охраны и защиты прав существует несколько позиций. Ряд авторов рассматривает данные понятия вместе в рамках единого целого [2, с. 27; с. 65]. Так, Н.В. Витрук полагает, что охрана прав – это деятельность, направленная на устранение препятствий в реализации прав и обязанностей, на борьбу с неисполнением обязанностей и злоупотреблением правами, на профилактику и предупреждение нарушений прав и обязанностей. Защита наступает в том случае, когда есть неисполнение обязанности или злоупотребление правом, а также, когда возникает препятствие к их осуществлению, либо спор о наличии самого права или обязанности.

Нам представляется, что правы те авторы, которые разграничивают защиту и охрану конституционных прав [3]. Б.Ю. Тихонова отмечает, что охрана прав – это совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых органами государственной власти и общественными объединениями и направленными на предупреждение нарушений прав человека либо устранение препятствий, не являющихся правонарушениями, на пути осуществления его прав и обязанностей. Защита – принуди-

тельный в отношении обязанного лица законный способ восстановления нарушенного права человека либо самим управомоченным лицом, либо компетентными органами [4, с. 11–20]. Стоит согласиться с Н.И. Матузовым, который считает, что защита является частью охраны [5, с. 130–131]. Мы полагаем, что охрана экономических прав граждан представляет собой деятельность и комплекс мер, направленных на недопущение нарушения данного права и нормальную его реализацию посредством различного рода гарантий. Защита экономических прав граждан представляет собой деятельность и совокупность мер, действующих с момента нарушения права и направленных на восстановление нарушенного права. В данном случае меры носят не только правовой, но и организационный, материальный характер. Охрана и защита экономических прав граждан выражаются в деятельности как самого субъекта права, так и ответственных органов власти. Охрана экономических прав граждан обеспечивается добросовестной их реализацией, не допускающей злоупотребления своим правом, которое может быть выражено, например, в недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности. Строгое соблюдение запретов, содержащихся в законодательстве о защите экономических прав граждан, и исполнение возложенных обязанностей обеспечивают равный доступ субъектов права к соответствующим ресурсам, товарам (работам, услугам). Отметим, что охрана экономических прав граждан во многом зависит от эффективного исполнения обязанностей со стороны государства, выраженных в соответствующих гарантиях.

Анализ деятельности органов конституционной юстиции по защите экономических прав невозможен без уяснения самого понятия «экономические права». Принимая во внимание представленные в научной литературе подходы, приведем перечень конституционных экономических прав, используя в качестве основания различные виды экономической деятельности, приносящие выгоду субъекту в процессе его интеллектуальной деятельности: 1) право на труд; 2) право на частную собственность; 3) право на предпринимательскую деятельность. Они являются родовыми конституционными экономическими правами, которые, в свою очередь, делятся на видовые права в зависимости от предмета и/или вида деятельности, на которые направлены складывающиеся по его поводу экономические отношения. В рамках права частной собственности деление происходит по осязаемому

предмету: право частной собственности на землю и недвижимое имущество (в части приватизации и преимущественной покупки земли под недвижимыми зданиями и сооружениями); право частной собственности на движимое имущество (частично включая право требования и обязательственные притязания). В рамках права на предпринимательскую деятельность сама деятельность осязаема, а также доступен анализу и ее продукт, следовательно, внутриродовое выделение будет происходить по обоим основаниям: право на деятельность, основанную на собственном и наемном труде (включая отношения по лицензированию своей деятельности и регистрации юридического лица, которые одновременно тяготеют и к обязанностям); право на деятельность по производству и перемещению товаров и оказанию услуг (в частности, в вопросах налогообложения и таможенного изъятия товара). В рамках права на труд выделение видовых прав происходит по факторам проявления внешней и внутренней свободы индивида: право на доступ к труду при заключении и расторжении трудового договора; право на получение заработной платы для поддержания достойного уровня жизни. На уровне субъектов федерации этот перечень может дополняться. Так, Устав Свердловской области называет следующие экономические права и гарантии их реализации, в т.ч. не названные в федеральной Конституции: в Свердловской области гарантируется право граждан на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления в соответствии с федеральными законами и законами области различных форм предпринимательской деятельности, обеспечиваются экономическая свобода и конкуренция, в соответствии с федеральными законами осуществляется антимонопольное регулирование; в Свердловской области в соответствии с федеральными законами и законами области *осуществляются меры, направленные на защиту прав инвесторов*; органы государственной власти Свердловской области и иные государственные органы Свердловской области не вправе вводить не предусмотренные федеральными законами и законами области ограничения хозяйственной деятельности в Свердловской области организаций различных форм собственности и граждан; органы государственной власти Свердловской области и иные государственные органы Свердловской области в соответствии с федеральными законами и законами области осуществляют *поддержку и стимулирование развития предпринимательства в социально значимых сферах*

путем установления соответствующих приоритетов в финансовой, налоговой и бюджетной политике; в Свердловской области *защищаются интересы потребителей и поддерживается общественная деятельность по защите их прав.*

Экономические споры прямо или косвенно разрешаются в ходе применения различных форм судебной защиты, ведущая роль среди которых принадлежит конституционно-судебной защите. В пользу лидирующей функции конституционного правосудия говорят следующие аргументы: 1) реализация функции по проверке органами конституционной юстиции положений нормативных актов на их соответствие основным законам (на федеральном уровне – Конституции РФ, на уровне субъекта РФ – основному закону субъекта); 2) наличие возможности формулирования и уточнения в ходе осуществления конституционного судебного контроля общепринятых принципов правосудия, на которых основывают свою деятельность все иные судебные органы [6]; 3) приоритет решений Конституционного Суда РФ, предопределяемый высшей юридической силой Конституции РФ. Деятельность федерального Конституционного Суда и региональных конституционных (уставных) судов обеспечивает соблюдение режима конституционности, в отличие от законности, которая осуществляется при отправлении иных видов правосудия. Конституционность – явление более высокого порядка, чем законность. Она является ядром доктрины и практики конституционализма. Именно благодаря ей обеспечивается прямое действие Конституции РФ и реальная защита прав граждан на основе равенства [7]. В сочетании с интересами человека воплощаются насущные интересы социума. По мнению А.Н. Кокотова и Л.В. Сониной, конституционность как слагаемое конституционализма – это обеспечение в обществе с помощью правовых средств начал гармонии и справедливости [8, с. 128]. На федеральном уровне конституционность обеспечивается Конституционным Судом РФ, на региональном – она возложена на конституционные (уставные) суды. В рамках конституционного правосудия по защите прав граждан происходит активная трансформация конституционных норм-принципов с учетом изменяющейся конституционной политики. Гибкость принципов обеспечивает их взаимоусиление [9, с. 2]. Уточняя и дополняя систему конституционных принципов, органы конституционной юстиции тем самым интерпретируют конституционные нормы, закладывая основу ее законодательной защиты. В результате активного толкования, с

учетом норм международного права, Конституционным Судом расширяется сущностное «ядро» принципов правосудия, что в свою очередь влияет на своевременное обеспечение баланса частных и публичных интересов. В этой связи интересна точка зрения Л.М. Карапетяна, который обращается к проблеме конституционного контроля, подчеркивая, что контроль за конституционностью законов и иных нормативных актов выполняет и другие сопутствующие функции. Он способствует умиротворению политической жизни и обладает средством обеспечения уважения конституционных установлений. Тем самым, конституционный судебный контроль предупреждает возможность нарушения конституционного равновесия и усиливает сплоченность общества [10, с. 64–70]. Названного автора поддерживают М.М. Утяшев и Л.М. Утяшева, характеризуя деятельность Конституционного Суда РФ как играющую стабилизирующую роль, погашающую конфликтогенный характер нарушений прав человека, столь распространенный в реформируемых обществах [11, с. 360]. Центральное место органов конституционной юстиции при осуществлении ими конституционного правосудия по защите прав и свобод граждан выражается, во-первых, в таком феномене, как «судебный прецедент конституционного суда» [12], а во-вторых, в обращении за разъяснением к Конституционному Суду РФ и конституционным (уставным) судам субъектов РФ в сфере нормоконтроля. Некоторые авторы обозначают решения конституционных судов как меру защиты права, так как они параллельно с защитой субъективного права защищают и конкретную правовую норму [13, с. 92; с. 160–162] (Основной закон РФ или субъекта РФ). Они оказывают влияние на развитие права, формирование новых правовых норм и институтов [14, с. 4]. Их решения – юридические акты особого рода, которым присущи нормативно-интерпретационный характер, обобщенность и обязательность» [15, с. 207]. Вне зависимости от четкой правовой природы решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ они, тем не менее, повсеместно используются как участниками спора в других видах правосудия для обоснования своей позиции, так и высшими судебными органами иных производств для разъяснения судебной практики [16], формулирования «недостающих элементов» конституционного текста исходя из смысла норм Конституции и базовых принципов, в ней заложенных» [17, с. 64].

Конституционное правосудие – важный институт гарантирования экономических прав. Нарушения прав и свобод в экономической сфере могут быть вызваны не только противоречащими закону действиями или бездействием органов публичной власти и их должностных лиц, но и быть следствием несоответствия нормативных актов основополагающим принципам. Действующее российское законодательство исходит из приоритетности судебной защиты прав граждан и господства приоритета права, выраженного в Конституции РФ. В конституционных идеях и формах правосудия находят отражение потребности и интересы общества. Граждане и их объединения обладают правом обратиться в Конституционный Суд РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ в случае, если примененный или подлежащий применению соответствующий нормативный акт затрагивает их конституционные экономические права и свободы. Однако приходится констатировать, что потенциал конституционных (уставных) судов субъектов федерации по защите экономических прав и свобод остается не востребуемым, в то время как дополнительные механизмы защиты экономических прав человека в субъектах РФ имеются.

Литература и примечания

1. Киричек Е.В. Охрана и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации (на примере Уральского федерального округа): дис. ... канд. юр. наук. – М., 2003.
2. См.: Волков С.А. Конституционные средства охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина: дис. ... канд. юр. наук. – Ростов н/Д, 1999; *Ростовщиков И.В.* Обеспечение прав и свобод личности в СССР (вопросы теории). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988.
3. См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987; *Киричек Е.В.* Указ. соч.; *Тихонова Б.Ю.* Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1972.
4. Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1972.
5. Матузов Н.И. Указ. соч.
6. См. частично об этом: Саликов М.С. Конституционный судебный процесс в системе российского права // Журнал российского права. – 2003. – №11; *Саликов М.С.* О сущности правовых позиций Конституционного Суда РФ // Российский юридический журнал. – 2003. – №1; *Саликов М.С.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие и система // Правоведение. – 2003. – №5.
7. См. об этом: Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): очерки теории и практики. – М., 2001; *Гаджиев Г.А.* Конституционность норм гражданского права // Российский юридический журнал. – 1997. – №3; *Дмитриев Ю.*, Петров С., Амирбеков К. Понятие и принципы конституционной законности // Право и жизнь. – 2001. – №38; *Кравец И.А.* Конституционность нормативных правовых актов: доктрина и практика в России // Право и политика. – 2006. – №8.
8. Кокотов А.Н., Сонина Л.В. Конституционализм как политико-правовой режим // Российский юридический журнал. – 2001. – №1.
9. Гаджиев Г.А. Об эластичности конституционных принципов и конституционной политике // Современный конституционализм. – 2006. – №1-2.
10. Карапетян Л.М. Гарантии независимости органа конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – №2.
11. Утяшев М.М., Утяшева Л.М. Права человека в современной России. – Уфа, 2003.
12. См. подробнее: Саликов М.С. Источники конституционного права: проблемы структуризации и внутрисистемные противоречия // Проблемы науки конституционного права / под ред. А.Н. Кокотова, М. И. Кукушкина. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1998.
13. Ведяхин В.М. Защита права как правовая категория // Правоведение. – 1998. – №1; *Ведяхин В.М.*, Ревина С.Н. Принципы правового регулирования рыночных отношений. – Самара, 2005; *Кряжкова О.Н.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ в науке конституционного права России // Право и политика. – 2004. – №8; *Шмавонян Г.А.* Конституционное правосудие в системе разделения властей. – М., 2001.
14. Баглай М.В. Конституционное правосудие в России состоялось // Российская юстиция. – 2001. – №10.
15. Кряжков В.А. Конституционный судебный процесс в субъектах Российской Федерации // Конституционный судебный процесс / отв. ред. М.С. Саликов. – М., 2003.
16. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М., 2003; *Гаджиев Г.А.*, Кряжков В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации: становление и проблемы // Государство и право. – 1993. – №7.
17. Саликов М.С. Источники конституционного права // Конституционное право России / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. – М.: Юрист, 2003.

Пантелеев Вадим Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, председатель Уставного Суда Свердловской области, 620012, Екатеринбург, ул. Пушкина, 19, panteleev@ustavsud.ur.ru.

Panteleev Vadim Yurievich, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Chairman of Charter Court in Sverdlovsk region, 620012, Ekaterinburg, Pushkina -19, panteleev@ustavsud.ur.ru.

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

Статья посвящена проблемным вопросам федерализма в Российской Федерации. Автор описаны основные тенденции децентрализации и централизации, прослеживающиеся в развитии российского государства, механизмы взаимодействия федерального центра и регионов, обозначены основные подходы к обновлению российского федерализма.

Ключевые слова: федерация, централизация, децентрализация, субъект Российской Федерации, регион, российская государственность.

D.N. Mironov

THE RUSSIAN FEDERATION EFFECTIVENESS IMPROVEMENT ISSUES IN FEDERATIVE ORGANIZATION

The article is concerned with problematic issues of federalism in the Russian Federation. The author described main sentiments of decentralization and centralization, being traced in development of the Russian State, mechanisms of interaction between federal center and regions, main approaches to renewal Russian federalism.

Keywords: federation, centralization, decentralization, subject of the Russian Federation, region, Russian nationhood.

В условиях стабильности развития, когда утвердились (определились) основные принципы федеративного устройства, возникает проблема обеспечения его эффективности. Рассмотрим некоторые вопросы, связанные с обеспечением повышения эффективного федеративного устройства РФ в современных условиях.

1. Для любого государства, в особенности, если оно является федеративным, важным началом его стабильности является достижение разумного сочетания централизации и децентрализации. В централизации заложены основы управляемости общества и государства. Используя централизацию, государство получает дополнительные возможности для сосредоточения материальных, технических, финансовых и трудовых ресурсов общества. Однако излишняя централизация как явление недемократического характера порождает пассивность частей (субъектов) государства. Децентрализация имеет горизонтальную основу и потому связана с демократизацией. При ее использовании вопросы вовлечения в сферу государственного управления частей государства решаются легко и просто. Но излишняя децентрализация расслабляет общество и уменьшает перспективы его развития. И того хуже, децентрализация, если она чрезмерная, может расстроить единство общества и государства. Баланс между централизацией и децентрализацией, как показывает опыт, не исключает приоритетности централизации или децентрализации в рамках периода исторического развития. Если такой приоритет учитывает особенности этапа в развитии государства, то он, как правило, сопровождается «эффектом предпочтения».

2. В России в начале 90-х годов прошлого века в связи с принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР страна начала по-новому осваивать децентрализацию. Возрождая самосознание жителей регионов и народов России, децентрализация того времени оправдывала сама себя необходимостью обновления российского федерализма. В субъектах Федерации номинировалась их самостоятельность в решении собственных дел, и они выступали за договорный тип федерализма. Были испробованы варианты децентрализации. Но опыт оказался не совсем полезным. Используя децентрализацию, силы, причастные к ней, не смогли решать насущные вопросы ни личности, ни коллективов, ни общества, ни государства. Принято особо подчеркивать значение в развитии Конституции 1993 г. роль руководства страны. Так, профессор С.А. Авакьян указывает, что «один руководитель милостиво разрешает субъектам РФ – берите суверенитета, сколько сможете проглотить. Второй, приступив к обязанностям, констатирует, что в итоге две трети законодательства субъектов РФ принимается с нарушениями федерального законодательства и начинает закручивать гайки» [1, с. 7]. Конечно, и здесь дело не обходилось без влияния личности руководителей государства. В то же время надлежущая реализация модели федеративного устройства, которая была закреплена в Конституции РФ, потребовала усилий многих государственных органов и структур. Можно говорить об участии в этом процессе федерального законодателя, органов исполнительной власти РФ, Президента РФ, Конституционного Суда РФ и других высших судебных органов, а также органов госу-

дарственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

3. В 2000-2005 гг. централизация явно преобладала. Оценивая ее последствия, исследователи в качестве положительных сторон выделяют возрождение российской государственности, достижение управляемости, сохранение и управление целостности государства и пр. [2] Однако с самого начала в деятельности федеральных органов государственной власти обнаружилась некоторая тенденциозность в понимании ряда вопросов федеративного устройства [3]. В реализации положений федерального устройства большое значение имеет Федеральный закон от 6 октября 1999 года №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – ФЗ №184). В системном его сопоставлении с положениями других федеральных законов и кодексов обнаружены отступления ФЗ №184 от конституционной модели федеративного устройства России. В частности, это связывают с тем, что в нем обнаружены некоторые «новшества», по сути, несовместимые с конституционными положениями. Так, ФЗ №184 утверждает принцип исчерпывающего перечисления полномочий субъектов РФ по предметам совместного ведения, что не согласуется с идеей статьи 73 Конституции РФ об остаточном принципе определения полномочий субъектов Федерации. Вызывает сомнение и то, что Закон устанавливает презумпцию изначальной принадлежности Российской Федерации иных полномочий по предметам совместного ведения, не перечисленных непосредственно в ФЗ №184 и вводит критерий финансового обеспечения полномочий субъектов РФ, что, как считают, подменяет конституционный критерий их классификации [4, с. 31].

4. Грани, аспекты и сегменты централизации, осуществленной в 2000-х гг., изучены, обобщены и по ним выработаны соответствующие выводы. Не претендуя на их новый анализ, укажем на некоторые положения общего характера. Централизация осуществлялась как необходимость, которая связана с восстановлением российской государственности, обеспечением ее качеств современности, территориальной целостности России, единой системы исполнительной власти и национальной безопасности. Она происходила при всеобщем одобрении. Правда, ни один из ее вопросов не был вынесен на референдум. Но результаты проходивших тогда выборов говорят о ее одобрении на плебисцитарном уровне. В реализацию мер централизации

были вовлечены как федеральные, так и региональные органы государственной власти, в т.ч. в связи с приведением регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Меры централизации были всеобщими, многочисленными, эшелонированными и необходимыми. Многочисленность их проявлялась в том, что эти меры были отражены во многих федеральных законах, Указах Президента РФ и Постановлениях Правительства России [5, с. 12]. Эшелонированность мер усматривается в том, что они были взаимосвязанными, подразумевавшими друг друга. Они подкрепляли и развивали друг друга. Так, утверждая ст. 67 Конституции РФ, законодатель охватывал своим регулированием правовой статус территорий субъектов Федерации, установил монополию на континентальный шельф, недра, воды, леса и пр. А в плане административном территории субъектов РФ были «начинены» структурами федеральных министерств и служб, подчиненных Президенту РФ, подразделениями, связанными с полномочиями главы государства. Территории субъектов Федерации стали частью управленческих и военных округов [6]. Эти меры можно назвать и многоходовыми, ибо не всегда видимая сторона централизации совпадала с ее действительными последствиями. Так, федеральными законами не могут дополнительно регулироваться полномочия субъектов Федерации по предметам совместного ведения, без отражения их норм в законах о федеральном бюджете [7, с. 13]. Но в реальной жизни в связи с централизацией возникли добровольные для субъектов РФ полномочия, которые, с одной стороны, не обеспечены бюджетом, с другой, как бы расширяют возможности федерального регулирования (мандата). Другой аспект вопроса состоял в обязанности Федерации обеспечивать субвенциями дополнительные полномочия субъектов РФ [8]. Этим оправдывались положения федерального налогового порядка. В конечном счете все это означало установление административных связей органов исполнительной власти субъектов РФ с органами исполнительной власти РФ. В некотором роде восстановление порядка «двойного» (а то «тройного») подчинения органов исполнительной власти субъектов РФ федеральной исполнительной власти должно означать выполнение требований, установленных ст. 77 Конституции РФ.

5. Укрепление российской государственности происходило по сегментам (направлениям). Одним из них явилось укрепление формы правления. По вопросу о форме правления в литерату-

ре нет единства взглядов. Одни считают, что Конституция РФ установила полупрезидентскую республику (М.В. Баглай, О.Е. Кутафин), другие полагают, что в России действует президентская республика (А.Д. Керимов, В.Е. Чиркин), третьи находят, что Конституция РФ закрепляет уникальную форму правления (С.А. Авакьян, А.Н. Медушевский). Кто-то приходит к выводу, что фактически в России имеется суперпрезидентская республика [9, с. 29–30]. Интрига для разночтений сохраняется. Ни в Конституцию РФ, ни в законодательство не внесены нормы, которые уточняли бы форму правления в России. Однако произошли некоторые изменения. Они коснулись Конституции РФ, законодательства и фактических отношений. Конституционной поправкой срок полномочий Президента продлен с 4 до 6 лет. Законодательством расширены полномочия Президента РФ. Так, он наделен полномочиями в сфере формирования органов государственной власти, органов управления различных объединений и даже учебных заведений – Конституционного Суда РФ, Счетной палаты РФ, Государственного Совета, исполнительной власти субъектов Федерации, государственных корпораций, МГУ и СПбГУ [10]. Что из этого следует? Как будто происходившее подтверждает мнение второй из перечисленных выше группы авторов. Однако остаются неизменными такие конституционные положения, как: избираемость Президента РФ народом; дуализм в организации исполнительной власти Федерации; ответственность Правительства РФ перед Президентом РФ и Государственной Думой; согласие Государственной Думы на назначение Председателя Правительства РФ; несовместимость мандата депутата Государственной Думы с должностью федерального министра.

6. Нельзя сказать, что только централизация была самоцелью, когда речь шла об укреплении государственного управления. Централизация сопровождалась кое-какими мерами, связанными с децентрализацией. Другое дело, что централизация проводилась более четко, последовательно и целенаправленно и давала непосредственные и конкретные результаты. В чем-то децентрализация обозначалась. Выговаривались возможности децентрализации. Принимались какие-то не очень определенного характера меры. Итоги децентрализации оказались не очень выразительными. Результат практической деятельности федеральных органов государственной власти по совмещению децентрализации и централизации известен. Он изучен в литературе [11, с. 33–37]. По меньшей мере, с 2003 г. вопрос

о сочетании централизации с децентрализацией поднимался постоянно. Президент В.В. Путин еще в 2003 г. говорил, что «надо разграничить полномочия и прекратить обманывать население» [12]. В 2005 г. Президиум Государственного Совета давал поручение Правительству подготовить нормативно-правовую базу делегирования субъектам Федерации 114 полномочий. Была попытка внедрить в систему федеративных отношений принцип субсидиарности, подразумевающей передачу регионам комплексно полномочий, финансов и ответственности, причем с указанием органа государственной власти субъекта РФ, обязанного выполнять эти полномочия. Были и рассуждения относительно чрезмерного расширения сети федеральных структур на уровне субъектов Федерации (например, доклад Д.Н. Козак от 25 октября 2007 г. на парламентских слушаниях). Были и обобщения относительно ситуации, которая сложилась в стране. В частности, указывалось, что компетенционная сфера, заключенная в ст. 72 Конституции РФ, оказалась во власти «неоправданной централизации» [13, с. 4]. Федеральный законодатель принимал определенные меры, направленные на утверждение баланса между централизацией и децентрализацией. В этой связи были внесены изменения в ФЗ №184, но они оказались или половинчатыми, или их положения были нивелированы другими «новшествами». Так, в состав полномочий субъектов РФ были включены новые полномочия, дополнительные и добровольные (например, Федеральные законы от 04.07.03. №95-ФЗ, 31.01.05 №199-ФЗ). Однако финансовое обеспечение этих полномочий не в полной мере было зафиксировано. Ожидалось, что перечень полномочий субъектов РФ, внесенный в закон, может укрепить позиции федеративного устройства [14]. Однако сохранялся федеральный мандат на изъятие из перечня определенных вопросов. В целом же к началу 2009 г. за регионами числилось порядка 70 собственных полномочий, но центр располагал вопросами по 700 пунктам [15, с. 10]. Надо сказать, что были предложения конкретного характера, направленные на достижение баланса между централизацией и децентрализацией в федеративном устройстве. Предлагали принять Кодекс основных принципов федеративных отношений по вопросам разграничения государственной собственности. Предложение о необходимости закона «О принципах федерализма в России» осталось без ответа. Не стали поддерживать предложения о внесении изменений в текст «Лесного кодекса РФ», «Водного кодекса РФ»,

Федерального закона «О недрах». В целом, как указывают в литературе, отсутствие четких правовых установлений в разграничении предметов ведения и полномочий, разграничении государственной собственности было использовано для концентрации на уровне федерации, как полномочий, так и публичных отношений имущественного характера без должного учета интересов развития субъектов РФ. Федеральный законодатель ссылался на положение Конституции РФ (ст. 1, 3, 4, 5, 11, 71, 72, и др.) и на правовые позиции Конституционного Суда РФ. При этом и положения Основного закона, и правовые позиции Конституционного Суда нередко применялись не в пользу субъектов РФ. Так, в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, субъект РФ вправе рассчитывать на последующее (после утверждения полномочий Федерации) разграничение полномочий. Однако для ее реализации федеральный законодатель особых усилий не предпринимал. Изучив практику реализации «нового курса» на децентрализацию в условиях сохранения результатов централизации, профессор Н.М. Добрынин замечает, что со временем «сюжет федеральной реформы начал все больше и больше отклоняться от намеченного курса» [16, с. 39].

7. Проблема децентрализации поднималась в 2011 г. Президент Д.А. Медведев объявил о необходимости «стремиться к децентрализации законодательной части полномочий, чтобы..... руководители регионов обладали необходимой полнотой власти для принятия решений по самым разным вопросам, которые помогут реализовывать основные социально-экономические полномочия, для того чтобы жизнь в регионах была более комфортной» [17]. 27 июня 2011 г. Президент РФ издал Распоряжение №425-РП «О подготовке предложений по перераспределению полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления», которым были созданы две группы по правовым вопросам перераспределения полномочий (Д.Н. Козак) и по финансовым и налоговым вопросам и по межбюджетным отношениям (А.Г. Хлопонин). В декабре 2011 г. Президент Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному собранию объявил о начале «комплексной реформы политической системы» страны. Появились и более конкретного характера Указы Президента РФ, так или иначе касающиеся вопросов федерального устройства, централизации и децентрализации. Речь идет об Указах Президента РФ от 07.05.12 № 602 «Об

обеспечении межнационального согласия», от 07.05.12 г. №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», от 05.06.12 № 776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям», от 21.08.12 №1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. №601 повышение бюджетной обеспеченности местных бюджетов, обеспечение стабильности объемов региональных фондов финансовой поддержки объявляется направлением налоговой политики государства. В этой связи предлагается оптимизировать (сокращать) федеральные льготы по региональным налогам. С 1 января 2013 г. оценка деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ будет производиться по 11 показателям. Совместим с идеей децентрализации Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О Федеральном бюджете на 2012 г. и на плановый период 2013 и 2014 гг.», которым предусмотрено перераспределение некоторых бюджетных доходов в пользу нижестоящих бюджетов. Так, субъектам передаются 40% суммы акцизов на алкогольную продукцию крепостью более 9° и 100% суммы акцизов на алкогольную продукцию крепостью менее 9°. В Послании Президента В.В. Путина Федеральному Собранию выделены дисбалансы территориального развития, рынка труда, социальной сферы, возникшие в результате развития последних десятилетий и сделан однозначный вывод: «Веление времени – решительный шаг в сторону децентрализации» [18].

8. Сегодня многое говорит о том, что можно достичь одновременного действия в сфере федеративных отношений централизации и децентрализации. Для этого созрели необходимые условия. Они связаны с восстановлением уважения населения к органам государства; принятием централизации как обязательного начала государственности и управления; возрождением в полном объеме вертикали исполнительной власти; утверждением парламентской демократии, подходящей для современного развития России. Претерпели изменения и сами централизация, и децентрализация. Если раньше им придавали скорее политический смысл, то сейчас они толкуются скорее как управленческие подходы с технологическим содержанием. Во всяком случае, ни централизация, ни децентрализация ныне не рассматриваются только в связи с укреп-

лением центра за счет регионов или усилением регионов за счет ослабления влияния центра. На этом фоне возникла потребность дифференциации как централизации, так и децентрализации. Полагают, что централизация по уровню применения может быть запоздавшей, своевременной и опережающей; по результатам использования – бесплодной, результативной и эффективной; по отношению к существующим институтам и учреждениям несоответствующей и соответствующей и развивающей; по интенсивности осуществления – слабой, средней и сильной. С точки зрения общей оценки централизация может быть охарактеризована декларативной, умеренной и чрезмерной. Столь же разнообразными могут быть и оттенки децентрализации. Будет продуктивным выделение следующих ее разновидностей: декларативно-имитационная, умеренно-позитивная (положительная), чрезмерно-негативная (отрицательная). Технологический подход предполагает необходимость сочетания децентрализации с централизацией, обязательность установления режима совместимости централизации с децентрализацией. В свою очередь, негативная децентрализация не вписывается в систему умеренной децентрализации. В общем плане речь может идти о таком рациональном сочетании, когда позитивная децентрализация становится предполагаемой частью умеренной централизации. Можно сказать, если в начале XX в. в РФ реализовывалась чрезмерная централизация, то в настоящее время речь идет об утверждении умеренной централизации в сочетании с положительной децентрализацией.

9. Как известно, федеративное устройство выполняет две функции. С одной стороны, оно фиксирует децентрализацию власти посредством ее разделения по вертикали и горизонтали. С другой же, оно в соответствии с потребностями общества и государства обеспечивает политическое, экономическое, идеологическое и военное единство государства [19, с. 45]. Это означает, что централизация и децентрализация должны осуществляться одновременно. В новой России они стремились к самостоятельности за счет взаимного ослабления. Теперь необходимо их сочетание. Отсюда актуальность вопроса о средствах достижения искомого состояния. Из предыдущего текста видно, что централизацию, ставшую реальностью российского государственного управления в начале XXI в. старались сочетать с децентрализацией. Но попытки достичь этого не во всем увенчались успехом. Преобладание централизации пока остается однозначным. Децентрализация занимает положение

как бы инородного элемента управления. Отсюда встречающееся в науке обобщение типа «унитарная федерация» [20, с. 113–117]. Видимо, для решения вопроса надо исходить из реально существующих порядков. Интеграционная составляющая федеративного устройства прежде всего реализуется путем соответствующей организации деятельности исполнительной власти. Она обладает для этого необходимыми полномочиями и возможностями. В условиях современной России централизация, представленная исполнительной властью, исполняет роль фактора интеграции. «Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен» [21, с. 21]. Говоря иначе, «для России характерна традиция сильного государства» [22]. В этих условиях на данном этапе развития структурой несущей децентрализацию может стать региональная представительная система. Для этого она имеет конституционную основу, поскольку не входит в систему федеральных органов государственной власти. Конституция РФ предусматривает двухуровневую правовую систему. Региональная представительная система формируется вне зависимости от того, как сформировалась и действует представительная система Федерации. Региональная законодательная власть наделена правом законодательной инициативы в Федеральном Собрании РФ. У субъектов РФ есть гарантированная самостоятельность в сфере законодательства (ч. 4. ст. 76 Конституции РФ). В науке признается недостаточное внимание в отношении регионального правотворчества [23, с. 21]. Более того, всевозможные предложения пока не всегда находят позитивного отклика. Практика учета мнения субъектов РФ не выглядит убедительной. В свое время почти 40 субъектов РФ направляли в Государственную Думу отрицательные отзывы на проект Земельного кодекса РФ, но он был принят одновременно в трех чтениях [24, с. 57]. Предлагают субъекты Федерации изменить ст. 26.4 Федерального закона № 184-ФЗ. Но и это предложение не принимается. Между тем «органы народного представительства – один из важнейших и необходимых общественных институтов, с помощью которых свободный народ способен развивать демократический строй, обеспечивать открытый публичный диалог народа и власти о путях и судьбах развития общества и государства, о выборе способов, средств, задач и проблем» [25, с. 10]. Это важно, ибо, по признанию многих, ре-

гиональный парламентаризм ныне находится в состоянии кризиса [26, с. 13–36] и потому почти невозможно реализовать принцип согласования в области правотворчества [27].

Основным направлением развития системы региональной представительной власти с учетом современного этапа децентрализации может быть признано уточнение компетенции законодательной власти (законодательного (представительного) органа государственной власти) субъекта РФ. Под компетенцией можно иметь в виду объем публичных дел данной власти;

- законодательная власть субъекта РФ должна иметь определенные законодательные цели, функции, предмет ведения и властные полномочия;

- право законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ выражать согласие на законопроект по вопросам совместного ведения Федерации и ее субъектов (несогласие определенного числа субъектов РФ с положениями данного законопроекта должно повлечь определенные последствия, например, снятие законопроекта с обсуждения; необходимость принятия такого законопроекта квалифицированным большинством (С.А. Авакьян);

- утверждение стабильности регионального законодателя как определенной ценности; для этого добиться повышения качества региональных законов и иных нормативных правовых актов, что потребует усиления общественной и профессиональной экспертизы законопроектов; фиксирование значимости законов, принятых региональными парламентами и прошедших государственную регистрацию в соответствии с федеральным регулированием; для таких законов был бы уместен и свой порядок их судебного оспаривания в т.ч. в конституционных (уставных) судах субъектов РФ; а когда конституционно (уставно) – правовой смысл того или иного положения закона субъекта Федерации был установлен конституционным (уставным) судом, то резонно связывать его с конституционным судопроизводством, осуществляемым Конституционным Судом РФ; подход основан на учете правовой позиции Конституционного Суда РФ об учредительном характере конституции (устава) субъекта РФ, представленной в его постановлении от 11 июля 2003 г. [28].

Как средства осуществления государственного управления централизация и децентрализация взаимосвязаны между собой, воздействуют друг на друга, и в принципе оснащены симметричными способами реализации. Поэтому децентрализация не будет результатом какого-то од-

номоментного решения. Децентрализация, как и централизация, по сути, является процессом и потому нельзя ограничиваться ее одномерной оценкой. Можно предположить, что децентрализации по аналогии с централизацией предстоит реализовать совокупностью необходимых, всеобщих, многократных и эшелонированных мер.

Литература и примечания

1. Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 9.
2. См.: Дегтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России. – М., 2005.
3. Колышин Е.И. Скрытые полномочия или захват власти // Журнал российского права. – 2002. – №7; *Боброва Н.А.* Реформа власти и перспектива развития авторитарных элементов российской Конституции // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – №1.
4. Гриценко Е.В. Разграничение и передача в системе публично-властных отношений // Сравнительное конституционное право. – 2009. – №2; *Гриценко Е.В.* Конституция РФ: проблемы прямого действия // Российское право: образование, практика, наука. – 2011. – № 1.
5. Капицын В.М. Государственная дискреция как проблема конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 3; *Арзамасов Ю.Г., Певцова Е.А.* Новое «указное» нормотворчество: общая характеристика результатов; тенденция развития // Государство и право. – 2010. – №1.
6. Евсеева П.И., Ялбулганов А.А. Проблемы правового регулирования полномочий субъектов РФ в сфере бюджетных отношений // Журнал российского права. – 2005. – № 2; *Першин Е.В., Глигич-Золотарева М.В.* Актуальные вопросы разграничения компетенции между РФ и субъектами РФ // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 2; *Черкасов К.В.* Государственное управление на уровне федерального округа: административно-правовое исследование: автореф. ... д-ра юр. наук. – М., 2009; *Мазуров В.Ю.* Федеральные округа в системе территориального устройства России. – М., 2011; *Цыретаров А.И.* Преодоление «пределности правового регулирования статуса федеральных округов» // Государство и право. – 2012. – №10.
7. Першин Е.В., Глигич-Золотарева М.В. Указ. соч.
8. См.: Постановление КС РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений ст. 153 федерального закона №122-ФЗ; Определение КС РФ от 11 июня 2006 г. № 353-О.
9. Обзор см.: Кондрашов А.А. Особенности современного формирования политической системы в России в контексте государственного режима // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – №5.
10. Перечень этих законов большой. В отношении исполнительной власти субъектов федерации – это федеральный закон от 4 декабря 2004 г. №159, Федеральный закон от 05.05.12. №40-ФЗ и др.

11. Горбачев И.Г. Российский федерализм: принципы построения и конституционно-договорная база разграничения предметов ведения и полномочий – СПб., 2000; Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма. – СПб., 2001; *Правовое государство и государственное устройство: поиск оптимума.* – М., 2011; *Денисов С.А.* Конец этапа контрреформ в государственном праве России? // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – №5.
12. Выступление В.В. Путина. Стенограмма заседания Совета законодателей. г. Москва. 28 февраля 2003. См.: В.В. Путин в своем Послании от 16 мая 2003 года Федеральному Собранию говорил: «Мы, наконец, – юридически и фактически – восстановили единство страны, укрепили государственную власть, приблизили федеральную власть к регионам. Благодаря восстановлению единого правового пространства смогли вплотную заняться разграничением полномочий между центром и регионами. Здесь еще очень многое нужно сделать» (Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 // Российская газета. – 2003. – 17 мая).
13. Першин Е.В., Глигич-Золотарева М.В. Актуальные вопросы разграничения компетенций между РФ и субъектами РФ // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – №2.
14. По этому вопросу одни считают, что здесь имеются в виду собственные (исключительные) полномочия субъектов, связанные со ст. 73 Конституции РФ (Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы) Институт экономики РАН; Центр экономики федеративных отношений; отв. ред. С.Д. Валентей. – СПб., 2008. – С. 250; *Першин Е.В.*, Глигич-Золотарева М.В. Указ. соч. С. 9-11. Другие полагают, что федеральный закон №184 ФЗ имеет в виду «полномочия органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения». Тахватуллин Т.А. Проблемы правового регулирования исключительных предметов ведения и полномочий субъектов РФ // Политика и право. – 2010. – №12.
15. Першин Е.В., Глигич-Золотарева М.В. Указ. соч.
16. Добрынин Н.М. На пороге «новой децентрализации» // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – №9.
17. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на встрече с главами субъектов РФ 24 июня 2011 (см. Добрынин Н.М. Указ. соч. – С. 38).
18. Российская газета от 13 декабря 2012 г.
19. Крылова Е.Г. Федерализм как демократическая организация правового государства // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 16.
20. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. – М., 2008; *Зулькарнай И.У.* Россия: федеративное или унитарное государство? Взгляд экономиста. Доклад на заседании Отделения социальных и гуманитарных наук АН РБ. 14 октября 2009 // <http://www.rb21vek.com> (29 мая 2010); *Федорец М.Н.* Федерация или все-таки унитарное государство? // Государство и право. – 2011. – №10.
21. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетия // Независимая газета. – 1999. – 30 дек.
22. Послание Президента РФ Федеральному собранию (2012) // Российская газета. – 2012. – 13 дек.
23. Тахватуллин Т.А. Проблемы правового регулирования исключительных предметов ведения и полномочий субъектов Российской Федерации // Право и политика. – 2010. – №12.
24. Пименова (Краснова) О.И., Пименов Е.А. Процедурный механизм совершенствования системы разграничения предметов ведения и полномочий (компетенции) между федеральными и региональными органами государственной власти в РФ: перспективы развития // Государство и право. – 2011. – №11.
25. Фадеев В.И., Варлен М.В. Депутатский мандат в Российской Федерации: конституционные основы. – М., 2002.
26. Шишкин С.И. Лаврик М.А. Кризис регионального парламентаризма в России: постановка проблемы // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – №19.
27. Маликов М.Ф. Принцип согласования в многоуровневом правотворчестве // Российское право: образование, практика, наука. – 2005. – №5.
28. В Постановлении Конституционного Суда РФ указано, что конституция (устав) субъекта Российской Федерации – это целостный, единый акт, имеющий высшую юридическую силу в системе правовых актов субъекта Российской Федерации, и такой силой обладают любые их положения. Собрание законодательства. – 2003. – №30. – Ст. 3102.

Миронов Дмитрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Председатель Конституционного Суда Республики Саха (Якутия). konsud@gov.sakha.ru. Якутск, ул. Ярославская, 24/1.

Mironov Dmitry Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Sakha (Yakutia).

УДК 342.384

© Ю.В. Гаврюсов

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ФЕДЕРАЛИЗМЕ В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ 1994 г.

Статья посвящена вопросам отражения конституционных норм, регулирующих федеративные отношения в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации на примере Республики Коми. Рассматриваются аспекты конституционно-правового статуса Республики Коми, суверенитета субъекта федерации.

Ключевые слова: федерализм, суверенитет субъекта федерации, народ, источник власти, гражданство.

Yu.V. Gavryusov

IMPLEMENTATION OF RUSSIAN LEGISLATION
ON FEDERALISM IN THE CONSTITUTION OF KOMI REPUBLIC, 1994

The article is concerned with issues of reflection constitutional norms, regulating the federative relations in constitutions (charters) of constituent units of the Russian Federation through the example of the Komi Republic. Aspects of constitutional legal status of Komi Republic, sovereignty of constituent entities are discussed.

Keywords: federalism, sovereignty of federation's constituent entities, people, power source, nationality.

Конституция Российской Федерации 1993 г. существенно отличается от всех предыдущих российских конституций. Она утвердила новый конституционный строй, базирующийся на плюрализме собственности и идеологии, разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную, провозгласила права и свободы человека и гражданина, изменила форму правления и форму государственного устройства, ввела местное самоуправление. Отмечая достаточно высокое качество Конституции в целом, следует признать, что не все конституционные нормы в одинаковой степени удачны. За истекший период меньше всего претензий было высказано к нормам главы 2 «Права и свободы человека и гражданина». Ее положения полностью соответствуют общепризнанным принципам международного права и международным договорам, которые Россия обязалась выполнять. Больше всего претензий имеется к положениям Конституции, регулирующим федеративное устройство России. Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал: «Нужно признать, в России федеративные отношения недостроены и неразвиты» [1]. Особенностью российского федерализма является слишком большое количество субъектов федерации, многообразие видов субъектов, ее асимметричность, различный уровень развития, наличие сложносоставных субъектов федерации, и, наконец, ее субъектами являются как национально-государственные, так и территориально-государственные образования. Специалисты, которые работали над проектом Конституции России 1993 г., безусловно, знали теоретические основы федерализма. Поэтому в первом проекте Конституции, подготовленном конституционной комиссией Съезда народных депутатов РСФСР, значилось, что Российская Федерация состоит из земель. Вместе с тем разработчики проекта Конституции должны были учитывать особенность новой российской государственности. И это понимали участники Конституционного совещания. В 1993 г. в России царили сепаратистские отношения, а возможности государства использовать власть были ограничены. Вполне реальной была угроза распада РСФСР. В этих услови-

ях стояла задача не навредить тому процессу, который происходил в России, закрепив в Конституции в качестве субъектов Федерации все виды административных образований, существующих в РСФСР. Глава администрации Свердловской области Э.Э. Россель, выступая на Конституционном совещании по проблемам российского федерализма, отметил, что он «хотел бы обратить на это внимание, так как этот вопрос очень тонкий, и то согласие, которое у нас сегодня имеется, нужно сохранять и беречь, дабы это согласие не разрушить, а при поиске других вариантов действовать не в ущерб нашему государству и единству России. Но что несомненно поддерживается всеми главами администраций, это то, что должен быть единый принцип равенства губерний и республик: экономического, правового и политического. Это абсолютно 100 % глав администраций, все руководители поддерживают этот вопрос» [2].

Даже в настоящее относительно спокойное время все больше убеждаешься в том, что Россия обречена иметь различные субъекты Федерации. В ее состав, кроме территориальных государственных образований, должны входить республики, созданные отдельными этносами. Об этом говорят настроения населения республик и особенности формирования нашего государства. Население Кабардино-Балкарской Республики уверено, что в состав Российской Империи они вошли еще по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору в качестве самостоятельного образования. 17 августа 1944 г. чрезвычайная сессия Малого Хурала приняла Декларацию к Верховному Совету СССР с просьбой принять Тыву в СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР она включена как автономная область в РСФСР. Входила в СССР она, безусловно, не в качестве обычной административной единицы. Переход только к территориально-государственному принципу формирования федерации, безусловно, отрицательно скажется на развитии национальных культур и языков. Порождает полемику разработка одного из экономических институтов страны предложения о совершенствовании российского федерализма, которая была осуществ-

лена по заданию администрации Президента России. Поскольку это экономический институт, то перед ним стояла основная задача объединения экономически сильных субъектов со слабыми, чтобы обеспечить бездотационность новых образований. В соответствии с выводами института, Российская Федерация должна состоять из 28 экономически развитых субъектов, но при этом решаются и другие проблемы. Устанавливается один вид субъектов, происходит отказ от применения национально-государственного принципа формирования федерации, исчезают сложносоставные субъекты Федерации. По их предложению Республика Коми, Архангельская и Вологодская области, а также Ненецкий автономный округ должны войти в один субъект Федерации. Центром субъекта предлагается сделать г. Архангельск.

При принятии решения необходимо учитывать, что в 1929 г. в стране уже проводилась реформа районирования, связанная с укрупнением административных единиц. Коми автономная область наряду с Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерниями вошли в Северный край с центром в г. Архангельске. Эта реформа принесла значительный политический и социально-экономический ущерб Коми автономной области, ощущаемый до настоящего времени. В едином экономическом комплексе края Коми отводилась роль поставщика лесопродукции. Ориентация на монопродукцию явилась тормозом для развития других отраслей народного хозяйства, наукоемких производств. Кроме того, Коми автономная область потеряла часть своей самостоятельности (автономии), что сдерживало создание собственной правовой базы. В дальнейшем произошло разукрупнение административных образований.

Вместе с тем авторы новой Конституции России некоторых неудачных норм могли избежать. Прежде всего это касается такого феномена как «сложносоставные» субъекты Российской Федерации. Являясь самостоятельным субъектом Российской Федерации, автономный округ входит в состав края или области. Такая норма Конституции, по нашему мнению, поставила в неудобное положение даже Конституционный Суд России, который в Постановлении от 14 июля 1997 г. № 12-П по делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции России положения о вхождении автономного округа в состав края, области, отметил, что «вхождение автономного округа в состав края, области по смыслу части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации означает такое конституционно

– правовое состояние, при котором автономный округ, будучи равноправным субъектом России, одновременно составляет часть другого субъекта Российской Федерации – края или области. Это состояние определяет особенности статуса как автономного округа, так и края, области, в состав которых он входит. Их взаимоотношения отличаются от их отношений с другими субъектами России: «вхождение» предопределяет обязанность органов государственной власти обоих равноправных субъектов Российской Федерации обеспечивать сохранение территориальной целостности и единства в интересах населения края, области» [3].

Основополагающими для российского федерализма являются нормы, изложенные в статье 5 Конституции России, в соответствии с которыми: 1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации; 2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство; 3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации; 4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны. В соответствии с Конституцией и законодательством России было определено место и правовое положение Республики Коми в российском федерализме. Причем наиболее важные правовые нормы были изложены в главе Конституции Республики Коми «Основы конституционного строя». Республика Коми есть демократическое правовое государство в составе Российской Федерации (статья 1). Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ. Народ Республики Коми осуществляет свою власть непосредственно, а также через систему государственных органов и местное самоуправление (статья 2). Коми народ – источник государственности Республики Коми. Политика государства направлена на поддержание и развитие языка, культуры и жизнен-

ного уклада коми народа в соответствии с международными нормами и принципами, действующими в отношении коренных народов (статья 3). Государственный суверенитет Республики Коми распространяется на всю ее территорию. Республика Коми обладает на своей территории всей полнотой государственной власти за исключением тех полномочий, которые отнесены к ведению Российской Федерации (статья 5). Гражданство Республики Коми приобретается и прекращается в соответствии с законом Республики Коми, является равным независимо от оснований приобретения. Каждый гражданин Республики Коми является одновременно гражданином России в соответствии с федеральным законом (статья 10). В дальнейшем почти все статьи главы 1 Конституции Республики Коми были существенно изменены. И это вызывает удивление, так как там изложены основы конституционного строя Республики Коми, т.е. принципы государственного и общественного строя и никакие другие конституционные положения не могут противоречить им. Пересмотр основ конституционного строя производился по разным основаниям. Норма статьи 3 о том, что коми народ является источником государственности Республики Коми, была принята в знак уважения к коренному народу. Но она противоречила учению о народном суверенитете, равноправию граждан всех национальностей, положению статьи 2 Конституции о том, что носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ. Уважение к народу коми необходимо было выражать другим способом. И это сделано в настоящей редакции статьи 3: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа». Независимо от того, признавать или не признавать наличие гражданства Республики Коми, потребовалось изменить статью 10 Конституции, где говорилось о равенстве гражданства независимо от способа приобретения. Тем самым утверждалось, что способы получения гражданства могут быть различными. В последующем Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» установил, что гражданин России, постоянно проживающий в республике в составе России, одновременно является гражданином этой республики. Таким образом, способ приобретения гражданства республики мог быть только один: для этого необходимо быть гражданином Российской Федерации и проживать в республике в составе России. В 2002 г. в России был принят

закон о гражданстве в новой редакции, в которой уже не оказалось статьи о гражданстве республик. Большинство республик отказались от этого правового института в своих конституциях. Сделала это и Республика Коми. В связи с этим возникает парадокс: государство Коми имеется, а граждан у этого государства нет. Гражданство штатов имеется в США, а гражданство земель – в ФРГ. И ничего необычного в этом нет. Это не двойное гражданство, а дополнительное. Оно не порождает приобретения дополнительных прав, а лишь создает определенность в понимании нормативных актов. Если ранее в законах Республики Коми устанавливалось, что правом голоса обладают граждане Республики Коми, то сейчас – граждане России, проживающие в Республике Коми. Гражданство республик было сохранено только в конституциях республик Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия).

Более сложным является вопрос о государственном суверенитете республик в составе Российской Федерации. В связи с положениями общей теории государства и права о том, что государства должны быть суверенными, и «парадом суверенитетов», вызванных заявлением первого Президента Российской Федерации «брать суверенитета столько, сколько можно освоить», в конституциях республик в составе Российской Федерации появились нормы об их государственном суверенитете. Наука определяет государственный суверенитет как верховенство, единство, самостоятельность и независимость государственной власти [4, с. 62]. Такая точка зрения существовала в отношении унитарных государств. В XVIII – XIX вв. возникают федеративные государства, особенность которых заключается в децентрализации власти, формировании двух ее уровней: федерального и регионального. Органы государственной власти субъектов федерации по отдельным вопросам получают автономию (самостоятельность). Родоначальником теории федерализма считается Йоханнес Альтузиус, разработавший «федеральную теорию народного суверенитета» на основе союза или согласия. Он считал, что федерация учреждалась в результате иерархического возвышения новообразованного союза над меньшими по размерам союзами – начиная с семьи вплоть до государства [5, с. 247]. Идейные основоположники американской федеративной системы А. Гамильтон и Д. Мэдисон развили эти положения. В основы федерации они заложили следующие принципы:

1. Равноправие субъектов федерации и прежде всего в отношениях с федеральной властью. Правовые статусы субъектов федерации могут в конкретных исторических условиях несколько отличаться друг от друга, но эта асимметричность не должна быть значительной и угрожать принципу равенства.

2. Верховенство федеральной конституции и федерального права, без которого не могут существовать единые экономические и политические системы страны.

3. Предоставление каждому гражданину федерации на территории каждого субъекта федерации тех же прав, которые имеют проживающие здесь граждане.

4. Запрет одностороннего выхода субъекта федерации из состава федерации.

В Российской Федерации Р.Г. Абдулатиповым и Л.Ф. Болтенковой была выдвинута теория дробного суверенитета, сущность которой заключается в том, что суверенитет федеративного государства состоит из суммы суверенитетов федерации и ее субъектов. Основное назначение федерации – децентрализация власти. Федеративное государство делится со своими субъектами предметами ведения, следовательно, передает им часть своего суверенитета. При принятии Конституции Республики Коми были все основания установить ее суверенитет. Однако постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 07 июня 2000 г. № 10-П положения, содержащиеся в статьях 4 и 162 Конституции Республики Алтай о суверенитете Республики Алтай, были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации. По мнению Суда, Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации [6]. Из этого следует, что определение суверенитета субъектов федерации через полномочия государства, критерий которого используется для независимых суверенных государств, не пригоден. Необходимо искать другие критерии. На заседании рабочей комиссии по

доработке проекта Конституции Российской Федерации Б.С. Эбзеев отмечал: «Мы на следующий день после принятия Конституции будем вынуждены доказывать, что понятие «суверенное государство» в отношении Российской Федерации – это одно, а в отношении республики в составе Российской Федерации – это совсем другое» [7, с. 377]. М.В. Баглай отмечал, что «американская федерация имеет договорную природу: эта федерация была создана 13 субъектами, первоначально согласившимися на конфедерацию с сохранением своего суверенитета. Однако в дальнейшем штаты, сохранив многие традиции самостоятельности, по существу утратили свой суверенитет (хотя в их конституциях он иногда закрепляется) и не обладают теперь правом выхода из США (сецессией) [8, с. 390]. Из этого можно сделать вывод, что автор считает, что правом выхода из федерации обладает только тот субъект, который является суверенным. Такой же вывод можно сделать из высказывания В.Е. Чиркина. По его мнению, «Штаты – это государственные образования. Все они равноправны, не обладают государственным суверенитетом и не имеют права выхода из США (это положение было сформулировано Верховным Судом США в связи с гражданской войной 1861–1865 гг.) [9, с. 345]. И здесь тот же вывод: если субъект не обладает государственным суверенитетом, то он не может по своему желанию выйти из состава федерации. С точки зрения проф. В.М. Корельского, «верховенство государственной власти внутри страны означает: а) универсальность ее властной силы, которая распространяется на все население, все партии и общественные организации данной страны; б) ее прерогатива (государственная власть может отменить, признать ничтожным всякое проявление любой другой общественной власти, если последняя нарушает закон); в) наличие у нее средств воздействия, которыми никакая другая общественная власть не располагает (армия, полиция или милиция, тюрьма и др.) [10, с. 118]. Во всех федеративных государствах признается верховенство федеральных конституций и верховным главнокомандующим является глава государства.

Таким образом, важнейшим критерием суверенитета субъекта федерации, его атрибутом является право по собственной инициативе выйти из состава федерации и создать самостоятельное независимое государство. Таких федераций в мире в настоящее время не существует. В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации из статьи 5

Конституции Республики Коми было удалено положение о ее суверенитете. То же самое сделали и законодатели большинства других республик в составе Российской Федерации. Положение о суверенитете осталось только в конституциях республик Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия), где продолжают определять суверенитет субъекта федерации через его полномочия. Так, в соответствии со статьей 1 Конституции Республики Татарстан суверенитет Республики Татарстан выражается в обладании всей полнотой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Федерации и Республики Татарстан и является неотъемлемым, качественным состоянием Республики Татарстан. Таким образом, ошибочное установление в Конституции Республики Коми правовой нормы о ее суверенитете является следствием несовершенства определения государственного суверенитета в науке. В прежней редакции части 1 статьи 2 Конституции Республики Коми была закреплена норма, что источником власти Республики Коми является ее многонациональный народ. Давая по запросу Главы Республики Коми толкование этой нормы, Конституционный Суд Республики Коми указал, что под конституционной нормой «Источником власти Республики Коми является ее многонациональный народ» понимается принадлежность многонациональному народу Республики Коми всей полноты власти в Республике Коми вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Коми» [11]. В последующем, по представлению Главы Республики Коми эта конституционная норма была изменена. В настоящее время статья 2 Конституции Республики Коми гласит: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Сделано это было ввиду того, что часть 1 статьи 2 Конституции Республики Коми якобы противоречила части 1 статьи 3 Конституции России, гласящей, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ.

В настоящее время из анализа норм Конституции Республики Коми можно сделать вывод, что власть народом Республики Коми осуществ-

ляется, но она ему не принадлежит. Такой вывод противоречит правовой позиции Конституционного Суда России, высказанной в Постановлении от 12 апреля 1995 г. № 12-П. По мнению Суда, законы должны приниматься от имени всего народа большинством установленного числа депутатов. Иначе они утрачивают легитимный характер [12]. Таким же образом принимаются законы во всех субъектах России. В Республике Коми Государственный Совет избирается гражданами России, проживающими на территории Республики Коми, т.е. населением Республики Коми, обладающим избирательным правом. Поэтому Государственный Совет Республики Коми в законотворческой деятельности должен выражать волю народа Республики Коми. Хотя воля эта неограничена, она ограничена предметами ведения и полномочиями Республики Коми. Именно так и регулируются эти общественные отношения в большинстве конституций и уставов субъектов Федерации. Так, в соответствии со статьей 4 Устава г. Москвы источником власти в г. Москве являются его жители, обладающие избирательным правом в соответствии с законодательством. Они осуществляют свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти г. Москвы и органы местного самоуправления.

На основании части 1 статьи 4 Устава Ростовской области источником государственной власти в Ростовской области является сообщество граждан России, проживающих на территории Ростовской области. Думается, что не было существенных оснований изменять редакцию статьи 1 Конституции Республики Коми – «Республика Коми есть демократическое правовое государство в составе Российской Федерации». В настоящее время она существует в редакции – «Республика Коми (государство) есть равноправный субъект Российской Федерации». Ничего нового от этой замены законодательство не приобрело, т.к. в Конституции России закреплено равноправие субъектов Федерации. Возникает вопрос о том, почему произошел отказ от определения Республики Коми как правового демократического государства?

Литература и примечания

1. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. – М., 2000.
2. Россель Э.Э. Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля-10 ноября 1993 г. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1996.
3. По делу о толковании содержащегося в ч. 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области: Поста-

- новление Конституционного Суда РФ от 14.07.1997 № 12-П // Собрание законодательства РФ. – 1997. – №29. – Ст. 3581.
4. Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. – М., 1974.
  5. Федерализм: Энциклопедический словарь. – М., 1995.
  6. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – №4.
  7. Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. – М., 1996. – Т. 18.
  8. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – М.: Норма, 1999.
  9. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Юрист, 1997.
  10. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М., 1997.
  11. По делу о толковании ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Коми: постановление Конституционного Суда РК от 11.11.2008 // Вестник нормативных актов органов государственной власти РК. – 2008. – № 1. – Ст.679.
  12. По делу о толковании ст. 103 (ч. 3), 105 (ч. 2 и 5), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 117 (ч. 3) и 135 (ч. 2) Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.1995 // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 16. – Ст. 1451.

Юрий Викторович Гаврюсов, председатель Конституционного Суда Республики Коми в отставке, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации. Г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 8. ksrk.ppf@mail.ru
Yuri Viktorovich Gavryusov, Chairman of the Constitutional Court of the Komi Republic in resignation, Candidate of Legal Sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation.

УДК 352.075.1

© А.Р. Акчурин

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов правового регулирования по формированию органов местного самоуправления в Российской Федерации. Коллизии и пробелы законов в данной сфере прежде всего в вопросах нарезки избирательных округов, последствий неправомочности представительных органов, рамок использования избирательных систем на муниципальном уровне отрицательно отражаются на практике работы указанных органов. Совершенствование законодательной базы позволит повысить эффективность государственного управления, расходования бюджетных средств, а также в целом повысить уровень доверия граждан к институту выборов.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, местное самоуправление, избирательная система.

A.R. Akchurin

FORMATION OF REPRESENTATIVE BODIES OF MUNICIPALITY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND SOLUTIONS

The article is devoted to examination of issues concerning legal regulation of local governments' formation in the Russian Federation. Collisions and loopholes in law in the matter of electoral constituencies division, consequences of representative bodies' incompetence, framework of electoral systems usage at municipal level took its toll on practical work of above mentioned bodies. Improvement of legislative base will let increase efficiency of public administration, budget funds expenditure, and also, in a whole, promote trust of citizens to election institute.

Keywords: local government, local government, the electoral system.

Практика формирования и деятельности органов местного самоуправления, приступивших на основании федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – федеральный закон №131-ФЗ) к осуществлению своих полномочий в полном объеме с 1 января 2006 г., показала отдельные проблемы применения законодательства в данной сфере. Отношения в сфере формирования органов местного самоуправления в настоящее время регулируются системой норм

муниципального и избирательного права, которые не всегда согласуются между собой. Федеральный закон №131-ФЗ, устанавливая основы организации и функционирования органов местного самоуправления, в ряде случаев регулирует процедурные вопросы формирования выборных органов местного самоуправления. Пунктом 6 статьи 1 федерального закона от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] (далее – федеральный закон №67-ФЗ) установ-

лен приоритет норм данного федерального закона перед нормами иных федеральных законов в регулировании вопросов выборов. Вместе с тем такая норма представляется сомнительной, поскольку процедура принятия и опубликования федеральных законов одинакова, а по юридической силе они формально равны [3]. Отдельной проблемой соприкосновения двух федеральных законов является регулирование порядка избрания представительного органа муниципального образования. Так, согласно подпункту 2 пункта 4 статьи 35 Федерального закона №131-ФЗ при формировании представительного органа муниципального района путем муниципальных выборов число депутатов, избираемых от одного поселения, не может превышать две пятых от установленной численности его депутатов. Однако механизма для реализации такой нормы ни Федеральный закон №131, ни избирательное законодательство не предусматривают. Вместе с тем такой механизм представить довольно сложно. Формулировка «депутаты, избираемые от одного поселения» не учитывает основных принципов избирательного права: избирательные округа должны быть примерно равны по численности избирателей, а депутаты избираются от округов, а не от муниципальных образований. При применении указанной нормы к нарезке избирательных округов, которые расположены на территории поселений, может быть нарушен принцип равенства округов по численности избирателей. В условиях же пропорциональной избирательной системы такое требование Федерального закона №131-ФЗ вообще представляется нереализуемым, поскольку выборы проходят по единому избирательному округу, включающему в себя территорию муниципального образования, а формирование списков кандидатов производится избирательными объединениями самостоятельно. Разбивка списков кандидатов на территориальные группы на уровне муниципальных районов является нецелесообразной и практически не применяется, поскольку в условиях небольшой численности избирателей такая разбивка может создать трудности при распределении мандатов.

Решением данной проблемы может быть законодательное уточнение требования подпункта 2 пункта 4 статьи 35 Федерального закона 131-ФЗ о том, что он распространяется на случаи проведения выборов по мажоритарной избирательной системе. Вместе с тем, если численность избирателей в поселениях, входящих в состав муниципального района такова, что при образовании избирательных округов число де-

путатов, избираемых на территории одного поселения или части территории одного поселения, превысит 2/5 от установленного числа депутатов, то применяется смешанная или пропорциональная система. Практика досрочного прекращения полномочий депутатов представительного органа муниципального образования, влекущего неправомочность его состава, открыла проблему различия правовых последствий данной ситуации, предусмотренных Федеральным законом № 131-ФЗ и Федеральным законом №67-ФЗ. В соответствии с подпунктом 2 пункта 16 статьи 35 Федерального закона №131-ФЗ, полномочия представительного органа прекращаются в случае вступления в силу решения Верховного суда субъекта РФ о неправомочности данного состава депутатов представительного органа, в т.ч. в связи со сложением депутатами своих полномочий. Вместе с тем Федеральный закон №67-ФЗ в случае неправомочности органа устанавливает обязательность проведения дополнительных выборов не позднее, чем через четыре месяца со дня досрочного прекращения депутатских полномочий. Основные выборы проводятся в случае, если невозможно проведение дополнительных выборов.

Фактически при сложении депутатами своих полномочий уполномоченный орган должен назначить дополнительные выборы. Вместе с тем, как показывает судебная практика, любое заинтересованное лицо вправе подать заявление в суд о признании неправомочности состава депутатов представительного органа [4]. Вступление в силу соответствующего судебного решения означает прекращение полномочий представительного органа и соответственно невозможность проведения дополнительных выборов. При указанных обстоятельствах формальное исполнение требований о назначении дополнительных выборов приведет к неэффективному использованию бюджетных средств на их проведение. Вместе с тем наличие спорных ситуаций, связанных с досрочным прекращением депутатских полномочий, говорит о необходимости решения данного вопроса в судебном порядке. В таком случае соответствующие нормы Федерального закона №67-ФЗ нуждаются в корректировке. Отдельной проблемой правового регулирования формирования органов местного самоуправления в настоящее время является отсутствие в нем детальных норм об использовании избирательных систем. Федеральный закон №131-ФЗ позволяет субъектам РФ установить виды используемых на муниципальных выборах избирательных систем и порядок их примене-

ния. Избирательное законодательство, в свою очередь, устанавливает лишь отдельные правила применения пропорциональной системы. Указанные правила заключаются в следующем:

- обязательность избрания по пропорциональной системе не менее половины депутатов в представительном органе муниципального района, городского округа с численностью 20 и более депутатов;

- обязательность распределения по пропорциональной системе не менее 10 депутатских мандатов в представительном органе муниципального образования;

- недопустимость применения пропорциональной системы на выборах депутатов представительных органов поселений (за исключением городских округов) с численностью населения менее 3 000 чел., а также представительных органов поселений (включая представительные органы городских округов) с численностью менее 15 депутатов.

Вместе с тем, как показывает практика, при распределении по пропорциональной системе менее 20 мандатов могут возникать проблемы, связанные с таким распределением (список кандидатов, выдвинутый избирательным объединением может преодолеть заградительный барьер, но не получить мандата, либо два списка, за один из которых проголосовало больше избирателей, получают равное число мандатов, либо количество списков кандидатов, преодолевших барьер, больше числа мандатов и т.п.) [5] таким образом, должна быть законодательно исключена возможность распределения по пропорциональной избирательной системе менее 15 мандатов, поскольку вероятность указанных проблемных ситуаций увеличивается. В целом вопрос использования пропорциональной избирательной системы нуждается в детальной правовой регламентации с учетом вышеотмеченных условий, а также в целях установления ее отдельных параметров. К таким параметрам, например, можно отнести методику распределения депутатских мандатов (методы Хэйра, д'Ондта, метод делителей Империилли и другие их модифицированные формы), тип списка кандидатов (открытый, закрытый, закрытый с разбиением на группы), механизм передачи освободившихся депутатских мандатов (по очередности, по решению руководящего органа партии) и другие условия. Причем, известные недостатки и преимущества конкретных методик могут использоваться практически без ограничений. Например, возможность получения одного или двух лишних мандатов при применении метода дели-

телей Империилли по сравнению с другими методиками [6, с.178–182; с.28]. Более того, нет запрета законодателю субъекта РФ создать свою методику, например, методику делителей, начиная с числа 3, которая может давать серьезные искажения результатов волеизъявления. Разбиение списка кандидатов на территориальные группы предполагает необходимость регламентации процедуры распределения депутатских мандатов между такими группами, но способов такого распределения большое множество, а их выбор зависит исключительно от усмотрения регионального законодателя, что при одинаковых абсолютных значениях дает различные результаты по получению депутатских мандатов. Возможность влияния партии на передачу освободившихся мандатов и их распределения между своими территориальными группами списка кандидатов так же не может быть безграничной, поскольку в определенном виде может не зависеть от фактических результатов волеизъявления и исказить смысл пропорциональной системы. Рамочный федеральный закон №67 никоим образом не регулирует эти весьма важные для реализации избирательных прав граждан вопросы, хотя, полагаем, необходимость установления законодательных коридоров очевидна.

Среди последних изменений избирательного законодательства заслуживают особого внимания изменения в октябре 2012 г. [7], затронувшие принципиальные подходы к организации избирательного процесса и, в частности, касающиеся требования об образовании схем одномандатных (многомандатных) избирательных округов для проведения выборов депутатов законодательных и представительных органов сроком на 10 лет. Учитывая, как правило, пятилетний срок полномочий указанных органов, по одной утвержденной схеме избирательных округов будут избираться два состава законодательного (представительного) органа. Вместе с тем установленная законом процедура образования избирательных округов не учитывает необходимости внесения изменений в их схему в случае изменения численности избирателей на территории округа, а также в иных случаях, таких как изменение вида избирательной системы, изменение количества депутатских мандатов. Однако такая процедура представляется крайне необходимой. Существенное изменение численности избирателей в округах в течение 10-летнего срока может поставить под сомнение реализацию принципа равенства избирательных прав граждан, обеспечиваемого, в частности, применением средней нормы представительства

избирателей при нарезке избирательных округов. Кроме того, срок действия схем округов не должен ограничивать возможности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований по принятию решений, касающихся изменений избирательных систем, численности депутатов, что фактически также может повлечь изменение схем одномандатных (многомандатных) избирательных округов.

С учетом изложенного необходимо активно продолжать работу по совершенствованию правовой базы федерального уровня и как следствие субъектов РФ на основе постоянного мониторинга избирательного процесса и практики работы деятельности органов местного самоуправления, что в конечном итоге позволит повысить ответственность выборных органов и должностных лиц местного самоуправления, а также уровень доверия граждан к институту выборов в целом.

Литература и примечания

1. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

Акчурин Александр Ростамович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права БГУ, e-mail: ar_akchurin@mail.ru

Akchurin Alexander Rostamovich, Candidate of Legal Sciences, senior lecturer at the Constitutional, Administrative and Municipal Law Chair of Buryat State University, e-mail: ar_akchurin@mail.ru.

УДК 342.8

© А.В. Савоскин

ДЕПУТАТ КАК СУБЪЕКТ ОБРАЩЕНИЯ В ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ

В статье приводится анализ права депутатов направлять запросы в порядке абстрактного нормоконтроля в Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов федерации. Обосновывается идея о необходимости нормативного закрепления индивидуального права депутатов Государственной Думы на обращение в Конституционный Суд РФ и депутатов представительных органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления – в конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Ключевые слова: право на обращение, депутат, запрос, Конституционный суд, Уставный суд, абстрактный нормоконтроль.

A.V. Savoskin

DEPUTY AS THE SUBJECT OF APPLICATION TO THE CONSTITUTIONAL JUSTICE

The article analyzes the rights of deputies to send requests in the order of abstract normative control to the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Federation. Substantiates the idea of necessity to consolidate regulation of individual rights of State Duma deputies to appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation and members of representative bodies of public authorities of constituent units of federation and local authorities appeal to constitutional (charter) courts of constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: right to appeal, the deputy, the request, the Constitutional court, the Charter court, abstract normative control.

Возможность обращаться в органы конституционной юстиции (федеральная и региональная) с целью возбуждения производства судом о

3. Соответствующие правовые позиции сформулированы Конституционным Судом РФ. См. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1999 № 182-О // Собрание законодательства РФ. – 27.12.1999. – №52. – ст. 6460; *Определение* Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 22-О // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 14. – Ст. 1532.

4. См. напр. Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2009 № 66-Г09-20, Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2011 № 64-Г10-26 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

5. На возможность возникновения таких ситуаций указывает также Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. См. Письмо ЦИК России от 16 июля 2010 года №05-15/3112 // Архив Избирательной комиссии Республики Бурятия.

6. См. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. – М., 2005. – С. 178–182; *Любарев А.Е.* Регулирование избирательной системы в законодательстве субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4. – С.28.

7. Федеральный закон от 2 октября 2012 года №157-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон "О политических партиях" и федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – 08 окт., №41. – Ст. 5522.

проверке нормативного акта на соответствие Конституции РФ или Основному закону субъекта федерации является важнейшим правоохра-

нительным правом депутата. Это его право С.В. Слюсенко характеризует как юридически обеспеченную возможность от имени народа и в его интересах участвовать в инициировании надлежащей процедуры рассмотрения вопроса о том, является ли принятый государственный нормоустанавливающий акт соответствующим положениям основного закона или, напротив, противоречит ему и потому подлежит отмене [1, с. 26; 332]. Следует заметить, что право депутата инициировать процедуру нормоконтроля не может рассматриваться как противоречащее его же праву участвовать в принятии законодательных решений. Закон (решение местного представительного органа) выступает результатом положительного коллективного волеизъявления депутатского большинства, которое, будучи по своей природе политическим большинством, далеко не всегда руководствуется конституционными целями, принципами и нормами, подчиняя нормотворческий процесс преимущественно политическому, а не конституционно-правовому началу [2, с. 18]. Вместе с тем правоохранительный потенциал депутатского мандата направлен не только на законотворческую деятельность парламента как такового, но и на обеспечение правопорядка при функционировании органов государственной власти.

Возможности депутатов по обращению в органы конституционной юстиции различны и зависят как от статуса самого депутата, так и от вида органа конституционного контроля. Конституционная юстиция в России представлена на двух уровнях: федеральном – Конституционный Суд РФ и региональном – конституционными (уставными) судами субъектов РФ. Федеральные депутаты могут обращаться в Конституционный Суд РФ, депутаты законодательных (представительных) органов власти субъектов – в региональные конституционные (уставные) суды; местные депутаты, как правило, вообще лишены права инициировать абстрактный нормоконтроль в органах конституционной юстиции (т.е. вне связи с конкретным делом) [3, с. 6–10]. Исключение составляет только Калининградская область, где правом обращаться в Уставный суд с запросом в порядке абстрактного нормоконтроля наделена группа депутатов представительного органа местного самоуправления численностью не менее пяти чел. [4].

Часть 2 ст. 125 Конституции РФ, определяя круг субъектов обращения с запросом в порядке абстрактного нормоконтроля в Конституционный Суд РФ, предусматривает, что Конституционный Суд РФ разрешает дела о соответствии

Конституции РФ ряда федеральных и региональных нормативных правовых актов, внутригосударственных договоров, а также не вступивших в силу международных договоров РФ, по запросам, в частности, одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы. Между тем представляется, что указанное конституционное положение статьи 125 Конституции РФ, не является абсолютно ясным, точным, определенным и непротиворечивым. Это позволило А.А. Джагаряну аргументированно доказать, что право на конституционный запрос принадлежит не группе (коллективу) депутатов Государственной Думы, а каждому депутату в отдельности [2, с. 17]. Однако при таком прочтении статьи 125 Конституции РФ возникает закономерный вопрос: почему депутаты Государственной Думы поставлены в более выгодное по сравнению с членами Совета Федерации положение? Представляется, что такое компетенционное различие вполне обоснованно и проистекает из несколько различных конституционно-правовых статусов соответствующих субъектов права. В действующей отечественной конституционной системе депутат избирается населением непосредственно и является представителем всех граждан, всего народа [5]. Напротив, члены Совета Федерации – как это прямо вытекает из положений ч. 2 ст. 95 Конституции РФ – представляют на общенациональном уровне органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Отдельные авторы не наделяют Совет Федерации представительной природой. Так, О.Н. Булаков отмечает, что в рамках Конституции произошла замена представительства субъектов Федерации как региональных сообществ граждан на представительство органов государственной власти этих субъектов [6, с. 109]. Примечательна и позиция С.В. Масленниковой, согласно которой установленный способ формирования Совета Федерации не позволяет рассматривать эту палату как структуру парламента, обладающую качеством представительности [7, с. 33]. Мы же, отмечая особый косвенный порядок формирования Совета Федерации, все же наделяем его ограниченной представительной природой [8]. Именно поэтому депутат Государственной Думы как первично опосредованная персонификация народного суверенитета и носитель свободного мандата, не связанный волеизъявлением избирателей, но уполномоченный Конституцией РФ действовать от имени всего народа, вправе ставить вопрос о соответствии принимаемых государственных нормо-

устанавливающих актов учредительной воле народа, выраженной в Конституции РФ, т.е. инициировать конституционно-судебное разбирательство по данному вопросу. Установленная же Конституцией РФ коллективность права членов Совета Федерации на конституционный запрос в порядке абстрактного нормоконтроля предпосылается замыслом конституционного законодателя предусмотреть механизм взаимодействия и координации субъектов РФ.

Смысл абз. 1 ч. 2 ст. 125 Конституции РФ в части предоставления права на конституционный запрос не менее одной пятой членов Совета Федерации заключается в фактическом предоставлении группе субъектов РФ возможности сформулировать и отстоять согласованную и имеющую достаточно существенную региональную поддержку позицию по поводу конституционности одного из нормативных актов, перечисленных в ч.3 ст.125 Конституции РФ. Исправление сложившейся ситуации возможно двумя способами. Первый – в результате формирования правовой позиции Конституционного Суда РФ, которая будет выражена в Постановлении о толковании Конституции РФ. Однако это представляется нам маловероятным. Второй – внесение соответствующих изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», направленных на признание за каждым депутатом Государственной Думы права на обращение с запросом в Конституционный Суд РФ вне связи с каким-либо конкретным делом, т.е. в порядке

абстрактного нормоконтроля, как это предусмотрено абз. 1 ч. 2 ст. 125 Конституции РФ. Во втором случае редакция ст. 84 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» может выглядеть следующим образом: «Правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности указанных в статье 125 (часть 2) Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними обладают Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, одна пятая членов Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Предлагаемый подход тем более оправдан, что депутаты законодательных (представительных) органов большинства субъектов федерации, где уже созданы и действуют конституционные (уставные) суды, обладают индивидуальным правом обращаться с запросом о соответствии нормативного акта Основному закону субъекта. Представленность института обращения депутатов в порядке абстрактного нормоконтроля в действующих конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации изложена в следующей таблице.

Таблица 1

Обращения депутатов в Конституционные (уставные) Суды субъектов РФ

№ п/п	Наименование субъекта Российской Федерации	Формулировка и статья соответствующего закона субъекта Российской Федерации о конституционном (уставном) суде, предусматривающая право депутатов на подачу запроса	Кол-во рассмотренных запросов депутатов
1.	Кабардино-Балкарская Республика	депутаты Парламента Кабардино-Балкарской Республики (ст.68)	2
2.	Калининградская область	каждый депутат областной Думы, группа депутатов представительного органа местного самоуправления численностью не менее пяти человек (ст.83)	7
3.	Республика Адыгея	депутаты Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея (ст.82)	5
4.	Республика Башкортостан	депутаты Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан (ст.39)	8
5.	Республика Бурятия	депутат Народного Хурала Республики Бурятия (ст.31)	1
6.	Республика Дагестан	депутаты Народного Собрания Республики Дагестан (ст.93)	4
7.	Республика Ингушетия	не менее одной трети депутатов Народного Собрания Республика Ингушетия (ст.80)	1

8.	Республика Карелия	депутаты Законодательного Собрания Республики Карелия (ст.34)	10
9.	Республика Коми	одна десятая от числа избранных депутатов Государственного Совета Республики Коми (ст.78)	2
10.	Республика Марий Эл	депутат (группа депутатов) Государственного Собрания Республики Марий Эл (ст.80)	1
11.	Республика Саха (Якутия)	народный депутат Республики Саха (Якутия) (ст.96)	11
12.	Республика Северная Осетия (Алания)	депутаты Парламента Республики Северная Осетия-Алания (ст.68)	0
13.	Республика Татарстан	одна пятая от установленного числа депутатов Государственного Совета Республики Татарстан (ст.81)	6
14.	Республика Тыва	одна треть депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва (ст.119 Конституции)	2
15.	Санкт Петербург	группа депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга численностью не менее пяти человек (ст.72)	30
16.	Свердловская область	депутаты Законодательного Собрания Свердловской области (ст.83)	9
17.	Челябинская область	право депутатов направлять обращения в Уставный Суд Челябинской области не предусматривается	0
18.	Чеченская Республика	депутаты Парламента Чеченской Республики (ст.85)	0
Итого запросов депутатов			99

Индивидуальное правомочие депутата направлять запрос в региональный орган конституционной юстиции прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 101 Конституции Республики Адыгея, ч. 1 ст. 100 Конституции Республики Бурятия, ст. 93 Конституции Республики Дагестан, ч. 2 ст. 122 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, ч. 3 ст. 95 Конституции Республики Марий-Эл. Кроме того, в ряде субъектов РФ соответствующее право закреплено в законах субъектов РФ о конституционных (уставных) судах. Это, в частности, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Республика Якутия, Калининградская, Свердловская области и др. Для объективности исследования следует отметить, что не все субъекты РФ предоставляют своим депутатам право на индивидуальный запрос в порядке абстрактного нормоконтроля. Незначительная группа субъектов РФ (по аналогии с федеральным законодателем) предоставляет право обращения в конституционный (уставный) суд субъекта только группе депутатов (Республика Ингушетия, Республика Коми, Республика Татарстан, Республика Тыва и город федерального значения Санкт-Петербург). Так, для обращения с запросом в Конституционный Суд Республики Татарстан необходима группа депутатов численностью не менее одной пятой от состава Государственного Совета Республики Татарстан, (при этом в отличие от всех остальных субъектов РФ) правом обращаться Конституционный Суд Республики Татарстан наделены также комиссии Государственного Совета) [9]. Аналогичное правило применяется в Санкт-

Петербурге, где с запросом может обратиться только группа депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга численностью не менее пяти человек. Примечательно, что и в Татарстане, и в Санкт-Петербурге граждане существенно ограничены в своем праве обратиться в региональный орган конституционной юстиции. Так, в Санкт-Петербурге гражданин может обратиться за защитой своих прав, нарушенных нормой только закона Санкт-Петербурга, примененной или подлежащей применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде [10].

Непонятный случай представляет собой законодательство Республики Тыва, где Конституция предоставляет одной трети депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва право обращаться в Конституционный Суд Республики Тыва [11], в то же время закон «О Конституционном Суде Республики Тыва» не называет депутатов в качестве субъектов обращения в суд [12]. Это тем более удивительно, что в Конституционном суде Республики Тыва имеется практика рассмотрения запросов депутатов [13], а статья 82 закона «О Конституционном Суде Республики Тыва» – «Право на обращение в Конституционный Суд Республики Тыва» первоначально, до внесения изменений, содержала юридически весьма спорное положение о «праве палаты Великого Хурала Республики Тыва вносить запросы в Конституционный Суд, если данное решение принято одной третью депутатов Законодательной палаты или одной пятой депутатов Палаты представителей». В на-

стоящий момент наблюдается прямое несоответствие закона субъекта Конституции Республики Тыва, которое на практике разрешается путем прямого использования ее норм. Индивидуальное право депутатов тех субъектов РФ, где ограничивается право граждан подавать запросы в конституционный (уставный) суд, приобретает еще большую значимость, т.к. депутаты являются единственными прямыми представителями избравшего их населения и именно к ним будут обращаться граждане, чьи права нарушены тем или иным региональным или местным актом, противоречащим Основному закону субъекта. В Челябинской области – единственном субъекте РФ (из 18 создавших конституционный (уставные) суды) депутаты лишены правомочия направлять запросы в орган конституционной юстиции в принципе. Показательно, что Уставный суд Челябинской области, во-первых, был создан совсем недавно (закон принят 27 октября 2011 г. [14], а сам суд сформирован в 2012 г.) и теоретически должен был вобрать весь накопленный положительный опыт, а во-вторых, на сегодняшний день является своеобразным ориентиром развития региональной конституционной юстиции. В отличие от общей тенденции, законодатель Челябинской области не только лишил отдельного депутата права инициировать рассмотрение дел, но и существенно усложнил подачу запросов гражданами. Последние уполномочены направлять запросы в Уставный суд Челябинской области только, когда оспариваемая ими норма уже применена в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде [15]. Считаем такой подход законодателя недемократичным и нуждающимся в корректировке. Считаем, что нормы об индивидуальном праве депутата направлять запросы в органы конституционной юстиции в порядке абстрактного нормоконтроля должны быть внесены не только в законодательство Челябинской области, но и в законы о конституционных (уставных) судах иных субъектов федерации. Также возможно включение соответствующих формулировок в рамочный федеральный закон «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации» в случае его принятия. Практика направления запросов депутатами наглядно свидетельствует о востребованности и актуальности данного полномочия депутатов. Интересно, что в субъектах РФ таких обращений существенно больше, чем на федеральном уровне (нами выявлено всего 42 обращения депутатов в Конституционный Суд РФ [16]). Практически во всех субъектах РФ (кроме Республики Чечня и Рес-

публики Северная Осетия (Алания) региональные депутаты регулярно пользуются своим правом направлять запросы в конституционные (уставные) суды. При этом требование законодателя о групповом обращении депутатов в отдельных субъектах не является препятствием для активного использования комментируемого права. Нами выявлено, например, 30 дел, рассмотренных Уставным судом Санкт-Петербурга по запросам региональных депутатов (отметим, что при составлении таблицы нами не учитывались обращения, направленные местными депутатами в порядке конкретного нормоконтроля). Право депутатов направлять запросы в органы конституционной юстиции, конечно, не является для них основным и систематически используемым, хотя бы в силу специфики компетенции последних. Однако в силу высокого статуса народных избранников и, как правило, особой общественной значимости поднимаемых ими проблем, направление запросов депутатами в конституционные (уставные) суды РФ и ее субъектов является эффективным средством защиты прав граждан и обеспечения режима законности. Судебные дела, инициированные депутатами, не только широко обсуждаются обществом, но зачастую имеют серьезные и масштабные правовые последствия, т.к. решения органов конституционной юстиции носят прецедентный характер и затрагивают права неограниченно широкого круга лиц. В научной литературе высказываются опасения, что предоставление депутатам индивидуального права запроса в органы конституционной юстиции увеличит нагрузку на суды и будет способствовать политизации суда. Например, Т.Г. Морщакова позитивно оценивает отказ от признания права каждого депутата обращаться в Конституционный Суд РФ в порядке абстрактного нормоконтроля, т.к., по ее мнению, это позволяет достаточно легко перенести политический конфликт и отстаивание позиции меньшинства из парламентских и правительственных структур в зал суда [17, с. 337].

Признавая официальную позицию законодателя и уважая мнения ученых, следует отметить, что любое обращение в конституционный (уставный) суд вне зависимости от его субъекта должно быть мотивированным и обоснованным, причем не с политической, а с конституционно-правовой точки зрения, т.е. оно должно быть направлено на решение реального, а не мнимого конституционно-правового спора [18]. При этом праву депутата обратиться в суд в порядке абстрактного нормоконтроля корреспондирует обязанность суда рассмотреть соответствующее об-

ращение, а не принять его к производству, что возможно лишь в том случае, если суд установит соответствие обращения критериям допустимости. Следовательно, вряд ли можно полагать, что непосредственное признание рассматриваемого полномочия за каждым из депутатов повредит конституционному правосудию. В то же время предоставление каждому депутату права обращаться в соответствующий орган конституционной юстиции в порядке абстрактного нормоконтроля в полной мере соответствует его представительной природе, а также будет способствовать поддержанию законности в государстве.

Литература и примечания

1. Слюсенко С.В. Компетенция Конституционного Суда Приднестровской Молдавской Республики по делам о проверке конституционности правовых актов в порядке абстрактного конституционного контроля // Некоторые аспекты конституционной юстиции: сб. науч.-практ. ст. – Тирасполь. – 2005; *Аналогичного* подхода придерживаются и другие авторы, например, Гранкин И.В. Парламент России. Изд. 2-е, дополненное. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001.
2. Джагарян А.А. Депутат Государственной Думы – самостоятельный субъект обращения в Конституционный Суд Российской Федерации // *Право и политика*. – 2006. – №1.
3. Сергеев С.Л. Конституционный нормоконтроль и отдельные общетеоретические проблемы судебного нормотворчества // *История государства и права*. – 2009. – №22.
4. Ст. 83 закона Калининградской области от 02.10.2000 № 247 «Об Уставном Суде Калининградской области» // *Калининградская правда*. – 2000. – №83.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 года № 26-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1998. – №48. – Ст. 5969.
6. Булаков О.Н. Двухпалатный парламент Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
7. Масленникова С.В. Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. – М.: Городец, 2001.
8. Более подробно см. Савоськин А.В. Представительная (законодательная) власть в России (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юр. наук. – Челябинск, 2007.
9. Ст. 81, 85, 93 закона Республики Татарстан от 22 декабря 1992 года № 1708-ХП «О Конституционном Суде Республики Татарстан» // *Официальный сайт Конституционного Суда Республики Татарстан* <http://www.ksrt.ru/jurisdictioMes.phtml>.
10. Ст. 79 закона Санкт-Петербурга от 05.06.2000 № 241-21 «Об Уставном суде Санкт-Петербурга» // *Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга*. – 2000. – №9.
11. Ч. 2 ст. 119 Конституции Республики Тыва (принята на референдуме Республики Тыва 06.05.2001) // *Тувинская правда*. – 2001.
12. Ст. 82 Конституционного закона Республики Тыва от 04.01.2003 № 1300 ВХ-1 «О Конституционном Суде Республики Тыва» // *Тувинская правда*. – 2002.
13. Например, постановление Конституционного суда РТ от 28.07.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 1 закона Республики Тыва от 6 июля 2006 года № 1889 ВХ-1 «О денежном содержании и поощрении лиц, замещающих государственные должности Республики Тыва и должности государственных гражданских служащих Республики Тыва» в связи с запросом группы депутатов Палаты представителей Великого Хурала Республики Тыва».
14. Закон Челябинской области от 27.10.2011 №220-30 «Об Уставном суде Челябинской области» // *Южноуральская панорама*. – 2011. – №277 (спецвыпуск № 64).
15. Ст. 34 Закона Челябинской области от 27.10.2011 № 220-30 «Об Уставном суде Челябинской области» // *Южноуральская панорама*. – 2011. – № 277 (спецвыпуск № 64).
16. По материалам справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
17. Морщакова Т.Г. Конституционный Суд Российской Федерации // *Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина*. – М.: Велби, 2003.
18. См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2001 года № 230 О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Реалбаза №1» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 188 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // *Архив Конституционного Суда РФ*, 2001.

Савоськин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, советник судьи Уставного Суда Свердловской области, Екатеринбург, ул. Пушкина, 19, savoskin@ustavsud.ur.ru, 89043857152.

Savoskin Alexander Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Consultant of the judge at Charter Court of Sverdlovsk region, Ekaterinburg cit, Pushkina St, 19, savoskin@ustavsud.ur.ru, 89043857152.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЗАКОНА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена формулировке понятия закона субъекта Российской Федерации. Автором рассмотрены признаки, характеризующие региональный закон как источник конституционного права Российской Федерации, его отличительные черты и свойства.

Ключевые слова: закон субъекта Российской Федерации, региональный закон, разграничение предметов ведения и полномочий, федерация.

V.S. Ul'ikhin

ON A CONCEPT OF LAW OF THE CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Article is devoted to the formulation of a concept of law of the constituent entity of the Russian Federation. The author considered an attributes characterizing regional law as a source of a constitutional law of the Russian Federation, its distinctive features and characteristics.

Keywords: the law of constituent entity of the Russian Federation, regional law, delimitation of areas of jurisdiction and powers, federation.

Закон субъекта Российской Федерации – принципиально новое понятие, которое не имеет аналогов и не закреплялось ни в одной из Конституций Российского государства [1, с. 28], что предопределяет актуальность выработки теоретически обоснованных подходов к этой форме права, в т.ч. к ее дефиниции. Среди ученых, чьи труды посвящены законодательству субъектов Российской Федерации, необходимо выделить работы Е.А. Абросимовой, В.Н. Карташова, В.В. Игнатенко, Н.А. Федяковой, Т.А. Золотухиной, С.Б. Сафиной, Т.Я. Хабриевой, В.В. Гошуляка, В.М. Манюхина, С.А. Авакьяна, О.Е. Кутафина, Ю.А. Тихомирова, Т.Н. Рахманиной, М.С. Студеникиной, В.А. Толстика, А.М. Цалиева, Р.А. Ромашова, С.Л. Сергевнина и других российских ученых.

Понятие закона субъекта Российской Федерации считаем целесообразным сформулировать через его родовые и видовые признаки. Выбор построения дефиниции закона субъекта Российской Федерации по такой формуле обусловлен тем, что она остается максимально эффективной с точки зрения выделения существенных признаков определяемого понятия. Род точнее всего выражает сущность того, что определяется, а признаки вида (видовые отличия рода) позволяют максимально отделить его от того, что относится к тому же роду. Указанный способ позволяет избежать включения в определение индивидуальных признаков объекта, не присущих всему, что подпадает под один и тот же вид [2]. Закон субъекта Российской Федерации, являясь одним из видов закона как юридической катего-

рии, обладает рядом присущих ему общеправовых признаков. Соглашаясь с тем, что признаки закона субъекта Российской Федерации производны от признаков закона как родовой категории [3, с. 16], необходимо отметить, что далеко не все общеправовые признаки закона находят свое отражение в такой форме права как закон субъекта Российской Федерации. Безусловно, закону субъекта Российской Федерации присущи следующие признаки закона: 1) закон субъекта Российской Федерации – это нормативно-правовой акт. Данная черта является базовой для закона субъекта Российской Федерации и отражает его основную функцию – регулирование общественных отношений посредством придания действия правовым нормам; 2) закон субъекта Российской Федерации принимается специальным субъектом – законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации, референдумом. Ряд законов субъектов Российской Федерации был принят специально создаваемыми органами (например, Конституция Республики Дагестан принята Конституционным Собранием Республики Дагестан); 3) процедура принятия закона субъекта Российской Федерации строго формализована. Особенностью законодательного процесса в регионах России является наличие норм, регулирующих данную область правоотношений как в федеральном законодательстве, так и законодательстве субъектов; 4) закон субъекта Российской Федерации может быть отменен только путем принятия другого закона; 5) закону субъекта Российской Федера-

ции присущи свойства действия в пространстве, во времени и по кругу лиц. Необходимо отметить, что применительно к региональному уровню действие закона в пространстве определяется границами субъекта Российской Федерации. Такой вывод следует из положений статьи 5 Федеральной Конституции, в соответствии с которой каждый субъект имеет свои конституцию (устав) и законодательство; б) ряд других признаков, отмечающихся в юридической литературе, свойственных закону субъекту Российской Федерации как одной из форм права [4, с. 52–59].

Вместе с тем употребление по отношению к законам субъектов Российской Федерации некоторых признаков родового понятия «закон» вызывает серьезные сомнения. Во-первых, закон субъекта не обладает признаком неограниченности предмета правового регулирования. Исходя из общеправовой категории государственного суверенитета, закон как одно из его проявлений может приниматься по любому вопросу. Закон же субъекта – только в пределах полномочий, отнесенных к ведению субъектов в соответствии с разграничением предметов ведения и полномочий. Поэтому в юридической литературе справедливо отмечается, что в силу разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами России представительные органы власти субъектов Федерации наделены ограниченной нормотворческой компетенцией [5]. Во-вторых, закону субъекта Российской Федерации не свойственен признак абсолютной первичности правового регулирования. В полной степени говорить о первичности правового регулирования можно лишь в отношении региональных законов, принимаемых по предметам исключительного ведения субъекта Российской Федерации, ведь по указанным предметам ведения регулирование на федеральном уровне отсутствует, а регионы обладают всей полнотой государственной власти. А вот законы субъектов Российской Федерации, принимаемые по предметам совместного ведения, чаще всего базируются на нормах федеральных законов; они принимаются в развитие федерального законодательства, а нередко – и по прямому предписанию федерального законодателя. В юридической литературе, впрочем, встречаются противоположные точки зрения. Например, Э.Г. Липатов считает, что законы субъектов Российской Федерации выступают первичными актами правового регулирования, которое означает, что с точки зрения хронологии правовое регулирование тех или иных об-

щественных отношений начинается только с издания закона [6].

Думается, под этим свойством, как первичность правового регулирования, должна пониматься не очередность принятия актов в хронологическом порядке, а наличие правового основания для регулирования той или иной группы общественных отношений. Для законов субъектов Российской Федерации, принимаемых по предметам совместного ведения, правовым основанием почти всегда выступает соответствующая норма федерального закона. Указанное обстоятельство послужило основанием для появления в юридической литературе позиции о том, что в федерации наряду с законами в полном смысле этого слова, т.е. наряду с федеральными законами, существуют законы как бы низшего уровня [7]. С таким утверждением согласиться нельзя. Законы субъектов – это не акты низшего уровня, а нормативные правовые акты, принимаемые по другому кругу вопросов, обусловленному принципом разграничения предметов ведения и полномочий. В предусмотренных Конституцией РФ случаях они имеют приоритет над федеральными законами. Законы субъектов Российской Федерации являются не столько дополнительным звеном, способствующим созданию комплексного механизма реализации федерального закона, сколько важным элементом самого механизма регулирования в сфере совместного ведения, который «снимает» известную абстрактность общенациональных норм, наполняя их спецификой региональной практики правоприменения [7]. Отсюда вытекает еще одна особенность регионального закона – он разрабатывается, принимается и функционирует в уже действующем правовом поле федерального законодательства, является интегрированным составным элементом системы российского законодательства. Указанное обстоятельство в совокупности с конституционным принципом единства правового пространства обуславливает органическую взаимосвязь законодательства федерального и регионального уровней, и попытки их изолированного развития нарушают конституционное единство правовой системы и законодательства [7].

В юридической литературе при характеристике законов субъектов Российской Федерации нередко указывается, что они обладают верховенством, высшей юридической силой в системе нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации. По нашему мнению, правомерность использования подобных характеристик применительно к закону субъекта Российской

Федерации вызывает весьма серьезные сомнения. Высшей юридической силой в силу части 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации обладает только Конституция Российской Федерации. Ее высшая юридическая сила обусловлена, в частности, тем, что будучи принята народом, именно Конституция России учреждает основы организации и взаимодействия государства, общественных коллективов, индивида, определяет вектор государственного развития на определенном его историческом этапе. Существование общефедеральной Конституции как основного закона исключает возможность существования внутри страны, на территорию которой распространяется ее действие, каких-либо других правовых актов, юридическая сила которых характеризовалась бы как высшая. Кроме того, в словосочетании «высшая юридическая сила» прилагательное «высшая» используется в превосходной степени сравнения, означающей самую высокую степень качества в предмете по сравнению с тем же качеством в других предметах [10]. В силу данных обстоятельств характеристика высшей юридической силы неприменима к законам субъектов Российской Федерации, даже с учетом оговорки об ее распространении только на региональные правовые акты. Признание за законами субъектов Российской Федерации высшей юридической силы с неизбежностью ведет к выводу о том, что на территории субъекта Российской Федерации действуют несколько актов высшей юридической силы, и, более того, у каждого субъекта акты высшей юридической силы различны. Такой вывод не согласуется ни с конституционными принципами единства правового пространства и верховенства Федеральной Конституции, ни с правилами формальной логики. В этой связи положительным представляется опыт использования по отношению к юридической силе закона субъекта Российской Федерации прилагательного «большой». Оно отражает иерархическую соподчиненность актов, имеющих большую или меньшую юридическую силу по сравнению с другим актом, и не исключает существования акта, обладающего высшей юридической силой – Федеральной Конституции.

В завершении описания теоретических характеристик закона субъекта Российской Федерации хотелось бы обратить внимание на еще одну черту, характеризующую его с сущностной точки зрения. Закон субъекта России – это акт,

появляющийся в результате компромисса, договора между отдельными региональными политическими течениями, гражданами, государственными органами. В законе субъекта отражается консолидированная региональная воля субъектов, способных влиять на региональный законодательный процесс. Таким образом, закону субъекта Российской Федерации присущи как общеправовые признаки закона, так и специфические черты, характеризующие только эту форму права. На основании изложенного, с теоретической точки зрения закон субъекта Российской Федерации представляет собой нормативный правовой акт, принятый в соответствии с установленной процедурой специальным субъектом, обладающий большей юридической силой в системе правовых актов субъекта России, действующий в пределах его границ, отражающий консолидированную волю субъектов, способных влиять на региональный законодательный процесс, и регулирующий общественные отношения, входящие в предмет регионального законодательного регулирования с учетом принципа разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами.

Литература

1. Зражевская Т.Д., Бекетова С.М. Некоторые проблемы законодательства субъектов Федерации. На примере Воронежской области / под ред. Ю.А. Тихомирова // Законы области как субъекта РФ: сб. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996.
2. Чиннова М.В. Правила формулирования легального определения // Право и политика. – 2005. – №1 (справ. правовая система «КонсультантПлюс»).
3. Золотухина Т.А. Закон субъекта РФ как источник права. – Ростов н/Д, 2005.
4. См., например, Сафина С.Б. Законодательство субъектов РФ: вопросы теории и практики: монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2003.
5. Липатов Э.Г. Законы субъектов РФ как способы осуществления нормотворческих полномочий субъектов Федерации (справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).
6. Липатов Э.Г. Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества / под ред. В.В. Володина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009 (справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).
7. См. об этом Чертков А.Н. Место и роль законов субъектов Российской Федерации в системе законодательного регулирования в сфере совместного ведения // Журнал российского права. – 2005. – № 5 (справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).
8. <http://studysphere.ru/work.php?id=302>.

Улихин Виктор Сергеевич – главный специалист Комитета Народного Хурала Республики Бурятия по экономической политике, использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, e-mail: ulikhinvictor@yandex.ru.

Ul'ikhin Victor Sergeevich – Chief Specialist of Buryatia Republic Parliament's Economic Policy, Natural Resources Use and Environmental Protection Committee, e-mail: ulikhinvictor@yandex.ru.

УДК 336.14

© Е.С. Алексеева

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблемам организации бюджетного контроля, в частности децентрализованным органам контроля на уровне субъекта Российской Федерации. Рассматривается порядок исполнения бюджетов Российской Федерации, основные принципы бюджетной системы, построения сложных управленческих систем.

Ключевые слова: бюджетная система, казначейское исполнение бюджета, контрольно-ревизионные действия, децентрализованные органы финансового контроля, управленческие процессы, координация контроля, ведомственный контроль.

E.S. Alexeeva

BUDGETARY CONTROL SYSTEM ORGANIZATION AT THE LEVEL OF SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Article is devoted to issues in budgetary control organization, more specifically to the decentralized control authorities at the level of the subject of the Russian Federation. Order of budget utilization of the Russian Federation, basic principles of the budgetary system, creation of difficult administrative systems come under review.

Keywords: budgetary system, treasury budget performance, the control and auditing actions, the decentralized bodies of financial control, administrative processes, control coordination, departmental control.

Несмотря на многоуровневый характер и сложность решаемых задач, бюджетная система страны должна оставаться единым финансовым организмом, в рамках которого должны осуществляться согласованные процессы управления государственными финансами и обеспечиваться сбалансированное развитие как всех ее элементов, так и системы в целом. Единство бюджетной системы Российской Федерации обеспечивается наличием единой правовой базы, использованием единых бюджетных классификаций и форм бюджетной документации, применением санкций за нарушения бюджетного законодательства, а также предоставлением необходимой статистической и бюджетной информации с одного уровня бюджета на другой для составления консолидированных бюджетов Российской Федерации и территорий. На основе указанных параметров построения и функционирования бюджетной системы страны достигается необходимое единство в управлении государственными финансами Российской Федерации. Единство в управлении логично требует создания стройной системы бюджетного контроля, которая обеспечит законность и единообразие контроля за денежными средствами во всей бюджетной системе России и позволит сопоставить показатели экономичности и эффективности ис-

пользования государственных финансовых ресурсов на разных ее уровнях [1, с. 29].

Большую роль в обеспечении единообразия бюджетного контроля играют территориальные органы федеральных органов исполнительной власти. В первую очередь, это органы федерального казначейства. Территориальные органы казначейства обеспечивают исполнение федерального бюджета в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. Функциями и задачами органов Федерального казначейства являются:

- распределение в установленном порядке и размерах доходов между бюджетами различного уровня;

- осуществление предварительного и текущего контроля за целевым использованием бюджетных средств бюджетополучателями и управление денежными средствами на счетах казначейства;

- осуществление краткосрочного прогнозирования объемов государственных финансовых ресурсов;

- сбор, обработка и анализ информации о состоянии государственных финансов и представление соответствующим законодательным и исполнительным органам государственной власти и управления Российской Федерации отчетности о финансовых операциях по соответствующему

бюджету и др. Существующая практика исполнения доходной части бюджетов всех уровней предполагает казначейское исполнение в системе федерального казначейства. Федеральное казначейство на своих счетах аккумулирует доходы всех уровней бюджетной системы и прогнозирует поступление доходов. Управление федерального казначейства находится в ведении Министерства финансов Российской Федерации. Минфин России является федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим проведение единой финансовой, бюджетной и налоговой политики в Российской Федерации. Минфин России осуществляет проверку эффективности проводимых операций с государственными средствами на основе контрольно-ревизионных действий, разрабатывает методическое обеспечение и проверяет деятельность органов ведомственного контроля, предпринимает необходимые меры по реализации контрольных мероприятий. Минфин России осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной налоговой службы, Росфиннадзора, Федерального казначейства, других госорганов.

Основной задачей территориальных управлений Росфиннадзора в субъектах Федерации является осуществление в пределах своей компетенции последующего бюджетного контроля на территории соответствующего субъекта Федерации. Важными функциями Федеральной службы финансово-бюджетного надзора являются непосредственная организация и проведение финансового контроля по линии органов исполнительной власти. Ряд других федеральных органов исполнительной власти осуществляют бюджетно-финансовый контроль на несистематической основе, например органы прокуратуры, органы внутренних дел. Несмотря на единство бюджетной системы России, которая обеспечивается едиными бюджетными классификациями и формами бюджетной документации, предоставлением необходимой статистической и бюджетной информации с одного уровня бюджета на другой и другими параметрами, необходимо создавать на уровне территорий децентрализованные органы финансового контроля, ответственные перед населением соответствующих территорий.

Ситуация, когда сложные процессы развиваются не за счет централизованного воздействия, а за счет локального взаимодействия элементов, широко распространена в управленческих процессах. В больших, сложных системах часто приходится переходить от централизованного

управления к децентрализованному. Такая необходимость определена как плата за сложность, присущую большим системам. Так и в организации бюджетного контроля не следует выстраивать централизованную систему органов бюджетного контроля [2, с. 85]. Бюджетный кодекс Российской Федерации не предусматривает создания высшего органа финансового контроля на уровне субъекта Российской Федерации, а предполагает создание системы органов бюджетного контроля, которая состоит из органов, создаваемых законодательными органами субъекта Российской Федерации, и органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Данная система органов бюджетного контроля на уровне субъекта Российской Федерации должна обеспечить полный и всесторонний бюджетный контроль.

В научной литературе под координацией понимается установление согласованности, целесообразного соотношения действий подсистем той или иной системы для достижения общих целей с наименьшими затратами (в данных условиях) усилий и средств. С учетом отмеченного Е.В. Шорина определяла, что координация контроля означает согласование и установление целесообразного соотношения действий органов контроля [3, с. 274]. Организованные исполнительной властью и ей подотчетные органы финансового контроля проводят внутренний контроль деятельности ее структур, помогают более эффективно организовать управление республиканскими ресурсами. Наделенные сравнительно более широкими полномочиями счетные палаты субъектов проводят внешний, независимый от исполнительной власти, контроль. Созданные законодательные условия способствуют замкнутости финансового контроля по уровням бюджетной системы Российской Федерации, что приводит к развитию положений о внешнем финансовом контроле в рамках законодательства субъектов Российской Федерации.

Полномочия контрольно-счетной палаты республики определяются Федеральным законом от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», Законом Республики Бурятия от 05.05.2011 №2087-IV «О Счетной палате Республики Бурятия». В соответствии с данным законом Счетная палата Республики Бурятия является постоянно действующим органом государственного финансового контроля, образуемым Народным Хуралом Республики Бурятия и подотчетным ему. Счет-

ная палата Республики Бурятия строит свою работу на основе годовых и текущих планов и программ, которые формируются исходя из необходимости обеспечения всестороннего системного контроля за исполнением доходов и расходов республиканского бюджета по всем видам и направлениям. Контрольно-счетный орган не должен ограничиваться в рамках государственных финансов в выборе конкретных направлений контроля. Это в большей степени способствует маневренности и эффективности контроля и обеспечивает возможность быстрого реагирования на все процессы накопления и перераспределения финансовых ресурсов республики. Способом воздействия Счетной палаты на выявленные в ходе контрольных мероприятий нарушения выступают представления и предписания. О результатах проведенных ревизий и проверок Счетная палата информирует Народный Хурал Республики Бурятия. Сама же Счетная палата применять санкции неправомерно, что снижает эффективность ее деятельности. Счетная палата в процессе исполнения республиканского бюджета контролирует полноту и своевременность денежных поступлений, фактическое расходование бюджетных ассигнований в сравнении с законодательно утвержденными показателями республиканского бюджета, выявляет отклонения и нарушения, проводит их анализ. Ежегодные бюджеты выполняют функцию разработки и проведения государственной политики в области доходов и расходных программ. Поэтому при принятии ежегодных бюджетов, утверждении отчетов об исполнении бюджетов проверяется эффективность теоретических разработок и результативность бюджетной политики. Следует отметить, что Счетная палата, находясь вне структуры исполнительной власти, должна более полно осуществлять внешний финансовый контроль за рациональным формированием государственных ресурсов, целевым и эффективным использованием бюджетных средств и государственной собственности высшими исполнительными органами власти, министерствами и ведомствами при реализации крупных стратегических и межведомственных программ.

В рамках исполнительной ветви власти Правительство республики обладает обширными полномочиями в области бюджетного контроля, поскольку контроль является одним из звеньев возложенной на него функции управления финансовыми и материальными ресурсами. Его задачей является также организация системы финансового контроля в исполнительной власти

республики, включающей органы межведомственного и ведомственного контроля, и обеспечение эффективности ее функционирования. В соответствии с Законом Республики Бурятия от 21 июня 1995 года № 140-1 «О Правительстве Республики Бурятия», правительство республики обеспечивает исполнение республиканского бюджета; готовит отчеты об исполнении республиканского бюджета для внесения Президентом Республики Бурятия на рассмотрение Народного Хурала РБ. Уполномоченным финансовым органом является Минфин республики. Согласно Постановлению Правительства Республики Бурятия от 9 октября 2007 г. № 308 «О Министерстве финансов Республики Бурятия», Министерство финансов осуществляет:

- реализацию государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере финансовой, бюджетной, налоговой политики, государственного долга Республики Бурятия;

- составление проекта республиканского бюджета и подготовку отчетов об его исполнении;

- функции по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами установленных обязательных общепринятых правил поведения в финансово-бюджетной сфере и соблюдению бюджетного законодательства.

Минфин осуществляет предварительный, текущий и последующий контроль за ведением операций с республиканскими бюджетными средствами главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств, других участников бюджетного процесса. Главные распорядители и распорядители республиканских бюджетных средств осуществляют бюджетный контроль в отношении подведомственных получателей бюджетных средств согласно законодательству. Таким образом, на уровне субъекта Федерации выстраивается децентрализованная система органов бюджетного контроля, которая ответственна перед населением соответствующих территорий.

Литература

1. Крохина Ю.А. Бюджетное право России. – М.: Юрайт, 2010.
2. Василенко В.И., Жовтун Д.Т., Петренко Е.Л. Управление модернизаторскими процессами и характеристиками. – М.: РАГС, 2004.
3. Шорина Е.В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. – М.: Наука, 1981.

Алексеева Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета Бурятского государственного университета. E-mail: alslena22@yandex.ru

Alexeeva Elena Sergeevna, Candidate of Legal Sciences, Senior lecturer at Constitutional, Administrative and Municipal Law Chair, Law Faculty of Buryat State University. E-mail: alslena22@yandex.ru

УДК 342.55

© Е.М. Шайдулина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН ОБЩЕСТВЕННЫМИ СОВЕТАМИ ПО ВОПРОСАМ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА, СОЗДАВАЕМЫМИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассматривается правовой статус общественных советов по вопросам жилищно-коммунального хозяйства, создаваемых на муниципальном уровне. Исследуются правовые акты органов местного самоуправления с точки зрения полномочий таких советов по защите прав граждан в жилищно-коммунальной сфере.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, общественные советы по вопросам жилищно-коммунального хозяйства, защита прав граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства, органы местного самоуправления.

E.M. Shaydulina

SOME FEATURES OF THE CITIZENS' RIGHTS PROTECTION BY PUBLIC COUNCIL FOR HOUSING AND UTILITIES CREATED AT THE MUNICIPAL LEVEL

The paper considers legal status of Public Councils for Housing and Utilities, being created at the municipal level. Local government legal acts are examined from the standpoint of procuracy of these councils for the protection of citizens' rights in the housing and utilities sphere.

Keywords: Housing and Utilities, Public Councils for Housing and Utilities, protection of citizens' rights in the housing and utilities sphere, local self-government authorities.

Согласно ст. 34 федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1], структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган), контрольно-счетный орган, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Это так называемые типичные (традиционные) органы, которые создаются во всех без исключения муниципальных образованиях. Однако на муниципальном уровне функционируют также иные органы, деятельность которых направлена в т.ч. на защиту прав граждан в жилищно-коммунальной сфере. Так, среди органов, создаваемых на местном уровне и осуществляющих защиту прав граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ), можно назвать такие нетипичные (нетрадиционные) органы, как общественные советы по вопросам ЖКХ. Одной из причин создания указанных советов на местном уровне является

функционирование аналогичных органов на уровне субъектов РФ (Республика Ингушетия [2], Еврейская автономная область [3], Иркутская [4], Калининградская [5], Кемеровская [6], Костромская [7], Смоленская [8, с. 28], Томская [9] области). В Республике Ингушетия и Кемеровской области органам местного самоуправления напрямую рекомендовано создать в муниципальных образованиях аналогичные координационные советы. Наименования данные советы носят различные: координационные [10; 11], общественные [12; 13; 14, с. 18; 15], наблюдательные [16] советы по вопросам ЖКХ, хотя их функции и полномочия во многом схожи. Созданы данные советы в качестве совещательных коллегиальных органов, как правило, при главах муниципальных образований [17].

Проведенный анализ муниципальных нормативных правовых актов о координационных советах по вопросам ЖКХ показал, что основной целью создания таких советов является организация взаимодействия и координации деятельности органов местного самоуправления, организаций коммунального комплекса, объединений граждан-собственников помещений в многоквартирных домах, управляющих и обслужи-

вающих организаций, общественных организаций по вопросам жилищно-коммунального хозяйства. При этом защита прав граждан в жилищно-коммунальной сфере поставлена в качестве одной из задач деятельности общественных советов по вопросам ЖКХ. Так, в целях защиты граждан от деятельности (действий) недобросовестных управляющих организаций в Артемовском городском округе Приморского края координационный совет по взаимодействию организаций жилищно-коммунального хозяйства проводит мониторинг качества предоставления жилищно-коммунальных услуг населению [18].

Особо отметим контрольные полномочия общественных советов. Общественные советы в некоторых муниципальных образованиях осуществляют контроль за качеством жилищно-коммунального обслуживания населения (г. Пенза [19], Артемовский городской округ [18], г. Искитим [20]). Однако остается открытым вопрос, какие меры могут применяться к управляющим компаниям-нарушителям уполномоченными на то органами по результатам деятельности таких советов: делают ли им только предупреждения или вовсе инициируют конкурс по отбору другой компании; либо же просто ведется список недобросовестных управляющих организаций, который собственники жилых помещений при выборе управляющей компании принимают к сведению. В связи с этим считаем необходимым внести дополнения в рассмотренные муниципальные правовые акты с целью конкретизации основных аспектов контроля для более эффективной защиты прав граждан в сфере ЖКХ. Также ни одно положение о координационных советах в перечисленных муниципальных образованиях не содержит описания порядка проведения проверки качества предоставляемых жилищно-коммунальных услуг. Представляется, что нужно определить, каким образом координационные советы могут осуществлять указанный контроль, а также установить, какие меры защиты прав граждан должны предприниматься в случае несоответствия качества предоставляемых потребителям жилищно-коммунальных услуг установленным стандартам и нормативам. В этой связи интересным представляется постановление руководителя исполкома муниципального образования «Лаишевский муниципальный район» Республики Татарстан от 30 октября 2009 г. № 1998 «О контроле за соответствием предоставляемых населению жилищно-коммунальных услуг установленным требованиям» [21]. Согласно названному нормативному акту, рабочей группе по контролю за

соответствием предоставляемых населению жилищно-коммунальных услуг установленным требованиям предписано на основании письменного заявления потребителя услуги, направленного в совет района, Исполнительный комитет района, исполнительные комитеты поселений или устного заявления в общественную приемную, осуществить выездную комиссионную проверку факта предоставления услуги и оценки ее качества с оформлением соответствующего акта, который должен быть подписан заявителем. Копию акта представить в отдел жилищно-коммунального хозяйства Исполнительного комитета района, ООО «Расчетный центр г. Лаишево» и заявителю в трехдневный срок. В свою очередь, Исполкомом рекомендовано ООО «Расчетный центр г. Лаишево» на основании акта и по согласованию с поставщиком услуги произвести перерасчет за недопоставку или некачественную поставку услуги, а в случае выявления факта недопоставки или некачественной поставки услуги предприятиям – поставщикам услуги предложено в установленный срок принять меры по устранению недостатков. На наш взгляд, указанный опыт Лаишевского муниципального района может быть рекомендован другим муниципальным образованиям для активного внедрения в практическую деятельность в целях защиты прав граждан от некачественного жилищно-коммунального обслуживания.

В г. Пенза к тому же совет по взаимодействию с управляющими организациями, советами многоквартирных домов, ТСЖ, ЖСК или иными специализированными потребительскими кооперативами содействует государственным контролирующим органам в осуществлении контроля за обеспечением прав и законных интересов граждан при предоставлении населению жилищных и коммунальных услуг, отвечающих требованиям стандартов качества, использованием и сохранностью жилищного фонда, расположенного на территории г. Пензы [19]. Некоторые координационные советы осуществляют общественный контроль за действиями всех субъектов реализации жилищно-коммунальной реформы (г. Кировград [22], г. Ростов-на-Дону [23], г. Кинешма [24], г. Волжский [25], г. Серпухов [26], г. Казань [15]). Однако не отмечено, что понимать под указанными субъектами. В Положении о координационном общественном совете по жилищно-коммунальному хозяйству при администрации муниципального образования г. Новороссийск частично раскрыты субъекты реформы ЖКХ: совет осуществляет общест-

венный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, ресурсоснабжающими и подрядными организациями, управляющими компаниями, ТСЖ, ЖСК [27]. В г. Жуковский [28, с. 33.], Самара, Сургут и Воронеж общественные советы защищают права граждан в сфере ЖКХ посредством общественного контроля соблюдения прав граждан при реализации реформы жилищно-коммунального хозяйства. При этом, однако, опять же не определено, как и в каких формах такой контроль осуществляется. Наблюдательный совет по жилищно-коммунальному хозяйству Конаковского района Тверской области осуществляет общий контроль за деятельностью предприятий ЖКХ и тарифной политикой, что выражается соответственно в контроле за обоснованностью установленных цен и тарифов на жилищно-коммунальные услуги предприятий ЖКХ и контроле за правильностью и эффективностью использования средств, выделенных предприятиям ЖКХ из бюджета района [16]. Полагаем, что указанное полномочие наблюдательного совета по ЖКХ заслуживает внимания, а опыт Конаковского района Тверской области может быть полезен и другим муниципальным образованиям в качестве одного из возможных способов предотвращения нарушений прав и законных интересов населения в жилищно-коммунальной сфере, а также защиты уже нарушенных прав. Достаточно абстрактно сформулированы контрольные полномочия общественного совета по вопросам развития городского хозяйства при Исполнительном комитете г. Казани: «Совет вправе осуществлять общественный контроль в сферах своей деятельности» [15]. При этом указывается, что совет специализируется в сфере благоустройства, жилищно-коммунального хозяйства, жилищной политики, иных вопросах городского хозяйства. Представляется необходимым отметить, что «контроль в сферах своей деятельности» есть наиболее полный контроль, нежели контроль за качеством жилищно-коммунального обслуживания населения или какой-либо другой вид контроля, рассмотренный выше. Вместе с тем полномочие Казанского совета прописано как право (хотя, согласно теории о компетенции, полномочие – это и право, и обязанность одновременно [29]). Таким образом, формулировку «общественный контроль в сферах своей деятельности» считаем более удачной с точки зрения защиты прав граждан в области ЖКХ, однако полагаем, что при формулировании полномочий лучше бы не использовать слово «вправе». Далее интересным представляется исследовать

вопрос, касающийся характера принимаемых такого рода советами решений. Проведенный анализ положений ряда муниципальных образований об общественных советах по проблемам ЖКХ показал, что указанные советы – это совещательные органы, решения которых носят рекомендательный характер [30; 31; 17; 24]. Неоднозначная формулировка относительно характера решений используется в Положении о межмуниципальном Совете по ЖКХ Шаховского муниципального района Московской области: «решения Совета по ЖКХ принимаются к сведению и исполнению руководством организаций, оказывающих жилищно-коммунальные услуги на территории Шаховского района» [32]. Указанный совет является совещательным органом, который «осуществляет свою деятельность посредством контроля за выполнением принятых им решений» [32]. Возникает дилемма относительно обязательности решений совета. С одной стороны, слово «совещательный» означает имеющий право только обсуждения каких-либо дел, но не их решения, а с другой, совет принимает решения, которые подлежат исполнению организациями, оказывающими жилищно-коммунальные услуги, и осуществляет контроль за их выполнением. Думается, что рассмотренные нормы Положения о совете по ЖКХ Шаховского муниципального района взаимоисключают друг друга, что приводит к логической и речевой ошибкам, создавая тем самым неопределенность в понимании, в связи с чем, на наш взгляд, указанную неопределенность необходимо устранить. Между тем само даже создание таких органов, как общественные советы в сфере ЖКХ – это уже прогрессивный шаг на пути к обеспечению жилищно-коммунальных прав граждан, потому что, хотя решения координационных советов и носят рекомендательный характер, направлены они на оказание помощи органам местного самоуправления в принятии решений в сфере ЖКХ [14].

Еще одним полномочием, интересным с точки зрения защиты прав граждан в жилищно-коммунальной сфере, наделен Наблюдательный совет по жилищно-коммунальному хозяйству Конаковского района Тверской области. Совет проводит «разъяснительную работу среди населения по принципиальным вопросам развития жилищно-коммунальных услуг, по ценам и тарифам» [16]. Не совсем ясно, что понимается под «развитием жилищно-коммунальных услуг», вместе с тем разъяснительная работа среди населения по вопросам ценообразования и действующим тарифам полезна с точки зрения

формирования прозрачности в данной сфере. Население должно знать, за что конкретно оно платит, и откуда берутся цифры в квитанциях на оплату жилищно-коммунальных услуг. На заседании Государственного совета, который состоялся 17 июля 2012 г., Президент РФ В.В. Путин заявил: «Управляющие компании по-прежнему работают неэффективно, а подчас просто люди сталкиваются с беспределом. Необоснованно завышаются тарифы, не повышается качество предоставляемых услуг. Местные власти зачастую продолжают спокойно наблюдать за ситуацией» [33]. Подобная разъяснительная работа является важной гарантией защиты прав населения в жилищно-коммунальной сфере от недобросовестных управляющих компаний и злоупотреблений со стороны органов, созданных на муниципальном уровне власти.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день на муниципальном уровне существуют нетипичные (нетрадиционные) органы – общественные советы по вопросам ЖКХ, осуществляющие защиту прав граждан в сфере ЖКХ. Рассмотренные органы представляют интерес с точки зрения защиты прав граждан в сфере ЖКХ, во-первых, потому что муниципальные органы являются наиболее приближенными к населению, и граждане в случае обращения в указанные органы власти за защитой своих прав могут рассчитывать на квалифицированную и оперативную помощь, и, во-вторых, в связи с тем, что данные органы способствуют реализации прав граждан в жилищно-коммунальной сфере.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
2. О создании межведомственного Координационного совета по вопросам жилищно-коммунального хозяйства: постановление Правительства Республики Ингушетия от 7 апр. 2011 г. №121 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система КонсультантПлюс.
3. О создании координационного совета по реформированию жилищно-коммунального хозяйства Еврейской автономной области: постановление губернатора ЕАО от 18 окт. 2007 г. № 210 // Собрание законодательства ЕАО. – 2007. – № 12. – Ст. 2331.
4. Об Общественном совете по реформированию и модернизации жилищно-коммунального хозяйства при Правительстве Иркутской области: распоряжение Правительства Иркутской области от 30 марта 2012 г. № 159-рп // Областная газета. – 2012. – № 44.
5. О совете по вопросам реформирования жилищно-коммунального хозяйства Калининградской области: указ губернатора Калининградской области от 2 марта

- 2012 г. № 40 // [Электронный ресурс]: справ. правовая система КонсультантПлюс.
6. О создании совета органов общественного самоуправления при департаменте по развитию жилищно-коммунального и дорожного хозяйства администрации Кемеровской области: распоряжение администрации Кемеровской области от 22 янв. 2003 г. № 41-р // Информационный бюллетень Совета народных депутатов и администрации Кемеровской области. – 2003. – № 1.
7. О Совете председателей советов многоквартирных домов при губернаторе Костромской области: постановление Губернатора Костромской области от 16 янв. 2012 г. №5 // СП – нормативные документы. – 2012. – № 3.
8. О Координационном совете при администрации Смоленской области по вопросам управления многоквартирными домами на территории Смоленской области: постановление администрации Смоленской области от 27 янв. 2012 г. № 44 // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. – 2012. – № 2 (часть III).
9. О Координационном совете по реформированию жилищно-коммунального хозяйства области: постановление Главы Администрации (Губернатора) Томской области от 22 дек. 2000 г. № 463 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система КонсультантПлюс.
10. О Положении «О Координационном совете по реформированию жилищно-коммунального хозяйства города Томска»: Решение Думы г. Томска от 27 июня 2006 г. № 199 // Сборник официальных материалов муниципального образования «Город Томск». – 2006. – № 13.3.
11. О Координационном совете по реформированию ЖКХ города Улан-Удэ: распоряжение администрации г. Улан-Удэ от 1 авг. 2007 г. № 852-р // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система КонсультантПлюс.
12. О создании Общественного совета при Главе города по проблемам жилищно-коммунального хозяйства: распоряжение Главы города Сургута от 21 февр. 2011г. №6 // Сургутские ведомости. – 2011. – №7.
13. О создании Общественного совета по вопросам реформирования жилищно-коммунального хозяйства при Главе городского округа Самара: распоряжение Главы городского округа Самара от 28 февр. 2007 г. № 65-р // Самарская Газета. – 2007. – № 38(3577).
14. Об общественном экспертном совете по вопросам ЖКХ: распоряжение администрации города Кандалякши от 5 сент. 2005 г. № 311-Р // Нива. – 2005. – № 36.
15. О создании Общественного совета по вопросам развития городского хозяйства при Исполнительном комитете г. Казани: постановление руководителя исполкома муниципального образования г. Казани от 5 дек. 2008 г. № 10075 // Казанские ведомости. – 2008. – № 240.
16. О создании Наблюдательного совета по жилищно-коммунальному хозяйству Конаковского района: постановление Главы Конаковского района от 25 апр. 2003 г. № 360 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система КонсультантПлюс.
17. О создании общественного совета по вопросам развития жилищно-коммунального хозяйства при главе городского округа город Воронеж: постановление администрации городского округа город Воронеж от 18 дек. 2009г. №276 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система КонсультантПлюс.
18. О создании Координационного Совета по взаимодействию организаций жилищно-коммунального хозяйства на территории Артемовского городского округа: постановление администрации Артемовского городского ок-

- руга от 14 нояб. 2007 г. № 1474-па // Выбор. – 2007. – Спецвыпуск. – № 142(10972).
19. О создании Совета по взаимодействию с управляющими организациями, Советами многоквартирных домов, ТСЖ, ЖСК или иными специализированными потребительскими кооперативами : постановление администрации г. Пензы от 22 мая 2012 г. № 592 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система Консультант Плюс.
  20. О создании Координационного совета по реформированию жилищно-коммунального хозяйства в городе Искитиме: постановление администрации города Искитима от 12 янв. 2011 г. № 05 // Искитимская газета. – 2011. – № 2.
  21. О контроле за соответствием предоставляемых населению жилищно-коммунальных услуг установленным требованиям: постановление Руководителя Исполкома муниципального образования Лаишевский муниципальный район от 30 окт. 2009 г. № 1998 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система Консультант-Плюс.
  22. О создании Общественного Совета по жилищно-коммунальному хозяйству Кировградского городского округа: решение Думы Кировградского городского округа от 29 апр. 2010 г. №330 // Кировградские вести. – 2010. – № 19.
  23. О создании Координационного совета при Администрации города Ростов на-Дону по реформированию и модернизации ЖКХ города: постановление мэра г. Ростова н/Д от 23 июня 2004 г. №1000 // Ростов Официальный. – 2004. – № 29.
  24. Об организации работы Общественного совета при администрации городского округа Кинешма: постановление администрации городского округа Кинешма от 4 окт. 2010 г. № 2668п // Вестник органов местного самоуправления городского округа Кинешма. – 2011. – № 260.
  25. Об утверждении городского положения об общественно-экспертном совете по реформированию жилищно-коммунального хозяйства: постановление Волжской городской Думы Волгоградской обл. от 10 окт. 2001 г. № 27/9 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система КонсультантПлюс.
  26. О создании Координационного совета по жилищной политике при главе города Серпухова: постановление главы г. Серпухова МО от 5 февр. 2003 г. № 146 // Информационный вестник администрации и Совета депутатов г. Серпухова. – 2003; *Об образовании* координационного общественного Совета по жилищно-коммунальному хозяйству на территории муниципального образования город Новороссийск: постановление администрации муниципального образования город Новороссийск от 22 авг. 2011 г. № 3999 // Новороссийские вести. – 2011. – № 57/1.
  27. О создании общественного совета по вопросам развития жилищно-коммунального хозяйства при главе городского округа Жуковский: постановление главы городского округа Жуковский МО от 28 окт. 2010 г. № 1595 // Авиград Жуковский. – 2011. – № 7.
  28. Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов: учеб. пособие. – М.: Юр. лит, 1982.
  29. О Координационном совете по вопросам строительства и инфраструктуры: постановление администрации города Костромы от 24 апр. 2000 г. № 1600 // [Электронный ресурс]: справ.-правовая система Консультант-Плюс.
  30. О координационном совете по управлению жилищно-коммунальным хозяйством города Новосибирска: постановление мэрии города Новосибирска от 27 апр. 2010 г. № 117 // Бюллетень органов местного самоуправления города Новосибирска. – 2010. – № 32. – 30 апр. – С. 122.
  31. Об утверждении Положения о межмуниципальном совете по жилищно-коммунальному хозяйству: постановление главы Шаховского муниципального района МО от 21 марта 2006 г. № 437 // Шаховские вести. – 2006. – № 14. – 15 апр.
  32. Стенографический отчет о заседании Государственного совета [Электронный ресурс]: URL: <http://kremlin.ru/transcripts/16004> (дата обращения: 3 августа 2012 г.).

Шайдулина Елена Михайловна, преподаватель кафедры конституционного права Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, Chernyaeva_lena@mail.ru, 664033, г. Иркутск, ул. Старо-Кузьминская, д. 48/1, кв. 2; 89025768107.

Shaydulina Elena Mikhailovna, Lecturer at the Constitutional Law Chair of Irkutsk State University, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10, Chernyaeva_lena@mail.ru, Irkutsk, Staro-Kuzmihinskaya street 48/1-2, 89025768107.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ISSUES OF THE CIVIL LAW

УДК 347.6

© С.В. Доржиева

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ

*В статье автор рассматривает актуальные вопросы, посвященные правовому положению приемных детей в РФ.
Ключевые слова: приемные дети, приемная семья.*

S.V. Dorzhieva

TOPICAL ISSUES OF FOSTER CHILDREN'S LEGAL STATUS

*The article discusses some topical issues devoted to legal situation of foster children in the Russian Federation.
Keywords: foster children, foster family.*

Правовое положение приемных детей в Российской Федерации характеризуется прежде всего их юридическим статусом детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей. Это означает, что кроме прав, предусмотренных для несовершеннолетних (гл. 11) Семейного кодекса РФ (далее СК) [1], приемные дети обладают дополнительными социальными правами, предусмотренными ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [2] и законами субъектов Российской Федерации. Рассмотрим права приемных детей через призму их правового статуса. П. 2 ст. 54 СК предусматривает право каждого ребенка жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание. Перечисленные права не могут быть реализованы приемными детьми ввиду утраты родительского попечения, в связи с чем органы опеки и попечительства помогают им осуществить право жить воспитываться в семье, путем устройства в приемную семью. Это не означает, что приемные дети лишены права знать своих кровных родителей и права в случае изменения обстановки в кровной семье вернуться под их родительское попечение. В период нахождения в приемной семье приемный ребенок имеет право на воспитание, всестороннее развитие, заботу и уважение его человеческого достоинства со стороны приемных родителей, что гарантировано п. 1 ст. 148 СК. В целях реализации права приемного ребенка на общение с родителями и другими родственниками (ст. 55 СК), приемный родитель не только не вправе препятствовать, как это

закреплено в п. 6 ст. 148.1 СК, а по нашему мнению, обязан содействовать общению ребенка с его родителями и другими родственниками, за исключением случаев, если такое общение не отвечает интересам ребенка. В результате положительного общения возникает вероятность восстановления кровных семей и сохранения родственных связей. Кроме этого, п. 3 ст. 148.1 СК предусматривает, что родителями или другими родственниками могут быть обжалованы любые действия (бездействие) по осуществлению приемным родителем опеки или попечительства. Указанное право в интересах приемного ребенка может быть осуществлено его родителями или другими родственниками в случае непосредственного общения с ребенком, иначе о какого-либо рода нарушениях им может быть просто неизвестно. Это положение соответствует ст. 56 СК, которая предусматривает право ребенка на защиту своих прав и законных интересов, которое осуществляется его законными представителями, т.е. приемными родителями, а случаях, предусмотренных законом и органом опеки и попечительства, прокурором, судом и даже, как было отмечено выше, его кровными родителями или родственниками, путем обращения с жалобой на действия (бездействие) приемных родителей в силу п. 3 ст. 148.1 СК.

Согласно п. 2 ст. 56 СК, приемный ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны приемных родителей. В случае нарушения его прав и законных интересов, в т.ч. и при невыполнении или ненадлежащем выполнении приемными родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию, приемный ребенок вправе самостоятельно обращаться

за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд. Ст. 10 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» в этом случае предоставляет право приемному ребенку воспользоваться правом на бесплатную юридическую помощь в соответствии с ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации"[3]. Приемный ребенок имеет право на обеспечение ему условий для образования (п.1 ст.148 СК), он вправе выражать свое мнение при выборе образовательного учреждения и формы обучения (п.6 ст.148-1 СК). Реализации права на образование данной категории детей способствует ст.6 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». В частности, на основании этой нормы, приемные дети, получившие основное общее или среднее (полное) общее образование, имеют право на:

- обучение на курсах по подготовке к поступлению в учреждения среднего и высшего профессионального образования без взимания платы;

- зачисление на полное государственное обеспечение до окончания обучения за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в порядке, установленном Законом Российской Федерации от 10 июля 1992 года № 3266-1 "Об образовании", в государственных образовательных учреждениях начального профессионального образования и имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования;

- получение стипендии, размер которой увеличивается не менее чем на 50% по сравнению с размером стипендии, установленной для обучающихся в данном образовательном учреждении, ежегодное пособие на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей в размере трехмесячной стипендии, а также 100% заработной платы, начисленной в период производственного обучения и производственной практики;

- при предоставлении академического отпуска по медицинским показаниям сохраняется на весь период полное государственное обеспечение, выплачивается стипендия. Данное учреждение содействует организации лечения, обеспечение бесплатным проездом на городском, пригородном, в сельской местности на внутрирайонном транспорте (кроме такси), а также

бесплатным проездом один раз в год к месту жительства и обратно к месту учебы, в случае обучения за счет средств федерального бюджета в имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях.

Конституционный Суд РФ разъясняет, что «по смыслу ст. 43, родители (лица, их заменяющие), а также соответствующие государственные органы обязаны обеспечить получение детьми лишь основного общего образования (часть 4), а высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении каждый вправе бесплатно получить на конкурсной основе (часть 3). Закрепляя право на образование и в качестве одного из его элементов – право на бесплатное получение высшего образования на конкурсной основе, данная статья Конституции Российской Федерации непосредственно определяет систему обеспечения реализации этого права – только в государственных или муниципальных образовательных учреждениях (части 1 и 3)» [4]. Об этом должны знать приемные родители детей, окончивших среднюю школу (как правило, в 17 лет) и при выборе ребенком вуза, посоветовать ему в целях реализации права на получение бесплатного высшего образования, поступать в государственное или муниципальное образовательное учреждение. Предусмотренные указанным федеральным законом дополнительные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (за исключением детей, обучающихся в федеральных государственных образовательных учреждениях), являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации. Законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные виды социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Дополнительные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обучающихся в федеральных государственных образовательных учреждениях, являются расходными обязательствами Российской Федерации (ст. 5).

Ст. 7 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» гарантирует приемным детям бесплатное медицинское обслуживание и оперативное лечение в государственном и муниципальном лечебно-профилактическом учреждении, в т.ч. проведение диспансеризации, оздоровления, регулярных медицинских осмотров. А также предоставление путевок в школьные и студенческие спор-

тивно-оздоровительные лагеря (базы) труда и отдыха, в санаторно-курортные учреждения при наличии медицинских показаний, оплату проезда к месту лечения и обратно. Эти гарантии способствуют укреплению здоровья и своевременному лечению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к категории которых относятся и приемные дети. Приемный ребенок, в соответствии со ст. 57 СК, вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Реализация ребенком этого права может иметь место как при решении повседневных вопросов, возникающих в семье, так и более важных. Полагаем, что необходимо учитывать мнение приемного ребенка и при устройстве в созданную приемную семью новых детей. Хотя согласия приемного ребенка в этом случае по закону не требуется, выяснение его отношения к увеличению семьи и психологическая подготовка должны иметь место. Имущественные права несовершеннолетних урегулированы ст. 60 СК. Приемный ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи в порядке и размерах, которые предусмотрены ст. 80–83, 93–94 СК. Суммы, причитающиеся приемным детям в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение приемных родителей и расходуются ими на содержание, воспитание и образование ребенка. Кроме этого, приемные дети имеют право на содержание, денежные средства на которое выплачиваются ежемесячно в порядке и в размере, которые установлены законами субъектов РФ (п. 3 ст. 148 СК). Верховный Суд РФ разъясняет, что в случае ненадлежащего исполнения обязательств по выплате опекунского пособия, нарушенным следует признавать право несовершеннолетнего ребенка, находящегося под опекой (попечительством), поскольку недостаток денежных средств приводит к стесненному материальному положению ребенка и может послужить основанием для расторжения договора о приемной семье по инициативе приемных родителей, в связи с существенным нарушением условий договора [5]. Приемный ребенок, в соответствии с п. 2 ст. 60 СК, имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на его средства. Право ре-

бенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется статьями 26 и 28 ГК. Охране имущества подопечного посвящена ст. 18 ФЗ «Об опеке и попечительстве», согласно которой опекун или попечитель, а в нашем случае приемный родитель, принимает имущество подопечного, т.е. приемного ребенка, по описи от лиц, осуществлявших его хранение. При оформлении описи имеет право присутствовать приемный ребенок, достигший возраста 14 лет. Ч. 1 ст. 17 ФЗ «Об опеке и попечительстве» [6] прямо предусматривает, что опекуны или попечители не имеют права собственности на имущество подопечных, в т.ч. на суммы алиментов, пенсий, пособий и иных предоставляемых на содержание подопечных социальных выплат. В свою очередь у приемных детей не возникает правового положения члена семьи собственника или нанимателя жилого помещения, который предусмотрен ст. ст. 31, 69 Жилищного кодекса РФ [7] и соответственно не возникает таких правовых последствий, как сохранение права пользования жилым помещением приемного родителя после прекращения договора о приемной семье. Приемные дети имеют право на сохранение права собственности на жилое помещение или права пользования жилым помещением, а при отсутствии жилого помещения имеют право на получение жилого помещения в соответствии с жилищным законодательством (п. 1 ст. 148 СК).

С 1 января 2013 г. действует новая редакция ст. 8 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Теперь эта норма предусматривает, что детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, органом исполнительной власти субъекта РФ, на территории которого находится место жительства

указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта Российской Федерации, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений, по достижении ими возраста 18 лет, а также в случае приобретения ими полной дееспособности до достижения совершеннолетия. В случаях, предусмотренных законодательством субъектов Российской Федерации, жилые помещения могут быть предоставлены лицам ранее чем по достижении ими возраста 18 лет. В список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, включаются в т.ч. и лица, достигшие возраста 14 лет. Вселяет надежду, что реализация ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" [8] разрешит жилищную проблему детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, послужит гарантией сохранения за ними этого жилья.

Таким образом, приемные дети обладают достаточно широким кругом личных неимущественных и имущественных прав. Но не стоит забывать, что одной из задач, стоящих перед приемной семьей, является социализация приемных детей, особенно взятых на воспитание из государственных учреждений. Чрезмерная опека и внушение приемным детям чувства вседозволенности, иждивенчества не соответствуют их интересам. Трудно не согласиться с А.М. Нечаевой в том, что «основу интереса ребенка в семейно-правовой сфере составляет его развитие. Именно развитие служит стержнем определения интересов в любой ситуации, когда нужно их определить при разрешении спора о детях, их устройстве в семью, заменяющую родительскую. Причем развитие «по нарастающей», а не наоборот, что означало бы деградацию личности» [9, с. 78]. Приемные дети должны понимать: «Семья не должна рассматриваться только как питательная среда для взращивания ребенка, семья – это микроколлектив, обеспечивающий совместную жизнь близких друг другу людей, и ребенок – не экзотический цветок, паразитирующий на этой среде. Он пусть и особый, но участник семейного союза. Осознавая это, ребенок сообразно уровню его физического и психического развития может и должен выполнять в

семье определенные функции, тем самым участвуя в созидании общего семейного благополучия. В интересах самого ребенка усвоить, что, с одной стороны, каждый член семьи имеет собственные интересы, а с другой – что жизнь в семье невозможна без совместных действий для ее блага, без поиска взаимоприемлемого баланса интересов внутри семьи [10, с. 178-179]. Такое воспитание подготовит приемного ребенка к самостоятельности, ответственности, станет хорошей основой для будущей семейной жизни. Формирование иждивенческой психологии никак не может способствовать позитивному развитию приемных детей. По мнению М.В. Ивановой, самостоятельность и независимость ребенка является следствием позитивных отношений в приемной семье, где он играет соответствующие его возрастным и индивидуальным особенностям семейные роли помощника старших, защитника младших, следствием освоения ребенком правил семейной жизни и предоставления ему разных степеней свободы в решении семейных проблем [11, с. 9]. Следовательно, те приемные семьи, где дети проявляют самостоятельность и независимость, имеют чувство ответственности перед другими членами семьи, близки к выполнению задачи по социализации приемных детей, их подготовки к самостоятельной жизни.

Согласимся с тем, что «обязанности несовершеннолетних, скорее, носят моральный характер (помогать родителям по хозяйству, участвовать по мере сил и возможности в жизни семьи и т.п.)» [12, с. 189], поскольку построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, в соответствии с п. 1 ст. 1 СК, относятся к основным началам семейного законодательства и не требуют дополнительной регламентации при создании любой семьи (путем регистрации брака, принятия детей на воспитание ...). Поэтому доводы Р.А. Шукурова о том, что «договором приемные дети могут быть обременены определенными обязанностями», «приемный ребенок обязан уважительно относиться к своим приемным родителям, оказывая посильную помощь в организации общего быта и досуга...», «соблюдать правила, регулирующие деятельность общеобразовательных учреждений: не пропускать занятий без уважительных причин, осуществлять подготовку к занятиям и т.д.», «тщательно соблюдать предписания лечащего врача и т.п.» [13, с. 75, 77], нам представляются юридически необоснованными. Не будут способствовать

созданию и укреплению приемной семьи действия приемного родителя по ознакомлению приемного ребенка с его обязанностями, закрепленными в тексте договора о том, что «при отсутствии уважения их и помощи им с его стороны, договор может быть расторгнут и ребенок будет возвращен в соответствующее детское учреждение» [14, с. 78]. Такое действие может быть воспринято ребенком как угроза и вряд ли вызовет уважение к будущим приемным родителям. Р.А. Шукуров пишет: «Расторжение договора и возврат приемного ребенка в детское учреждение, – это, по сути, есть санкция за неисполнение ребенком своей обязанности по уважению приемных родителей и оказанию им помощи» [15, с. 78]. В связи с тем, что основной обязанностью приемных родителей при создании приемной семьи является воспитание приемного ребенка, отсутствие уважения, взаимопонимания, взаимопомощи, полагаем, следует расценивать не как проступок со стороны приемного ребенка, а недостаток в исполнении приемными родителями принятых на себя обязательств, неумение или нежелание создать в семье благоприятные условия для гармоничного развития приемного ребенка. Такую позицию Р.А. Шукурова, О.В. Фетисова считают ошибочной и поскольку подобные обязанности ребенка «находятся вне правового воздействия, соответственно вытекать из закона они просто не могут» [16, с. 196], а в договоре о передаче ребенка в приемную семью «предусмотреть обязанности будущего воспитанника также невозможно» [17, с. 196].

Вызывают сомнения и выводы И.А. Банникова о том, что «в целях правового воспитания ребенка и оптимального учета его интересов он с десяти лет привлекается к обсуждению и выработке условий договора, касающихся, в частности, его увлечений, выбора дополнительного образования, вида спорта, проведения досуга. А с четырнадцатилетнего возраста воля приемного ребенка должна закрепляться в тексте договора и удостоверяться его подписью. Устанавливая в данном договоре подобные условия, воспитанник приемной семьи берет на себя обязательство принять услуги, связанные например, с его увлечением хоккеем» [18, с. 140–141]. При заключении договора о приемной семье органом опеки и попечительства и приемными родителями должны учитываться определенные способности либо состояние здоровья приемного ребенка, но отражение в договоре различных увлечений, о которых ребенок может заявлять в десятилетнем возрасте, нецелесообразно. Точно также может измениться увлечение и у четырнадцатилетнего

подростка, поэтому понуждение его к принятию на себя обязательства, например, по игре в хоккей, не соответствует интересам ребенка. Эти ситуации относятся к внутрисемейным вопросам и должны решаться по взаимному согласию (п. 3 ст. 1 СК).

Таким образом, правовое положение приемных детей характеризуется особой заботой государства ввиду их особого статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при этом законодательно закреплены только их личные неимущественные и имущественные права, а также дополнительные социальные гарантии. Обязанности приемных детей нормами права не урегулированы, они должны исполняться ими добровольно ввиду любви и уважения к членам своей приемной семьи, взаимопомощи и ответственности, которые должны быть привиты им в результате семейного воспитания. Закрепление каких-либо обязанностей приемных детей перед сторонами договора о приемной семье противоречит действующему законодательству.

Литература

1. Семейный кодекс РФ от 29. 12. 1995 г. № 223 – ФЗ ГД РФ 08.12.1995 г. (ред. 30.11.11 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 21.11.2011 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5880.
3. Ст. 20 ФЗ от 21.11.2011 N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1696-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Исламовой Янии Эльдаровны на нарушение ее конституционных прав положениями ст. 1 и пункта 3 ст. 6 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2006 г. № 58-ВО5-111 // БВС. – 2007. – № 9.
6. ФЗ «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. 01.07.2011) // СЗ РФ. – 2008. – №17. – Ст. 1755.
7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 29.06.2012) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14.
8. Федеральный закон РФ от 29. 02. 2012 г. № 15 – ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" // Российская газета. Федер. выпуск № 5719. – 2012. – 2 марта.
9. Нечаева А.М. Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. – 2012. – №1.
10. Косова О.Ю. Конвенция о правах ребенка и право детей на семейное воспитание. // Семейное право на рубеже XX – XXI вв. К 20-летию Конвенции ООН о правах ре-

- бенка: материалы междунар. конф., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2010.
11. Иванова М.В. Социально-педагогическая реабилитация детей-сирот в условиях приемной семьи: дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2007.
  12. Нечаева А.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2009.
  13. Шукуров Р.А. Приемная семья по семейному праву России: дис. ... канд. юр. наук. – Белгород, 2004.
  14. Шукуров Р.А. Там же.
  15. Шукуров Р.А. Там же.
  16. Фетисова О.В. Приемная семья как способ семейного воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук. – М., 2005.
  17. Фетисова О.В. Там же.
  18. Банников И.А. Договор о передаче ребенка на воспитание в приемную семью в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук. – М., 2007.

Доржиева Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета БГУ, e-mail dsv_1@mail.ru.

Dorzhiyeva Svetlana Vladimirovna, Senior Lecturer at Civil Law and Procedure Chair, Law Faculty, Buryat State University, e-mail: dsv_1@mail.ru.

УДК 347.1

© Ю.В. Максимова

СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

В данной статье рассматривается вопрос, кто может выступать на стороне заказчика и исполнителя в договоре возмездного оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: пациент, врач, медицинское учреждение, исполнитель, заказчик, медицинская услуга.

Yu.V. Maksimova

SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS IN THE SPHERE OF RENDERING MEDICAL SERVICES

The article deals with a question who is eligible to be on the side of a contract giver and service provider in the contract of provision medical service for a fee.

Keywords: patient, doctor, medical institution, service giver, contract giver, medical service.

Как видно из содержания ст. 779 ГК РФ, в договоре возмездного оказания услуг определены две стороны: заказчик и исполнитель. Одним из основных заказчиков медицинской услуги являются публично-правовые образования, которые посредством системы обязательного медицинского страхования защищают интересы населения в области охраны здоровья. Реализацией данного направления государственной политики занимается Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. Помимо этого, на стороне заказчика могут выступать конкретные государственные органы, например, федеральные органы правительственной связи и информации [9], военный комиссариат [2], управление делами Губернатора [7]. Их статус заказчика определен в пункте 1 ст. 4 ФЗ "О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд" [13]. Если в договоре стороны (заказчик и исполнитель) установят, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу (в частности, гражданину, которому требуется оказание медицинской-

услуги), имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу, тогда мы имеем дело с договором в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ). Таким образом, можно наблюдать ситуацию, когда «понятия "заказчик" услуги и ее "потребитель" не совпадают, поскольку страховая медицинская организация выполняет функцию посредника между производителем медицинской услуги и ее потребителем и заключает договор на оказание медицинской помощи в интересах потребителя» [6]. Зачастую заказчиками выступают физические лица, например, при заключении договора на оказание платных медицинских услуг (дополнительных к гарантированному объему бесплатной медицинской помощи). Например, при реализации права на репродуктивную деятельность, заказчиками могут выступать одновременно оба супруга [10] или женщина, не состоящая в браке. И в то же время в некоторых случаях заказчик и потребитель услуги, на которого распространяется действие Закона «О защите прав потребителей», совпадают. Словарь русского языка определяет термин «пациент» как лицо, обратившееся за медицинской помощью или нахо-

дящееся под медицинским наблюдением [1]. В научной литературе высказываются разные мнения относительно определения значения термина «пациент», единства не наблюдается. В законодательстве не дается определение этого термина, хотя существуют нормативные правовые акты, в которых раскрываются права пациента. «Основы концепции прав пациента в Европе: общие положения» определяют данный термин следующим образом: «здоровый (здоровые) или больной (больные) потребитель (потребители) медицинских услуг» [8]. К содержательным признакам термина «пациент» можно отнести: 1) физическое лицо (независимо от возраста, гражданства, состояния здоровья и т.п.); 2) лицо, находящееся в правоотношениях с одним из субъектов здравоохранения – с предприятием, учреждением, организацией, лицом, занимающимся частной практикой; 3) лицо, которому непосредственно оказывается медицинская помощь/медицинская услуга (при этом неважно, кто был инициатором обращения за ней).

Таким образом, можно сделать вывод, что пациент – это лицо, являющееся потребителем медицинской услуги. В теории права правовое положение граждан именуют правовым статусом, который может быть общим, специальным и индивидуальным. Полагаем, что пациент относится к лицам, обладающим специальным правовым статусом. Но, если взять за основу общий подход к классификации правового статуса, тогда в рамках правового статуса пациента мы позволим себе вести речь о таких разновидностях (подвидах) его статуса, как: 1) общий правовой статус пациента, который характерен для любого лица, обратившегося за медицинской помощью. Права, составляющие содержание данного статуса, закреплены в ст. 18-23 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", и рассматриваются в качестве основополагающих рядом авторов учебной и справочной литературы, с чем нельзя не согласиться; 2) специальный правовой статус пациента, который свойственен для отдельных категорий пациентов и/или лиц, имеющих какое-то определенное заболевание. Так, можно говорить о правах донора крови [11], инвалидов [4], правах беременных, лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и т.п.); 3) индивидуальный правовой статус пациента, который характеризует положение конкретного субъекта, нуждающегося в медицинской помощи. Повышенное внимание к рассмотрению и изучению статуса пациента на международном уровне, в на-

учной литературе позволяет говорить о различных классификациях его прав [12]. Обусловлено это тем, что пациент является ключевой фигурой в правоотношениях по оказанию медицинских услуг. Исполнителями в рамках договора возмездного оказания медицинских услуг могут выступать субъекты государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, в частности: лечебно-профилактические учреждения, медицинские организации, которые являются юридическими лицами, а также лица, занимающиеся частной медицинской практикой. Требования к непосредственному исполнителю медицинской услуги закреплены статьей 69 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации". Медицинская услуга оказывается конкретным физическим лицом, которое является представителем медицинской организации. Следует отметить, что в настоящее время нет четкого определения понятий «медицинский работник», «врач», «медицинский персонал», которые используются в медицинской и правоприменительной практике. Полагаем, что семантика слов «работник» и «персонал», а также анализ ряда нормативных документов [3] позволяют сделать вывод о том, что значение понятия «медицинский персонал» является общим по отношению к медицинской организации. В свою очередь, оно включает в себя «медицинских работников», среди которых есть более узкая категория «врач». Так же к исполнителям можно отнести и целителей, которые представляют так называемую «народную медицину». В этом случае, свое право они подтверждают дипломом целителя, выдаваемым органами исполнительной власти субъектов РФ в области здравоохранения. Их деятельность будет регулироваться по аналогии с частной медицинской практикой. На XV Всемирном конгрессе по медицинскому праву было озвучено положение об обратной связи между пациентом и врачом: если исполнители медицинских услуг могут гарантировать предоставление соответствующей (то есть безукоризненной) помощи, они могут ожидать, что и пациент, в свою очередь, «сработает, что называется, как образцовый больной» [5]. Таким образом, можно говорить о единстве действий врача и пациента – они находятся в одной неразрывной правовой связи.

Подводя итог, позволим отметить следующее. Как видно, субъектный состав участников обязательств по оказанию медицинских услуг разнообразен: в них задействованы физические и юридические лица, а также публично-

правовые образования. Сторону заказчика могут представлять следующие субъекты: физические лица (пациент, в частности); юридические лица (например, организация в отношении своих работников) и публично-правовые образования. Если на стороне заказчика выступает лицо, которое не является потребителем медицинской услуги, имеет место договор в пользу третьего лица, в частности, пациента. Если заказчик заключает договор по поводу удовлетворения своих потребностей, тогда он непосредственно является пациентом. На стороне исполнителя традиционно выступают представители профессионального медицинского сообщества.

Литература и примечания

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000. – С. 788.
2. В Определении ВАС РФ от 27.07.2009 № ВАС-9388/09 по делу № А33-16784/2007 указано, в частности, следующее: «Как установлено судом, между военным комиссариатом (заказчик) и больницей (исполнитель) заключен договор от 01.01.2005 на оказание медицинских услуг, по условиям которого исполнитель принял на себя обязательство проводить необходимые обследования в условиях стационара больным, направленным заказчиком в соответствии с Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе" (далее – Закон), постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 704 "О порядке компенсации расходов, понесенных организациями и гражданами Российской Федерации в связи с реализацией Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. В частности: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 28.08.2008 № 462н "О введении новой системы оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений высшего профессионального и дополнительного профессионального образования, подведомственных Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации". Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Приказ Минздравсоцразвития РФ от 17.09.2007 № 610 "О мерах по организации оказания паллиативной помощи больным ВИЧ-инфекцией". Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Приказ МВД РФ № 1115, Минздрава РФ № 475 от 31.12.1999 (ред. от 18.03.2003) "Об утверждении Инструкции о порядке медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел". Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Приказ Минздравсоцразвития РФ от 09.12.2004 г. № 308 "О вопросах организации деятельности перинатальных Центров". Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Декларация о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН на 2433-м пленарном заседании 9 декабря 1975 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Ерофеев С.В. XV Всемирный конгресс по медицинскому праву // Медицинское право. – 2005. – № 1(9). – С. 54–55; Маленина М.Н., рассматривая доверительный характер таких отношений, отмечала, что без корреспондирующей обязанности пациента следовать предписаниям медицинского персонала и режиму больничного учреждения, невозможно оказание медицинской помощи // Правовое регулирование отношений между гражданами и лечебными учреждениями (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1985. – С. 13.
6. Колоколов Г.Р. Медицинское обслуживание: частные клиники, льготы, лекарства, рецепты, ответственность: Сам себе адвокат. – Вып. № 31. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 10.12.2008 г. № 9-Г08-20 Об оставлении без изменения решения Нижегородского областного суда от 04.09.2008 г., которым оставлено без удовлетворения заявление о признании недействующими пунктов 1, 2.2, 2.3, 3 Указа Губернатора Нижегородской области "О медицинском обслуживании государственных гражданских служащих Нижегородской области" от 29.10.2007 № 59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Основы концепции прав пациента в Европе: общие положения (Principles of the Rights of Patients in Europe: A Common Framework (Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе). Приняты Европейским консультативным совещанием ВОЗ по правам пациента, проходившим в Амстердаме с 28 по 30 марта 1994 г. [WWW-документ] // URL: <http://www.patright.org.ua/dpopch.html>.
9. Приказ ФАПСи № 71, Минздрава РФ № 104 от 09.04.1997 г. "Об утверждении Инструкции о порядке оказания медицинской помощи военнослужащим федеральных органов исполнительной власти и информации в учреждениях здравоохранения и проведения финансовых расчетов с этими учреждениями за оказанную медицинскую помощь". Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 242; Дикова И.А. К вопросу о субъектах правоотношений в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий // Юрист. – 2008. – №11. – С.27; Борисова Т.Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики // Российская юстиция. – 2009. – №4. – С.23; Кожеурова О.Б. Медицинская услуга как объект вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. – 2009. – №2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. См. раздел II Закона РФ от 09.06.1993 № 5142-1 "О донорстве крови и ее компонентов". Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. См., в частности: Основы концепции прав пациента в Европе: общие положения (Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе). Указ. соч.; Международные и национальные действия по правам пациентов [WWW-документ] // URL: <http://www.patright.org.ua/facts.html>; Лиссабонская декларация о правах пациента, принятая 34-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей в Португалии (сентябрь/октябрь 1981 г.) [WWW-документ] // URL: <http://www.med-pravo.ru/Ethics/LisbonDecl.htm> (2009. 25 августа. Режим доступа-свободный); Елина Н.К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг: дис. ... канд. юр. наук. – Волгоград, 2006. – С. 11-12.
13. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ "О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд". Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Максимова Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения ФГОБУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова».

Maximova Yulia Vladimirovna, Senior lecturer at International Law and Comparative Law Chair of Katanov Hakassky State University.

УДК 347.918

© Д.А. Шанькин

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА ФАКТИЧЕСКУЮ ПОТЕРЮ ВРЕМЕНИ

Статья посвящена анализу актуальных проблем применения нормы гражданского процессуального права, устанавливающей возможность взыскания компенсации за фактическую потерю времени. В статье рассматриваются условия и порядок применения нормы. Особое внимание уделяется вопросу о значении данной нормы права и причинах практически полного отсутствия правоприменительной практики по ней.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, компенсация за фактическую потерю времени, недобросовестное поведение сторон.

D.A. Shankin

COMPENSATION FOR THE ACTUAL LOSS OF TIME

The article is devoted to the analysis of actual problems of application of civil procedural law establishing possibility of collecting compensation for the actual loss of time. Terms and procedures of relevant norms applications are described in the article. Special attention is paid to the sense and importance of this rule of law and the reasons for almost complete absence of legal practice on it.

Keywords: abuse of procedural rights, compensation for the actual loss of time, inequitable conduct of parties.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) в статье 99 указывает, что со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени. При этом размер компенсации определяется судом в разумных пределах и с учетом конкретных обстоятельств. Указанная норма не является новеллой для действующего ГПК РФ. Впервые аналогичная норма права была закреплена в процессуальном законе в 1929 г. – она появилась в качестве примечания 2 к ст. 46 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. Норма была сохранена и во всех последующих гражданских процессуальных кодексах. Без каких-либо существенных изменений данная норма существовала до 1995 г., именно тогда законодатель перестал связывать ее размер со средним заработком и ограничением 5% присужденной части иска, указав, что размер должен определяться судом в разумных пределах и с учетом конкретных обстоятельств. В действующем Гражданском процессуальном кодексе по сравнению с его предшественником лишь был заменен термин «вознаграждение» на термин «компенсация».

В настоящей статье постараемся разобраться в структуре и специфике данной нормы, порядке ее применения и тех задачах, которые она призвана решать. Сразу следует оговориться о тех проблемах, с которыми мы столкнемся в исследовании данной нормы – практически полном отсутствии правоприменительной практики.

Можно согласиться со справедливим мнением М.В. Калининой, указавшей на то, что норма, которая существует в нашем законодательстве более 80 лет, фактически не работает, поскольку не может выполнить в полной мере возложенную на нее компенсационную функцию, сложна в применении из-за чрезмерной абстрактности, вызывает очевидные трудности в процессе доказывания. В результате этого сторона, которая виновна в процессуальных злоупотреблениях, остается безнаказанной. Неприменение нормы лишает добросовестную сторону права на компенсацию причиненных убытков в виде потерянного на процесс времени. Более того, сложившаяся ситуация подрывает авторитет судебной власти, которая демонстрирует таким образом свою несостоятельность в обеспечении эффективного судебного разбирательства [4]. Между тем в настоящее время статья 99 ГПК РФ является практически единственной нормой права в гражданском процессуальном кодексе, на которую возложена функция пресечения лю-

бых встречающихся в процессе судебного разбирательства злоупотреблений процессуальными правами участников процесса [6]. Как видно из диспозиции рассматриваемой нормы права, законодатель вводит несколько оснований ее применения. В качестве таковых следует назвать следующее три основания: 1) стороной по делу заявлен неосновательный иск, и данный иск заявлен недобросовестно; 2) стороной по делу заявлены неосновательные возражения, и данные возражения заявлены недобросовестно; 3) сторона, с которой требуют компенсации за потерю времени, систематически противодействовала правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Указанные основания могут иметь место как по отдельности, так и вместе, использоваться сторонами в одном судебном разбирательстве, причем сами по себе на размер подлежащей взысканию денежной суммы они влияния не оказывают, т.к. являются основанием для «включения» статьи, условием ее применения. Остановимся немного подробнее на указанных в законе критериях оснований применения статьи.

Критерий неосновательности требований либо возражений на требования подлежит установлению в ходе судебного разбирательства. До окончания процесса и вынесения решения суда об отказе либо удовлетворении заявленных требований говорить об обоснованности заявленных требований либо возражений на них невозможно. Таким образом, первым условием применения ст. 99 ГПК РФ является удовлетворение либо отказ в удовлетворении заявленных в суд требований. Причем право требовать компенсации за фактическую потерю времени приобретает сторона, чьи пожелания были удовлетворены судом. Указанный подход должен так же применяться и в том случае, если решения суда как итогового акта разрешающего спор по существу не состоялось. Такая ситуация возможна в случае отказа истца от иска либо признания иска ответчиком. Однако, ввиду отсутствия резолютивного акта суда, оценивающего позиции сторон критерий, обоснованности требований и возражений должен учитываться, исходя из воли сторон и юридических причин ее формирования. Так, в случае если истец отказывается от иска по причине добровольного удовлетворения ответчиком требований истца уже после предъявления искового заявления в суд, говорить о необоснованности заявленного искового заявления невозможно, однако если причины отказа от иска другие, можно утверждать, что заявленный истцом иск был необоснован и истец самостоя-

тельно признал это. Признание исковых требований, если им не предшествовали необоснованные возражения, вообще исключают возможность говорить о применении рассматриваемой статьи, т.к. ответчик не совершает никаких действий, направленных против требований истца. Причины же подачи искового заявления, и, следовательно, время, затраченное на его подготовку, находятся вне рамок регулирования данной нормы права, т.к. она относится к категории судебных издержек.

Следующим критерием применения ст. 99 ГПК РФ является недобросовестность стороны, заявляющей требования либо возражения на них. Недобросовестно, согласно толковому словарю – это оценочная характеристика чьего-либо поведения, чьих-либо действий, поступков как не отличающихся честным и ответственным отношением к своим обязанностям [2]. Возможность судебной защиты прав и законных интересов закреплена ст. 46 Конституции РФ. Причем реализация этого права осуществляется как в форме подачи требования о судебной защите в суд, так и при представлении возражений на заявленные требования. Подача искового заявления, возражений на исковое заявление сами по себе не могут рассматриваться в качестве недобросовестных, даже если они и будут отклонены судом по причине необоснованности. О недобросовестности поведения стороны можно говорить лишь в том случае, если сторона знает о необоснованности своих требований еще до получения оценки суда, либо цели, которые ею преследуются, отличны от задач правосудия, закрепленных в ст. 2 ГПК РФ. В качестве примера, наглядно демонстрирующего недобросовестность поведения стороны судебного процесса, можно привести судебный спор, рассмотренный в Екатеринбурге. Местный правозащитник обратился в суд с жалобой на храм, в котором была проведена церемония отпевания его умершего тестя. Истец заявил, что заплатил служителю храма за единоличное отпевание усопшего, однако священник совершил обряд не так, как его просили: он отпел умершего тестя правозащитника вместе с другими усопшими, родственники которых заказали аналогичную церемонию. Тем не менее, суд постановил оставить жалобу неудовлетворенной, обосновав решение тем, что иск должен был подать тот, на кого распространялась услуга (умерший) [7].

Следующим основанием применения статьи 99 ГПК РФ является систематическое противодействие правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Указанные дей-

ствия могут совершаться любой из сторон гражданского процесса, но, как правило, более свойственны ответчику в силу своего процессуального положения в деле. Противодействие может выражаться как в пассивном поведении стороны (неявка в суд, уклонение от получения судебных извещений, неисполнение требований суда о представлении своей позиции и доказательств и т.д.), так и в активном (заявление необоснованных ходатайств, отводов суду, обжалование промежуточных актов по делу и т.д.). Необходимым признаком таких действий является систематичность их совершения. Признак систематизма будет иметь место в том случае, если участник гражданского судопроизводства три и более раза в ходе судопроизводства по одному гражданскому делу оказал противодействие суду в правильном и своевременном рассмотрении и разрешении спора между сторонами. Этим юридический признак систематизма отличается от признака неоднократности, который предполагает совершение деяния два и более раза, и от признака однократности, для наличия которого достаточно единичного юридического действия [1].

После рассмотрения основания применения статьи 99 ГПК РФ, хотелось бы остановиться на порядке ее применения, фактической реализации. Ввиду отнесения рассматриваемой нормы права в главу 7 ГПК РФ «Судебные расходы» порядок ее применения регулируется общими нормами, относящимися к порядку взыскания судебных издержек установленной главой. Определенную сложность в применении этой статьи может оказать порядок доказывания размера суммы, требуемой к взысканию за фактическую потерю времени. Различными авторами предлагались различные методики определения размера требуемой денежной суммы [5], определенный интерес заслуживает формула, приведенная В.С. Зайцевым:

С комп. = Т расч. х С тариф, где **Т расч.** – полное "расчетное время" (в часах), затраченное истцом на защиту своих прав; **С тариф.** – тарифная ставка истца (средняя заработная плата в часах).

Т расч. = Т нпд + Т уч. + Т подг. + Т ссп + Т тр., где Т нпд – время, израсходованное истцом на изучение нормативно-правовых документов по рассматриваемому вопросу; Т уч. – общее время, затраченное истцом на участие в судебных заседаниях разных уровней, включающее время ожидания каждого судебного разбирательства (от первого посещения судебного присутствия до получения решения суда); Т подг. –

время, затраченное истцом на сбор и подготовку необходимых документов для проведения досудебных действий (подготовка претензии, искового заявления, разработка методики и проведение необходимых расчетов для этих документов, подготовка дополнительных материалов по указанию суда в ходе разбирательства дела и т.д.); Т ссп – время, затраченное истцом на обращение в Службу судебных приставов и осуществление необходимого взаимодействия с этой службой; Т тр. – время, затраченное истцом на его транспортные перемещения в ходе реализации его действий, направленных на защиту конституционных прав [3]. В указанной формуле достаточно наглядно приведен порядок определения подлежащей взысканию денежной суммы и определены границы возможных требований: действия, совершаемые стороной в ходе судебного разбирательства. Не могут быть компенсированы в рамках данной статьи временные затраты, понесенные стороной не в рамках судебного разбирательства по той причине, что рассматриваемая норма содержится в главе «судебные расходы» и следовательно имеет свои временные границы: с момента возбуждения судебного разбирательства и до вынесения акта, которым оканчивается судебное разбирательство. Приведенная конструкция нормы достаточно проста и может применяться участниками судебного разбирательства, однако не применяется... Причин тому несколько, но в качестве основных хотелось бы отметить: 1) концентрация внимания суда исключительно на разрешении материально-правового требования и нежелание судей «связываться» с нормой, защищающей порядок судебного разбирательства по причине дополнительных рисков отмены решения суда, возвращения его на новое рассмотрение; 2) перегруженность нормы оценочными категориями, сложными в доказывании и установлении: «недобросовестность», «необоснованность», «систематичность», «фактическая потеря»; 3) малые суммы, на которые может претендовать противоположная сторона по делу. Они, по сути, не являются санкцией за противоправное умышленное действия, а компенсацией доказанных реальных потерь. Указанные недостатки можно преодолеть лишь совместными усилиями:

- законодателя – исключив из текста нормы оценочные понятия и введя вполне конкретные условия применения нормы, установить кратность взыскания доказанной суммы расходов за потерю времени, расширить круг лиц, правомочных требовать компенсации, отнеся к ним третьих лиц, свидетелей;

- суда – строго относиться к исполнению сторонами своих обязанностей, выполнению определений суда, срокам совершения процессуальных действий;

- сторон – заявлять ходатайства о взыскании компенсации за фактическую потерю времени и добиваться их удовлетворения во всех случаях недобросовестного поведения противной стороны в процессе. Расширение практики применения данной нормы позволит наладить противодействие злоупотреблению процессуальными правами, затягиванию процесса, позволит защитить интересы добросовестного участника гражданского процесса и как результат – поднять авторитет судебной власти в целом.

Литература

1. Бодмаев Ч.Ю. Взыскание компенсации за потерю времени // Советник юриста. – 2010. – №3.

Шанькин Денис Александрович, аспирант Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, deni2703@mail.ru.

Shankin Denis Aleksandrovich, postgraduate student at Kutafin Moscow State Law Academy, deni2703@mail.ru

2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. – М., 2010.
3. Зайцев В.С. Практика применения ст. 99 ГПК РФ. Компенсация за потерю времени // Молодежь и наука: сб. материалов VII Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 50-летию первого полета человека в космос [Электронный ресурс] / отв. ред. О.А. Краев. – Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2011.
4. Калинина М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – №6.
5. Климович Е.С. Подход к определению размеров денежной компенсации за потерю времени при рассмотрении судебных дел // Юрист. – 2009. – № 6.
6. Медведев И.Р. Вопросы взыскания компенсации за потерю времени по ГПК РФ // Российская юстиция. – 2007. – № 10.
7. В России объявлен конкурс на самые нелепые судебные решения // <http://lenta.ru/news/2008/12/10/galosha>

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС THE CRIMINAL LAW AND THE CRIMINAL PROCEDURE

УДК 343.9.018

© Ю.П. Гармаев

КОНЦЕПЦИЯ «СУДЕБНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ» И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЛОГИЯ

Развитие научной школы криминалистической ситуалогии позволило успешно реализовать ряд теоретических, а главное – прикладных разработок в науке, одной из которых является концепция судебной перспективы по уголовному делу. Формулируется понятие и классификация «судебных перспектив». На примере расследования уголовных дел демонстрируется насколько важно правоприменителю в разнообразных криминалистических ситуациях задавать и решать вопрос о судебной перспективе по делу в целом и по каждому эпизоду обвинения (составу преступления) в отдельности.

Ключевые слова: Криминалистические ситуации, судебное разбирательство, методика расследования, криминалистическая тактика, прогнозирование, теория принятия решений.

Yu. P. Garmayev

THE CONCEPT OF «JUDICIAL PERSPECTIVE ON THE CRIMINAL CASE» AND FORENSIC SITUALOGY

The development of the scientific school of forensic situalogy allowed to successfully implement a number of theoretical, and most importantly – applied research papers in science, one of which is the concept of "judicial perspective on the criminal case." The concept and classification of "judicial perspectives" is formulated. Drawing on the example of criminal investigations, author demonstrated importance of the law enforcer to set and decide on a matter of judicial perspective in a variety of forensic situations in general and on each episode charges (corpus delicti) discretely.

Keywords: forensic situation, trial, investigation methodologies, forensic tactics, forecasting, decision theory.

Активное развитие научной школы, а теперь уже и самостоятельной частной криминалистической теории криминалистической ситуалогии, дает прекрасный повод оценить не только текущее ее состояние, но и некоторые теоретические и, прежде всего прикладные разработки, которые появились в криминалистике благодаря развитию ситуационного подхода. «Объективная необходимость формирования криминалистической теории ситуаций связана с проблемой повышения эффективности криминалистических рекомендаций, максимальной их направленности на практическую следственную деятельность» [1, с. 8]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Ситуационный подход необходимо реализовывать на прикладном уровне, прежде всего в рамках формирования и внедрения тактико- и методико-криминалистических рекомендаций. Обратим внимание, что к числу закономерностей, входящих в предмет криминалистической ситуалогии, по мнению Т.С. Волчецкой, относятся:

- обусловленность построения информационной модели расследуемого события на основе анализа моделей криминальных ситуаций;

- обусловленность частных криминалистических методик исходными следственными ситуациями [2, с. 25]. Опираясь на эти и другие концептуальные положения, мы в рамках исследования по методике расследования и поддержания государственного обвинения по делам о взятничестве применили ситуационный подход к исследованию как коррупционной криминальной деятельности, так и деятельности криминалистической [3, с. 304]. Опрос и анкетирование более 450 следователей и прокуроров – государственных обвинителей, позволил выделить и заострить внимание на феномене *судебной перспективы по уголовному делу*.

Как известно, словосочетание «судебная перспектива по делу» в законодательстве отсутствует. Кажется странным, но это словосочетание почти не встречается в научной, в том числе и криминалистической, литературе. Между тем, как показало исследование, практически каждый опытный работник правоохранительных органов не может обойтись без указанного термина и применяет его регулярно, осознанно или интуитивно понимая его значение. Применение метода экспертных оценок во взаимодействии с 15-ю

наиболее опытными следователями и прокурорами из числа вышеупомянутых респондентов, а также еще 12-ю адвокатами по уголовным делам, привело к интересным выводам. По мнению правоприменителей, максимально обоснованный прогноз по поводу судебной перспективы, исходя из текущей посткриминальной, оперативной, следственной, судебной ситуации по делу, как и прогноз развития шахматной партии для гроссмейстера, – признак настоящего профессионала уголовного судопроизводства. Однако соответствующего по объему понятия нет ни в криминалистике, ни в уголовном процессе, ни в других науках антикриминального цикла. Вновь отметим, что теоретической базой для анализа и дальнейших научных разработок, связанных с исследуемой категорией, следует признать криминалистическую ситуологию, а также частные криминалистические теории принятия решений [4] и прогнозирования [5]. Так, научное прогнозирование в целом (греч. *prognosis* – знание наперед, предвидение) – разновидность научного предвидения, специальное исследование перспектив какого-либо явления [6, с. 296]. «Прогноз – это результат научного прогнозирования, вывод о возможном наступлении явлений, процессов, событий, основанный на анализе соответствующих данных, характеризующий тенденции и закономерности развития прогнозируемого объекта от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему» [7, с. 126]. Л.Г. Горшенин к числу объектов теории криминалистического прогнозирования относит элементы механизма преступления, закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках, развитие средств и методов судебного исследования [8, с. 21]. Он же отмечает: «необходимость в криминалистических прогнозах ощущается практически во всех сферах деятельности правоохранительных органов на местах, в том числе и в деятельности по расследованию преступлений» [9, с. 13]. Однако Р.С. Белкин, определяя лишь два направления использования прогнозирования в нашей науке – прогнозирование научных исследований и преступности в криминалистическом аспекте этого явления, указывал на невозможность использования криминалистического научного прогнозирования для решения конкретных задач расследования конкретного преступления [10, с. 529, 533]. В силу столь категоричного вывода авторитетного ученого не удалось найти работы, анализирующие научное и прикладное значение категории «судебная перспектива по уголовному делу».

Однако авторам ряда работ прикладного характера, относящихся к различным юридическим наукам, вероятно, было трудно уйти от укоренившегося в практике явления. Так, в одном из справочников прокурора отмечается: «...приостановление дела без достаточных на то оснований.... плохо влияет на судебную перспективу уголовного дела» [11, с. 41]. В одном из комментариев к УПК РФ отмечается, что если прокурор и следователь придерживаются противоположных мнений относительно *судебной перспективы дела*, т.е. о направлении уголовного дела в суд или его прекращении, то это делает невозможным эффективное уголовное преследование [12, с. 64]. Имеются и публикации, прямо указывающие на то, что своевременное определение и реализация судебной перспективы по делам определенных категорий – одна из стратегических задач расследования по конкретному делу [13, с. 34].

С учетом очевидности практической значимости данной категории, ее востребованности в изданиях прикладного характера дадим два определения этого понятия: краткое и полное. Первое – для быстрого запоминания практикующими юристами [14], второе – для всестороннего анализа. 1. *Судебная перспектива по всему делу/эпизоду дела* – это субъективная оценка правоприменителя по поводу вероятности вынесения обвинительного приговора лицу, в отношении которого начато или планируется уголовное преследование. 2. *Судебная перспектива по всему делу/эпизоду дела* – это субъективная оценка правоприменителя (следователя, руководителя следственного органа, прокурора, защитника и др.), данная в разнообразных ситуациях на судебных, но чаще на досудебных стадиях уголовного судопроизводства по поводу того, будет ли направлено в суд конкретное уголовное дело (эпизод обвинения / состав преступления), и каким может быть окончательное судебное решение, если исходить из ситуации по делу на момент оценки и перспектив развития этой ситуации с точки зрения: 1) наличия/отсутствия состава (составов) преступления; 2) предполагаемых доказательств; 3) интенсивности противодействия уголовному преследованию. Заметим, что, во-первых, полное определение основано на ситуационном подходе. Во-вторых, в обоих вариантах акцентирована субъект-объектная природа судебной перспективы. Здесь мы поддерживаем позицию Л.Я. Драпкина и Д.В. Кима о том, что: «... ситуация не может существовать без человека (в данном случае субъекта доказывания), который, воспринимая

окружающую его действительность (но не ситуацию), через свою оценку вкладывает в нее субъективный смысл. Именно при таком взаимодействии на пересечении субъекта и окружающей его действительности и рождается ситуация. Эта ситуация имеет субъект-объектную природу [15, с. 14]. «Формируя и реализуя многочисленные решения по уголовным делам, следователь с необходимостью исходит не из реальной ситуации, а из ее информационной модели, отраженной в его сознании» [16, с. 16].

Исходя из изложенного, с позиции процессуальных интересов представителя стороны обвинения судебная перспектива по конкретному делу/эпизоду может иметь три варианта:

1. *Хорошая судебная перспектива* [17] означает, что в конкретной ситуации по делу (материалу) есть уверенность в том, что:

- наличие состава (составов) преступления в действиях заподозренного [18], подозреваемого, обвиняемого не вызывает серьезных сомнений;

- собрана или в ближайшее время будет собрана такая совокупность допустимых доказательств, которая с максимальной вероятностью позволит стороне обвинения добиться в суде обвинительного приговора;

- противодействие уголовному преследованию, каким бы интенсивным и профессиональным оно не было, не сможет помешать вступлению в силу законного и обоснованного обвинительного приговора.

2. *Неясная («туманная», «неважная») судебная перспектива* – в конкретной ситуации по делу (материалу) наиболее вероятен хотя бы один из трех прогнозов:

- вывод о наличии состава (составов) преступления в действиях заподозренного, подозреваемого, обвиняемого остается спорным;

- еще не собрана минимально необходимая совокупность допустимых обвинительных доказательств и перспективы ее получения еще не ясны;

- противодействие уголовному преследованию достаточно интенсивное и профессиональное и вполне может помешать вступлению в силу обвинительного приговора.

3. *Судебная перспектива по делу отсутствует* – в конкретной ситуации по делу (материалу) наиболее вероятен хотя бы один из трех прогнозов:

- состав преступления отсутствует или его наличие в действиях лица маловероятно;

- не собрана и вряд ли будет собрана минимально необходимая совокупность допустимых обвинительных доказательств;

- противодействие уголовному преследованию такое интенсивное и профессиональное, что может помешать вступлению в силу обвинительного приговора.

Субъективная оценка правоприменителем судебной перспективы как хорошей, неясной или плохой, в каждой ситуации уголовного преследования по конкретному делу имеет очень важное практическое значение. Поясним на примерах.

Пример оперативно-разыскной ситуации 1. До, в ходе и после проведения оперативно-разыскного мероприятия (ОРМ) «оперативный эксперимент» в отношении взяточполучателя:

- соблюдены все требования законодательства об оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД);

- собранные сведения, по мнению оперативных сотрудников, посоветовавшихся со следователем, без сомнений указывают на то, что все признаки состава получения взятки за незаконные действия (ч. 3 ст. 290 УК РФ) налицо;

- каждый из этих признаков, по мнению следователя, может быть доказан уголовно-процессуальными средствами после возбуждения дела (лицо должностное, умысел имеется, за какие действия получена взятка понятно и доказуемо и т.д.);

- противодействие по делу уже имеется и еще прогнозируется, но сторона обвинения знает, как она его сможет преодолеть.

В такой ситуации, даже если дело еще не возбуждено или это произошло только что, сторона обвинения отбрасывает все сомнения. Можно, а чаще всего и нужно действовать решительно, быстро, смело идти на «конфликтные» следственные действия (обыск, арест на имущество и т.п.), при наличии оснований применять самые строгие меры процессуального принуждения (задержание, заключение под стражу, отстранение от должности и т.п.). Поскольку судебная перспектива по делу хорошая, сторона обвинения понимает, что вряд ли «рискует получить» оправдательный приговор, прекращение дела по реабилитирующему основанию, процедуру реабилитации (гл. 18 УПК РФ) и т.д.

Пример оперативно-разыскной либо следственной ситуации 2. В ходе проведения того же ОРМ во время оперативного эксперимента в отношении взяточполучателя осуществляется аудиозапись его переговоров с взяточдателем.

Первая часть предмета взятки (денег) уже передана, но до сих пор осторожный преступник не произнес фраз, свидетельствующих об его умысле на получение взятки за действия, входящие в его служебные полномочия (альтернативный признак преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ). Например, он молчит или намеренно говорит что-то типа: «спасибо, что вернули долг...». В такой проблемной ситуации субъекты стороны обвинения – оперативные сотрудники, следователь, руководитель следственного органа далеко не всегда пойдут на риск, то есть возбудят дело, задержат взяткополучателя, предъявят обвинение и т.д. Заметим, что основания для возбуждения дела есть [19]. Но слишком неясна, туманна в этой ситуации судебная перспектива по этому эпизоду. Возможно в ходе расследования удастся найти доказательства умысла и корыстной заинтересованности взяткополучателя, но уверенности нет. Поэтому очень может быть, что оперативные сотрудники продолжат ОРМ, то есть взятка будет передаваться частями до тех пор, пока заподозренный не допустит проговорку относительно умысла. Вот тогда эта сложная криминалистическая ситуация существенным образом меняется – судебная перспектива по эпизоду превращается из неясной в хорошую, как говорят практические работники – «железную». Другой вариант развития ситуации – дело возбудят и по «неясному» эпизоду, но обвинение будет максимально активно искать так называемую «поддерживающую совокупность» преступлений или новые, более надежные в плане судебной перспективы эпизоды.

Пример оперативно-разыскной ситуации 3. В ходе проведения названного ОРМ оперуполномоченные допустили ряд нарушений закона об ОРД: не было достаточных оснований для проведения ОРМ (ст. 7 ФЗ «Об ОРД»), не соблюдены условия их проведения (ст. 8 ФЗ «Об ОРД»), предмет взятки изъят до возбуждения дела с нарушениями закона, допущена провокация взятки и т.п. Все эти обстоятельства не всегда исключают состав преступления в действиях заподозренного. Предположим, что основания для возбуждения уголовного дела имеются. Но в такой проблемной ситуации судебная перспектива по этому эпизоду вероятнее всего отсутствует, поскольку под сомнения в допустимости поставлены будущие ключевые доказательства обвинения. Сторона защиты с легкостью добьется оправдания подсудимого, прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, что крайне неблагоприятно

для стороны обвинения. И вот перед следователем и прокурором встает вопрос: возбуждать ли дело (предъявлять ли обвинение, избирать ли меру пресечения) по эпизоду, не имеющему в текущей проблемной оперативно-разыскной либо следственной ситуации судебной перспективы? Большинство наших коллег в такой ситуации дает отрицательный ответ. Многие идут на серьезный риск и развивают ситуацию, принимая меры к поиску новых эпизодов (составов) преступной деятельности, как бы откладывая в сторону «дефектный» эпизод (состав). И так, сам процесс и результат оценки вида судебной перспективы по конкретному делу в типовых криминалистических ситуациях имеют важное практическое значение, особенно по уголовным делам об экономических и коррупционных преступлениях, других преступлениях в сфере профессиональной деятельности. Так, уголовные дела о взяточничестве существенно отличаются от других (например, от дел об убийствах) именно тем, что вопрос о судебной перспективе всегда ставится очень остро. Для сравнения: в следственной ситуации обнаружения трупа с криминальными травмами следователь не задумываясь возбудит дело, даже если на тот момент не увидит хорошей судебной перспективы (не найден обвиняемый, есть непроверенные сведения, что субъект не достиг возраста уголовной ответственности и т.п.).

Совсем другие, более проблемные ситуации складываются по делам о взяточничестве и других коррупционных преступлениях. Слишком сложная, «скандальная», общественно значимая категория дел, слишком интенсивное противодействие со стороны защиты – все это учитывают представители стороны обвинения, взвешивая все «за» и «против» при принятии важных правовых решений в проблемных ситуациях, особенно таких как проведение обыска, возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения – заключение под стражу, направление дела в суд с обвинительным заключением и др. Если судебная перспектива в ситуации до возбуждения дела отсутствует, его часто не возбуждают; если перспектива неясная, стараются провести дополнительную проверку, ревизию (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Следователь, другие субъекты уголовного преследования должны по каждому делу (материалу), в каждой ситуации назначения и проведения ОРМ, расследования, судебного рассмотрения дела мысленно задаваться вопросом: «какова на данный момент судебная перспектива по делу в целом и по каждому эпизоду/составу в отдельности (хорошая,

неясная, отсутствует)?». Первый вариант вселяет уверенность и предопределяет решительность. Но уверенность не должна переходить в самоуверенность. Хорошая судебная перспектива не должна давать повод утратить бдительность и внимание к доводам защиты, особенно в части прогноза и преодоления актов противодействия. Второй и третий вариант требуют осторожности, внимательного подхода к анализу признаков состава преступления и совокупности доказательств. Но осторожность не должна перерасти в нерешительность и волокиту при принятии правовых решений. Нужно оперативно, в установленные законом сроки выбрать один из двух вариантов:

- перевести ситуацию в режим хорошей судебной перспективы: обосновать состав (составы) преступления, доказать его (их), подготовить и реализовать тактическую операцию по преодолению противодействия;

- решать вопрос о прекращении уголовного преследования (отказать в возбуждении дела) по инициативе стороны обвинения, пока того же не добились сторона защиты.

Думается, что необходимо в научный оборот ввести и всесторонне проанализировать данную категорию. Например, рекомендации по тактике производства отдельных следственных действий, частные криминалистические методики расследования должны формироваться с применением ситуационного подхода, а также с учетом необходимости ориентировать правоприменителя в вопросах правильной оценки судебной перспективы в той или иной типичной оперативно-разыскной, следственной, судебной ситуации, с учетом которой давать советы по принятию законных, обоснованных, стратегически и тактически выверенных решений.

Литература и примечания

1. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Калининград, 1997. – 248 с.
2. Волчецкая Т.С. Указ. соч.
3. Гармаев Ю.П., Обухов А.А. Квалификация и расследование взятничества: учеб.-практ. пособие. – М.: Норма, 2009. – 304 с.
4. Цветков С.И. Криминалистическая теория принятия решений: дис. ... д-ра юр. наук. – М., 1991.
5. Горшенин Л.Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. – М., 1993; Зорин Г.А. Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности. – Гродно, 1991. – 88 с.
6. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Республика, 1980. – 445 с.
7. Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. – 423 с.
8. Горшенин Л.Г. Указ. соч.
9. Горшенин Л.Г. Указ. соч.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.
11. Трикс А. В. Справочник прокурора. – СПб.: Питер Пресс, 2007. – 240 с.
12. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006.
13. Шелмаков А.Л. Реализация судебной перспективы по уголовным делам об организации незаконной миграции (статья 322.1 УК РФ) // Миграционное право. – 2007. – № 4. – С. 41–44. Но автор статьи опять-таки не поясняет, что он имеет в виду под судебной перспективой. *Примеч. авт.*
14. Хотелось бы здесь попутно выразить принципиальную для автора точку зрения о том, что понятия и определения для задач формирования прикладных криминалистических рекомендаций должны быть по возможности максимально простыми, легкими для запоминания правоприменителями. Более полные, а значит и более сложные понятия и определения должны быть делом разработок научно-теоретического, иногда учебно-методического формата для соответствующей аудитории. *Примеч. авт.*
15. Ким Д.В. Криминалистические ситуации: понятие, структура, классификация: учеб. пособие. – Барнаул: Барнаул. юр. ин-т МВД России, 2011.
16. Драпкин Л.Я. Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2010. – № 2 (4).
17. Варианты термина: «железная перспектива», «идеальная перспектива» и т.п. Здесь и далее – профессиональные жаргонизмы практиков-криминалистов. – прим. автора.
18. Под этим термином практические работники понимают лицо, в отношении которого возникло обоснованное подозрение в том, что им совершено преступление, но процессуальный статус подозреваемого оно еще не приобрело. Обычно такая ситуация возникает до возбуждения уголовного дела, например, в ходе производства ОРМ или проверочных действий. *Примеч. авт.*
19. Часть 2 ст. 140 УПК РФ – достаточные данные, указывающие на признаки преступления, в данном случае – получения взятки. Категория «достаточные данные», как известно, носит оценочный характер. Мы не призываем во всех подобных случаях воздерживаться от возбуждения дела, а лишь приводим пример неясной судебной перспективы. *Примеч. авт.*

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета. E-mail: garmaeff@yandex.ru

Garmaev Yury Petrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor at Criminal Law and Criminal Process Chair, Law Faculty, Buryat State University. E-mail: garmaeff@yandex.ru

УДК 343.2

© А.Н. Мондохонов

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

В статье автор рассматривает уголовно-правовой статус одного из специальных субъектов преступления в соответствии с изменениями уголовного законодательства.

Ключевые слова: специальный субъект преступления, лидер, преступная организация, «вор в законе».

© A.N. Mondohonov

PECULIARITIES OF CRIMINAL AND LEGAL STATUS OF A PERSON, OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

The author considers the criminal and legal status of one of the special subjects of crime in accordance with changes in the criminal law.

Keywords: special subject of crime, leader, criminal organization, «thief in law».

Федеральным законом от 3 ноября 2009 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в уголовное законодательство, а именно в ст. 210 УК РФ, впервые введено в качестве специального субъекта понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Отсутствие легального определения и признаков введенного в уголовный закон специального субъекта ст. 210 УК РФ и оценочная природа этого понятия требуют выработки единообразного понимания рассматриваемого понятия. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 24 постановления от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» (далее – постановление) рекомендует судам устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, выяснить, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией); по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами; по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе. О лидерстве такого лица в преступной иерархии могут свидетельствовать и связи с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. [1]. Соответственно пленум предлагает признавать в качестве основания привлечения к уголовной ответственности по части 4 ст. 210

УК РФ не сам статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии как таковой, а преступные действия конкретного лица, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве. В научной литературе высказываются различные точки зрения на вопрос, кого следует признавать «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии». К слову, под «преступной иерархией» в специальной литературе понимается система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций. Существующий негласный «табель о рангах» (стратификация) закрепляет положение в иерархии того или иного члена криминального сообщества [2, с. 60]. С.Д. Белоцерковский считает, что специальными субъектами ч. 4 ст. 210 УК РФ являются «воры в законе» – лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, доказавшие свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде [3, с. 29]. А. Рагулин и В. Фефелов полагают, что лица, являющиеся «ворами в законе», не во всех случаях занимают высшее положение в преступной иерархии, поскольку это определяется особенностями преступной деятельности конкретного лица, имеющего статус «вора в законе» [4, с. 69]. И. Никитенко и Т. Якушева рассматривают два критерия, которые характеризуют специальный субъект преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ: высшее положение лица в конкретном преступном сообществе (преступной организации) и обладание высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствование на определенной территории – районе, городе, регионе и т.п. [5, с. 61–62].

На наш взгляд, при рассмотрении вопроса о специальном субъекте преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, следует учитывать некоторые моменты: во-первых, пленум Верховного Суда Российской Федерации, отказавшись легализовать «преступную иерархию», акцентировал внимание правоприменителя не на статусах «вора в законе», «авторитета» и т.п., а на совокупности признаков, характеризующих реальное лидерство и авторитет организатора или руководителя в преступном мире. Более того, из смысла п. 24 постановления следует, что для квалификации по части 4 ст. 210 УК РФ достаточно, чтобы лицо обладало авторитетом или лидерством в каком-либо одном преступном сообществе, другими словами, занимало высшее положение в преступной иерархии конкретного преступного сообщества. Поэтому представляется, что для признания лица специальным субъектом ч. 4 ст. 210 УК РФ не обязательно, чтобы оно одновременно обладало высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствовало на определенной территории. Тем не менее в практической деятельности правоохранительные органы не смогут игнорировать наличие в криминальном мире «преступной иерархии», поэтому будут вынуждены в своей работе использовать криминологические познания в указанной сфере. Второй момент связан с пониманием практического статуса «вора в законе», который в силу авторитета звания и налагаемых обязанностей со стороны «преступного мира» решает вопросы координации преступных действий, создает связи между различными организованными группами, разрабатывает планы и организует условия для совершения преступлений такими группами или разделяет сферы преступного влияния и преступных доходов между ними. В частности, после «коронации» на вора возлагаются специальные функции по распространению «воровской идеологии», разбору конфликтов, осуществлению «третейского суда», проведению «воровских сходок» и т.п. [6, с. 68–69]. Учитывая это, считаем, что лица, являющиеся «ворами в законе», во всех случаях занимают высшее положение в преступной иерархии, вопрос лишь в доказывании координационной преступной деятельности конкретного «вора в законе», выраженной в формах, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ. В-третьих, кроме «воров в законе» другим типом «лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии», в криминологии признаются лидеры организованных преступных объединений, не относящиеся к «ворам в законе», однако обла-

дающие авторитетом и реальной властью в преступной среде. Для лидера преступного сообщества характерна публичность его власти не только для членов собственного преступного объединения, но и для других преступных группировок или сообществ (организаций), а также для правоохранительных органов [7, с. 113]. Поэтому полагаем, что законодатель обоснованно не стал сужать рамки специального субъекта только лицами одного «воровского» типа, оставив за пределами применения ч. 4 ст. 210 УК РФ иных криминальных лидеров, также осуществляющих координационную преступную деятельность. И наконец, еще один момент касается соотношения значимости лидеров различных организованных преступных формирований. Так, И. Никитенко и Т. Якушева совершенно справедливо отмечают, что иерархия в структуре преступного сообщества понимается как психологическая структура объединения, в соответствии с которой его члены осознают конкретное лицо как лидера. Таким лидером, как правило, органами следствия и судом признается только организатор (руководитель) всего преступного сообщества, а не его структурных подразделений [8, с. 61].

Однако относительность значимости и положения лидеров различных организованных групп и сообществ будет постоянной, так как всегда кто-нибудь занимает положение выше другого, а конкретное преступное сообщество может выступать в качестве структурного подразделения другого – более масштабного преступного сообщества. По-нашему мнению, эта проблема больше носит теоретический характер, так как на практике расследование осуществляется, как правило, в отношении организаторов и участников одного конкретного преступного сообщества, что связано с большим объемом работы, необходимостью расследования конкретных эпизодов преступной деятельности сообщества и рациональным использованием процессуальных сроков. С учетом этого полагаем, что правоприменителю следует исходить из признака относительной «самостоятельности» преступного сообщества, когда в целом его (ее) преступная деятельность не зависит от других организованных преступных формирований. Соответственно, нельзя исключить возможность признания лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии – лидера преступного сообщества, например, регионального масштаба, которое можно рассматривать в качестве структурного подразделения другого межрегионального преступного сообщества.

Таким образом, основной проблемой применения рассматриваемой новеллы уголовного закона является ее криминологическая составляющая, которая не имеет однозначного толкования и требует формирования судебной практики.

Литература

1. Российская газета. – 2010. – 17 июня.
2. Годунов И.В. Организованная преступность от рассвета до заката. – М., 2008.
3. Белоцерковский С.Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации. – М., 2011.
4. Рагулин А., Фелелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. – 2010. – № 5.
5. Никитенко И., Якушева Т. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2010. – № 5.
6. Годунов И.В. Организованная преступность от рассвета до заката. – М., 2008.
7. Топильская Е. Организованная преступность – государство со знаком минус // Уголовное право. – 2008. – № 5.
8. Никитенко И., Якушева Т. Указ. соч.

Мондохонов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, начальник управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью прокуратуры Забайкальского края

Mondohonov Andrey Nikolaevich, Candidate of Legal Science, Head of Criminal Procedure and Operational-Search Activity Supervision Board at Zabaikalsky Krai Attorney Office.

УДК 159.934.01

© В.М. Мельников

АГРЕССИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье представлены общенаучные и методологические подходы к исследованию агрессивности в поведении личности. Ставится вопрос о необходимости формирования целостного подхода к изучению актуальных проблем агрессивности в социальных группах риска.

Ключевые слова: личность, агрессивность, агрессия, девиантное поведение, социум, группа риска, преступность.

V.M. Melnikov

AGGRESSIVENESS IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE

The article presents general scientific and methodological approaches to the study of aggressiveness in the behavior of the individual. A need for holistic approach to the study of important problems of aggressiveness in social risk groups is discussed.

Keywords: personality, aggressiveness, aggression, deviant behavior, society, risk group, crime.

Современная наука исследует аномальное, отклоняющееся, ненормальное и девиантное поведение человека. Существенным параметром такого поведения выступает проявление агрессивности.

В отечественной и зарубежной науке накоплено достаточно сведений, связанных с историческими традициями понимания агрессивности как адаптивного, но опасного для личности и общества свойства (А. Налчаджян, 2007; А.А. Реан, 1996; Л. Берковиц, 2001; Д. Доллард, 1937; Р. Бэрон, Д. Ричардсон, 1997; К. Лоренц, 1994; К.Ясперс, 1997; и др.).

Масштабы изучения сложных социальных отношений в обществе, связанных с человеческой агрессией и насилием в контексте психологической науки определили разные теоретические представления (психоаналитический подход, этологический подход, гипотеза «фрустрация-агрессия», социальное научение и др.).

У истоков исследования агрессивного поведения людей находится французский социолог Эмиль Дюркгейм, который ввел фундаментальное понятие «аномии», включающей состояние разрушенности. Позже теорию социальной аномии развивали американский социолог Роберт Мертон и фрейдомарксист Эрих Фромм. Выдающийся австрийский ученый, один из основоположников этологии и лауреат Нобелевской премии Конрад Цахариас Лоренц связывает свое определение агрессивности с инстинктом борьбы, направленным против собратьев по виду, т.е. видит в нем значащий факт, который способен принимать особый облик формы (поведения) и движения (поступка), доступный чувственному восприятию индивидом окружающего мира. Итальянский судебный психиатр и антрополог, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве Чезаре Ломброзо утверждал, что в обществе преступ-

ные тенденции могут передаваться генетически. Зигмунд Фрейд – австрийский психиатр и психолог, родоначальник психоанализа, исходя из идей эволюционной антропологии, придавал большое значение агрессии, связывая ее с виной как компонентом самоубийства («инстинкта смерти»).

Несмотря на богатую традицию исследований, агрессивность человека не поддается однозначной оценке, она продолжает быть загадочным явлением. Это обусловлено тем, что в науке еще много неясного в формах индивидуального, группового поведения людей, оценке психической жизни и духовной сферы личности. Потому многие современные исследования перекрываются отдельными дисциплинами, интересами социальных, юридических и клинических психологов, криминологов, психофизиологов и др.

В последние годы все большую популярность приобретают исследования, направленные на изучение когнитивных моделей агрессивного поведения (в разных группах), интенсивности открытых и закрытых актов агрессии и гендерных различий, влияния факторов окружающей среды и средств массовой информации (СМИ), провокационного поведения жертвы, роли наследственности (XXY-хромосомам), патологии мозга и др. [1, с. 151-176]. Следовательно, современный обученный юрист должен знать, уметь разбираться и интерпретировать внешние и внутренние проявления поведения человека, т.к. сам человек может не знать их цели.

В представлении ученых, агрессия – это специальная форма поведения человека и животных, направленная на другие объекты и имеющая цель причинить им вред. В свою очередь агрессивность – черта характера личности с определенной устойчивой позицией, готовностью совершить агрессивные действия [2, с. 24].

Большинство случаев агрессивности человека зависит от различных причин, обусловленных рядом наследственных, личностных, средовых и ситуационных факторов. Первичные опознавательные признаки и симптоматика агрессивности, ее уровень свидетельствуют о поведенческих преобразованиях, крайне близких к расстройству личности. Феноменология агрессивности отличается большим разнообразием. Постоянное проявление агрессивности подразумевает поведенческую патологию (склонность к дезадаптации, тотальность, стабильность), в свою очередь, в значительной степени выраженности она входит в структуру разных психопатологических симптомов [3, с. 89]. Агрессия от-

носится к основной составляющей насильственного поведения.

Бесспорно одно: люди по типу «агрессоры» плохо приспосабливаются к социокультурной среде и ориентируются в жизни, при этом шансы совершения преступления у них выше, чем у других людей. Современная психология предъявляет требования к созданию обоснованной теоретической платформы для осмысления механизма формирования поведенческих девиаций и создания методов управления агрессией. По мнению некоторых авторов, человек должен обладать особым «механизмом декодирования», но он его не имеет [4, с. 241].

Тем не менее, исследователи предпочитают вести отсчет от границ нормы поведения личности, используя для объяснения понятия, характеризующие пограничный (близкий к проблемному) социальный сектор общества, такие как экспектация, аттитюд поведения и др.

Существенным стимулятором агрессивности человека является «агент страха», потери и/или дефицита психофизических ресурсов организма. По мнению Н.П. Бехтеревой, мозг сопротивляется своей монотонностью, воюет с ней, при этом легко берет на вооружение стереотипы, базируется на них для обеспечения следующего уровня деятельности [5, с. 70–71].

Известно, что агрессивными могут быть не только действия, а также идеи и взгляды как одного, так и многих людей. Агрессивное поведение характеризует определенную реакцию общества на него в виде «легкой» групповой девиации, в протестной форме, так и более сложный вариант в виде безумного насилия, доходящего до криминальных действий. Это требует превентивных мер от неотложного лечения, административных мер наказания до уголовной репрессии.

Отечественный создатель классификации преступного насилия Ю.Э. Антонян предлагает делить акты насилия по семи сферам жизни общества, которыми они вызываются (бытовое, в общественных местах, в закрытых и полужакрытых сообществах, репрессивное насилие со стороны представителей государства и его органов, связанное с нарушением права вооруженных конфликтов в ходе межнациональных, религиозных и иных конфликтов и связанных с борьбой за власть) [6, с. 33–35].

Как генерализированное действие агрессивность обладает способностью, не соответствующей индивидуальным нормам и ролям, она близка к вандализму и граничит с садизмом.

Крайней формой поведения агрессивной личности является убийство и суицид.

С юридической точки зрения агрессивность (внутренняя и внешняя) обладает преступным умыслом и легко переходит в насилие, т.е. различные виды агрессивных действий обусловлены не только разными причинами, они входят в структуру разных типов девиантного поведения. Это обуславливает создание разных классификаций агрессивности (к примеру, «агрессивная толпа» Г. Лебона) со свойственным ей аномальным групповым и личностным миром.

В настоящее время ученые разных сфер науки имеют доступную область понимания агрессивности. Этому способствует оценка результатов конкретных наблюдений и возможности расширения потенциального опыта с использованием разных методов, одним из которых является психодиагностика. Однако их стремление использовать психологические тесты и проективные методики, направленные на изучение агрессивности, враждебных реакций (к примеру, тесты Г. Роршаха, Басса-Дарки, ТАТ (тест тематический апперцептивный) и др.) упираются на известные ограничения, зависящие от интуиции, способности к интерпретации, субъективную оценку тех или иных авторов [7, с. 19–22].

Некоторые авторы утверждают, что психология – пока достаточно молодая наука и должна интегрировать в себе возможности идеи художественно-научного познания «гигантов наблюдений» [8, с. 27–29], способных своими догадками определить «уязвимые» и готовые образцы доброты людей [9, с. 260–261].

В целом примеры психологических понятных (аномальных) связей человека с окружающим миром, вызывающих агрессивность, демонстрируют нам три различных аспекта. Во-первых, деструктивное содержание агрессивности; во-вторых, импульсивно-неадаптивная форма проявления и, в-третьих, социальная опасность. По понятным причинам они представляют целостность природы человека, где каждый элемент особым образом может редуцировать агрессию и насильственные преступления. Степень изученности теоретических проблем агрессивности позволяет разглядеть базисные черты, позволяющие говорить о своеобразии и некоторых допущениях разных исследовательских школ и подходов в данной теме.

Таким образом, основное содержание отечественной и зарубежной литературы свидетель-

ствует о том, что агрессивность есть изначально присущее данному человеку состояние, стихийно и преднамеренно формирующее поведение и поступки человека.

Формирование психологической устойчивости личности и активное противодействие агрессивности зависят от многих слагаемых. Мы согласны с мнением Л.П. Гримака, который утверждает, что агрессивность – это влияние и результат парадокса нервно-психической эволюции, обусловленной фактором естественного отбора, а затем возрастающим со временем мощным социальными потрясением [10, с. 18–20].

Обращают на себя внимание социально-психологические проблемы наиболее уязвимой от стрессов группы риска, к которым относятся разные категории людей с низкой или близкой к ней степенью защищенностью перед агрессивностью. Это дети и подростки, для которых раннее научение (примеры и образцы насильственного поведения), криминальная социализация могут играть ключевую роль в развитии разных форм агрессии.

Решение проблем агрессивности зависит от степени активности социума, людей, даже отдельных личностей, занятых в сфере воспитания подрастающего поколения, профилактической деятельностью, психолого-педагогической коррекцией личности, способной противостоять неблагоприятным вариантам поведения, детской безнадзорности и криминальности.

Литература

1. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с.
2. Налчаджян А. Агрессивность человека. – СПб.: Питер, 2007. – 736 с.
3. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. – СПб.: Речь, 2005. – 445 с.
4. Ильин Е.П. Эмоции чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
5. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.: АСТ, 2008. – 383 с.
6. Антонян Ю.М. Криминологические черты агрессивного поведения // Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича. – СПб.: Пресс, 2002. – 464 с.
7. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер, 1999. – 528 с.
8. Олпорт Г. Личность: проблема науки или искусства? Общая психология: тексты. Т.1. Введение / отв. ред. В.В. Петухов. – М., 2001.
9. Леонгард К. Акцентуированные личности. – Ростов н/Д: Феникс, 1997.
10. Гримак Л.П. Тайны гипноза. – СПб.: Питер, 2004.

Melnikov Vladimir Mikhailovich, Candidate of Science in Psychology, Associate professor, Dean of the Law Faculty at Buryat State University, melnikov-baikal@yandex.ru.

УДК 343.8

© Ю.В. Хармаев

О ПРОБЛЕМАХ ВВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ

Статья посвящена вопросам социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Рассматриваются проблемы становления в отечественном российском законодательстве специальной государственной службы пробации. Дается понятие, признаки и сравнительная характеристика данного подразделения со службами пробации в зарубежных странах.

Ключевые слова: социальная адаптация лиц освободившихся из мест лишения свободы, создание федеральной службы пробации, пенитенциарная система, зарубежный опыт ресоциализации осужденных.

Yu.V. Kharmaev

ON ISSUES OF IMPLEMENTATION RUSSIAN FEDERAL PROBATION SERVICE

The article deals with the social adaptation of people released from prison. The problem of formation special state probation service in the domestic legislation of the Russian Federation is contemplated. Concept features, and the comparative characteristic of the branch of the probation service in foreign countries are given.

Keywords: social adaptation of people released from prison, creation of the federal probation service, penitentiary system, international experience of convicts' resocialization.

В юридической и специальной литературе, в отечественном российском законодательстве и в обществе в целом активно в последнее время обсуждается вопрос о социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы и оказания им необходимой помощи с целью ресоциализации последних [1]. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривает создание в РФ государственной службы пробации, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы и оказание помощи в адаптации освобожденных к нормальным условиям общежития. Премьер-министр Российской Федерации Дмитрий Медведев поручил Министерству юстиции России вместе с другими ведомствами в течение 2013 года разработать законопроект, предполагающий создание в России системы пробации [2]. Пробация (от лат. probatio – испытание) – в уголовном праве США, Англии и ряда других стран вид условного осуждения, при котором осужденный помещается на время испытательного срока, установленного судом, под надзор специальных органов; возможен и ряд дополнительных ограничений.

По мнению многих авторов, в том числе и М.Ф. Мусаэлян [3], под пробацией понимается вид условного осуждения, при котором человек на время испытательного срока оказывается под надзором специальных органов и на него могут

накладываться определенные ограничения, в том числе в части посещения определенных мест или общения с отдельными лицами. Примерно такое же определение дается и в ст. 7–1 Уголовного кодекса Казахстана: «пробация в уголовно-исполнительной системе – комплекс мер социально-правового характера, вырабатываемых и реализуемых службой пробации уголовно-исполнительной инспекции индивидуально в отношении каждого условно осужденного в период испытательного срока и нахождения под пробационным контролем для дальнейшей коррекции их поведения с целью предупреждения совершения ими новых преступлений» [4]. Соглашаясь в целом с данными определениями, все же хотелось бы уточнить, что пробация как процесс, по-нашему мнению, должна применяться уполномоченными органами как в отношении условно осужденных, так и в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Для подтверждения данной гипотезы хотелось бы определиться с основными задачами и целями, а также необходимостью появления новой структуры, так называемой федеральной службы пробации. На наш взгляд, в настоящее время соответствующие государственные органы не осуществляют должного контроля и надзора за поведением лиц, условно осужденных, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания, и по отбытии срока наказания отсутствуют эффективные механизмы оказания социальной помощи лицам, освобожденным из мест лише-

ния свободы. Стоит отметить, что меры, принимаемые по социальной адаптации осужденных еще в советский период, по мнению многих специалистов, были гораздо эффективнее, чем это делается на сегодняшний день. Недостатки деятельности государственных и иных органов по реабилитации, ресоциализации, социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, отсутствие системной профилактической работы с последними нередко приводят к негативным последствиям в обществе, в частности к социально-психологической деградации личности, распространению криминальной (тюремной) субкультуры и росту рецидивной преступности.

Следует согласиться с точкой зрения М.Ф. Мусаэлян, что процесс приобщения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, к социальной среде должен носить не только добровольный, но и принудительный характер (контроль, надзор и т.п.) [5]. Социальная адаптация осужденных должна иметь профилактический, реабилитационный и восстановительный характер и быть направлена на их социально-экономическое, культурно-нравственное, психологическое и правовое благополучие. Основной целью, как нам представляется, должно быть содействие социальной адаптации лиц, отбывших наказание, связанное или нет с изоляцией от общества (помощь в восстановлении социально полезных связей, социально-бытовом, трудовом обустройстве, оказание психологической поддержки и т.п.), и предупреждение совершения ими новых преступлений. Такой подход в целом снижает уровень преступности в обществе, предупреждает криминализацию личности, уменьшает нагрузку на пенитенциарную систему и способствует достижению целей наказания. Вышеперечисленные функции коррелируются с теми, которые определены в Рекомендациях СМ/Рес (2010)1 Комитета министров государствам – членам о Правилах Совета Европы о пробации [6, с. 649]. Пробация – использование в обществе наказаний и мер, предусмотренных законом и назначенных правонарушителю. Она предполагает широкий круг видов деятельности и мер воспитательного воздействия, включая надзор, руководство и оказание помощи, которые направлены на вовлечение осужденного в общественную жизнь, а также на обеспечение безопасности общества. А служба пробации, по мнению авторов, это любое ведомство, созданное в соответствии с законом для выполнения вышеуказанных задач и функций. Деятельность службы пробации должна выпол-

нять следующие функции: предоставление информации и консультаций суду и иным органам, принимающим решение, для оказания им помощи в вынесении обоснованного и справедливого приговора; оказание помощи и поддержки заключенным для подготовки их к освобождению и последующему постпенитенциарному контролю; мониторинг и оказание помощи лицам, подлежащим досрочному освобождению; проведение мероприятий восстановительного правосудия: оказание помощи жертвам преступлений. Исходя из вышесказанного и с учетом международного опыта [7], основными направлениями деятельности службы пробации в России могут быть организация работы с правонарушителями на стадиях до вынесения приговора, после вынесения приговора к наказанию, не связанному с изоляцией от общества, исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, осуществление контроля и надзора за поведением условно осужденных, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания и по отбытии срока наказания и оказание помощи в ресоциализации и социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Учитывая специфику уголовных наказаний, степень тяжести совершенных преступлений, а также личность правонарушителя, существует ряд специальных субъектов и органов, осуществляющих контроль за лицами, освобожденными от наказания. Как отмечают специалисты в области российского уголовно-исполнительного права [8, с. 483–497] такие субъекты делятся сегодня условно на пять групп. К основному центральному звену в данной системе субъектов относится уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденных. Данные подразделения в соответствии с ч. 6 ст. 73 Уголовного кодекса РФ и ст. 108 Уголовно-исполнительного кодекса РФ несут основную нагрузку по контролю и учету за поведением условно осужденных, условно-досрочно освобожденных, а также лицами осужденными к наказаниям, не связанными с изоляцией от общества. Контроль за поведением условно осужденных военнослужащих и военнослужащих условно-досрочно освобожденных осуществляется командованием воинских частей и учреждений [9]. В соответствии с п. 26 ст. 12 Федерального закона РФ «О полиции» (в ред. от 07.02.2011 г.) на полицию возлагается обязанность осуществлять контроль (надзор) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом в соответствии с федеральным законом запретов ограничений;

участвовать в осуществлении контроля за поведением осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно. Согласно ч. 1 и 2 ст. 4 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ определен перечень органов и учреждений, которые обязаны проводить профилактическую работу в отношении несовершеннолетних с девиантным поведением, определенную законодательством [10]. Наконец, контроль за лицами, освобожденными от отбывания наказания может осуществляться и со стороны некоммерческих организаций, общественных и религиозных объединений, трудовых или иных коллективов, учреждений, организаций, отдельных граждан по месту жительства, работы, учебы (общественный контроль) в соответствии с действующим законодательством [11].

Служба пробации должна активно взаимодействовать с вышеперечисленными органами и учреждениями, а также с семьями осужденных с целью их привлечения к процессу эффективного исправления, реабилитации и социальной адаптации осужденных (особенно несовершеннолетних). Вновь создаваемое подразделение, на наш взгляд, может являться основным связующим звеном в данном направлении, в достижении целей социальной адаптации вышеуказанных лиц. В ряде регионов (Башкортостан, Кировская область) приняты законы «О социальной адаптации бывших заключенных» [12] и созданы реабилитационные центры. Этот положительный опыт должен территориально расширяться и развиваться. Исходя из вышеизложенного, представляется, что необходимо принятие и на федеральном уровне законодательных актов, направленных на регламентацию проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Хармаев Юрий Владимирович, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФ Бурятского государственного университета, к.ю.н., доцент, Заслуженный юрист РБ, тел. (3012) 297160, e-mail:kharmaev@mail.ru.

Kharmaev Yuri Vladimirovich, Head of Criminal Procedure Chair at Law Faculty of Buryat State University, Candidate of Legal Science, Associate professor, honored lawyer of the Republic of Buryatia. Tel: 7(3012) 297160, e-mail: kharmaev@mail.ru.

Литература и примечания

1. Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 275 с.; Радочина Т.Н. Проблемы ресоциализации осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы (пенитенциарный аспект): монография. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010 – 112 с.; Рахмаев Э.С., Данилов Д.Д., Данилова И.Ю. Нормативное регулирование взаимодействия исправительных учреждений с региональными органами власти, органами местного самоуправления и общественными формированиями по вопросам социальной адаптации освобождающихся из мест лишения свободы: монография. – Рязань: Академия ФСИН России, 2009. – 106 с.
2. РИА Новости <http://ria.ru/state/20121017/903323504.html#ixzz215qaeq42>
3. URL: <http://www.juristlib.ru/>.
4. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/T1200000556>.
5. URL: <http://www.juristlib.ru/>.
6. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. – М.: Юрайт, 2012. – 715 с.
7. Служба пробации является важнейшим институтом сферы уголовного правосудия и профилактики правонарушений в США, Канаде, Франции, Англии, Дании, Германии, Польше, Эстонии, Латвии и т.д. *Примеч. авт.*
8. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. – М.: Юрайт, 2012. – 715 с.
9. О правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: Приказ Минобороны РФ от 29.07.1997 № 302 (ред. От 04.09.2006) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – №1. – изм. и доп.
10. В этот перечень субъектов входят: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; органы управления социальной защитой населения; органы управления образованием; органы опеки и попечительства; органы по делам молодежи; органы управления здравоохранением; органы службы занятости; подразделения по делам несовершеннолетних ОВД. *Примеч. авт.*
11. О некоммерческих организациях: ФЗ от 12.01.1996 №7 – ФЗ, ред. от 29.12.2010 (принят ГД ФС РФ 08.12.1995, с изм. и доп. вступившими в силу с 01.01.2011) // СЗ РФ. – 1996. – №3. – Ст. 145 (с изм. и доп.).
12. URL: <http://portal-nko.ru/dialog/news/?id=2397>.

Ювенальная уголовная политика и ее особенности в Монголии

Статья посвящена особенностям уголовной политики Монголии в отношении несовершеннолетних. В сравнении с Российской Федерацией анализируются нормы Уголовного кодекса Монголии, судебная практика, а также меры профилактики преступности несовершеннолетних. Автор обосновывает необходимость имплементации норм международного права, в частности, Руководства ООН по оценке показателей в области правосудия в отношении несовершеннолетних, а также разработки научно обоснованной целостной концепции ювенальной уголовной политики, которая включает в себя уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и криминологическое направления.

Ключевые слова: ювенальная уголовная политика, криминологическая характеристика ювенальной и антиювенальной преступности в Монголии, особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних по УК Монголии, сравнительный анализ УК РФ и УК Монголии, международные акты в области защиты прав и предупреждения преступности несовершеннолетних, «Руководство ООН по оценке показателей в области правосудия в отношении несовершеннолетних», предупреждение преступности несовершеннолетних в Монголии.

E.L. Radnaeva

JUVENILE CRIMINAL POLICY AND ITS PECULIARITIES IN MONGOLIA

The article is devoted to the peculiarities of criminal policy of Mongolia in regard to the juvenile offenders. Norms of Mongolian Criminal Code, judicial practice and preventive measures of juvenile criminality are analyzed in comparison with the Russian Federation law. The author grounds the necessity of implementation of norms of International law and development of scientifically grounded concept of Juvenile criminal policy, which includes criminal, procedural, penal and criminological directions.

Keywords: concept of Juvenile criminal policy, criminological characteristic of juvenile and anti-juvenile policy in Mongolia, peculiarities of criminal amenability and responsibility of juvenile offenders in Mongolia, comparative analysis of Criminal Code of Russia and Mongolia, international acts in the area of protection of rights, UN guidance of evaluation of criteria of infancy justice, prevention of juvenile criminality in Mongolia

В начале третьего тысячелетия решение проблем, связанных с подрастающим поколением, входит в число национальных приоритетов большинства государств. На сегодняшний день в России выработан ряд подходов к определению сущности, значения, принципов и основных направлений ювенальной политики, в том числе и в отношении правонарушителей [1].

Сравнительное правоведение играет ключевую роль в разработке научно обоснованной концепции правовой политики. В этой связи представляет особый интерес изучение опыта формирования ювенальной уголовной политики в странах так называемой молодой демократии.

Монголия – демократическая страна с романо-германской правовой системой, испытавшей значительное влияние от советской системы права, наш давний и надежный партнер во всех сферах сотрудничества. В стране проживает около 2,5 млн человек, из них несовершеннолетние составляют более 35% всего населения страны. Для страны с таким значительным составом молодежи принятие комплексной государственной программы поддержки молодежи – важнейшая стратегическая задача.

Составной частью этой программы должна быть выработка ювенальной уголовной политики как составляющей государственной политики по предупреждению и противодействию пре-

ступности несовершеннолетних и против несовершеннолетних с целью снижения ее негативных последствий для социально-значимых отношений [2]. Она включает в себя следующие направления: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и криминологическую.

Научные исследования проблем ювенальной уголовной политики развиваются в Монголии преимущественно в двух направлениях – уголовно-правовом и криминологическом. В юридической литературе Монголии по рассматриваемой проблеме можно выделить труды таких авторов, как С. Нарангэрэл, С. Айнагул, Г. Даштудэв, Б. Хандмаа, Ц. Мунхбат, А. Болд, Ч. Нямсүрэн, Ц. Амгаланбаяр и др.

Наиболее значимые особенности ювенальной политики государства закладываются историческими особенностями социально-культурного развития народа на основе самобытных национальных отношений и исторической преемственности лучших национальных традиций отношения монголов к детям. Суть этого отношения заключалась в том, что для провинившегося ребенка главной должна быть оценка его проступка близкими (семьей, родом, общиной) без вмешательства властей. Исторический анализ юридической литературы монгольских коллег позволяет выделить существенную особенность

– уголовная политика в отношении несовершеннолетних (термин «ювенальная уголовная политика» в монгольской литературе не встречается) зарождалась в непосредственной связи с развитием государственности и права на территории Монголии. Рядом исследователей отмечается, что уголовная политика Монголии в отношении несовершеннолетних в течение длительного времени не могла развиваться в соответствии с национальными традициями, так как страна длительный исторический период находилась под давлением маньчжурских завоевателей.

Как отмечает А. Цэвэгмид, национальные традиции сохранялись и с освобождением от иноземного господства и объявлением независимости. Эти традиции нашли отражение в уголовной политике в отношении несовершеннолетних [3], развитие которой основывалось на традиционно гуманном отношении к ребенку, в том числе провинившемуся. После объявления независимости в 1924 г. монгольское государство энергично работало над формированием уголовной политики в отношении несовершеннолетних, свидетельством которого является принятие четырех уголовных кодексов в первой половине прошлого века: в 1924, 1929, 1934, 1942 г. Наиболее четко и полно уголовная политика Монголии в отношении несовершеннолетних как целенаправленная деятельность государства сложилась во второй половине XX века. Свое отражение она получила в УК МНР 1960 г., где были закреплены положения, соответствующие принципам гуманизации правоприменительно-го процесса в отношении несовершеннолетних, наполнение его содержания на основе важнейших принципов современной педагогики.

Принятая в 1992 г. новая Конституция Монголии стала основным законодательным документом, обеспечивающим права человека и гражданина, в том числе ребенка. Ст. 19 Конституции Монголии гласит, что «интересы семьи, материнства, младенчества и детей защищаются государством» [4].

На развитие ювенальной уголовной политики стимулирующую роль сыграло международное сотрудничество. Монголия принимает ряд мер по имплементации международно-правовых актов в национальное законодательство в области защиты основных прав ребенка [5]. Конвенция по правам ребенка была ратифицирована Монголией в 1990 г., после чего в 1996 г. был принят первый закон о защите прав ребенка [6].

Что касается инструментов механизма реализации прав детей, в Монголии функционирует возглавляемый премьер-министром Националь-

ный совет по делам детей, функции секретариата для которого исполняет Национальное управление по делам детей. Национальная стратегия в интересах детей, которая была одобрена постановлением Правительства Монголии № 197 от 2004 г., гарантирует участие детей на всех стадиях процесса принятия решений [7].

Несмотря на определенную стабилизацию в последнее десятилетие экономической и политической обстановки в Монголии, криминальная ситуация в стране по-прежнему остается весьма сложной, особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса, отразившегося на кризисе института семьи и, как следствие, росте преступлений несовершеннолетних и против несовершеннолетних.

В настоящее время в Монголии около 25–30% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье, из которых женщины и дети составляют 70% всех жертв. По данным Министерства юстиции и внутренних дел Монголии, родители ежегодно избивают до 2 тыс. детей в возрасте до 14 лет. Спасаясь от насилия, более 4 тыс. детей убегают из дома, а 20 – находятся в розыске.

В Монголии сегодня около 4000 беспризорных детей в возрасте от 5 до 18 лет. Вследствие пробелов в Законе об образовании Монголии каждый год 8–10 тыс. детей бросают школу. В результате преступлений в Монголии в 2007 г. погибло 2 несовершеннолетних, в 2008 г. – 2, в 2010 г. – 2. Четырем несовершеннолетним в 2008 г., трем в 2009 г. и девяти в 2010 г. был причинен тяжкий вред здоровью. Удельный вес несовершеннолетних в общем количестве потерпевших данного вида составлял 8,78% в 2009 г. и 8,12% в 2010 г. [8, с. 86].

Сегодня несовершеннолетние потерпевшие в Монголии составляют 1,2% жертв причинения тяжкого вреда здоровью и истязания; 4,7% жертв заражения венерической болезнью. Заболеваемость сифилисом с 1995 по 2010 г. увеличилась в 4 раза, а количество больных детей – в 6 раз. Распространенной формой жестокого обращения с детьми стало сексуальное насилие. В 2007 г. зарегистрировано 11 развратных действий, в 2008 г. – 6, в 2009 г. 8, в 2010 г. – 7. В 2007 г. было зарегистрировано 5 фактов полового сношения и иных действий сексуального характера с детьми, не достигшими четырнадцатилетнего возраста, в 2008 г. и 2009 г. – по 3 подобных случая, в 2010 г. – 2. Особым проявлением незащищенности детей от «взрослого мира» является убийство матерью новорожденного ребенка. В 2007 г. зарегистрировано 2, в 2008 г.

– 1, в 2009 г. – 2, и в 2010 г. – 2 детоубийства. В ходе проведенного Исследовательским центром прав потерпевших (г. Улан-Батор) исследования 100 дел и 120 несовершеннолетних жертв преступлений было установлено, что 30% составляют потерпевшие от преступлений против половой неприкосновенности, 46% – против жизни и здоровья, 16% – против семьи и несовершеннолетних, 4,5% – против собственности и 3,5% – против общественной безопасности [9, с. 26].

Криминологами не подвергается сомнению тот факт, что совершение преступлений против несовершеннолетнего способствует, наряду с целым комплексом иных криминогенных детерминант, втягиванию его в орбиту криминальных отношений. То есть ювенальная и антиювенальная преступность выступают как взаимосвязанные, более того, взаимообуславливающие явления. Совершение взрослыми лицами преступлений против интересов несовершеннолетних способствует пополнению преступных рядов за счет последних.

Данный механизм отчетливо проявляется в тенденциях преступности несовершеннолетних в Монголии. Наибольший рост отмечался в 1993–2003 г., когда ее удельный вес в общей структуре преступности возрос с 4,1 до 8,2%. В современное время официальная статистика ювенальной преступности имеет, как и в России, тенденцию к снижению: в 2010 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 30% по сравнению с 2009 г. По показателям 2011 г. за первые 4 месяца было возбуждено 23 уголовных дела в отношении несовершеннолетних. В структуре подростковой преступности преобладают, как и в большинстве стран, корыстные преступления: 57% составляют кражи, по 14% – грабежи, изнасилования, вымогательство. По сравнению с 2010 г., в 2011 г. кражи увеличились на 25% [10].

Что касается личности правонарушителей, то 88% детей – учащиеся средних общеобразовательных заведений, колледжей и профессиональных училищ, 11% – дети, нигде не обучающиеся и не работающие. По сравнению с 2010 г. увеличилось количество преступлений, совершенных студентами колледжей и профессиональных училищ (на 63%). Тезис о возрастании уровня опасности преступности несовершеннолетних, несмотря на сокращение ее количественных показателей, подтверждается анализом качественных характеристик. Новейшими для Монголии видами преступности несовершеннолетних являются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Наибольшее количество преступлений совершаются в центральных многонаселенных местностях, городах. Проведенный анализ показывает, что распространенность, общественная опасность, характер и направленность преступности несовершеннолетних в Монголии в целом не отличаются от тенденций подростковой преступности в других странах, в том числе и России. Она не является чем-то специфичным только для монгольской действительности, а объясняется объективными конкретными социально-экономическими условиями.

Рассмотрим особенности уголовно-правовой политики, являющейся доминирующим элементом уголовной политики, т.к. именно она в виде уголовно-правовых запретов устанавливает направления воздействия на преступность несовершеннолетних и наказания для несовершеннолетних правонарушителей. Именно на ее основе формируются стратегия и тактика политики уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной и криминологической [11, с. 25].

Современная уголовно-правовая политика в отношении несовершеннолетних демократического монгольского государства ориентирована на защиту их прав и интересов. В особенную часть УК МР, действующего с 1 сентября 2002 г., включена самостоятельная глава «Преступления против детей, семьи, общественной нравственности», в которой более 10 видов преступлений, таких как вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (ст. 114), вовлечение несовершеннолетних в занятие пьянством, употребление наркотиков, проституцию, бродяжничество, попрошайничество (ст. 115), невыполнение обязанностей по воспитанию (ст. 118), принуждение детей к работе (ст. 121).

Гуманизация как важное направление ювенальной уголовной политики Монголии проявляется в уголовном законодательстве через исключение отдельных видов наказаний из установленной законом системы, конкретизацию оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, совершенствование структуры разделов, глав и отдельных статей Кодекса, преобразование ряда институтов и уголовно-правовых норм в целях расширения перечня уголовно-правовых льгот по отношению к несовершеннолетним, оказавшимся в сфере влияния уголовного законодательства, и снижения уровня его репрессивности.

Принимая во внимание рекомендации международных документов в сфере защиты прав

несовершеннолетних, в Уголовном кодексе Монголии нашли отражение следующие положения.

Уголовная ответственность предусмотрена с 16-летнего возраста. За отдельные преступления уголовная ответственность установлена с 14 лет, что закреплено специальными пунктами Кодекса: 91 (умышленное убийство), 96 (умышленное нанесение тяжких телесных повреждений), 126 (изнасилование), 145 (кража чужого имущества), 146 (грабеж), 147 (разбой), 153 (умышленное уничтожение, повреждение чужого имущества, 181.2, 181.3 (хулиганство с отягчающими обстоятельствами).

Руководствуясь принципами гуманизма, ценности личности несовершеннолетнего, законодатель предоставляет суду возможность воздействовать мерами воспитательного характера, избежав при этом применения наказания. Уголовный кодекс Монгольской Республики (21.3) предусматривает, что несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление возможно путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Некоторые иные положения УК Монголии также имеют общие черты с главой 14 УК РФ. В соответствии с УК МР несовершеннолетний возраст при совершении преступления является обстоятельством, смягчающим ответственность (ст. 55.1.7). При признании лица особо опасным преступником (рецидивистом) не учитываются преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте (ст. 24.2). К лицам, не достигшим 18 лет в момент совершения преступления, не назначается наказание в виде смертной казни (ст. 53.4). Предусмотрена отсрочка несовершеннолетнему лицу исполнения приговора суда, которым назначено наказание в виде лишения свободы (ст. 62). УК Монголии предусматривает возможность применения особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних к лицам в возрасте от 18 до 20 лет (за исключением применения мер воздействия в виде помещения в специальное воспитательное и лечебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних).

Срок наказания в виде лишения свободы определен по УК МР от 1 года до 15 лет (ст. 52.2), что значительно превышает верхний предел данного наказания по российскому законодательству. Полагаем, что данная норма обладает излишней репрессивностью и нуждается в пере-

смотре в сторону снижения верхнего предела наказания в виде лишения свободы до 10 лет.

Для несовершеннолетних осужденных предусмотрено два вида режима содержания: обычный и строгий. В колониях с обычным режимом содержатся несовершеннолетние мужского пола, совершившие тяжкие или средней тяжести преступления, и осужденные несовершеннолетние женского пола (ст. 52.8 УК МР).

Согласно правилам 68-й Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1990 г., касающимся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, наказание в виде лишения свободы несовершеннолетним может быть назначено как самая крайняя мера воздействия с минимальным сроком. Изучение судебной практики показывает, что в Монголии тем не менее наказание в виде лишения свободы применяется довольно часто.

В период с 2005 по 2007 г. судами первой инстанции г. Улан-Батора рассмотрено 6 067 уголовных дел, осуждено 8 642 лица, из них 10,6% или 920 лиц являлись несовершеннолетними. Из 920 несовершеннолетних 836 были осуждены к лишению свободы, из которых 178 отбыли наказание в тюрьме для несовершеннолетних, 588 несовершеннолетним суд отсрочил исполнение обвинительного приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев до 2 лет. 70 осужденных условно-досрочно освобождены от уголовной ответственности, 37 несовершеннолетних арестованы, 32 назначены принудительные работы, 15 детей оштрафованы. В отношении 25 несовершеннолетних, совершивших преступление небольшой и средней тяжести впервые, вынесены решения суда об освобождении от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера. Они отданы под надзор родителей и лиц, их заменяющих, либо под надзор педагогического коллектива, а также близких родственников на срок от 6 месяцев до 1 года [12, с. 135].

Таким образом, рекомендации мирового сообщества о необходимости сокращения сферы применения лишения свободы и расширения иных мер уголовно-правового воздействия являются особенно актуальными для монгольского государства.

В отчете исследования «Уголовная ответственность несовершеннолетних» была отмечена узость практики назначения принудительных мер воспитательного воздействия. Из 300 материалов о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, только по 24 или 8,5% были

применены принудительные меры воспитательного воздействия [13].

При назначении наказания монгольский суд всесторонне учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность лица, совершившего преступление, обстоятельства совершения преступления, размер ущерба, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Как отмечает С. Нарангэрэл, необходимо внести в Уголовный Кодекс изменения, касающиеся обязательного учета по отношению к рассматриваемой категории лиц условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня его психического развития, иных особенностей личности (возраст, пол, уровень образования, занятость до совершения преступления и прочее), а также влияния на него старших по возрасту лиц [14, с. 53].

Таким образом, в уголовном законодательстве Монголии есть настоятельная необходимость выделить отдельной главой особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Важным является не просто смягчение карательной политики государства по отношению к несовершеннолетним, но и правильное установление причин и условий, обстоятельств совершения преступления, поиск эффективных мер исправления и ресоциализации несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом, с учетом его возрастных и личностных особенностей.

В ст. 2.3 «Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил)» даны рекомендации странам-членам ООН: «в рамках национальной юрисдикции следует предпринять усилия для принятия комплекса законов, правил и положений, которые относятся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям и учреждениям и органам, в функции которых входит отправление правосудия в отношении несовершеннолетних».

Однако законодательство Монголии не предусматривает специальные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, что соответствовало бы требованиям Конвенции о правах ребенка и Пекинских правил.

Тем самым нарушаются п. 2 ст. 10, п. 3 ст. 10 Конституции Монголии, согласно которому «Монголия добросовестно выполняет обязательства, принятые на себя международными договорами», «международный договор Монголии действует наравне с внутренним законода-

тельством с момента вступления в силу закона о ратификации или присоединении».

В этой связи представляется крайне актуальным адаптировать к монгольскому правосудию «Руководство ООН по оценке показателей в области правосудия в отношении несовершеннолетних». Практическая значимость для Монголии сбора и оценки показателей в области правосудия в отношении несовершеннолетних на основе стандартных показателей ООН, содержащихся в «Руководстве», заключается в том, что появится возможность проведения мониторинга состояния всей монгольской системы правосудия в отношении несовершеннолетних, получения полной информации о положении несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом, анализа действующей ювенальной уголовной политики и ее эффективности, выявление сфер деятельности, нуждающихся в реформировании и совершенствовании законодательства в соответствии с имеющимися потребностями страны. Кроме этого, оценка монгольской системы правосудия в отношении несовершеннолетних на основе стандартных показателей «Руководства ООН» позволит сверить ее на соответствие положениям Конвенции ООН о правах ребенка, участницей которой является Монголия. Важной сферой использования показателей в области правосудия в отношении несовершеннолетних является обеспечение сопоставимости результатов между странами, регионами и на международном уровне. Во многих случаях страны могут рассмотреть возможность обращения с просьбой о предоставлении технической помощи со стороны какого-либо учреждения ООН или неправительственной организации. В тех случаях, когда страна имеет обязательства по отчетности перед договорными органами ООН, такими как Комитет Организации Объединенных Наций по правам ребенка, государство-участник Конвенции должно использовать показатели в своем отчете, чтобы наглядно продемонстрировать выполнение соответствующих статей Конвенции о правах ребенка. Эти показатели также можно использовать при представлении отчетности другим органам ООН, международным и региональным органам в исследовательских или мониторинговых целях, например, для обзоров тенденций в области преступности и функционирования систем уголовного правосудия ООН [15, с. 24]. Несмотря на то, что в настоящее время в Монголии принято около 60 законов и других нормативных актов, касающихся защиты прав не-

совершеннолетних правонарушителей, ряд положений международных правовых актов нуждается в закреплении и развитии в национальном праве: об обязательности учета условий жизни и воспитания личности несовершеннолетнего при назначении наказания, об обеспечении конфиденциальности, о специальных законах для несовершеннолетних, совершивших преступления, специализированных учреждениях и др.

Несколько слов о реализации в Монголии важнейшего направления ювенальной уголовной политики – криминологического.

Большое значение в предупреждении преступности несовершеннолетних имеет закон Монгольской республики «О профилактике преступлений» от 5 декабря 1997 г. [16]. Ряд его положений сформулирован в строгом соответствии с нормами международных документов. В частности, в п. V (5.1.4) закреплены положения об участии общественности в профилактической работе; в п. VI (6.1.3) – об устранении условий и причин преступности; в п. XI – об обязательном участии телевидения и иных средств массовой информации в профилактической работе и др. После того, как в Монголии в период реформ увеличилось число беспризорных детей, был принят закон «О временном задержании беспризорных детей», при составлении которого учтены рекомендации международных правовых документов. В соответствии с указанным законом 91-й Резолюцией Правительства 1996 г. был принят устав центра для задержанных беспризорных детей, определены система и порядок задержания и освобождения несовершеннолетних.

По закону «О временном задержании беспризорных детей» полицейским органам предоставлено право на временное задержание детей в возрасте до 16 лет сроком до 14 дней, жизни и здоровью которых угрожает опасность и не известны место жительства, родители или опекуны.

Возможны следующие меры пресечения и профилактики преступлений:

- личное поручительство: два поручителя, берущих на себя ответственность за подозреваемого или осужденного и имеющих постоянное место жительства и определенную работу, письменно обязуются о прибытии в срок своего подопечного по повестке. В случае побега подозреваемого или осужденного на поручителей налагается штраф в размере зарплаты, также они

компенсируют затраты на поиски беглеца (ст. 65, 77 УПК МР);

- залог имущества самим подозреваемым или осужденным, а также другими гражданами, организациями. Размер его определяется в зависимости от степени тяжести преступления или имущественного положения подозреваемого или осужденного. Если осужденный не придет по вызову в назначенное время, по решению судьи имущество, взятое в залог, обращается в доход государства (ст. 67 УПК МР);

- передача под контроль родителей, опекунов. Родители и опекун дают письменное обязательство о правильном поведении опекаемого, обязуются в прибытии в срок своего подопечного по вызову. В случае невыполнения своих обязательств родители или опекун компенсируют затраты на поиски беглеца;

- задержание и заключение под стражу [17, с. 140–141, 152–153].

За последние годы в Монголии предпринимается комплекс профилактических мер. Например, в программу Правительства Монголии, утвержденную Великим Народным Хуралом Монголии в 2000 г., включена деятельность по предупреждению преступлений. В рамках данной программы органы полиции предпринимает меры по созданию "групп и клубов подростков", занимающихся досугом детей. В настоящее время в Министерстве юстиции Монголии зарегистрировано более 3000 негосударственных органов, осуществляющих меры социального контроля и помощи несовершеннолетним. Существуют 137 негосударственных организаций, из них 64 объединились в "Национальное единство".

В свете судебной реформы, получившей толчок после Национального форума «Реформа судебной власти и справедливость» 14–15 апреля 2010 г., реализуются государственные и межгосударственные целевые программы: «Программа национального развития Монголии до 2021 г.», «Программа обновления законодательства», «Стратегический план развития судебной власти» и «Национальная программа обеспечения прав человека Монголии» [18, с. 131–132].

Несмотря на то что в области предупреждения преступлений несовершеннолетних проводится большое количество мероприятий, значительных успехов не достигнуто как в России, так и в Монголии. Это можно объяснить недостаточной последовательностью во взаимодействии государственных органов, отсутствием четкой концепции ювенальной уголовной политики, которая предполагает определение задач, прин-

ципов и средств реализации той части государственной деятельности, которая связана как с воздействием на преступность несовершеннолетних, так и на те общественные отношения, которые ее порождают.

Необходимы определенные коррективы в уголовном законодательстве, также новые подходы к формированию соответствующих целевых профилактических программ, созданию и совершенствованию на всех уровнях определенных организационных структур, обязанных проявлять заботу о семье и несовершеннолетних, предупреждать вовлечение детей и подростков в преступную деятельность, четко координировать деятельность всех субъектов профилактики. Отсутствие такой координации ведет к запаздыванию в разработке мер общесоциальной, и в особенности специальной профилактики, планируемых и осуществляемых зачастую без достаточного учета тенденций и динамики преступности несовершеннолетних, преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Ощутимый профилактический эффект в части противодействия преступности несовершеннолетних могут принести: коррекция социальной (семейной, жилищной, образовательной и иной) политики государства с учетом требований ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка, устанавливающей приоритет интересов ребенка при разрешении любых общественно значимых вопросов; активизация ювенальной политики государства и институтов гражданского общества; уточнение границ вмешательства уголовно-правовых средств в сферу регулирования семейных отношений; коррекция ювенальной уголовной (уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, криминологической) политики.

Таким образом, разработка научно обоснованной целостной концепции ювенальной уголовной политики является важнейшей стратегической задачей Монгольского государства на современном этапе.

Литература и примечания

- См.: Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / под ред. Е.Г. Слуцкого. – СПб., 2004; *Борисова Н.Е.* Развитие ювенального права в России. – М., 1999; *Беляева Л.И.* Ювенальное право. Патронат в России. – Воронеж, 2000; *Гольшиева Л.Ю.* Российское ювенальное право. – Ставрополь, 2004; *Заряев А.В.*, Малков В.Д. Ювенальное право. М., 2005; *Пронин А.А.* Ювенальное право. Ростов н/Д, 2011; *Комарницкий А.В.* Основы ювенального права. – СПб., 2011 и др.
- Об определении понятий «уголовная политика», «ювенальная политика», «ювенальная уголовная политика», «ювенальное право» см.: Раднаева Э.Л. Права ребенка и проблемы формирования ювенального права в современной России // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина: сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. – Тюмень, 17-19 ноября 2005 / под ред. Г.Н. Чеботарева: в 5 ч. Ч. 3. – Тюмень, 2006. – С. 129–133; *Раднаева Э.Л.* Ювенальная политика и проблемы законодательного установления ограничений пребывания детей в общественных местах / Уголовное право и современность: сб. ст. – Вып. 3. / науч. ред. А.Э. Жалинский, отв. ред. С.А. Маркунцов. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – С. 138–146; *Раднаева Э.Л.*, Чимитова Д.К. Ювенальная юстиция как вектор развития ювенальной уголовной политики / Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 121–127; *Раднаева Э.Л.* Проблемы обеспечения защиты прав несовершеннолетних в современной России / Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – С. 7–10; и др.
- Амгаланбаяр Ц. Уголовная политика Монголии в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юр. наук. – М., 2004.
- Монгол Улсын Үндсэн хууль // "Төрийн мэдээлэл" сэтгүүл. – Улан-Батор, 1992. – №1.
- Раднаева Э.Л., Семенов Б.С. Проблемы имплементации норм международного права в правовую систему Монголии / Вестник БГУ. Сер. Экономика, Право. – Улан-Удэ, 2011.
- Хуухдийн эрхийн талаархи Монгол улсын хууль тогтоомжийн эмхтгэл (Сборник монгольских законодательных актов по правам ребенка). – Улаанбаатар, 2001.
- В Российской Федерации в настоящее время реализуется Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утвержденная Указом Президента России от 1 июня 2012 г. №761. *Примеч. авт.*
- Нямсүрэн Ч. Особенности виктимизации детей в Монголии / Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (16–18 сентября 2011 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
- Нямсүрэн Чойжилын. Гэмт хэргийн виктимологи. (Криминальная виктимология). Улан-Батор, 2005.
- <http://dornogobi-police.mn/index.php?pid=85>. Дата обращения 15.01.2013 г.
- Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
- Болд А. Уголовная ответственность несовершеннолетних в Монголии / Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (16–18 сентября 2011 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
- Уголовная ответственность несовершеннолетних: отчет. – Улан-Батор, 2006.
- Нарангэрэл С. Уголовная ответственность несовершеннолетних в Монголии / Государство и право Монголии. – Улан-Батор, 2007.
- Семенов Б.С. Общемировые показатели оценки качества правосудия в отношении несовершеннолетних и их адаптация к российской судебной системе / Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы III междунар. науч.-практ. конф.

- (16-18 сентября 2011 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
16. О профилактике преступлений: Закон Монгольской Республики // Сборник законов Монгольской Республики. – Улан-Батор, 2002.
17. Монгол улсын Эрүүгийн байцаан шийтгэх хууль. – Улаанбаатар, 2002. – Х. 140-141, 152-153.
18. Раднаева Э.Л., Семенов Б.С. Проблемы обеспечения независимости правосудия в Монголии в свете судебной реформы / Развитие национального законодательства в условиях глобализации: опыт России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011.

Раднаева Эльвира Львовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии БГУ, председатель Бурятского регионального отделения Российской криминологической ассоциации. E-mail: elviraradnaeva@mail.ru

Radnaeva Elvira Lvovna, Candidate of Legal Science, Associate professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department at Buryat State University, Chairman of the Buryat Regional Branch of the Russian Criminological Association. E-mail: elviraradnaeva@mail.ru

УДК 343.12 (470+571.3)

© А. Алтанцоож

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОШИБОК, СОВЕРШАЕМЫХ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ

В статье автор рассматривает проблему процессуальных ошибок в процессе расследования по уголовному делу через призму сравнительного правоведения

Ключевые слова: ошибка, предварительное расследование, Уголовно-процессуальный кодекс Монголии.

A. Altantsoozh

ON THE ISSUE OF PROCEDURAL ERRORS COMMITTED IN THE COURSE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION ACCORDING THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND MONGOLIA

*The author considers the problem of procedural errors in investigation of criminal case through the lense of comparative law.
Keywords: inadvertence, preliminary investigation, Code of Criminal Procedure of Mongolia.*

Совершение процессуальных ошибок в ходе досудебного производства в рамках конкретного уголовного дела лишает суд возможности качественной оценки доказательств применительно к рассматриваемому событию преступления и вынесения справедливого решения. Безусловно, от ошибок никто не застрахован. Человеческий фактор приводит к серьезным проблемам в различных областях жизнедеятельности. Исключением не является и уголовно-процессуальная деятельность должностных лиц органов предварительного расследования. На первый взгляд процессуальная ошибка видится незначительной в сравнении с иными негативными явлениями: террористическими актами, авариями и катастрофами. Вместе с тем ее последствия не менее существенны. Однако значимость таких ошибок при совершении процессуальных действий или принятия решений в досудебном производстве должностными органами предварительного расследования, как правило, в значительной мере воспринимают участники уголовного судопро-

изводства. Как справедливо отмечает Ф.Б. Мухамедшин: «неисполнение назначения уголовного судопроизводства ввиду недостаточно организованного расследования проявляется в оставлении без защиты со стороны государства провозглашенных в Конституции РФ прав потерпевшего, грубо нарушенных преступными действиями виновного лица. Противоречит принципу назначения уголовного судопроизводства и привлечение невиновного к уголовной ответственности из-за нежелания следователя (дознателя) всесторонне и объективно исследовать каждое доказательство, обнаружить новые, устраняющие сомнения в объективности расследования» [1, с. 4]. Ганс Гросс отмечал: «...нигде допущенная и исправленная ошибка не приносит такого вреда, как именно в делах по расследованию преступлений и обнаружению виновных, и нигде замеченная ошибка не исправляется так легко при условии, если только она обнаружена сколь возможно быстро. Ни от кого нельзя требовать, чтобы он не делал оши-

бок, но можно требовать, чтобы каждый, сделавший ошибку, немедленно в ней сознавался и ее исправил – это есть самое серьезное требование, которое можно предъявить каждому честному и добросовестному уголовному деятелю» [2, с. 24].

Вместе с общим негативным отношением к описываемому явлению, к сожалению, понятие «процессуальная ошибка, совершаемая в ходе предварительного следствия» не легализовано как в УПК РФ, так и в УПК Монголии. Но, несмотря на это, данный термин часто используется в судебной практике [3] в российской уголовно-процессуальной юридической литературе [4]. Проведенный нами анализ работ, посвященных предварительному расследованию в юриспруденции Монголии не позволил вообще найти упоминание о процессуальных ошибках, но вместе с тем часто употребляются термины, указывающие на отдельные признаки следственной ошибки. Но сначала остановимся на этимологии слова «ошибка» в русском и монгольском языках. В словаре С. Нарангэрэла и Ю. Куручкина слово «ошибка» на монгольском языке звучит как «алдаа», на английском языке «mistake» [5, с. 170.]. Синонимами этого слова по-монгольски являются «эндуурэл», «андуурал», что означает на русском языке промах, просчет, погрешность, оплошность, недостаток [6, с. 510.]. Так же переведено в словаре С. Дамдинсурэрэ и А. Лувсансуоэнэ [7, с. 414.]. В словаре Я. Цэвэла, который является единственным первым источником современного монгольского языка, слово «алдаа» – «ошибка» – трактуется как «уйл явдал, бодлогын буруу», что означает на русском языке неправильность действий и мышления. То есть, синонимами «алдаа» в словаре являются «дутагдал, мадаг, алдагдал, алдах, алдаш, бишгуй», что сходится в некотором смысле значениями с синонимами на русском языке ошибка, недостаток, промах, просчет, погрешность, оплошность [8]. В науке уголовного процесса используется значительное количество терминов, являющихся плодом следственно-судебной практики и творчества ученых, работающих в данной сфере, а также терминов, возникших в недрах иных областей знаний, но сохранивших преемственность по смыслу и форме слов с первоосновой [9, с. 5]. В русском языке этимология слова «ошибка» остается спорной. Так, оно связывается с церковнославянским – «ошибати», собственно «промахнуться, ударить мимо цели», от глагола «шибать» [10] (ЭСРЯ), а также со значением «воздержаться, отстать, оказаться на отшибе» (др.-рус. ошибь – хвост). Причем послед-

ний источник [11] (ИЭССРЯ) утверждает, что слово это известно в русском языке с XV–XVI вв. и что в других славянских языках в том же значении отсутствует. Следует отметить, что синонимами *ошибки* являются *промах, просчет, погрешность, оплошность, недостаток*. Ошибка представляется, с одной стороны, как некое действие, поступок, совершение которого следует избегать самому и оберегать от него других, поскольку его результат может не только огорчить человека, но и иметь роковые последствия. Иногда сходными по смысловому содержанию «ошибки» называют пробел, недостаток, нарушение. Однако полагаем, что это неравнозначные понятия. В словаре С.И. Ожегова слово «пробел» трактуется как недостаток, упущение [12, с. 755]. В словаре современного русского литературного языка пробел определяется как незаполненное место, недостаток, упущение, изъян [13, с. 917–918]. В свою очередь «недостаток» С.И. Ожегова толкуется как: 1) изъян, несовершенство, неправильность; 2) как не полное количество чего-нибудь [14, с. 368]. В словаре В. Даля под словом «недостатки» понимается отсутствие чего-нибудь, неполнота, погрешность, ошибка [15, с. 515]. При этом категория «ошибка» является более узким понятием по отношению к недостатку, являясь его видом. Если же говорить о соотношении слов «ошибка» и «нарушение», то следует согласиться с Е.Г. Веретехиным в той части, что нарушения уголовно-процессуального закона, в какой бы форме они не выражались и в какой стадии уголовного судопроизводства не были допущены, можно рассматривать как пробелы (недостатки) в деятельности правоохранительных органов [16, с. 6], т.е. в том числе и в виде ошибок. Слова «ундэслэлгуй» на русском языке «необоснованные», «хууль бус» переводимое как «незаконное», слово «зорчил» – в русском «нарушение» содержатся в некоторых статьях УПК Монголии. Например, в ст. 193 УПК Монголии «Полномочия прокурора в ходе проведение надзора за дознанием и следствием», а также ст. 195 «Проведение следственных действия прокурора», ст. 211 «Возобновление прекращенного уголовного дела», ст. 320 «Существенное нарушение уголовно-процессуального закона», ст. 388 «Права на реабилитацию» и т.д. [17].

Сформулировать емкое понятие «процессуальная ошибка, совершаемая в ходе предварительного расследования» достаточно сложно, поскольку она является одним из видов ошибок, допускаемых при производстве по уголовному делу [18]. Определяясь терминологически, отме-

тим, что существуют различные представления относительно понятия «процессуальная ошибка». В ходе производства по уголовному делу могут допускаться разные виды ошибок: материальные, процессуальные, тактические, ошибки в мыслительной деятельности и пр. Указанные ошибки могут допускаться как в досудебном, так и судебном производствах. Однако предметом нашего исследования будет только процессуальная ошибка как в виде действия (бездействия), так и решения органов уголовного преследования в стадии предварительного расследования, т.е. в досудебном производстве. Достаточно часто наряду с ошибками предварительного расследования в юридической литературе обозначают упущения предварительного расследования [19, с. 23], пробелы [20, с. 23], недостатки [21, с. 144]. Как справедливо отмечает А.М. Баранов: «Упущения предварительного следствия – понятие, с одной стороны, более широкое, чем «процессуальные ошибки», ибо упущения могут иметь место в области организации, тактики и методики расследования. С другой стороны, рассматриваемый термин уже, поскольку упущение – это ошибка по небрежности, недосмотру, пробел, недостаток, т.е. лишь неисполнение правовых предписаний. Этим термином не охватывается неправильное, ненадлежащее исполнение указанных предписаний» [22, с. 67]. Пробелы и недостатки предварительного расследования учеными-процессуалистами трактуются по-разному, но, как правило, под таковыми понимаются неполнота, односторонность и необъективность предварительного расследования [23]. Иногда процессуальную ошибку сопрягают со следственной [24], что, по-нашему мнению, не совсем правильно, поскольку понятие процессуальной ошибки шире, нежели процессуальной ошибки, допущенной в ходе предварительного следствия, так как она может быть допущена и в иных стадиях уголовного процесса. Под процессуальными ошибками Ю.В. Деришев понимает любые упущения предварительного следствия, неточности, пробелы и погрешности, неверные или ложные шаги, заблуждения, вызванные нестабильностью правового регулирования, различиями в толковании закона у различных правоприменителей, их недостаточным образовательным и профессиональным уровнем, низкой эффективностью прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным следствием [25, с. 19]. С данной точкой зрения можно было бы согласиться, если бы речь шла о процессуальной ошибке в целом, без указания

стадии уголовного судопроизводства, поскольку совершить процессуальную ошибку может и судья (суд) в судебном производстве. Т.А. Михайлова под процессуальными ошибками предварительного расследования понимает ошибки, допускаемые органами предварительного расследования и судом при применении уголовно-процессуальных норм, определяющих такие требования уголовно-процессуального закона как полнота, всесторонность, объективность предварительного расследования, обоснованность формулируемых выводов [26, с. 8]. К сожалению, в данном определении автор не упомянул среди субъектов, совершающих процессуальные ошибки, прокурора, который осуществляет прокурорский надзор в ходе предварительного расследования, а также обошел вниманием требование законности досудебного производства, что делает данное определение неполным.

Будучи ограниченными рамками статьи, мы полагаем, что сформулировать емкое понятие процессуальной ошибки, совершенной в ходе предварительного следствия возможно лишь путем выделения характерных признаков исследуемого процессуального явления. 1. Рассматриваемая ошибка возможна на стадии предварительного расследования при осуществлении предварительного следствия как формы уголовного преследования. 2. Процессуальная ошибка в ходе предварительного следствия может быть допущена только лицами, в чьем производстве находится уголовное дело либо осуществляется производство в пределах жалобы в порядке ст. 123-125 УПК РФ на незаконные действия (бездействия) или решения следователя. 3. Данный вид ошибки может иметь только непреднамеренный характер, что вытекает из этимологии слова «ошибка». 4. Процессуальная ошибка может допускаться в виде неправильных действий, бездействий или решений следователя путем нарушения уголовно-процессуального закона. 5. Ошибка должна быть выявлена и констатирована в соответствующей процессуальной форме и соответствующем процессуальном акте уполномоченным на то должностным лицом. 6. Процессуальная ошибка, допущенная в ходе предварительного следствия носит противоправный характер.

Таким образом, под процессуальными ошибками, совершаемыми в ходе предварительного следствия, мы понимаем признанные таковыми компетентным должностным лицом в установленной законом процессуальной форме непреднамеренные нарушения следователем уголовно-

процессуального закона в ходе предварительного следствия по уголовному делу при принятии процессуальных решений либо производстве процессуальных действий или бездействий, повлекшие за собой ограничение прав участников и (или) невыполнение назначения уголовного судопроизводства.

Литература и примечания

1. Мухаметшин Ф.Б. Права человека в уголовном судопроизводстве: обеспечение реализации и защиты // Российский следователь. – 2009. – № 14. – С. 4–7.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – СПб.: ЛексЭст, 1908. – 1088 с.
3. См. например: Обзор законодательства и судебной практики Верховного суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2010. – № 9; *Определение* Верховного Суда РФ от 18.02.2010 № 1-О09-26сп «Приговор суда присяжных по делу об убийстве оставлен без изменения, так как наказание назначено осужденному с учетом данных о его личности, всех обстоятельств дела, влияния назначенного наказания на его исправление, а также мнения присяжных заседателей о том, что он не заслуживает снисхождения» // Документ опубликован не был. СПС Гарант; *Определение* Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1189-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Всеволожского городского суда Ленинградской области о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2004 года № 380-О» // Документ опубликован не был. СПС Гарант; *Постановление* ЕСПЧ от 09.04.2009 «Дело Эдуард Чистяков против Российской Федерации» (жалоба № 15336/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010; и пр.
4. См. например, Шейфер С.А. Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. – М.: Изд-во ВНИИПУЗиП, 1988. – С. 15; Баранов А.М. Процессуальные ошибки на предварительном расследовании и теория состязательного процесса // Вестник ОГУ. – 2004. – №3. – С.18; Алимamedов Э.Н. Понятие этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Российский следователь. – 2010. – №П. – С. 2- 4; Минибоева Д.Ф. Влияние судебной практики на совершенствование предварительного следствия по уголовным делам // Российская юстиция. – 2010. – №5. – С.34-37; Волынская О.В. Правовой нигилизм следователя (к вопросу о детерминантах уголовно-процессуальных ошибок и нарушений) // Российский следователь. – 2006. – №7 и т.д.
5. Нарангэрэла С. Англо русский монгольский юридический словарь. – Улан-Батор, 1994.
6. Куручкина Ю. Большой русско-монгольский, монголо-русский словарь. – Улан-Батор, 2005.
7. Дамдинсүрэрэ С., Лувсансуоэнэ А. Большой русско-монгольский, монголо-русский словарь. – Улан-батор, 1982.
8. Цэвэл Я. Толковый словарь монгольского языка. – Улан-Батор, 1936, 1996, 2009.
9. Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде 1 инстанции / Е.Г. Веретехин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – С. 88.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1-4. – М.: Прогресс, 1986.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. МНМ – Мифы народов мира (энциклопедия). – М.: Русский язык, 1997. – 560 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1975. – 846 с.
13. Словарь современного русского языка. – М.; Л., 1961.
14. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956, т. 2.
16. Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде 1 инстанции. – Казань, 1988.
17. УПК Монголии от 01. 09. 2002 года.
18. Приложение по классификации судебных ошибок.
19. Корневский Ю.В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. – М.: Юридическая литература, 1974. – 112 с.
20. Корневский Ю.В. Указ. соч.
21. Божьев В.П. Основание вынесения и порядок рассмотрения дела в распорядительном заседании // Настольная книга судьи. – М.: Юридическая литература, 1972. – 744 с.
22. Баранов А.М. Процессуальные ошибки на этапе окончания предварительного следствия и способы их исправления: дис. ... канд. юр. наук. – М., 1992.
23. См. например, Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1995. – С. 53; Мартынич Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. – Кишинев, 1975. – С. 102; Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде 1 инстанции. – Казань, 1988. – С. 8; и др.
24. Волынская О.В. Правовой нигилизм следователя (к вопросу о детерминантах уголовно-процессуальных ошибок и нарушений) // Российский следователь. – 2006. – № 7. – С. 18–22.
25. Деришев Ю.В. Основные процессуальные ошибки, влекущие необоснованное привлечение к уголовной ответственности // Законодательство и практика. – Омск: Изд-во Омского юр. ин-та МВД РФ, 1998. – № 1. – С. 19–21.
26. Михайлова Т.А. Предание суду в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1980.

Алтанцоож Адилбиш, майор полиции Монголии, адъюнкт ОМА МВД России. E-mail: altantsooji@yahoo.ru
Altantsoozh Adilbish, Police Major of Mongolia, Adjunct of OmA Russian Interior Ministry. E-mail: altantsooji@yahoo.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КНР

Статья посвящена преступности несовершеннолетних в Китае на современном этапе развития общества. Анализируются причины их совершения, влияния на них средствами массовой информации, пропагандирующих насилие, наркоманию и секс. Имеются недостатки в семейном воспитании, школьном образовании и действующем законодательстве. Автор вносит ряд предложений по предупреждению преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность, насилие, наркомания, семейное воспитание.

Lyan Min Yan.

JUVENILE CRIME IN CHINA

The article is devoted to juvenile criminality in China at the modern stage of society development. Causes of delinquency are being analyzed, as well as the influence of mass media that propagandize violence, substance and drug abuse and sex. Family education and school education leave much to be desired. There are also problems in applicable legislation. The author makes proposals to help prevent crime among minors.

Keywords: criminality, violence, drug addiction, family education.

中国未成年人犯罪问题与法律对策研究

梁敏燕

未成年人犯罪问题是中国社会的热点问题，据统计，2008年中国未成年人犯罪的比率占所有犯罪的10%，并有逐年上升的趋势。有些学者认为：未成年人犯罪、环境污染和毒品犯罪是当今社会三大难题，可见，未成年人犯罪已经成为严重的社会问题。

一、未成年犯罪的概念

在我国，未成年人犯罪通常是指已满14周岁不满18周岁的未成年人实施的刑法和有关刑事法律所规定的犯罪行为。具体包括两种情况，一是刑法规定的已满14周岁不满16周岁的人，犯故意杀人、故意伤害致人重伤或者死亡、强奸、抢劫、贩卖毒品、放火、爆炸、投毒罪的；二是已满16周岁不满18周岁的未成年人犯罪。

近年来中国未成年人犯罪呈现以下特点：

1、犯罪年龄趋向低龄化。有些杀人、重大盗窃案件，就是一些十一二岁甚至更小的孩子干的。

2、严重暴力犯罪日益突出。未成年人实施暴力犯罪的案件近些年来大大增加。，未成年人实

施暴力犯罪最突出的一个特征是手段残忍，性质恶劣。

3、犯罪类型的变化。

新型犯罪增多。20世纪80年代以来，未成年人犯罪除传统的犯罪类型外，一些新型的犯罪类型日益增多。诸如绑架人质、雇佣杀人、组织引诱强迫卖淫、制造贩卖吸食毒品、制作贩卖淫秽物品、生产销售伪劣商品、信用卡犯罪、涉枪案件以及诬告陷害、侵犯知识产权等等。此外青少年犯罪中甚至还出现了贪污、巨额诈骗等经济犯罪行为。计算机的普及发展，也使未成年人利用计算机盗窃、诈骗等智能化犯罪增多。

团伙犯罪现象严重。随着青少年犯罪的低龄化和成熟化，犯罪形态也从简单趋向复杂，而由于青少年时期的生理和心理特征所固有的局限性，这种犯罪往往不是一两个人能够完成的。同时，青年少年渴望被同龄人关注心理需求在独生子女家庭里、在学习压力巨大的学校里都无法通过正常途径得以完全的满足。于是一些“问题少年”就把这种需求转向社会，在青少年中形成一些不良团体，这往往就是团伙犯罪的前身。有些未成年人犯罪团伙甚至有严密的组织系统、作案纪律、防侦破措施，有共同的亚文化，已初步形成黑社会的雏形。

涉性犯罪增加。有些未成年人经常浏览黄色网站，受到色情信息、黄色图片或视频等诱惑，在好奇心的驱使下，实施强奸、猥亵等涉性犯罪。

出现高科技犯罪。随着电脑网络的逐渐普及，一定数量的未成年人掌握了较为全面的电脑及网络知识，有些未成年人出于“炫耀”技术的动机，成为少年黑客，非法侵入国家保密的计算机系统，继而实施攻击、恶意篡改网页内容，窃取国家秘密和商业机密，对国家、社会网络安全构成较大危害。

财产型犯罪居多。未成年人基本上是没有经济收入的在校学生，平时零花钱有限，而在网吧上网、聊天、玩游戏等需要大量金钱支持，当家庭不能满足消费需要时，他们不惜采用犯罪手段获取钱财，以满足上网之需。这些学生几乎不爱学习，经常旷课、沉迷网络，极易发生盗窃、抢劫、诈骗、敲诈勒索等财产犯罪。

二、未成年人犯罪的原因分析

1、生理成因

未成年人的身心发展不平衡、不同步、有缺陷，在缺乏正确的引导和教育下，极易受到外界不健康因素的影响，进而走上违法犯罪道路。未成年人十三、四岁以后身体和生理发生了较大变化：身体外型变了，内脏机能健全了，性发育逐渐成熟了。身体和生理机能虽然迅速发展，但腺体发育尚不成熟，自我控制能力不强，所以经常表现为有旺盛的精力但用之不当，在不良因素的影响下，极易发生暴力性的违法犯罪。如打架斗殴、抢劫、强奸、寻衅滋事等。未成年人性发育的逐步成熟，引起其心理变化，表现出对异性的兴趣和性机能的好奇心及疑惑。一些道德观念、法制观念淡薄者，在受到不健康内容刺激时，便控制不住其性冲动而走上犯罪道路。

2、心理成因

未成年人的心理普遍充满了复杂性与矛盾性。其违法犯罪心理，是在外界社会消极因素的影响下，与内部原有的不良心理因素结合发生相互作用产生的。未成年人违法犯罪的心理成因有青春期心理特点、主客观心理矛盾、人格社会化缺陷等。首先，青春期心理特点决定了未成年人难以对客观信息做出正确的选择和评价，容易受社会不良因素的影响而违法犯罪。其次，满足个人需要的主观意向与客观可能性之间存在着矛盾。自我意识希望获得更多的自由，在无力满足自己的需要和欲望时，心理上难免产生许多矛盾和冲突，以致引发违法犯罪行为。最后，未成年人人格社会化存在缺陷。主要表现为强烈的以自我为中心，个人主义严重，反社会的需要和动机，反社会的人格特征等。未成年人暴力犯罪的多数情形，正是在这个基础上发生的。

3、家庭的不良影响

家庭是未成年人人生经历的第一个社会化场所，是他们社会化过程的起点。在未成年人社会化过程中，家庭起着举足轻重的作用，不良家庭环境对未成年人不健全人格的形成具有原发性的影响。家庭结构有缺陷、家庭教育方式不当、家庭气氛不和睦、家庭过于贫困、父母行为不良等等不良的家庭影响，都很容易使未成年人形成畸形心理和人格缺陷，一旦受到不良因素的影响，就会走上犯罪的道路。

4、学校教育的缺失

学校是未成年人社会化的第二个重要场所。当前学校教育存在一些缺陷和失误，这对未成年人犯罪心理的形成具有重要的影响。其一，教育观念上片面强调智育的重要性，忽视或淡化了对学生思想品德的教育和培养。未成年人在心理发育和人格形成的过程中，缺乏应有的道德引导和培养，很不利于他们形成正确的人生观、世界观，从而对社会上的各种消极因素的“免疫力”极

低。其二，法制教育的形式化。法制教育的形式化，使大部分学生不能将法律规范的要求内化为自己的需要和行为，不能用法律规范约束自己，导致法制教育无法收到预期的预防犯罪的效果。其三，青春性教育的空白或虚设。未成年人的青春期基本上都是在学校期间度过的，由于获得正确性知识和性教育的渠道不畅通，使得他们在性知识上表现为愚昧无知，在外界的不良刺激下，往往会出现越轨行为。其四，忽视心理健康教育，没有开设专门的心理课程。未成年时期面临着许多问题、压力，产生各种心理困惑、心理失衡甚至心理疾病。当前的学校教育只是将心理健康教育的内容纳入思想品德教育中，这使得学生的心理问题得不到及时的解答和引导而更加严重。当他们不能承受时，很可能走向极端，通过暴力等方式宣泄，造成暴力性犯罪。

5、文化市场的失控

文化市场的失控，不良文化的泛滥，致使各种充斥着暴力、色情淫秽内容的音像制品及网络游戏等对未成年人产生着不可忽视的腐蚀作用。

6、法律法规的不健全

在中国已经制定了相应的未成年人保护法律，如宪法、民法、刑法、刑事诉讼法、义务教育法和未成年人保护法，但是法律之间衔接不好、有冲突的地方，还有的操作性不强，特别是没有设立专门的未成年人保护机构，对法律的实施监督不够。

三、预防未成年人犯罪的对策

1、建立良好的社会氛围保护未成年人

首先应该立法监督家庭对未成年子女的教育，使未成年人有一个良好的生长环境；其次加强未成年人的道德培养和法律观念的培养，使未成年人建立正确的价值观、世界观；第三，净化文化市场，对音像制品、视频等加强监督、对网络环境加强监督，营造健康、良好的社会环境；

最后，建立未成年人教育的专门机构、帮助那些犯罪的未成年人尽快回归社会、重新做人。

2、进一步完善未成年人法律保护体系

其一，制定适用于未成年人犯罪的独立的程序法。如开庭前的社会调查、庭审过程中的法制教育等程序应作为未成年人犯罪刑事审判中独有的程序存在等等。面对我国未成年人犯罪刑事司法的现状，建议立法机关尽快制定适用于未成年人犯罪的独立的程序法或出台相关的司法解释，使审判实践中能够有法可依，真正达到预防和减少未成年人犯罪的社会效。

其二，建立适应全方位保护未成年人合法权益的少年司法机构。

人民法院组织法、刑法、刑事诉讼法等法律均未对少年司法制度、少年法庭的地位问题作出明确的规定和认可；《未成年人保护法》、《预防未成年人犯罪法》仍未对少年法庭有明确的认可，更未对少年司法制度作必要的完备性规定。少年司法制度的不完善，少年法庭地位的不确定，致使少年法庭工作人员难以安心青少年犯罪审判工作，这一问题必须得到切实解决。要以少年审判机构的建设和少年审判工作的开展，带动少年司法的侦查、检察、辩护、法律援助等一系列制度发展和完善，最终健全少年司法保护体系。

其三，积极探索未成年人犯罪审判的新措施、新方法。针对未成年人犯罪的新情况、新特点，我们充分运用审判职能，在对失足未成年人的挽救和预防重新犯罪方面，逐渐摸索和形成了一些有效的措施和方法。

(1) 推行“圆桌”审判。在开庭审理过程中，将控、辩、审三方同处一个审判圆桌，在控辩式审理中融入说理式审理，对被告人讯问时使用专用语言，态度温和，关爱与严肃并重，明之以法，晓之以理，动之以亲，消除未成年被告人恐

惧和对抗心理，用通俗的语言对被告人进行法制教育，促使其真诚悔罪，认罪伏法。

(2) 开展“庭审进校园”活动。寓教于审，让学生零距离接受教育，以案说法。在未成年被告人自愿的前提下，选择适当案例将审判“搬”进校园，请学生参加旁听，庭审后再结合具体案例进行法制教育，这种直观生动的法制教育形式，使学生明白什么是犯罪，犯罪后将承担怎样的法律后果，怎样做一名遵纪守法公民等等，这种特殊的法制教育，改变了以往教科书单一枯燥的说教面孔，达到了良好的法制教育的目的。

(3) 推行“调查、回访、帮教”制度。将未成年被告人在审判前、审判中、审判后的表现情况全面记录在案卷中，依靠各方力量跟踪回访、考察帮教，落实帮教措施，预防重新犯罪；对在自由环境中的未成年被告人（包括免刑、缓刑的失足少年），联合家庭、学校、社区，共同关心，共同帮教。

孩子是我们的未来，是家庭和国家的希望，孩子的健康成长、不走弯路是我们的共同愿望，所以，预防未成年人犯罪、保护未成年人的合法权益任重而道远。

Лян Минь Янь, доктор юридических наук, доцент Чанчуньского политехнического университета КНР. E-mail: ieec@cust.edu.cn

Lyan Ming Yan, Doctor of Legal Science, Associate professor at Changchun University of Science and Technology, China. E-mail: ieec@cust.edu.cn

УДК 343.352

© Р.А. Степаненко

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МНИМОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

В статье отмечается, что правоохранительные органы и научные криминалистические исследования пока явно недостаточно внимания уделяют весьма опасному и широко распространенному криминально-коррупционному феномену – мнимому посредничеству во взяточничестве. В типичных следственных ситуациях первоначального этапа расследования уголовного дела с признаками посредничества необходимо выдвигать и проверять, как минимум, две типовые версии: 1) лицо совершает мошенничество, намереваясь присвоить предмет взятки; 2) лицо действительно является посредником во взяточничестве.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, мнимое посредничество, взяточничество, взятка, версии.

R.A. Stepanenko

PROBLEMS OF INVESTIGATION OF ALLEGED MEDIATION IN BRIBERY

The article notes that the law enforcement agencies and forensic scientific research pay insufficient attention to a highly dangerous and widespread criminal-corruption phenomenon – an alleged mediation in bribery. In typical investigative situations, at initial phase of the investigation of a criminal case with the signs of mediation at least two standard leads must be set out and checked: 1) a person commits fraud, intending to appropriate the bribe, and 2) the person de facto is a mediator in bribery.

Keywords: corruption, corruption offenses, alleged mediation, bribery, bribe, lead.

В нашей стране продолжается реализация активных мер по борьбе с коррупцией в целом, и с коррупционными преступлениями в частности, как с наиболее опасными проявлениями коррупционного поведения. В одном из своих выступлений председатель Следственного Комитета РФ А.И. Бастрыкин сделал вывод о том, что на

фоне общего снижения преступности на 6%, число выявленных преступлений коррупционной направленности в 2012 г. существенно выросло. Так, за восемь месяцев 2012 г. было выявлено более 40 тыс. коррупционных преступлений, причем около 8 тыс. из них – взяточничество. При этом А.И. Бастрыкин особо подчерк-

нул: «Считаю, что наиболее важным направлением на современном этапе является борьба с коррупцией в органах государственной власти, где ее проявления наиболее опасны» [1]. С этими выводами нельзя не согласиться. Однако официальная статистика и научные исследования пока явно недостаточно внимания уделяют весьма опасному и широко распространенному криминально-коррупционному феномену – мнимому посредничеству во взяточничестве. Эту проблему хорошо иллюстрирует пример из судебной практики, подобных которому в России достаточно много.

Собранные следственным управлением СКР по Волгоградской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора адвокату Волгоградской областной коллегии адвокатов гражданке С. Она признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 30, ч.3 ст.159 УК РФ (покушение на мошенничество в крупном размере). Следствием и судом установлено, что в середине июня 2012 г. к заведующему филиалом одной из межрайонных коллегий адвокатов обратился мужчина, с 2001 г. находящийся в розыске за совершение кражи, с просьбой оказать содействие в прекращении в отношении него розыскных мероприятий. Женщина согласилась помочь и передала его просьбу адвокату С., которая ранее работала в органах МВД в связи с чем обладала определенными связями в правоохранительных органах. Осужденная пояснила, что сможет содействовать в решении указанного вопроса, но для этого ей необходимо передать 500 тыс. р., предназначенные якобы для дачи взяток должностным лицам органа внутренних дел. В действительности каких-либо мер по выполнению своего обещания она предпринимать не собиралась. Преступная деятельность адвоката была пресечена оперативными сотрудниками регионального управления ФСБ России. Восьмого августа 2012 г. она была задержана при получении через посредника части требуемой суммы. Приговором суда виновной назначено наказание в виде трех лет лишения свободы условно с испытательным сроком на три года [2].

Посредничество во взяточничестве и связанные с ним преступления, прежде всего, мошенничество – это высоколатентные общественно опасные посягательства, которые наносят колоссальный вред интересам государственной власти, интересам государственной службы и службы в органах местного самоуправления, в том числе, интересам правоохранительных органов и органов правосудия, а также чести, дос-

тоинству, деловой репутации конкретных должностных лиц, руководителей и работников различных организаций. Коэффициент латентности таких преступлений чрезвычайно высок. Во многом, хотя далеко не во всем, широко распространенные слухи о «повальном взяточничестве», «круговой поруке» в госорганах, например, среди руководства администраций областей, городов, районов, а также среди следователей, прокуроров, судей – это результат работы разнообразных мошенников, предлагающих услуги посредников во взяточничестве. Слухи о том, что в конкретных регионах существуют «расценки» на взятки, «пирамида взяточников», где каждое звено делится частью поборов с вышестоящим и т.п., очень часто формируются именно такими мошенниками [3, с.184]. В результате в обществе возникает во многом гипертрофированное впечатление о тотальной коррумпируемости власти, буквально каждого ее носителя. Полагаем, что с точки зрения уголовно-правовой характеристики, действия злоумышленников – мнимых коррупционеров, в типичных способах совершения преступлений, помимо мошенничества и посредничества во взяточничестве (ст. 159 и 291-1 УК РФ) могут быть квалифицированы по совокупности с ч. 3 ст. 298 или ч. 3 ст. 128-1 УК РФ (клевета при отягчающих обстоятельствах) в зависимости от того, на кого направлены заведомо ложные сведения. В то же время в литературе отмечается, что очень часто мошенники и посредники действительно образуют с коррумпируемыми должностными лицами преступные группы и сообщества, систематически вымогающие взятки.

Приведем пример, когда в преступной цепочке от взяткодателя к взяткополучателю действительно участвует посредник. В 2010 г. при передаче 45 млн р. были задержаны заместитель главы администрации района, а в дальнейшем и глава Конаковского района Тверской области. Судом установлено, что взятку чиновники вымогали у представителей ООО, арендовавших землю в районе у предпринимательницы, являвшейся собственником участка. Администрация Конаковского района в суде оспорила ее право собственности на участок. За отказ от дальнейших действий по изъятию земли чиновники и потребовали 45 млн р. Предприниматели обратились в ГУ МВД по Центральному Федеральному округу. Оперативники поместили купюры и при передаче денег задержали заместителя главы администрации района гражданина О., который вел всю черновую работу и выступил посредником, а потом и самого главу – гра-

жданина К. Все, начиная с обсуждения условий передачи денег, было заснято на видео-, аудио аппаратуру. Дело К. и О. было рассмотрено коллегией присяжных, которые признали обоих подсудимых виновными. Сторона обвинения просила признать бывших чиновников виновными по ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ – покушение на получение взятки, группой лиц по предварительному сговору в крупном размере, и назначить наказание гражданину К в виде 8 лет 10 месяцев лишения свободы с отбыванием срока в исправительной колонии строгого режима, а гражданину О. – 8 лет 6 месяцев. Гражданин К. свою вину не признал, гражданин О. признал частично, он и его защитники просили суд классифицировать действия последнего по ч. 1 ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями. 18 декабря 2012 г. был оглашен приговор. Судом Гражданину К. назначено наказание в виде 8 лет 9 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Гражданин О. проведет в колонии на 3 месяца меньше. Кроме того, по приговору бывшие чиновники должны заплатить 1 950 000 р. штрафа соответственно и в течение 3 лет не смогут занимать должности в государственных органах и органах местного самоуправления [4].

Отметим, что приведенные довольно типичные для практики примеры способов совершения преступлений, а также иные данные из криминалистической характеристики взяточничества указывают на необходимость в типичных следственных ситуациях первоначального этапа расследования по подобным делам всегда выдвигать как минимум две типовые версии: 1) лицо совершает мошенничество, намереваясь присвоить предмет взятки; 2) лицо действительно является посредником во взяточничестве. Это лишней раз указывает на повышенную сложность расследования дел данной категории. Ведь если не выдвинуть эти версии, то сторона обвинения может допустить одну из двух опаснейших следственных ошибок: не выявить преступника – реального взяткополучателя, ограничив-

шись лишь уголовным преследованием посредника, который «все возьмет на себя»; привлечь к ответственности, опорочить репутацию невинного должностного лица, под которого планировалось получить взятку. Мы согласны с И.В. Посохиной в ее достаточно широком понимании следственной ошибки как недоверном установлении либо неустановлении при наличии объективной и субъективной возможности следователем, прокурором или судом обстоятельств, входящих в предмет доказывания, вследствие избрания неадекватных форм деятельности при восприятии информации и ее переработке, оценке следственной ситуации, принятии и реализации решений, повлекшие негативные последствия для дела [5, с. 11].

Таким образом, посредничество во взяточничестве и связанные с ним преступления, прежде всего, мнимое посредничество, имеют особую специфику. Криминалистическое обеспечение борьбы с этими посягательствами вряд ли может быть должным образом обеспечено имеющимися методиками расследования. Необходимо разрабатывать и внедрять соответствующую частную криминалистическую методику.

Литература

1. «Кривая роста»: коррупционных преступлений в России стало больше // Российская газета. – Федеральный выпуск №5897 (224).
2. Уличенная в мошенничестве адвокат приговорена к лишению свободы условно // Официальный сайт Следственного управления Следственного Комитета РФ по Волгоградской области. Режим доступа: <http://www.skprokvolga.ru/index.php?module=news&task=show&search=1&id=1638>. Дата обращения 10.12.2012.
3. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010.
4. Присяжные: глава Конаковского района получил «взятку года» в РФ. Сайт Информационного агентства «Роспрес». Режим доступа: <http://www.rospress.com:8090/corruption/11462/> Дата обращения: 11.01.2013.
5. Посохина И.В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – СПб., 2007.

Степаненко Роман Алексеевич, помощник судьи 4-го судебного состава Федерального арбитражного суда Восточно-сибирского округа, Советник юстиции 3-го класса. E-mail: ordoman1@gmail.com.

Stepanenko Roman Alekseevich, Assistant Judge of 4th Court of the Federal Arbitration Court of East Siberian District, Justice Advisor third class. E-mail: ordoman1@gmail.com.

**К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОНЯТИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГО»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

В статье исследуются вопросы, связанные с происхождением понятия «нематериальное благо» в российской юридической науке. Анализируются основные подходы к понятию «объект правоотношения» и к определению места нематериальных благ в праве.

Ключевые слова: благо, нематериальное благо, объект правоотношения, объект правового регулирования, объект субъективного права.

A.V. Amagirov

GENESIS OF THE CONCEPT OF INTANGIBLE BENEFIT IN RUSSIAN JURISPRUDENCE

The article deals with issues related to the genesis of the concept of intangible benefit in Russian jurisprudence. Main approaches to the object of the legal relations and to the estimation of the place of the intangible benefits in law are analyzed.

Keywords: benefit, intangible benefit, object of legal relation, object of legal regulation, the object of a right.

Современные представления о нематериальных благах, складывающиеся в отечественной юриспруденции, неоднородны по своему содержанию. Множество спорных вопросов возникает при попытке дать определение указанному понятию, выявить его место в теории права и основные черты [1]. На практике, каждый ученый, занимающийся исследованием понятия «нематериальное благо», создает и формулирует собственный подход к его пониманию, что обуславливает различное толкование данного понятия. Кроме этого, появляются предложения о законодательной замене термина «нематериальное благо» на иные юридические понятия. Так, К.И. Голубев и С.В. Нарижный предлагают законодательно закрепить понятие «неимущественное благо» вместо используемого термина [2, с. 45]. Не отказывая в рациональности подобного рода предложениям, отметим, что понятие «нематериальное благо» имеет под собой историческую основу и прежде чем вносить изменения в действующее законодательство по его замене, необходимо проанализировать основания и причины его использования российским законодателем. Отсутствие теоретического единства в толковании данного термина с неизбежностью приводит к неоднозначной правоприменительной деятельности. Анализируя практику обращений граждан к уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что в 2011 г. большинство жа-

лоб (57,7%) касалось нарушений личных прав и свобод [3]. Особая значимость обеспечения эффективного регулирования личных неимущественных отношений, и, вместе с тем, наличие ряда теоретических и практических проблем в данной области указывают на то, что институт нематериальных благ нуждается в серьезном научном осмыслении и лишь последующем совершенствовании законодательства. А такое осмысление, на наш взгляд, невозможно без изучения вопроса о происхождении понятия «нематериальное благо» в отечественной юриспруденции. Такой подход обеспечит не только научную преемственность современного законодательства, но и позволит комплексно и более глубоко взглянуть на природу и сущность термина «нематериальное благо».

В настоящей статье предпринята попытка проследить эволюцию понятия «нематериальное благо» на различных этапах исторического развития российского общества, а также выявить связь между изменением в его понимании и ролью в структуре правоотношения. Анализируя категорию «объект правоотношения», можно выделить два основных подхода: монистический и плюралистический. Вместе с тем существуют и иные точки зрения, представляющие собой либо компромиссные решения по данному вопросу, либо не признающие объект обязательным элементом правоотношения, которые, в рамках данной статьи, будут объединены в

третьем направлении. Характеризуя современный этап развития гражданского права, необходимо обратить внимание на то, что в соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса РФ нематериальные блага отнесены к объектам гражданских прав. Вместе с тем, вопросы: что такое правоотношение; является ли термин «объект правоотношения» тождественным понятиям «объект права», «объект субъективного права», не имеют в теории права однозначного решения. «Возможно, причина кроется в том, что разнообразие конкретных правовых отношений не позволяет учесть все проявления объекта правоотношения» [4, с. 4]. При этом один из общих аргументов – это традиционное философское понимание «объекта». Однако, в зависимости от позиции исследователя, философская категория «объект» преломляется через призму правоотношения, воплощая то или иное понимание [5, с. 113].

Современным представителем монистической теории объекта является В.Н. Хропанюк (поведенческая теория). Аргументируя свою позицию, автор объясняет, что поскольку объектом норм права является волевое поведение людей, а правоотношение лишь конкретизирует общие права и обязанности, объектом правоотношения является фактическое поведение его участников [6, с. 311]. В.Н. Хропанюк в определенной степени уравнивает между собой понятия «объект права» и «объект правоотношения», проводя различие между ними только по степени конкретизации. Сторонники плюралистического направления к объектам гражданского правоотношения относят различные по своему содержанию блага. Так, современный представитель данного направления С.С. Алексеев отмечает, что «объект правоотношения – это реальное благо, на использование или охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности... Объектами могут быть разнообразные предметы, представляющие ценность для субъекта права» [7, с. 182]. В другой работе автор уточняет, что «в философии термин «объект» используется главным образом для характеристики соотношения материи и сознания... В юридической же науке категория объекта не связывается непосредственно с субъектом, а понимается в ином, специальном плане – объекты рассматриваются применительно к правоотношению» [8, с. 154–156]. Как это видно из исследования С.С. Алексеева, такие категории как «объект субъективного права» и «объект правоотношения» автором отождествляются. Представителем третьего направления можно

назвать М.Н. Марченко. В своей работе, автор определяет объект правового отношения как «те материальные и духовные блага, предоставляемые и использованием которых удовлетворяются интересы управомоченной стороны правоотношения» [9]. Аргументируя свою позицию, М.Н. Марченко указывает на то, что люди всегда участвуют в правоотношениях ради удовлетворения каких-либо интересов и потребностей. «Но в ряде случаев интересы... удовлетворяются непосредственно самим действием обязанного лица, выступающим в силу этого объектом правоотношения» [10]. Именно последнее положение указывает на попытку со стороны М.Н. Марченко объединить два подхода, при которой действия обязанного лица могут стать объектом правоотношения. Особо необходимо отметить работу современного представителя монистического направления В.И. Сенчищева, который считает, что «только правовой режим некоего явления объективной действительности, каким может быть вещь, действие... может отвечать правовому воздействию, то есть может быть объектом гражданского правоотношения» [11, с. 157].

В советский период монистическая теория объекта правоотношения (поведенческая теория) получила глубокое обоснование в работах О.С. Иоффе (1920-2005) [12], в которых под объектом гражданского правоотношения понимается поведение обязанных лиц. В своей работе автор поясняет, что «гражданские правоотношения, устанавливаемые в соответствии с советским гражданским законом, обеспечивают определенное поведение своих обязанных участников (объект в субъективно-правовом смысле), советское социалистическое гражданское право оказывается способным к регулированию, закреплению и дальнейшему развитию определенной отрасли социалистических общественных отношений (объект в объективно-правовом смысле)... Следовательно, право в обоих случаях направлено только на обеспечение определенного поведения обязанных лиц, которое либо непосредственно, либо косвенным образом приводит к удовлетворению интересов управомоченного. Поэтому с юридической точки зрения во всяком правоотношении на первый план выступают не вещи, а действия» [13]. Однако в случае признания в качестве объекта поведения обязанных лиц, возникает вопрос о критериях отграничения объекта правоотношения от содержания последнего. Также, отметим, что использованная О.С. Иоффе трактовка термина «объект правоотношения», вынуждает нас стро-

ить сложные и противоречивые двухуровневые теоретические конструкции, необходимость которых неясна и вынуждает нас искать ответы более на философские, нежели юридические вопросы. Так, например, в результате такого подхода появляется необходимость внедрения и теоретической разработки нового термина «объект поведения обязанных лиц», что, на наш взгляд, необоснованно.

Внедрение в советскую науку термина «нематериальное благо» в качестве объекта правоотношения, как правило, связывается с именем другого советского ученого – М.М. Агаркова (1890–1947) [14, с. 32], который был представителем третьего направления. В своем исследовании он указывал: если под объектом правоотношения понимать то, на что направлены права и обязанности субъектов правоотношения, тогда ни монистическая, ни плюралистическая теория объекта не являются правильными. В своей работе автор поясняет, что действие – это содержание правоотношения, а не его объект. Объектом может служить вещь или нематериальное благо. Объект – это не обязательный элемент правоотношения, а лишь возможная (но не необходимая) предпосылка. Но правоотношения между людьми не исчерпываются только отношениями по поводу вещей или нематериальных благ [15, с. 72]. Считая, по всей видимости, ключевым моментом при формировании определения правоотношения именно его содержание, автор отождествляет категории «объект субъективного права» и «объект правоотношения», что представляется верным. При этом, согласно его представлениям можно констатировать наличие «безобъектных правоотношений», что по существу не разрешает имеющиеся проблемы, а создает новые. Вместе с тем, М.М. Агарков «первым в отечественной цивилистике предложил использовать единое понятие «благо» для обозначения того объекта, который с точки зрения гражданского права способен претерпевать тот или иной вред» [16, с. 33], т.е. фактически быть объектом охранительных и иных правовых отношений. Однако такое понятие как нематериальное благо использовалось и дореволюционными исследователями. Так, в своей работе дореволюционный юрист Г.Ф. Шершеневич (1893–1942) называл нематериальные блага «собственными силами субъекта или правами на собственную личность и отказывался признавать их в качестве объекта юридических отношений» [17]. Впервые категорию «нематериальное благо» ввел в научный оборот отечественной юриспруденции и обосновал дру-

гой дореволюционный исследователь, представитель социологической юриспруденции Ю.С. Гамбаров (1850–1926). В своей работе автор поясняет, что «понятие «объект права» берется иногда в смысле предмета юридических норм, которым служат известные составы фактов и выводимые из них юридические понятия. В этом смысле понятие объекта права входит в изложенное уже учение об источниках права, тогда как самостоятельное значение в теории гражданского права оно получает лишь тогда, когда под объектом права понимают предмет только субъективных прав или юридических отношений...» [18]. Проводя анализ работы Ю.С. Гамбарова, можно сделать вывод о том, что понятия «объект субъективного права» и «объект правоотношения» автором отождествляются. Как это видно из работы, положения, выдвинутые автором, основаны на выделении объективного и субъективного смысла права и соответствующих им объективного и субъективного понимания объекта права.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что объект правоотношения понимается в двух основных смыслах: объективно-правовом (выступая синонимом категории «объект права» в значении «объект правового регулирования») и субъективно-правовом (выступая синонимом категории «объект субъективного права»). В объективно-правовом смысле объект правоотношения противопоставляется субъекту правового регулирования и трактуется как то, на что воздействует правовое отношение (правовое регулирование). Такое толкование, как правило, дается представителями монистической теории. Здесь объектом правоотношения выступает весь спектр общественных отношений (поведение лиц в широкой трактовке) или вещи. Нематериальные блага не признаются в качестве объекта правоотношения. В субъективно-правовом смысле объект правоотношения противопоставляется субъекту правоотношения и определяется как то, по поводу чего возникает правовое отношение, или то, на что направлены действия участников. При таком подходе в качестве объектов правоотношения признаются материальные и нематериальные блага. Вместе с тем, рассмотренные научные подходы к понятию «объект правоотношения» имеют ряд существенных недостатков. Так, анализируя «поведенческую теорию объекта» С.С. Алексеев отмечает, что «при широком подходе к правоотношению, когда оно рассматривается как единство юридической формы и материального содержания и, стало быть, когда

особо выделяется его материальное содержание (волевое поведение людей), вновь возвращаться к поведению людей при характеристике объекта нет никакой нужды» [19, с. 154–156]. Существенным недостатком данной теории является смешение традиционных элементов правоотношения: объекта, субъекта и содержания. Поведение обязанных лиц по существу является результатом такого смешения. Поведение не может быть отделено от личности (субъекта правоотношения) и представляет собой реализацию своих прав или исполнение обязанностей (содержание правоотношения). Воздействие права в таком случае осуществляется непосредственно на участников правоотношения, а не на их поведение, поскольку последнее уже является процессом реализации субъективного права или исполнения юридической обязанности и в дополнительном воздействии не нуждается. Таким образом, объект правоотношения исключает собой какой-либо смысл в выделении иных элементов. Если под объектом правоотношения понимать исключительно вещи, то некоторые из существующих отношений, а именно личные неимущественные отношения являются безобъектными, что категорически неверно. С другой стороны, исследуя основные постулаты плюралистической теории объекта, мы также сталкиваемся с рядом теоретических проблем, в частности существование безобъектных отношений. Поскольку представителями данного подхода объект трактуется как то, на что направлено правоотношение либо как то, по поводу чего возникает правоотношение, постольку существование безобъектных правоотношений представляется невозможным. А такое внутреннее противоречие не допустимо. На наш взгляд, признание нематериальных благ в качестве объектов правоотношения является верным, а так называемые «безобъектные правоотношения» являются результатом неправильного понимания термина «нематериальное благо». Представители третьего направления совершают аналогичные ошибки.

В своей работе Ю.С. Гамбаров указывает на то, что это «разделение вещей на телесные и бестелесные взято из римского противоположения *res corporales* и *res incorporales*. В римском праве оно касается не столько вещей, сколько составных частей имущества, в которых различаются, с одной стороны, собственность (*res corporalis*) и с другой – все остальные права (*res incorporales*)... Таким образом, римское различие между *res corporales* и *res incorporales* исходит из смешения собственности с вещью и вы-

ражает только антитезу этого права, отождествляемого с вещью, и всех других прав, не допускающих ни такого отождествления, ни применения к себе положения, действующего относительно собственности» [20]. И только в дальнейшем указанное отличие переносится европейской юриспруденцией на конкретные предметы права, в пределах которых создается новая категория «бестелесных вещей» (по своей сути юридическая фикция вещи), включающая все блага, не имеющие телесного бытия, но защищаемые объективным правом (в том числе «нематериальные блага», т.е. духовные продукты деятельности). В соответствии с таким подходом категорию «нематериальное благо» необходимо понимать в более широком смысле, нежели это предусмотрено действующим гражданским законодательством. Включать в данное понятие, помимо собственно нематериальных благ (в современном понимании), иные ценности, которые в целях отграничения можно называть неимущественными благами (объекты услуг, интеллектуальная собственность и т.д.).

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Понятие «нематериальное благо» изначально было введено в научный оборот дореволюционной отечественной юриспруденции с целью обозначения особых объектов прав (объектов правоотношений в субъективно-правовом смысле) – «бестелесных вещей» (научных, художественных, промышленных и других духовных продуктов нашей деятельности), известных еще римскому праву. Необходимость такого нововведения в первую очередь была обусловлена развитием экономических отношений и постоянно возрастающим значением нематериальных благ как объектов, нуждающихся в юридической защите, однако, противопоставляющихся материальным благам (вещам). В связи с этим разделение объектов правоотношений на материальные и нематериальные блага носит условный характер. Данное понятие возникает как фикция вещи для таких объектов правоотношения, которые, не обладая ее свойствами, тем не менее, приравниваются к вещи (поскольку им также может быть причинен вред). В последующем это позволяло применять соответствующие механизмы юридической защиты в отношении нематериальных благ, если это не противоречило их существу. Вместе с тем, особый статус данных благ одновременно ставил проблему поиска новых специфических способов и мер правовой защиты. Разумеется, с развитием экономических отношений менялось и содержание понятия «нематериальное благо».

Однако свое значение и роль в праве как объекта правоотношения, объединяющего различные явления и противопоставляющегося вещам, понятие «нематериальное благо» сохранило и в советский период, и в современный период.

Литература

1. Амагыров А.В. Понятие «нематериальное благо» в российском праве // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып.2. – С. 244–248.
2. Голубев К.И., Нарижний С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 327 с.
3. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/385912/#review>
4. Ермолаева Е.В. Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Казань, 2004. – 25 с.
5. Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / Исслед. центр част. права, Рос. шк. част. права; под ред. М.И. Брагинского. – М.: Статут, 1998. – 461 с.
6. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. 3-е изд., доп. и испр. – М., 2008. – 384 с.
7. Алексеев С.С. Теория государства и права. – М.: Норма, 2004. – 283 с.
8. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.
9. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.consultant.ru>
10. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.consultant.ru>
11. Актуальные проблемы гражданского права: сб. ст. / под ред. М.И. Брагинского. – М.: Статут, 1998. – 461 с.
12. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.consultant.ru>
13. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.consultant.ru>
14. См.: Картошкин С.В. Эволюция взглядов на понятие вреда в отечественной цивилистике. / КонсультантПлюс; Ермолаева Е.В. Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование: дис. ... канд. юр. наук. – Казань, 2004. – 157 с.
15. Агарков М.М. Гражданское право: учебник. – М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР. – 419 с.
16. Картошкин С.В. Эволюция взглядов на понятие вреда в отечественной цивилистике / Законодательство. – 2010. – № 8. – С.29–38.
17. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского прав. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.garant.ru>
18. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. – СПб., 1911. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.garant.ru>
19. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.garant.ru>
20. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. – СПб., 1911. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.12). URL: <http://www.garant.ru>

Амагыров Андрей Валерьевич, аспирант кафедры права и государства юридического факультета Бурятского государственного университета, tengery90@mail.ru, 89503940911.

Amagurov Andrey Valerievich, postgraduate student at Theory and History of Law and The State Chair, Law Faculty, Buryat State University, tengery90@mail.ru, 89503940911.

УДК 342.7

© Ю.В. Казимирская

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК ГАРАНТИЯ ЗАКОННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В современном государстве правам человека всегда противостоят не менее значимые публичные (общественные и государственные) интересы. Поиск конструктивного компромисса между данными ценностями возможен только с опорой на основополагающие конституционно-правовые принципы. В данной статье рассматриваются ключевые принципы, которыми должны руководствоваться органы публичной власти в целях недопущения неправомерного ограничения прав и свобод личности.

Ключевые слова: ограничение прав и свобод человека и гражданина, конституционно-правовые принципы, гарантии законности.

Y.V. Kazimirskaya

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PRINCIPLES AS A GUARANTEE OF LEGITIMACY OF
RESTRICTIONS OF PERSONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

In modern state human rights always withstand not less significant public (social and state) interests. Searching for positive compromise between these values is possible only on the base of the fundamental constitutional principles. The article is devoted to the key principles which public authorities shall be obliged to follow in order to prevent unlawful limitation of human rights and freedoms.

Keywords: restrictions of rights and freedoms of man and citizen, constitutional principles, legality guaranties.

Правовое регулирование в сфере прав человека, в частности в сфере ограничения прав и свобод человека, базируется на принципах, которые обычно находят отражение в актах конституционного уровня.

Понятие принцип представляет собой первоначало, руководящую идею, основное правило поведения [1, с. 382]. Рассматривая конституционно-правовые принципы в качестве гарантии законности ограничений прав и свобод личности, можно выделить принципы общего характера и специальные принципы, относящиеся непосредственно к ограничениям прав и свобод личности. К основным началам законности ограничения прав и свобод человека можно отнести следующие принципы: определение государства как демократического, правового и социального; принцип гуманизма; неотчуждаемый характер основных прав; непосредственное действие прав и свобод личности; обязанность государства способствовать гражданам в реализации их прав и свобод и др.

Непосредственно относятся к ограничениям прав и свобод личности следующие принципы:

1. Ограничение прав и свобод должно устоявливаться законом на основании Конституции. В литературе данное требование к правомерности ограничений прав и свобод личности называют по-разному: требованием определенной правовой формы закрепления ограничений (В.Н. Агеев [2, с. 41]), отсылкой к федеральному закону (Б.С. Эбзеев [3, с. 24]) либо оговоркой в законе (В.И. Гойман [4, с. 26]). Указанный принцип является основополагающим, потому как в первую очередь препятствует произвольному вмешательству государства в реализацию прав и свобод индивидами. Принцип оговорки в законе широко применяется в законодательстве современных демократических стран. Конституционные акты различных стран могут содержать общую норму относительно возможности ограничения всех прав и свобод личности законом (ст.4 Французской декларации прав человека и гражданина, ст.1 Канадской хартии прав и свобод), указывать на такую возможность применительно к конкретным правам (ст. 13, 14, 16, 23, 25 Конституции Италии) либо совмещать оба указанных способа изложения (ст.19 и ст. 2, 5, 8, 10, 11, 17а Основного закона ФРГ). Консти-

туция РФ также содержит общее положение о возможности ограничения всех прав и свобод человека законом (ч. 3 ст. 55), и применительно к некоторым правам специально оговаривается возможность их ограничения законом (ст. 24) или федеральным законом (ст. 25). В условиях чрезвычайного положения отдельные права и свободы могут ограничиваться в соответствии с федеральным конституционным законом (п.2 ст. 56). При этом к закону, ограничивающему права и свободы человека, предъявляются все требования, характерные для данного вида нормативно-правовых актов: точность изложения, общий характер закона, многократность применения, доступность, соответствие конституции, принятие в соответствии с установленной процедурой законодательным органом власти. На международном уровне термин закон трактуется широко. При таком понимании допускается ограничение прав и свобод личности на основании законодательных актов, иных нормативно-правовых актов и неписанного права [5, с. 87]. Следует признать, что в Российской правовой системе такая трактовка закона нецелесообразна. Вопрос о правомерности ограничения прав и свобод личности в России не только законом, но и актами Президента РФ тесно связан с проблемой делегированного законодательства, поэтому представляет интерес подход законодателя в данном вопросе в зарубежных странах. Так, в зарубежных странах на конституционном уровне определяются субъекты, которым могут быть делегированы законодательные полномочия (абз.1 ст. 80 Основного закона ФРГ), выдвигается ряд требований для делегации (ст.80 Основного закона ФРГ, ст.76–77 Конституции Италии), разграничиваются сферы, подлежащие законодательному регулированию и регламентации исполнительной властью (ст. 34, ст. 37 Конституции Франции). Характерной особенностью англосаксонских стран является то, что нормотворческие функции могут осуществляться исполнительными органами власти не иначе как только на основании делегирования полномочий [6, с. 17–18, 30].

Таким образом, в зарубежных странах подход к регулированию отношений в области делегации законодательных полномочий исполнительной власти видится более взвешенным, по-

скольку не является произвольным, основан на идее парламентаризма и четкой регламентации. Представляется, что в России сфера прав и свобод личности, в том числе их ограничений, должна быть предметом ведения Федерального собрания. Согласимся также с мнением о необходимости отнесения права президента РФ издавать нормативные указы по предметам ведения парламента, в том числе в сфере ограничения прав и свобод личности, в разряд делегированного законодательства [7, с. 334].

2. Единство правовых ограничений прав и свобод личности на территории государства. Смысл названного правового начала состоит в необходимости установления единообразия правового регулирования ограничений прав и свобод личности, особенно значимого для стран с федеративным устройством. Данный принцип тесно связан с принципом, рассмотренным выше. Разграничение предметов ведения федерации и ее субъектов называют одним из аспектов принципа разделения властей [8, с. 350–351].

Что касается разграничения компетенции Российской Федерации и субъектов РФ в области прав человека, то п. «в» ст. 71 Конституции РФ устанавливает, что регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина находятся в исключительном ведении Российской Федерации. К совместному ведению РФ и субъектов РФ относится защита прав и свобод человека и гражданина (п.б ч.1 ст.72). Конституцией также закрепляется верховенство федерального законодательства на территории РФ (ч.2 ст.4). Кроме того, Конституция РФ устанавливает правило, согласно которому ограничения прав и свобод личности могут устанавливаться только федеральным законом (ч.3 ст.55) и федеральным конституционным законом (ч.1 ст.56). Вместе с тем в некоторых статьях применительно к ограничениям прав используется термин «закон» (например, ч.2 ст.24), что приводит к его неоднозначному пониманию.

Думается, что в рассматриваемом ракурсе категория «закон» не может подвергаться широкой трактовке. Как следует из позиции Конституционного суда РФ, выраженной в постановлении от 04.04.1996 №9–П, ограничения прав «допускаются только на основании закона, не подлежат расширительному толкованию: в данном случае понятием «закон» охватывается исключительно федеральное законодательство, но не законы субъектов РФ, поскольку иначе названной норме придавался бы неконституционный смысл» [9]. Таким образом, в регулировании правового статуса личности, в том числе ограни-

чений прав и свобод человека и гражданина, применяется федеральный стандарт, который не может быть нарушен субъектами федерации [10, с. 133–134]. Субъектам федерации позволено только предоставлять больший объем гарантий защиты прав и свобод личности, но никак не понижать федеральный стандарт. Сходные положения о роли федерального законодательства в области прав человека встречаются в конституции ФРГ. Ст. 31 Основного закона ФРГ закрепляет верховенство федерального права. Ст. 142 Основного закона ФРГ предусматривается, что конституции земли остаются в силе постольку, поскольку они гарантируют основные права в соответствии со ст. 1–18. Кроме того, Основной закон ФРГ закрепляет, что каждый немец в каждой земле имеет равные права и обязанности гражданина (ст. 33). Исходя из названных положений можно сказать, что для регулирования прав и свобод человека, в том числе их ограничений, Германии также свойственен федеральный стандарт.

3. Недопустимость применения ограничений к абсолютным правам. Абсолютными можно назвать права, которые вообще не подлежат ограничениям, в процесс реализации которых государство не может вмешиваться. Любое вторжение в осуществление таких прав и свобод считается нарушением. Поэтому для выделения такого вида прав и свобод должен быть положен критерий возможности ограничения их государством. Выделяя абсолютные права, исходят из ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в соответствии с которой ограничениям не подлежат следующие личные права: право на жизнь (ст. 20), право на охрану достоинства личности (ст. 21), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), право на защиту персональных данных лица (ст. 24), свободу совести и вероисповедания (ст. 28). Как следует из положений ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, не подлежат ограничениям: право на жизнь, право не подвергаться жестокому, бесчеловечному обращению, право не подвергаться без свободного согласия медицинским или научным опытам, право не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, право не подвергаться лишению свободы за невыполнение какого-либо договорного обязательства, право не привлекаться к ответственности за деяние, которое в момент его совершения не являлось уголовным преступлением, право на признание правосубъектности, свобода мысли, совести и религии. Необходимо отметить, что

реализация многих личных прав косвенно связана с иными группами прав (например, социально-экономическими правами), которые нередко не обеспечиваются государством. В этом случае ограничиваемые права сохраняют абсолютный характер и их ограничения нельзя назвать правомерными.

В то же время некоторые из вышеперечисленных прав могут подлежать правомерному ограничению на основании закона, поэтому нельзя говорить об их абсолютном характере. Например, в любых правовых системах можно встретить в различных вариантах нормы, закрепляющие возможность ограничения права на жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, свободу вероисповедания и др. в целях защиты публичных интересов. Таким образом, можно утверждать, что если право или свобода человека могут вступить в противоречие с иными ценностями (целями, закрепленными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), то в отношении такого права или свободы возможно применение ограничения. Право же, отнесенное к категории абсолютного, не может подлежать ограничениям, поскольку оно в ни в каком случае не может вступить в противоречие с указанными целями [11]. К абсолютным личным правам в заданном смысле относятся право на жизнь, право на охрану достоинства личности, право не подвергаться жестокому, бесчеловечному обращению, право не подвергаться без свободного согласия медицинским или научным опытам, право на защиту чести и доброго имени, право не привлекаться к ответственности за деяние, которое в момент его совершения не являлось уголовным преступлением, право на признание правосубъектности.

4. Сочетание интересов личности и публичных интересов в области ограничений прав и свобод человека. Данный принцип исходит из того, что свобода человека не может быть абсолютной, каждый человек, являясь членом общества, вынужден соотносить свое поведение с действиями других лиц, общественными и государственными интересами. В свою очередь государство, осуществляя деятельность по ограничению прав и свобод человека, должно ставить целью достижение баланса между частными, общественными и государственными интересами, тем самым устанавливая правовой порядок.

5. Принцип соразмерности ограничений прав и свобод человека. Можно выделить несколько аспектов данного принципа: а) ограничения прав и свобод должны базироваться на

основаниях, исчерпывающий перечень которых должен быть установлен в законе; б) ограничения прав и свобод устанавливаются в строго определенных законом целях и соответствуют им. Они не могут применяться с иной целью, чем та, для которой они предусмотрены (ст. 6 «Сиракузских принципов...») [12, с. 61]; в) ограничения должны быть соразмерны их целям. Соразмерность ограничений прав и свобод человека и их целей подразумевает, что меры, избираемые государством в целях защиты государственно значимых ценностей, не должны быть чрезмерными. Так, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ провозглашает: «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». При этом указанные «публичные интересы оправдывают ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод» [13]. В зарубежных странах также придается значение соразмерности ограничений прав и свободы. Так, в зарубежной судебной практике применительно к ограничениям прав и свобод используется принцип пропорциональности (ФРГ, Канада) и схожий принцип взвешивания (США). В так называемой проверке на пропорциональность выделяются следующие составляющие: 1) цель, для достижения которой государством принимаются меры по ограничению прав и свобод, должна представлять достаточную важность в демократическом обществе; 2) принимаемые государством меры должны быть строго предназначены для достижения соответствующей цели и рационально связаны с целью (уместность); 3) указанные меры должны наносить как можно меньший вред соответствующему праву или свободе (необходимость) [14, с. 3]; 4) результаты мер, направленных на ограничение прав и свобод, должны быть соразмерны с целью (пропорциональность в узком смысле) [15, с. 4–5]. Основная задача принципа соразмерности состоит в том, чтобы судебные решения по вопросу ограничения прав и свобод личности имели более взвешенный и обоснованный характер.

Рассмотренные конституционно-правовые принципы в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина являются важной частью

общеправового и конституционного регулирования правового статуса личности, включая изъятие из него. Важно чтобы принципы, призванные защитить человека от произвола государственной власти, воспрепятствовать неправомерному ограничению прав и свобод личности, в частности личных прав и свобод, непосредственно применялись в правотворческой и правоприменительной деятельности и не оставались благими пожеланиями. Только в этом случае о конституционно-правовых принципах можно говорить как о гарантии законности ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М., 1986.
2. Агеев В.Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук. – Казань, 2006.
3. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. – 1998. – № 7.
4. Там же.
5. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской

Казимирская Ю.В., аспирант Академии Генеральной прокуратуры РФ, кафедра государственно-правовых дисциплин, 8(916)869-08-71, yulia1983@yandex.ru.

Kazimirskaya Yu.V., postgraduate student at The Academy of General Procuracy of The Russian Federation, State-Legal Subjects Chair, 8(916)869-08-71, yulia1983@yandex.ru.

УДК 342.92

© С.Ю. Сайдукова

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Конституции Российской Федерации предусмотрено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что судопроизводство по административным делам должно быть административным судопроизводством независимо от того, осуществляется оно судом общей юрисдикции или арбитражным судом.

Ключевые слова: судебная система, суды общей юрисдикции, административное судопроизводство, арбитражные суды.

S.Yu. Saydukova

ON THE MATTER OF CREATION ADMINISTRATIVE COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The Constitution of the Russian Federation provides that judicial power is administered through constitutional, civil, administrative and criminal judicial procedure. In turn the Constitutional Court of the Russian Federation pointed out that judicial procedure on administrative cases must be an administrative judicial procedure whether it is executed by the trial court of general jurisdiction or arbitration court.

Keywords: judicial system, courts of general jurisdiction, administrative judicial proceeding, arbitration courts.

В начале 90-х г. XX в. вопрос о создании административных судов в Российской Федерации не был таким актуальным. Предложения о возможном формировании судебной системы вы-

сказывались лишь отдельными представителями отечественной науки. В настоящее время понимание необходимости совершенствования данного института, как общей гарантии законности

- Федерации. Избранные права / под ред. Н.В. Варламовой, Т.А. Васильевой. – М., 2002.
6. Административное право зарубежных стран: учебник / под ред. А.Н. Козырина, М.А. Штатиной. – М., 2003.
7. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. – М., 2010. – Т.2.
8. Там же. – Т.1.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996г. №9-П // СЗ РФ. – 1996. – №16. – Ст. 1909.
10. Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека. – М., 1992.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995г. №4-П // Российская газета. – №91. – 1995.
12. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах // Вестник МГУ. – Сер. 11 «Право». – 1992. – № 4.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. №3-П // СЗ РФ. – 2000. – №9. – Ст. 1066.
14. Коэн-Элия М., Порат И. В фокусе: баланс и пропорциональность. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни. С.3. – режим доступа: <http://www.ilpp.ru/files/docs/634478166337541848.pdf>.
15. Reaume D.G. Limitations on Constitutional Rights: The Logic of Proportionality. С.4–5. – режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1463853#.

в государственном управлении и защиты прав граждан в этой сфере, наконец возобладало, и дело сдвинулось с места. Судебная система России регулирует свою деятельность на основе и во исполнении Конституции РФ (ст. 118 и ст. 126) и, безусловно, должна обеспечивать конституционное, гражданское, уголовное, арбитражное и административное судопроизводство [1, с. 51]. В соответствии с п. 1 ст. 4 федерального конституционного закона от 07.02.2011 №1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Проблема правосудия по административным делам очень актуальна. Административный суд должен разрешать конкретное дело и осуществлять контроль над законностью и обоснованностью действий публичной администрации. Данный вид юстиции представляет собой юридическую форму разрешения конфликтов, возникающих в связи с правовой оценкой законности актов и действий того или иного органа публичной власти [2, с. 5].

Дискуссии о необходимости формирования системы административных судов ведутся уже давно. Их появление, без сомнений, создаст дополнительные гарантии защиты прав и свобод граждан и повысит эффективность правосудия. Создание административных судов позволит реализовать положения Конституции РФ (ч.2 и ч.3 ст.118, ст.126, ч.3 ст.128) и федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» (ст.26), которые допускают учреждение специализированных федеральных судов, в том числе и административных. Данные суды, несомненно, вписываются в судебную систему и имеют под собой конституционно-правовую основу. Кроме того, утверждена «Программа развития судов общей юрисдикции и совершенствования организационного обеспечения их деятельности на период до 2023 года» [3]. В данной программе говорится о необходимости создания административных судов «в целях совершенствования, развития и повышения эффективности судебной системы, что, в свою очередь, служит обеспечению доступности правосудия». В соответствии со ст. 127 Конституции России Высший арбитражный суд Российской Федерации является высшим судебным органом по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, осуществляется в предусмотренных федеральным законом процессуальных

формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Исходя из содержания федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и Арбитражного процессуального кодекса РФ следует, что арбитражные суды разбирают экономические споры и иные дела, рассматриваемые арбитражными судами. Указанные споры и дела разрешаются и осуществляются посредством гражданского и административного судопроизводства. Тем самым получается, что только конституционное и уголовное судопроизводство осуществляется определенными судами, т.е. Конституционное судопроизводство – Конституционным судом Российской Федерации, а уголовное судопроизводство – судами общей юрисдикции. Гражданское и административное судопроизводство осуществляется судами общей юрисдикции, арбитражными судами и мировыми судьями.

Достаточно давно стоит вопрос о создании административных судов, активно обсуждается на страницах научных изданий, где высказываются различные точки зрения. Их можно обобщить на две большие группы: 1) отстаивается позиция о необходимости создания специализированных административных судов; 2) высказываются возражения против формирования административных судов, их создание считается нецелесообразным. Проект федерального закона «Об административных процедурах» призван урегулировать общие принципы административных процедур в первой инстанции. Под последними понимается введение единых процессуальных правил построения взаимоотношений между государственными органами и гражданами: принятие индивидуальных актов административными органами, их изменение, обжалование и отмена. Предполагалось, что закон об административных процедурах послужит основой для формирования соответствующей судебной практики в рамках административного судопроизводства и станет действительным инструментом защиты прав и свобод человека от действий (бездействия) административных органов [4, с.184]. Председатель Верховного суда Российской Федерации В. Лебедев подчеркивал, что «именно в создании административных судов предлагается несовпадение судебных округов с административно-территориальным делением, что является одним из гарантированных условий для объективного рассмотрения дел» [5, с.20]. Становится очевидным, что административные суды не смогут работать по правилам, установ-

ленным ГПК РФ, в связи с чем требовалось разработать совершенно новый процессуальный закон для этих судов. Предполагаемый проект закона получит название – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [6, с.6].

В 2002 г. по распоряжению председателя Верховного суда Российской Федерации была сформирована рабочая группа, в которую вошли судьи Верховного суда Российской Федерации, представители Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации, администрации Президента Российской Федерации, известные ученые в области административного права. Результатом работы группы стал проект федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», который в начале марта 2003 года был рассмотрен Советом по вопросам совершенствования правосудия при Президенте Российской Федерации. Он содержит 247 статей и значителен по объему, но, с другой стороны, это позволяет отказаться от ссылок на иные нормативные акты. Данный законопроект прошел экспертизу в Совете Европы и получил положительную оценку. 16 ноября 2006 г. пленум Верховного Суда Российской Федерации принимает постановление № 55 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Внесенный в Государственную Думу Российской Федерации проект кодекса административного судопроизводства является серьезным продвижением вперед на пути становления административного судопроизводства.

Если анализировать действующее процессуальное законодательство Российской Федерации, то можно сделать вывод о том, что законодателем предусмотрены основополагающие начала административного судопроизводства, о чем свидетельствуют Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, которые регламентируют порядок рассмотрения судами дел, возникающих из публичных правоотношений. Но если в арбитражных судах административное судопроизводство реализуется через систему четко выраженной специализации судей (например, в каждом арбитражном суде существуют либо административные коллегии, либо административные судебные составы, рассматривающие исключительно административные споры (налоговые, таможенные и др.), то в судах общей юрисдик-

ции и в Верховном суде Российской Федерации подобных коллегий, закрепленных на законодательном уровне, не создано. Надобность в кодексе административного судопроизводства возникла не сегодня и характеризуется большим количеством сложностей судебного процесса в России. В действующем законодательстве отсутствует единая процедура рассмотрения судами дел, вытекающих из административных правоотношений.

На актуальность формирования в стране системы органов административной юстиции в настоящее время указывают уже не только ученые-административисты, но и специалисты в области конституционного, гражданского и других отраслей права. В этой связи необходимо отметить работы таких ученых, как Ю.А. Тихомиров, Н.Г. Салищева, М.С. Студеникина, Д.М. Чечот, Ю.А. Дмитриев, Ю.Н. Стариков, Н.Ю. Хаманева, К.С. Бельский, В.В. Бойцова и др. Так, Тихомиров Ю.А. считает, что обеспечение в нашей стране полноценной системы осуществления административного судопроизводства не может быть сведено к разовым мерам. Это крупная реформа, в пределах которой нужно выделить общую концепцию, определить объем административной юрисдикции, разработать и принять комплекс законов, ввести новые судебские кадры [7, с. 35–37]. Следует отметить, что все обстоятельства свидетельствуют в пользу создания административных судов в Российской Федерации, так как российская правовая система близка континентальной модели правовых систем, в которых учреждена административная юстиция. Преодоление предубеждений в отношении административной юстиции в нашем государстве – это процесс небыстрый. Гражданско-процессуальная процедура рассмотрения жалоб граждан в суд на действия и решения, нарушающие права и свободы граждан, означает, что законодатель отрегулировал вопросы до создания административной юстиции. Мы абсолютно солидарны со многими учеными-юристами, убежденными в перспективности специализированных судов с определенным кадровым обеспечением и административным судопроизводством. Стариков Ю.Н. считает, что одними из главных предпосылок создания в России системы административных судов являются «необходимость реформирования государственной власти в стране; укрепление судебной власти и придание ей большей оперативности и эффективности; совершенствование правового механизма обеспечения прав и свобод как физических, так и юридических лиц» [8, с.114]. Убе-

дительно мнение тех ученых, которые считают, что переход к системе административных судов явился бы лучшей гарантией соблюдения принципа гласности [9, с. 23–24]. Создание административных судов будет способствовать укреплению законности и упрочению правопорядка в сфере государственного управления за счет более четкой процедуры рассмотрения административных дел и специализации судей, что позволит избежать типичных ошибок по данным категориям дел.

Из других предпосылок создания административных судов отметим следующие. В силу сложности споров, возникающих из административно-властных отношений, назрела необходимость выделения судебной специализации по административным делам. Кроме того, создание специализированных административных судов способно значительно расширить правовые гарантии личности, обеспечить права и свободы граждан. Неоспорима также необходимость разработки отдельного законодательства об управленческом процессе, об административных процедурах, обусловленная возрастанием сложности и динамизма общественной и государственной жизни, реформированием государственного и муниципального управления. Конституционное выделение административного судопроизводства в качестве самостоятельной формы правосудия позволяет констатировать необходимость развития процессуального института. В пользу создания единого административного процесса свидетельствует состояние правового регулирования порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях. Так, в ст. 23.1 КоАП РФ установлено, что одни дела рассматривают суды общей юрисдикции, причем мировые судьи, а другие дела отнесены к подведомственности арбитражных судов. При таком подходе к правовой регламентации подведомственности дел нарушается логическая аргументация критериев разграничения этой подведомственности. Анализируя предпосылки создания административных судов в России, следует также отметить увеличение числа рассмотренных судами административных споров между гражданами и органами исполнительной власти, должностными лицами, заинтересованность судей во введении в судебную систему административного судопроизводства, необходимость усиления борьбы с коррупцией государственной службы. Однако есть и те, кто против создания административных судов. Например, И.В. Панова [10, с. 47] и М.Я. Масленников [11, с.41] считают «более актуальным, обоснованным, опера-

тивным решение вопроса на законодательном уровне о специализации судей, а не судов...». Не менее важным является вопрос о затратах больших материальных и технических средств для реализации данного проекта, что заставляет задуматься о целесообразности формирования отдельных административных судов. Д.Н. Бахрах, не соглашаясь с необходимостью создания административных судов, обращает внимание на то, что создание новых судов (межрайонных и окружных) потребует значительных материальных затрат (помещение, связь и т.д.) [12, с. 11], поэтому федеральный бюджет вряд ли сможет выделить такие средства на данные цели. Некоторые авторы предлагают направить немалые денежные средства на завершение процесса формирования корпуса и аппарата мировых судей.

Проблемы создания административных судов имеют многоаспектный характер организационного процессуального, материального и даже политического плана. Можно выделить несколько основных причин по мнению ряда ученых: 1) отсутствие ясности в концепции административной юстиции; 2) невысокая общественная потребность в таких судах; 3) нехватка финансовых средств на создание административных судов (по информации Верховного суда Российской Федерации потребуется более 5 млрд рублей. Поэтому такой шаг видится нецелесообразным); 4) низкая степень систематизации административного права. В частности, не принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, в соответствии с которым будут проходить судебные процедуры; 5) обдумывая решение вопроса об административной юстиции в Российской Федерации, следует иметь в виду, что в царской России, начиная с судебной реформы 1864 г. и вплоть до 1917 г. предусматривалась программа административной реформы П.А. Столыпина. Нельзя также игнорировать опыт использования этого института в западноевропейских странах (в особенности ФРГ), США и Японии, а также имевшие место в этих странах научные разработки, касавшиеся административной юстиции. Если до начала XX в. в западноевропейских странах еще продолжались дискуссии вокруг института административной юстиции, то в настоящее время необходимость его как специфической судебной деятельности, тесно связанной с деятельностью органов исполнительной власти, сомнению не подвергается.

Актуальность проблемы создания в Российской Федерации административных судов в на-

стоящее время для специалистов очевидна и практически не оспаривается. Поскольку в сфере государственного управления, регулирования и контроля находятся так или иначе все граждане и юридические лица. В своей жизнедеятельности они постоянно соприкасаются с решениями и действиями служащих и должностных лиц, администрации и органов исполнительной власти. Это и взаимоотношение автомобилистов (граждан) с органами ГИБДД и властными полномочиями ее сотрудников, так и организации, сталкивающиеся с властными полномочиями таможенных органов. Создание единых административных судов благоприятно скажется на деятельности государственных органов и упростит взаимоотношение граждан и юридических лиц с государственными органами исполнительной власти и должностными лицами.

Формирование административного судопроизводства является необходимым для отечественной судебной системы и будет способствовать: значительной разгрузке судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов; повышению профессионального уровня судей и кандидатов в судьи; сокращению сроков рассмотрения дел в сочетании с увеличением качества рассмотрения дел по существу и оценки доказательств; суды будут компетентно решать дела, связанные с публичными отношениями; им предстоит рассматривать публично-правовые споры в сфере государственного управления и жалобы на действия и решения органов исполнительной власти и должностных лиц; суды смогут повлиять на предотвращение и устранение нарушений законности, удастся укрепить гарантии прав граждан.

Спор о том, какую систему контроля выбрать для защиты прав граждан от нарушений со стороны административных органов, постепенно разрешается. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин считает необходимым в кратчайшие сроки завершить создание судов, специализирующихся на рассмотрении админист-

ративных дел. Такое мнение он высказал на съезде судей в Москве. Глава государства отметил: «Следует завершить создание административного судопроизводства, в кратчайшие сроки принять соответствующий кодекс и сформировать судебные составы, которые будут разрешать споры граждан с органами государственной власти и местного самоуправления». По словам В.В. Путина, административное судопроизводство должно изначально быть ориентировано на защиту граждан, в том числе «бремя доказывания должно возлагаться на госорган, а не на гражданина России» [13].

Литература

1. Конституция Российской Федерации 1993.
2. Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Административная юстиция, административное судопроизводство // Государство и право. – 2002. – №1.
3. Постановление Президиума Совета судей РФ от 26.12.2007г. № 133.
4. Федеральный закон «Об административных процедурах»: инициативный проект с комментариями разработчиков. – М.: Прогресс, 2001.
5. Руднев В. Административные суды: быть или не быть? // Российская юстиция. – 2002. – № 9.
6. Проект Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская юстиция. – 2004. – №3.
7. Тихомиров Ю.А. Административное судопроизводство в России: перспективы развития // Российская юстиция. – 1998.
8. Стариков Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история. Перспективы. – М., 2001.
9. Якимов А.Ю. Субъекты административной юрисдикции. – М., 1996.
10. Масленников М.Я. Административное судопроизводство, административный суд и административный процесс: сущность и перспективы развития // Российская юстиция. – 2001. – № 12.
11. Панова И.В. Административное судопроизводства – вид судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2001. – № 2.
12. Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. – 2003. – № 2.
13. Газета РБК, Москва, 18.12.2012.

Сайдукова Суржана Юрьевна, аспирантка кафедры административного права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. Ssaydukova@gmail.com.

Saydukova Surzhana Yurevna, postgraduate student at Administrative Law Chair of Kutafin Moscow State Law Academy. Ssaydukova@gmail.com.

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЗАПРЕТОВ:
МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
(на примере ст. 151.1 УК РФ и п. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ)**

В статье рассматриваются межотраслевые проблемы законодательства об ответственности за незаконную торговлю алкогольной продукцией несовершеннолетним в соответствии с последними изменениями законодательства.

Ключевые слова: административная преюдиция, преступление, административное правонарушение, продажа алкогольной продукции, взаимосвязь правовых норм.

O.S. Odоеv

**THE PROBLEM OF INTERRELATION OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE PROHIBITIONS:
MATERIAL AND PROCEDURAL ASPECTS
(BASED ON THE EXAMPLE OF A. 151.1 CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION AND P. 2.1.
A. 14. 16 ADMINISTRATIVE OFFENCES CODE OF RUSSIAN FEDERATION)**

The article deals with intersectoral problems of law on the responsibility for illegal trade of alcohol products to minors in line with recent changes in legislation.

Keywords: administrative prejudice, crime, administrative violation, alcohol trade, interrelation of legal norms.

Ни для кого не секрет, что межотраслевая взаимосвязь является ключом к решению многих проблем уголовного и взаимодействующих с ним отраслей права [1, с. 2], в том числе проблемы борьбы с продажей несовершеннолетним алкогольной продукции. Так, в 2009 г. Д.А. Медведев проблему алкоголизации населения назвал «сверхактуальной» [2]. Между тем, права Т.А. Голикова, отмечая, что подростковый возраст – наиболее опасный с точки зрения привыкания к алкоголю [3], а Российская Федерация исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе [4], следовательно, алкоголизация несовершеннолетнего населения страны опасна вдвойне. В итоге, федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» [5], Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен статьей 151.1, регламентирующей уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, а Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) – п. 2.1. ст. 14.16, определяющим самостоятельность состава административного правонарушения за аналогичное по форме деяние. Принятие указанных законоположений послужило исходной точкой к новому повороту на пути борьбы с преступлениями против семьи и несовершеннолетних.

Между тем, думается, что взаимосвязанные нормы ст. 151.1 УК РФ и п. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ в действующей редакции не без изъянов, требуют осмысления с позиций теоретической юриспруденции и внесения соответствующих изменений и дополнений.

Итак, диспозиция указанного уголовно-правового запрета звучит следующим образом: «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно...». Далее законодатель в примечании к статье разъяснил, что указанным деянием «...признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней». Диспозиция же аналогичного по форме административного правонарушения выглядит так: «Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния...». Иначе говоря, две нормы из разных отраслей права синтетически связаны и существуют совместно. В результате формально-юридического анализа взаимосвязи ст. 151.1 УК РФ и п. 2.1. ст. 14. 16 КоАП РФ можно прийти к выводу, что проблемы, имеющие как теоретическое, так и практическое значение исследуемых правовых запретов можно дифференцировать на: 1) проблемы, имеющие процессуальную природу; 2) проблемы материально-правового характера.

1. Рассматривая процессуальные проблемы, необходимо отметить, что эксплицитно выраженная в ст. 151.1 УК РФ *административная преюдиция* (в терминологии И.Я. Фойницкого – «*административная предсудимость*» [6, с. 49]), сконструирована не вполне удачно. В правовой науке под преюдицией (от лат. *praejudicio* – предрешение) понимается обязанность органов предварительного расследования и суда, в чьем производстве находится дело, принять как установленные обстоятельства, если они признаны вступившим в законную силу решением по другому делу [7, с. 224]. Наряду с этим в науке принято дифференцировать преюдиции на виды. Так, выделяют общеправовые, межотраслевые и отраслевые преюдиции [8, с. 69–82]; юридические и логические преюдиции [9, с. 2]; преюдиции факта и преюдиции правоотношения [10, с. 163.]; обязательные и необязательные [11, с. 146] и т.д. В контексте предмета нашего исследования наибольший интерес представляет позиция О.В. Левченко, которая дифференцирует преюдиции на: 1) преюдицию вступившего в законную силу приговора суда; 2) преюдицию неотмененного постановления суда, прокурора, следователя; 3) преюдицию административного акта [12, с. 169]. Не вдаваясь в дискуссию о целесообразности придания административным актам преюдициального значения, можно сделать вывод о том, что преюдициальность находится в прямой зависимости от вынесшего акт субъекта административных либо уголовных правоотношений. Необходимо отметить, что в соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 23.3, ст. 23.49, ст. 23.50, п. 2 ст. 23.1 КоАП РФ рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных п. 2.1. ст. 14.16. КоАП РФ уполномочены как руководители (заместители руководителей) органов исполнительной власти, так и судьи, в случаях, если орган или должностное лицо, к которым поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение судье. С учетом изложенного можно сделать вывод, что *административная преюдиция* в уголовном праве представляет собой *предусмотренную законом обязанность субъектов уголовного процесса считать установленными обстоятельства, признанные таковыми решением должностных лиц органов исполнительной власти, уполномоченных на разрешение административных правонарушений КоАП РФ либо вступившим в законную силу решением суда, осуществляющим правосудие посредством административного судопроизводства.*

С процессуальной стороны сущность проблемы, содержащейся во взаимосвязи правовых норм, сводится к тому, что в силу установленных законом особенностей пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях создается реальная возможность причинения вреда интересам правосудия по уголовным делам. К примеру, в случаях, когда в отношении одного и того же лица в порядке надзора незаконное постановление по делу об административном правонарушении (п. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ) отменяется за отсутствием в деянии состава правонарушения уже после вступления в законную силу приговора суда по уголовному делу (ст. 151.1 УК РФ).

Так, признанное в установленном законом порядке наличие состава административного правонарушения является одним из обязательных условий привлечения к уголовной ответственности по ст. 151.1 УК РФ, при этом должен быть соблюден установленный законом временной промежуток, в течение которого неоднократно, как обязательный признак деяния, сохраняет свое правовое значение. Следовательно, при отсутствии признака неоднократности совершения административного проступка *отсутствует состав преступления*, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. С учетом изложенного нами предполагается, что неоднократность совершения административного правонарушения в составах с административной преюдицией представляет собой *обязательный признак объективной стороны состава преступления*. Отсюда следует, что признание в установленном законом порядке в деянии отсутствия состава административного правонарушения в данном случае автоматически влечет за собой прекращение производства по уголовному делу, а вступивший в силу приговор в кассационном порядке (с 1 января 2013 г.) подлежит отмене за отсутствием в деянии состава преступления. В указанных условиях создается новый вид кассационного производства, не имеющий своим предназначением устранение нарушений закона, поскольку приговор подлежит отмене *даже в случаях, когда он отвечает критериям законности, обоснованности и справедливости*. Необходимо отметить, что потенциальная возможность отмены незаконного постановления по делу об административном правонарушении фактически не ограничена во времени, следовательно «дамоклов меч» висит над каждым судебным приговором, вынесенным по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 151.1 УК РФ. Нами сознательно исключается абстрактная возмож-

ность отмены приговора по уголовному делу в порядке надзора, поскольку надзорное производство имеет своей целью, как указал Конституционный Суд РФ, устранение *судебных ошибок*, не являющихся новыми или вновь открывшимися обстоятельствами (курсив мой. – О.С.) [13]. Очевидно, что указанная зависимость решения суда кассационной инстанции по уголовному делу от решения суда надзорной инстанции по делу об административном правонарушении противоречит принципу самостоятельности суда. Ключ к решению подобных вопросов видится в законодательном разграничении видов судопроизводства, во избежание возникновения процессуальных трудностей при отправлении правосудия посредством как административного, так и уголовного судопроизводства.

2. Как указывалось выше, помимо только процессуальных проблем взаимосвязанные нормы административного и уголовного права, нацеленные на борьбу с продажей алкогольной продукции несовершеннолетним, имеют и проблемы материально-правового порядка. Так, законодатель предпочел умолчать о форме вины, с которой совершается как преступление, подпадающее под действие нормы ст. 151.1 УК РФ, так и аналогичное административное правонарушение, оставив решение вопроса на откуп правоприменительным органам. Поскольку основной (но не единственной) границей между указанными правонарушениями служат характер и степень общественной опасности деяния, а форма вины в виде умысла или неосторожности в полной мере присуща для совершения обоих видов нарушений режима законности. В дальнейшем целесообразным видится рассмотрение указанной проблемы на примере ст. 151.1 УК РФ. Необходимо отметить, что с затронутой проблемой представители доктрины уголовного права и органы правоприменения столкнулись относительно давно. Так, еще А.Н. Трайнин абсолютно верно указывал, что «умолчание о форме вины не снимает вопроса о вине, а лишь требует тщательного выяснения мысли законодателя для установления для данного состава формы вины» [14, с. 206]. В настоящее время данный вопрос в теории и практике сложились и широко распространены две противоположные точки зрения: 1) в самом общем виде суть первой позиции сводится к тому, что если в статье Особенной части УК РФ отсутствует указание на неосторожность как форму вины, то с субъективной стороны содеянное выражается исключительно в умысле [15, с. 230]. Как правило, сторонники указанной позиции в подтверждение

истинности своих суждений приводят положение ч. 2 ст. 24 УК РФ, в соответствии с которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ; 2) вторая правовая позиция состоит в том, что если в статье Особенной части УК РФ форма вины не конкретизирована, то преступление может быть выполнено как с умышленной, так и с неосторожной виной в зависимости от особенностей конкретного состава преступления. Парадоксальность двоякости подхода к решению рассматриваемого вопроса состоит в том, что сторонники второй правовой позиции также апеллируют к указанной выше ч. 2 ст. 24 УК РФ. Необходимо отметить, что частично второй подход поддержал и Верховный суд РФ. Так, в п.4 постановления пленума от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» разъяснено: «исходя из положений ч. 2 ст. 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления» [16]. Второй подход более обоснован и как соответствует духу закона, так и отвечает задачам уголовного закона, как они закреплены в ч. 1 ст. 2 УК РФ, поскольку охрана прав и свобод несовершеннолетних средствами борьбы с реализацией алкогольной продукцией является одним из приоритетных векторов развития государства. В данной связи видится не вполне верной позиция авторов комментариев к УК РФ под редакцией В.М. Лебедева, указывающих на то, что субъективная сторона содеянного по ст. 151.1 УК РФ характеризуется исключительно прямым умыслом [17]. Так, следуя логике авторов, в случаях, когда субъект преступления введен в заблуждение (со слов самого несовершеннолетнего) относительно возраста покупателя и, следовательно, не осознает общественной опасности своего деяния и желает продать алкогольную продукцию лицу, достигшему, как он считает, совершеннолетия, имеет место быть невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ). По конструкции объективной стороны состава как рассматриваемого преступления, так и аналогичного административного правонарушения формальные, т.е. считаются

оконченными независимо от наступления общественно опасных последствий реализации алкогольной продукции. Не подвергая критике мнение исследователей о том, что по неосторожности могут быть совершены лишь преступления с материальным составом [18, с. 238.], предполагаем, что для рассматриваемого общественно опасного деяния в равной степени характерны (на альтернативных началах) как прямой умысел, так и неосторожность в форме небрежности. Указанный подход в полной мере применим и при квалификации аналогичного административного проступка.

Представляется, что содержание небрежности в данном случае характеризуется отсутствием осознания общественной опасности деяния при наличии обязанности и реальной возможности такого осознания. Указанную обязанность и потенциальную возможность осознания общественной опасности своего деяния субъекту предписывает п. 2 ст. 16 федерального закона от 22 ноября 1995 г. №171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [19] (в ред. от 28 июля 2012 г.), который с одной стороны запрещает продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, с другой – в случае возникновения у продавца сомнения в достижении этим покупателем совершеннолетия, продавец вправе потребовать у этого покупателя документ, позволяющий установить его возраст. В подтверждение изложенного тезиса можно привести то, что о возможности совершения по неосторожности преступлений с формальным составом указывал еще пленум Верховного суда СССР в постановлениях от 7 июля 1983 г. №4 «О практике применения судами законодательства об охране природы» [20, с. 845.] и от 5 апреля 1985 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за выпуск из промышленных предприятий недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции и за выпуск в продажу таких товаров в торговых предприятиях» [21, с. 911]. Данными проблемами не исчерпывается перечень процессуальных и материально-правовых трудностей рассматриваемой тематики. Так, остается невыясненным вопрос о полномочии судьи освободить лицо от наказания по ст. 151.1 УК РФ в связи с изменением обстановки (80.1 УК РФ) по признаку утраты последним общественной опасности (при том, что к административной ответственности за аналогичное деяние оно уже привлечено и об-

щественная опасность, пусть даже в малой степени, как нам представляется, у него сохраняется) и т.д.

Следовательно, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день назрела объективная необходимость в пересмотре позиций по вопросам взаимосвязи уголовно-правовых и административных норм в целях успешной борьбы с преступностью, в том числе с преступлениями и проступками, связанными с продажей несовершеннолетним алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Литература

1. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография. – Волгоград, 1998. – 220 с.
2. Выдержки из стенографического отчета о телеконференции с участниками всероссийского молодежного образовательного форума «Селигер-2009» // URL: www.президент.рф.
3. URL: <http://zdrav.tomsk.ru>.
4. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 3 декабря 2011 г.) // Российская газета. – 1998. – №147. – 5 авг.
5. Собрание законодательства РФ. 25 июля 2011. № 30 (ч. 1). ст. 4601.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. / под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Альфа, 1996. – 606 с.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: Кнорус, 2008. – 704 с.
8. Скобиков П.А. Преюдиции актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение // Журнал российского права. – 2009. – №2. – С. 69–82.
9. Еремина А.П. Преюдиции в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1970.
10. Авдюкова М.Г. Судебное решение. – М.: Госюриздат, 1959. – 192 с.
11. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юридическая литература, 1966. – 202 с.
12. Левченко О.В. Презумпции и преюдиции в доказывании: монография. – Астрахань: Изд-во Астрах. гос. тех. ун-т, 1999.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч.2 ст. 284 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // Российская газета. – 1996. – 15 февр.
14. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957. – 364 с.
15. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в двух томах. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб и доп. – М.: Юридическая литература, 2004. – 832 с.
16. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. – 2012. – Федеральный выпуск № 5924. – 31 окт.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (отв. ред. В.М. Лебедев). – 12-е изд., перераб. и

- доп., Юрайт. 2012. // СПС «Гарант». [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru>
18. Наумов А.В. Указ. соч.
19. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. №171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (в ред. от 28 июля 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. 27 ноября 1995. № 48. ст. 4553.
20. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986). – М.: Известия, 1987. – 1026с.
21. Там же.

Одоев Олег Сергеевич, ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Бурятского государственного университета. E-mail: mincultury@mail.ru.

Odoev Oleg Sergeevich, Assistant at the Criminal Law and Criminology Chair of Buryat State University. E-mail: mincultury@mail.ru.

УДК 340

© С.Д. Мирхусеева

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ ПОНЯТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Статья посвящена вопросу о терминологии при определении понятия института альтернативного разрешения споров, который имеет немаловажное значение для формирования единой правовой концепции АРС.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, альтернатива, досудебное, юрисдикционное, юрисдикция, конфликт.

S.D. Mirkhuseeva

ON A QUESTION OF TERMINOLOGY OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION CONCEPTION

The article is devoted to a matter of terminology of the alternative dispute resolution institute which has important value for formation of the uniform legal concept of ADR.

Keywords: alternative dispute resolution, alternative, pre-judicial, jurisdictional, jurisdiction, conflict.

В настоящее время в отечественном правоведении способы разрешения правовых споров без вмешательства государства, как правило, принято называть «альтернативными способами разрешения споров» (АРС). Однако это не единственный используемый исследователями термин. Существуют различные точки зрения к понятию и характеристике данных способов урегулирования и разрешения споров: досудебные, несудебные, негосударственные, неюрисдикционные [1, с. 272], доюрисдикционные [2, с. 66–68], претензионные или согласительные, неформальные или квазюрисдикционные. Так, Д.Л. Давыденко предлагает использовать следующие категории: «дружественное урегулирование споров», «внесудебные способы разрешения и урегулирования споров», «автономное урегулирование споров» и, наконец, наиболее адекватный, с точки зрения автора, термин «частные (негосударственные) процедуры разрешения и урегулирования споров» [3, с. 40–53].

Чтобы определить, какой из предлагаемых терминов наиболее точно отражает сущность способов разрешения правовых споров без вмешательства государства, необходимо одновременно дать характеристику этому правовому

явлению, которая также вызывает полемику среди исследователей. К примеру, А.А. Брыжинский предлагает «практику альтернативного разрешения споров и конфликтов, называть как досудебная (внесудебная) правоприменительная (правосогласительная) практика, представляющая собой всю предметно-практическую деятельность самих спорящих или конфликтующих субъектов либо третьих лиц, направленную на разрешение споров и конфликтов (примирение сторон, достижение согласия, компромисса) в рамках правовой системы общества. Это важный элемент российской правовой системы, применяемый вне судебной системы и внутри нее, связанный с деятельностью и накопленным при этом опытом специальных организаций (примирительных центров, третейских судов, согласительных комиссий, трудовых арбитражей и т.п.) и отдельных лиц (субъектов права как участников споров и конфликтов) по применению альтернативных процедур» [4, с. 24]. М.А. Романенко пишет: «Альтернативные формы разрешения правовых споров – это совокупность процедур, направленных на разрешение правового конфликта путем достижения взаимоприемлемого результата, не обладающая при-

знаками судебного разбирательства, применяющая до, во время или внесудебного процесса». Понятие «альтернативные формы разрешения правовых конфликтов» автор использует для обозначения всей совокупности процедур, не подпадающих под «традиционное полномасштабное судебное разбирательство» [5, с. 50–51]. Авторы в предложенных определениях выделяют, что процедуры по разрешению и урегулированию споров применяются как «до», «в» , так и «вне» судебного процесса. Однако здесь возникает вопрос о соотношении терминов «внесудебные» и «досудебные» способы. Анализ существующих точек зрения ученых и практиков позволяет выделить здесь основные позиции. Согласно одной, понятия рассматриваются как синонимичные и взаимозаменяющие друг друга. Другие считают, что внесудебный спор разрешается без непосредственного участия и руководства процессом со стороны суда, то есть стороны разрешают спор согласованными методами вместо обращения в суд. Третьи обособляют досудебное урегулирование споров от внесудебного и судебного способа разрешения споров, подразумевая те способы АРС, которые используются «до», а не «вне» и в ходе судебного процесса. В частности, это претензионный порядок. Так или иначе, на наш взгляд, позиции этих авторов исходят из того, что эти процедуры не исключаются или противопоставляются, а существуют параллельно с традиционными методами урегулирования и разрешения конфликтов, более того, в некоторых случаях инкорпорируются в судебную систему. Однако Н.И. Балашова придерживается противоположной точки зрения, противопоставляя все методы АРС не только судебному, но и урегулированию спора самими сторонами [6, с. 40]. По мнению Г.В. Севастьянова, АРС – «это право выбора любого (не запрещенного законом) негосударственного (частного) способа разрешения спора и/или урегулирования конфликта, исходя из конкретной ситуации». Автор считает, что этот широкий подход к понятию АРС наиболее полно согласуется с пунктом 2 статьи 45 Конституции РФ, согласно которому «каждый в праве защищать свои права и свободы любыми способами, не запрещенными законом». АРС, как он пишет, «можно определить как согласованный выбор исходя из конкретной ситуации, определенное либо совместное моделирование собственного наиболее эффективного негосударственного (частного) способа разрешения спора и/или урегулирования правового конфликта (способа АРС), не запрещенного законом, в целях достижения

необходимого правового результата» [7, с. 3]. Автор прежде всего указывает на негосударственный или, иными словами, частный характер исследуемых способов урегулирования и разрешения споров. Коллектив авторов (А.И. Зайцев, Н.В. Кузнецов, Т.А. Савельева), также обобщает эти способы под понятием «негосударственные процедуры урегулирования правовых споров» [8, с. 17]. Так, В.Т. Конусова, ссылаясь на один из основных признаков, а именно отсутствие вмешательства государства, предложила следующее определение: «негосударственные процедуры урегулирования гражданско-правовых споров являются формой защиты прав, применяемой на основе соглашения сторон, признаваемой публичной властью, самостоятельной по отношению к государственному правосудию и используемой для урегулирования (разрешения) гражданско-правовых споров» [9, с. 6].

В каком значении большинство авторов употребляют термин «альтернативные способы разрешения правовых споров»? Термин «альтернативное разрешение споров» (alternative dispute resolution) впервые появился в США в 60-е гг. XX в. для обозначения различных способов урегулирования споров. Однако попытаемся разобраться со значением слова «альтернатива». Большой энциклопедический словарь слово «альтернатива» (от лат. alter – один из двух) определяет как необходимость выбора одной из двух или нескольких *взаимоисключающих* возможностей; каждая из *исключающих друг друга* возможностей. Таким образом, способ разрешения споров, противопоставленный обсуждению его государственным судом, может рассматриваться как альтернативный по отношению к последнему. Однако словарь Ожегова толкует понятие «альтернатива» как необходимость выбора одного из двух (или нескольких) возможных решений. Здесь альтернативный способ или метод предполагает определенный выбор из существующих возможных моделей поведения. С учетом такой трактовки замечание американского профессора Ф. Сандера можно считать верным, который исходит из того, что альтернатива означает возможность выбора «одного варианта из многих существующих», и предлагает использовать общее для всех процедур словосочетание "альтернативные методы разрешения споров", которые охватывают и судебное разбирательство [10, с. 26]. Некоторые средства урегулирования споров инкорпорируются в судебную процедуру разрешения споров, неотделимы от нее, регламентируются законодательством и могут признаваться обязательными

ми для использования (например, обязательный претензионный порядок, мировые соглашения, утверждаемые судом в ходе судебного процесса). С учетом вышеизложенного, слово «альтернативный» применительно к исследуемой системе разрешения правовых споров, на наш взгляд необходимо применять в значении возможности выбора между судебным процессом и иными законными способами разрешения споров. Далее, с учетом такой интерпретации, альтернатива в рамках АРС определяется как возможность выбора противоборствующими сторонами процедуры урегулирования и разрешения конфликта из всей совокупности существующих нетрадиционных способов и методов. Неслучайно при урегулировании конфликта можно наблюдать ситуацию, когда переговоры проводятся одновременно с попытками применения иных мирных средств его разрешения. Участники конфликта путем проб и ошибок проверяют возможность и эффективность различных вариантов, а по мере развития событий та или иная альтернатива может превратиться в наиболее приемлемую.

Некоторые авторы предлагают использовать термины «неформальные» или «квазиюридические» процедуры. В этом значении они противопоставляются юридическому способу разрешения конфликтов, указывая на их формализованность, регламентированность правовыми нормами, устанавливающими правила конфликтного взаимодействия. При этом неформальные процедуры рассматриваются как дополнение юридических процедур. Однако с такой трактовкой сложно согласится по ряду причин. Во-первых, утверждение, что способы разрешения конфликтов как третейское разбирательство или иные посреднические процедуры являются неюридическими способами, на наш взгляд неверно. Во-вторых, в практике современных государств эти процедуры в той или иной степени получают (и должны получать) правовую регламентацию. Их же основное отличие – в принципе компромисса и логически вытекающих из него правил разрешения споров, которые представляют собой определенную процедуру или технологию. Под технологией (применительно к исследуемому предмету) понимается научно обоснованная система средств (техника), способов и методов (тактика и стратегия) в практической деятельности субъектов, направленная на диагностику, качественное и эффективное завершение противоборства между сторонами. При этом в структуре такой технологии выделяют элементы и среди них, в частно-

сти, процедурно-процессуальные формы (стадии производства, режимы) и совокупность средств, направленных на урегулирование и разрешение правовых споров. Соответственно, деятельность по урегулированию и разрешению правовых споров, осуществляемая лицами, не обладающими властно-принудительными полномочиями, также представляет собой определенную процедуру, как на основе, так и с применением норм права.

Обратимся к категории «юрисдикция», чтобы дать оценку применяемому для обозначения исследуемого правового явления термина «неюрисдикционные процедуры». В современной справочной литературе под юрисдикцией (лат. *jurisdictio* – судопроизводство, от *jus* – право и *dico* – говорю) понимают: 1) установленную законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности либо неправомерности, применять юридические санкции к правонарушителям; 2) территорию в подведомственности определенного органа власти; 3) отправление правосудия, а также иную деятельность государственных органов по рассмотрению споров, дел о правонарушениях и применению санкций [11, с. 783]. Во всем мире под юрисдикцией традиционно понимается властная деятельность судей и судов, предполагающая исследование и разрешение дел, входящих в их компетенцию [12, с. 59]. Такое же и исконное значение этого понятия в России: «говорить правду, правильно», «власть судить», «право и обязанность производить суд, строго установленный по отношению к роду дел и месту» [13]. В ходе эволюции значения термина «юрисдикция» в истории применения его содержание включило новые элементы. В современных условиях юрисдикция стала понятием более широким, чем просто правосудие. В качестве юрисдикционной деятельности рассматривают: оперативно-исполнительную деятельность органов государства и общественности по применению норм права [14, с. 84, 93–95]; правоустановительную и деятельность по разрешению конфликтов и принудительному осуществлению судебных и иных актов [15, с. 3–4]; нормотворческую деятельность [16, с. 83–84]. Не вдаваясь в рассуждения о верности расширения понятия юрисдикция, мы лишь выделим основные критерии, определяющие юрисдикционную деятельность:

- юрисдикция возникает тогда, когда необходимо решить спор о праве, нарушении установленных правовых норм (правонарушении);

- юрисдикция предполагает наличие органа, уполномоченного на разрешение правового конфликта;

- юрисдикционная деятельность вследствие своей особой социальной остроты требует надлежащего процессуального регулирования в установленном законом порядке;

- в результате юрисдикционной деятельности принимается обязательное для исполнения решение в виде юридического акта.

С учетом выявленных признаков юрисдикционной деятельностью (деятельность по разрешению правовых конфликтов уполномоченными органами в рамках определенных процедур и завершающуюся принятием обязательного для исполнения решения) нельзя назвать любую конфликторазрешающую деятельность. Соответственно деятельность субъектов, не наделенных властно-принудительными полномочиями, по урегулированию и разрешению конфликтов можно обозначить как неюрисдикционную по методу от противного, а способы и методы неюрисдикционными. Альтернативные способы разрешения правовых споров – это существующие наряду с государственными и дополняющие их совокупность средств, методов, основанных на принципах равноправия, свободной воли и компромисса, направленных на урегулирование и разрешение споров путем достижения взаимоприемлемого соглашения самими конфликтующими сторонами и (или) с привлечением третьей независимой (нейтральной) стороны, не наделенной государством властно-принудительными полномочиями, применяемыми как «до», «в» так и «вне» судебного процесса. При использовании терминов для характеристики правового явления АРС необходимо учитывать его сущность и значение. Поскольку российское государство идет по пути дальнейшего закрепления институтов альтернативного разрешения и урегулирования споров, на наш взгляд, здесь необходимо определить терминологические рамки и внести опреде-

ленную ясность не только на доктринальном, но и на законодательном уровне, что в конечном итоге позволит избежать противоречий и проблем правоприменения.

Литература

1. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. – М., 2000.
2. Елисейкин П.Ф. Природа доюрисдикционного урегулирования разногласий // Вопросы развития и защиты прав граждан. – Калинин, 1975.
3. Давыденко Д.Л. Вопросы юридической терминологии в сфере «альтернативного урегулирования споров» // Третейский суд. – М., 2009. – №1.
4. Брыжинский А.А. Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России: дис. ... канд. юр. наук. – Саранск, 2005.
5. Романенко М.А. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина: дис. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2008.
6. Зайцев А.И., Захарьяшева И.Ю., Балашова И.Н. и др. Понятие и виды альтернативных процедур урегулирования споров // Альтернативное разрешение споров: учеб.-метод. комплекс / под ред. А.И. Зайцева. – М., 2007.
7. Севастьянов Г.В. Концепция частного процессуального права (права альтернативного разрешения споров) // Альтернативное разрешение споров в программах высшего профессионального образования: материалы конф. (13–14 ноября 2008 г.). – СПб., 2008.
8. А.И. Зайцев, Н.В. Кузнецов, Т.А. Савельева. Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров: учеб. пособие. – Саратов, 2000
9. Конусова В.Т. Негосударственные процедуры урегулирования гражданско-правовых споров: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Астана, 2010.
10. Sander F. Dispute Resolution Within and Outside the Courts: an Overview of the U.S. Experience // Attorneys General and New Methods of Dispute Resolution / National Associations of Attorneys General and ABA. 990.
11. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 1997. – 790 с.
12. Сандеуар П. Структура правовой системы: государственное и частное право. – Париж, 1991.
13. <http://www.inslov.ru/html-komlev/7/7trisdikci8.html>
14. Осипов Ю.К. К вопросу о понятии подведомственности // Сборник научных трудов Свердловского юридического института. – Вып. 10. – Свердловск, 1969.
15. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. – М.: Норма, 1999.
16. Дружков П.С. О понятии и видах юрисдикции // Вопросы государства и права. – Томск, 1974.

Мирхусеева Сарюна Дамдинжаповна, аспирант кафедры теории и истории права и государства юридического факультета БГУ. Тел.: 62-64-64, e-mail: saruna83@mail.ru.

Mirkhuseeva Saruna Damdinzhapovna, postgraduate student at the Theory and History of Law and the State Chair, Law Faculty, Buryat State University. Tel.: 62-64-64, e-mail: saruna83@mail.ru.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ РИСКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрена проблема, возникающая при регулировании отношений потребительского кредитования в момент заключения договора. Для ускорения документооборота банки используют автоматизированные системы оценки кредитных рисков. В связи с тем, что критерии оценки платежеспособности заемщика законодательно не определены, банки устанавливают свои требования, зачастую нарушающие права заемщиков.

Ключевые слова: кредитные правоотношения, банк, заемщик.

V.E. Butorin

AUTOMATED BANKING SYSTEMS OF RISK ASSESSMENT WHEN CONCLUDING CONSUMER CREDIT AGREEMENT: LEGAL ASPECT

The article deals with the problem arising at regulation relations in consumer crediting at the moment of execution the contract. For document flow acceleration banks use automated systems of assessment credit risks. Given that criteria of assessment of solvency of the borrower legislatively aren't defined, banks establish requirements often violating rights of borrowers.

Keywords: credit legal relationship, bank, borrower.

На протяжении последних нескольких лет российский рынок потребительского кредитования переживает стадию стремительного развития. Это стимулирует все новые и новые банки выходить на сегмент розничного кредитования. Усиливающаяся конкуренция привела к тому, что решение о выдаче кредитов выдается за минимально возможные сроки – от нескольких минут до одного дня. Естественно, что существующие методики оценки заемщика не успевают за таким ростом рынка розничного кредитования, а новые не оптимизированы с экономико-правовыми требованиями. В связи с этим главная задача, стоящая сейчас перед банками, – обеспечить минимальный уровень просроченной задолженности при растущем объеме кредитов. Выделяется множество разнообразных рисков при выдаче кредитов физическим лицам: риск потери трудоспособности, потери источника дохода, изменения реальных доходов, потери залогового обеспечения и т.д. На стадии принятия решения о выдаче ссуды интересует, как правило, вероятность возврата [1].

Несмотря на довольно обширное законодательное регулирование кредитных отношений, в правоприменительной практике возникает ряд правовых пробелов и проблем при заключении кредитных договоров. Согласно ст. 24 ФЗ «О банках и банковской деятельности», кредитная организация обязана организовывать внутренний контроль, обеспечивающий надлежащий уровень надежности, соответствующей характеру и масштабам проводимых операций [2]. Это практически единственная норма закона, указывающая на необходимость проверки кредитных

рисков. В рамках своих полномочий Центральный банк РФ разработал методические рекомендации о порядке предоставления кредитов. В контексте данной статьи заслуживает внимания следующее положение данных рекомендаций. «Решение о предоставлении денежных средств рекомендуется принимать на основе анализа финансового состояния заемщика; уровня его кредито- и платежеспособности; качества и ликвидности предлагаемого заемщиком обеспечения; расчета достаточности предоставленного обеспечения по размещаемым денежным средствам с учетом причитающихся процентов и возможных издержек банка-кредитора по получении исполнения; оценки рисков, связанных с кредитованием конкретного клиента, в том числе анализа кредитного риска, валютного риска, отраслевого риска (анализируется состояние отрасли, к которой относится заемщик) и других рисков [3]». Совокупность методов и критериев оценки платежеспособности заемщика банки определяют самостоятельно, что вызывает многочисленные споры. Если по определенным банком критериям клиент подпадает под категорию «неблагонадежный», то последний ссуду не получает. В соответствии со ст. 821 ГК РФ кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику предусмотренного кредитным договором кредита полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок [4]. Каков же механизм определения критериев платежеспособности заемщика? В современной банковской практике оценка платежеспособности физиче-

ского лица основана на соотношении испрашиваемой ссуды и его личного дохода, общей оценке финансового положения заемщика и стоимости его имущества, состава семьи, личностных характеристиках, изучении кредитной истории. Выделяют следующие методы оценки кредитоспособности физического лица:

- оценка по финансовым показателям платежеспособности;
- изучение кредитной истории;
- автоматизированные банковские системы оценки рисков.

Первый метод оценки кредитоспособности физического лица основан на расчете финансовых показателей. В основе показателей платежеспособности лежат данные о доходе физического лица и степени риска потери этого дохода. Кредитный эксперт производит проверку предоставленных клиентом документов и сведений, указанных в документах и анкете, определяет платежеспособность клиента и максимально возможный размер кредита. Вторым методом оценки кредитоспособности физического лица является изучение его кредитной истории. Для получения банками информации о кредитной истории физического лица в России по инициативе коммерческих банков создали Бюро кредитных историй, содержащее сведения об исполнении заемщиком принятых на себя обязательств по договорам займа (кредита). Третий метод – использование автоматизированных банковских систем оценки рисков (кредитный скоринг). Автоматический кредитный скоринг анкет физических лиц – математическая модель поведения заемщика на основе накопленной статистики. Применение скоринга позволяет банкам минимизировать субъективность при рассмотрении заявок, сократить время принятия решений по выдаче кредитов, управлять кредитными рисками.

Соискатель сообщает о себе сведения: возраст, доход, профессия, стаж работы, наличие имущества и т.д. Автоматизированная система банка подсчитывает по специальной таблице соответствующие баллы, каждому значению показателя свой балл. Преодолев границу некоторого порога, заемщик считается кредитоспособным. Например, возраст от 35 до 42 лет – 83 балла в пользу соискателя, доход от 30 000 до 40 000 рублей в месяц – еще 76 баллов и т.д. В зависимости от количества набранных баллов устанавливается максимальный размер ссуды, на которую соискатель может претендовать. Если баллов слишком мало, то применяются ст. 821 ГК РФ – банк отказывает в выдаче кредита. Однако

критерии оценки платежеспособности заемщика законодательно не определены, банки устанавливают свои требования, зачастую нарушающие права клиентов. Широко распространено требование кредитных организаций о минимальном возрасте заемщика. Возрастные ограничения распространяются даже на тех, чьи кредиты могут быть в полном объеме обеспечены залогом (автокредиты, ипотека). Так, КБ «Ренессанс Капитал» (ООО) займы дает клиентам в возрасте от 24 до 65 лет. В Сбербанке России для заемщиков в возрасте от 18 лет до 20 лет необходимо предоставление дополнительных документов. Считаем подобные действия банков дискриминацией. Роспотребнадзор придерживается аналогичной позиции, указывая, что банки открыто публикуют возрастные ограничения для соискателей, нарушающие права последних. В соответствии со ст. 21 Гражданского кодекса РФ дееспособность граждан наступает с 18-летнего возраста. Дееспособность – это способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Одним критерием может быть совершеннолетие, вторым – платежеспособность. Других ограничений юридически не может быть. Несмотря на это в банковской практике присутствуют и другие дискриминирующие права заемщиков требования. Так, ЗАО «Банк ВТБ 24» автокредиты дает женщинам – от 21 до 60 лет, а мужчинам – от 23 до 60. Логика данных различий, вероятно, кроется в банковских социальных и маркетинговых исследованиях. Согласно некоторым из таких разработок женщины более благонадежны как заемщик, чем мужчины, и имеют больший шанс в заключении кредитного договора. Однако данный вывод напрямую противоречит ст.19 Конституции РФ. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, а также иных обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам половой, национальной или религиозной принадлежности [5].

В скоринговых системах встречаются и более необоснованные препятствия в заключении договора. Примером этому служат те обстоятельства, что преимущественно пользуются также лица, находящиеся в браке, перед холостыми, лица, имеющие детей, перед бездетными, лица, арендующие жилье, перед лицами, проживающими с родителями, и другие. Данные требования не согласуются ни с одним нормативным правовым актом, а наоборот, имеют расхожде-

ние с правовыми принципами. Принцип юридического равенства характеризует правовое положение (статус) участников гражданских правоотношений – все субъекты обладают одинаковыми юридическими возможностями и на их действия по общему правилу распространяются одни и те же гражданско-правовые нормы. Несоответствие указанным требованиям банка не является «обстоятельствами, очевидно свидетельствующими о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок». Тем не менее результаты оценки рисков автоматизированных банковских систем для многих банков являются основным фактором для заключения или отказа в заключении кредитного договора, что считается недопустимым по действующему в РФ законодательству. В мировой банковской практике также запрещена дискриминация при выдаче кредита. В США был принят закон о предоставлении равных возможностей на получение кредита, который запрещает отказывать в выдаче кредита на основании расы, цвета кожи, национального происхождения, возраста, пола, семейного положения, религии, получения социальных пособий. В Великобритании законодательство допускает использование информации о возрасте и семейном положении, но зато запрещает принимать во внимание какие-либо физические увечья и недостатки (инвалидность).

Таким образом, скоринг представляет собой классификационную задачу, где исходя из имеющейся информации необходимо получить функцию, наиболее точно разделяющую выборку клиентов на «плохих» и «хороших». Выборка происходит на основе статистической информации о бывших заемщиках, их характеристик и возврата ими суммы долга. Однако применение только статистических и социологических методов не дает возможности в полной мере вскрыть объективные и субъективные детерминанты появления недобросовестных заемщиков. Заключение договора не может ставиться в зависимость от данных статистических сведений. Потребительское кредитование – это система, среди которой скорингу отводится важная, но не единственная роль. В классическом варианте она должна включать в себя: заполнение анкет, скоринг, проверку сотрудника службы безопасности и кредитного эксперта, заключение кредитного комитета о возможности выдачи креди-

та [6]. Именно реализация всех звеньев данной цепи позволяет обоснованно установить кредитоспособность заемщика. Причем различия по полу, возрасту, семейному положению и иным социальным характеристикам не могут стать причиной отказа в заключении потребительского кредитного договора. В банковском праве существует принцип паритета интересов всех участников банковских правоотношений, в соответствии с которым необходимо искать баланс в правах и законных интересах как заемщика, так и кредитной организации. Используемые банками исследования возможно применять для определения максимального размера кредита, срока, обеспечения, процентной ставки. При грамотном соотношении требований банка и условий кредитного договора можно значительно минимизировать риск убытков, не нарушая при этом прав потребителей. В будущем кредитный скоринг будет играть повышенную роль в больших банковских организациях из-за требований Базельского соглашения о капиталах (Basel II). Это приведет к переоценке методологий и стратегий развития для рискованных таблиц. В особенности изменения могут потребоваться и в определении понятия «неблагонадежный клиент». Хотелось, чтобы принцип паритета интересов участников банковских правоотношений сохранял свою силу и проявился в данном случае не в ущерб правам заемщиков.

Литература

1. Вандышева Т.М. Модельная поддержка принятия решений в банковском риск-менеджменте // Сибирская финансовая школа. – Новосибирск: САФБД, 2010. – № 2(79). – С. 68–77.
2. Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 29.12.2012 г.) «О банках и банковской деятельности».
3. Письмо ЦБР от 5 октября 1998 г. № 273-Т «Методические рекомендации к положению Банка России «О порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения)» от 31 августа 1998 года № 54-П»
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 14.06.2012 г.).
5. Конституция Российской Федерации [Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ).
6. Мамонова И.Д. Как банки оценивают кредитоспособность своих клиентов // Банковская деятельность. – 2006. – № 13.

Буторин Вячеслав Евгеньевич, аспирант кафедры гражданского права и процесса Бурятского государственного университета. E-mail: cpz-favorit@yandex.ru.

Butorin Vyacheslav Evgenevich, postgraduate student at Civil Law and Process Chair of Buryat State University. E-mail: cpz-favorit@yandex.ru.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОБСТВЕННИКАМИ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ И ТОВАРИЩЕСТВОМ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ

В статье рассмотрена проблема, возникающая при регулировании отношений между собственниками нежилых помещений и товариществом собственников жилья. Собственники нежилых помещений, во избежание различий в размерах платежей и взносов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, обязаны заключать с товариществом собственников жилья соответствующие договоры. В свою очередь, возможность заключения договоров зависит от волеизъявления всех собственников помещений в многоквартирном доме.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья, нежилое помещение, многоквартирный дом, содержание общего имущества.

N.N. Lomako

LEGAL REGULATION OF THE RELATIONS BETWEEN THE OWNERS OF NON-RESIDENTIAL PREMISES AND THE HOUSEHOLDERS SOCIETY

The article deals with the problem arising at the legal regulation of the relations between the owners of non-residential premises and the householders society. The owners of non-residential premises to avoid the differences in payments and contributions for upkeep of the common property in apartment building have to make a contract with the householders society. In its turn, conclusion of the contract depends on the will of all owners of premises in the apartment building.

Keywords: householders society, non-residential premise, apartment building, upkeep of common property.

Вопрос о возможности выделения нежилого помещения как самостоятельного объекта недвижимости вызывает огромное количество споров. Законодательно нежилое помещение в многоквартирном доме было признано самостоятельным объектом недвижимости рядом нормативных актов достаточно давно. В соответствии с приложением 3 к постановлению ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» [7] нежилые помещения, построенные за счет 5- и 7-процентных отчислений на строительство объектов социально-культурного и бытового назначения, подлежали передаче в муниципальную собственность. Нежилые помещения, перечисленные в п. 5.14.6 государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ, утвержденной указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284 [5], и в разд. 4 основных положений Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ после 1 июля 1994 г., утвержденных указом Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 [6], до сих пор остаются одним из основных объектов приватизации. С 31 января 1998 г. вступил в силу федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое

имущество и сделок с ним» [3], в ст. 1 которого нежилое помещение прямо названо в числе самостоятельных объектов недвижимости. Параллельно с перечисленными документами действовал федеральный закон от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ «О товариществах собственников жилья» [4], а затем федеральным законом от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ был введен в действие Жилищный кодекс Российской Федерации [1], которые определили состав общего имущества многоквартирного дома, а также право общей долевой собственности на это имущество собственников помещений многоквартирного дома.

Действующее законодательство в постановлении правительства РФ от 06 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» содержит определение нежилого помещения. Нежилое помещение в многоквартирном доме – помещение, которое не является жилым помещением и общим имуществом собственников помещений в многоквартирном доме. В Жилищном кодексе Российской Федерации (далее – ЖК РФ) сформулировано понятие помещения жилого – это изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства). Необходимо отметить, что ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), определяющая признаки недвижимого имущества, в перечне недвижимых

вещей нежилое помещение не упоминает. Однако ГК РФ содержит положения о праве собственности на жилое помещение, а также позволяет перевод жилого помещения в нежилое (абз. 2 п. 3 ст. 288 ГК РФ). Ряд современных авторов относят нежилые помещения к числу объектов гражданских прав в силу закона. Так, О.Ю. Скворцов, выделяя их в качестве самостоятельных объектов гражданских прав, подчеркивает их производный, рукотворный характер. При этом среди производных объектов автор также выделяет здания и сооружения [13, с. 247]. С.П. Гришаев также относит нежилые помещения к объектам вещных и обязательственных прав, ссылаясь на установившуюся в России правоприменительную практику [9, с. 100]. И. Исрафилов, соглашаясь с указанной позицией, также обращает внимание на то, что нежилое помещение может означать как здание в целом, так и его часть [11, с. 115].

Анализируя законодательство о праве на нежилые помещения, В. Лапач приходит к выводу, что «доказать самостоятельность нежилых помещений как объектов прав невозможно» [12, с. 376]. Рассуждая аналогичным образом, С. Зинченко и С. Корх предлагают для нежилых помещений установить особый режим: указывать только идеальные доли, с определением порядка владения и пользования конкретными помещениями [10, с. 56]. Появление жилых помещений как объектов прав автоматически вводит в число объектов прав и помещения нежилые. Достаточно указать вполне обыденную ситуацию наличия в одном здании как жилых, так и нежилых помещений. Если жилые помещения принадлежат их собственникам на праве частной (исключительной) собственности, возникает вопрос – на каком праве могут присваиваться нежилые помещения. К.И. Скловский приходит к выводу, что, так как каждый из собственников – субъект не общей, а исключительной собственности, то сособственником нежилых помещений при общей собственности не могут выступать собственники квартир. Не может им выступить и юридическое лицо, объединяющее собственников (если оно создано), так как ему принадлежит здание в целом, но не находящиеся в нем помещения. Таким образом, именно возникновение такого объекта, как жилое помещение, предопределяет появление и нежилого помещения среди объектов права собственности и иных гражданских прав [14, с. 84–85].

В соответствии с ч. 4 ст. 36 ЖК РФ общее имущество может быть передано в пользование иным лицам (не являющимся собственниками

помещений в доме) по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании. Представляется, что указанная норма не исключает возможности предоставить объекты общего имущества в «дополнительное» пользование коммерческим организациям, являющимся собственниками помещений в доме. Во-первых, п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ относит к компетенции общего собрания принятие решения о передаче в пользование общего имущества, не уточняя круг лиц, которым оно может быть передано. Во-вторых, нормы гражданского законодательства позволяют участникам общей долевой собственности определить порядок пользования имуществом, находящимся в общей долевой собственности [15, с. 14–18]. Для принятия решения о передаче в пользование объектов общего имущества требуется квалифицированное большинство не менее двух третей голосов от общего числа голосов собственников помещений в доме. Следует подчеркнуть, что ЖК РФ в ч. 1 ст. 39 не делает различий в правовом статусе жилого и нежилого помещения: «Собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме». Это бремя должно быть соразмерно долям в праве общей собственности на общее имущество. Нежилое помещение признается составной частью жилого здания в соответствии с техническим паспортом дома.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 137 ЖК РФ товарищества собственников жилья (далее – ТСЖ) должны устанавливать размеры платежей и взносов для каждого собственника помещения в многоквартирном доме в соответствии с его долей в праве общей собственности на общее имущество. На практике известны случаи, когда на общем собрании членов ТСЖ устанавливаются различные размеры обязательных платежей: для граждан – одни, а для организаций и индивидуальных предпринимателей (собственников нежилых помещений) – в повышенном размере, невзирая на факт членства таких собственников в товариществе. Собственники нежилых помещений обязаны оплачивать счета ТСЖ, выставленные исходя из дифференцированных ставок платежей, до момента признания соответствующего решения общего собрания членов ТСЖ недействительным (например, постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 01 апреля 2008 г. № А43-4327/2007-28-57). Суд подтверждает, что подобное решение незаконно независимо от того, являются ли собственники членами ТСЖ (постановление ФАС ЦО от 29 апреля

2008 г. № А35-2290/07-С16). В дальнейшем собственники нежилых помещений вправе обратиться в суд с требованием о взыскании с ТСЖ неосновательного обогащения в части суммы платежей, которые несоразмерны доле в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме, где их позиция так же будет поддержана (постановление ФАС ЗСО от 13 декабря 2007 г. № Ф04-8339/2007 (40703-А70-30)). ТСЖ также вправе обратиться в суд с требованием о взыскании с собственника нежилого помещения неосновательного обогащения, возникшего в результате неисполнения последним обязанностей по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома (решение арбитражного суда Рязанской области от 15 июня 2012 г. по делу № А54-7123/2011). Неважно, пользуется ли собственник нежилого помещения общим имуществом. Вопрос о возможности освобождения от платы за пользование и содержание общего имущества решается однозначно. В решении от 26 мая 2005 г. № ГКПИ05-588 Верховный суд указал, что обязанность по содержанию общего имущества жилого дома, в том числе и лифта, возлагается на всех без исключения нанимателей жилых помещений в этом доме независимо от того, на каком этаже находится занимаемое жилое помещение.

Если тот или иной объект общего имущества попадает в индивидуальное пользование одного лица, другие собственники в доме лишаются возможности использовать этот объект и имеют право на соразмерное уменьшение их платы за содержание общего имущества, за исключением случаев, если использование общего имущества не связано с невозможностью использовать его другими собственниками. Так, размещение рекламы на крыше не делает невозможным извлечение другими собственниками полезных свойств крыши как конструктивного элемента дома. Как указано в п. 1 информационного письма президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» [8], речь идет о предоставлении возможности на возмездной основе размещать рекламу на крыше дома. Тариф на такое использование утверждается на общем собрании. Не исключается безвозмездное предоставление объектов общего имущества в дополнительное пользование собственникам помещений в доме. Для регулирования отношений по несению собственником нежилого помещения (не являющегося членом товарищества) расходов на содержание и ремонт общего имущества многоквартирного дома ЖК РФ предписывает ТСЖ

заключение соответствующего договора с собственником помещения. Возможность заключения договора, в свою очередь, зависит от волеизъявления всех собственников помещений в многоквартирном доме. Как свидетельствует судебная практика, решение общего собрания в данном случае обладает высшей силой. Уже заключенный договор может быть признан ничтожным при отсутствии закрепленной в установленном законом порядке воли собственников помещений в доме (определение ВАС РФ от 27 августа 2008 г. № 10852/08, постановления ФАС ДВО от 27 февраля 2007 г. № Ф03 А51/07-1/240, ФАС СЗО от 12 февраля 2009 г. № А56-2429/2008).

Ч. 6 ст. 155 ЖК РФ устанавливает, что не являющиеся членами ТСЖ собственники помещений в многоквартирном доме, в котором создано ТСЖ, вносят плату за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме и плату за коммунальные услуги в соответствии с договорами, заключенными с товариществом собственников жилья. П. 33 правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, утвержденных постановлением правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, предусмотрено, что размер обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание и ремонт общего имущества, для собственников помещений, являющихся членами ТСЖ, а также размер платы за содержание и ремонт жилого помещения для собственников помещений, не являющихся членами указанных организаций, определяются органами управления ТСЖ на основе утвержденной ими сметы доходов и расходов на содержание общего имущества на соответствующий год. По мнению Г.Ю. Шариковой, в зависимости от того, лишаются ли другие собственники возможности использовать передаваемый объект общего имущества, могут различаться заключаемые договоры. Как следует из п. 1 информационного письма президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66, в отношении самостоятельных объектов недвижимости (например, части земельного участка) заключается договор аренды, в отношении иных объектов – иной договор. При этом название и условия последнего договора полностью

зависят от сторон. Единственное предъявляемое к ним требование – непротиворечие действующему законодательству.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в отличие от договора управления, который заключается управляющей компанией в порядке ст. 162 ЖК РФ, договор между ТСЖ и собственником нежилого помещения может содержать условия, отличные от условий договора, заключенного с собственником жилого помещения, не являющегося членом ТСЖ. Особенность договора с собственником нежилого помещения – необходимость предусмотреть кроме стандартных условий (состав общего имущества многоквартирного дома, перечень услуг и работ по его содержанию и ремонту, порядок изменения такого перечня, порядок определения цены договора, размера платы за содержание и ремонт жилого помещения), следующие моменты:

– права собственника в части пользования общим имуществом многоквартирного дома, например подвалом;

– порядок доступа представителей ТСЖ в помещение собственника и представителей собственника в подвальные помещения, например, для снятия показаний с индивидуального прибора учета. Кроме того, в договоре имеет смысл разграничить ответственность по благоустройству придомового земельного участка. При этом следует учитывать, что данный вопрос может попасть в компетенцию органов местного самоуправления. Целесообразно в ЖК РФ предусмотреть понятие нежилого помещения и законодательно закрепить право, на котором оно может присваиваться. Так же урегулировать правоотношения между собственниками помещений в многоквартирном доме и собственником нежилого помещения, не являющегося членом товарищества, при заключении последним договора по несению расходов на содержание и ремонт общего имущества многоквартирного дома.

Литература

1. О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ (ред. от 25 декабря 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 15.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 30 декабря 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 30 декабря 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3594.
4. О товариществах собственников жилья: Федеральный закон от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ (утратил силу с 1 марта 2005 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2963.
5. О государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284 (ред. от 11 января 2011 г.) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 1. – Ст. 2.13.
6. Об основных положениях государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года: Указ Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 (ред. от 02 апреля 1997 г., с изм. от 16 апреля 1998 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1478.
7. О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность: постановление ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 (ред. от 15 июля 1998 г.) // Ведомости РФ. – 1992. – № 13. – Ст. 697.
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 3.
9. Гришаев С.П. Здания и сооружения как объекты недвижимости // Хозяйство и право. – 2008. – № 2.
10. Зинченко С., Корх С. Вопросы собственности: законодательство и практика // Хозяйство и право. – 2000. – № 6.
11. Ибрафиллов И. Аренда нежилых помещений // Хозяйство и право. – 1997. – № 10.
12. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. – СПб.: Юридический Центр ПРЕСС, 2002. – 544 с.
13. Скворцов О.Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте: учеб.-практ. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 368 с.
14. Скловский К.И. Некоторые проблемы права на нежилое помещение // Вестник ВАС РФ. – 2003. – № 8. – С. 84-85.
15. Шарикова Г.Ю. Использование общего имущества собственником нежилого помещения // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2009. – № 3. – С. 14-18.

Ломако Надежда Николаевна, аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Бурятского государственного университета. E-mail: nadyshalomako@yandex.ru

Lomako Nadezhda Nikolaevna, postgraduate student at Buryat State University. E-mail: nadyshalomako@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ДОГОВОРА ГАЗОСНАБЖЕНИЯ

Статья посвящена проблемным вопросам, связанным с предметом договора газоснабжения. Автор делает вывод об отсутствии полного раскрытия и законодательного закрепления данного вопроса. Вносятся предложения по устранению пробела и совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: газ, договор газоснабжения, предмет договора, количество и качество газа.

K.V. Vologdina

ON THE SUBJECT OF THE GAS SUPPLY CONTRACT

The article is devoted to the problem issues relating to the essential terms of the contract of gas supply. The author concludes that there is no full disclosure and legislative consolidation of these questions. Suggestions are made to address loopholes and improve Russian legislation.

Keywords: the gas, the contract of gas supply, subject of the contract, quantity and quality of gas.

Гражданско-правовой договор считается заключенным, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям. Предмет договора является одним из существенных условий договора газоснабжения. Вопрос о предмете договора газоснабжения полностью не раскрыт и не закреплен на законодательном уровне. Это, безусловно, является недоработкой для законодательства о газоснабжении и пробелом, который требует незамедлительного устранения, поскольку нет четкой нормы, устанавливающей, что именно является предметом договора газоснабжения. Подтверждая данную мысль об отсутствии четкой нормы, которая устанавливает, что относится к предмету договора газоснабжения, следует обратиться к п. 3 постановления правительства РФ от 21 июля 2008 г. № 549 (ред. от 6 мая 2011 г.) «О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан» [1]. В нем упоминается о предмете как частном случае, который применяется к договорным отношениям между поставщиком и потребителем газа (бытовое потребление): «газ, поставляемый для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан» – являющийся предметом договора природный газ, поставляемый по газораспределительной сети, либо сжиженный углеводородный газ, поставляемый из резервуарной или групповой баллонной установки». Законодатель п. 2 ст. 548 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) предусматривает, что «к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами, правила о договоре энергоснабжения (ст. 539 – 547 ГК РФ) применяются, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательст-

ва». Анализ п. 2 ст. 548 ГК РФ показывает, что правилами ст. 539 – 547 ГК РФ можно руководствоваться и в случаях, когда через присоединенную сеть подаются газ, нефть, нефтепродукты, вода (питьевая или техническая).

На наш взгляд, отношения, связанные со снабжением через присоединенную сеть, в современном российском законодательстве уже не укладываются в единый систематизационный тип договора энергоснабжения, соответственно применение правил о договоре энергоснабжения к данным разновидностям договоров стал недостаточным, требующим расширения и совершенствования. Более того, несмотря на то, что согласно гражданскому законодательству правила о договоре энергоснабжения распространяются на договор газоснабжения, мы считаем, что не только договор газоснабжения следует отграничить от договора энергоснабжения, но и предметы данных договоров должны быть отграничены друг от друга, поскольку они по своей сути различны. Предметы договоров газоснабжения и энергоснабжения следует рассматривать как различные объекты, а не как разные элементы единого объекта правоотношения по энергоснабжению. Аргументируя данную позицию, необходимо обратиться к мнению А.М. Шафира, который утверждал о том, что предмет договора энергоснабжения составляют как действия, так и объект этих действий – энергия. Правоотношения по энергоснабжению характеризуются наличием двух стадий: процессом передачи продукции и надлежущей организацией процесса потребления. В правоотношениях по снабжению энергией нет единого объекта для обеих стадий развития. Пока не осуществлены действия по передаче материального объекта, не возникает отношений в сфере потребления, а

когда они складываются, то отношения по передаче уже завершены, поэтому действия в процессе передачи и потребления энергии и газа должны рассматриваться как различные объекты, а не как разные элементы единого объекта правоотношения по энергоснабжению [3, с. 25].

Чтобы отграничить предмет договора газоснабжения от предмета договора энергоснабжения, необходимо обратить внимание на самостоятельность договора. Такие ученые, как С.Д. Горева, О.С. Иоффе, С.М. Корнеев, В.Ф. Яковлев, А.М. Шафир, относили договор газоснабжения к самостоятельному виду договора, а О.Н. Садилов полностью исключал самостоятельность отношений, связанных с газоснабжением. Договор газоснабжения наряду с энергоснабжением, теплоснабжением, водоснабжением и снабжением иными товарами (ресурсами) через присоединенную сеть являются самостоятельными видами одного типа договора – договора снабжения товарами (ресурсами) через присоединенную сеть [4]. Мы разделяем точку зрения ученых-цивилистов, относящих по своей правовой природе договор газоснабжения к «договорам снабжения газом через присоединенную сеть» как самостоятельный вид гражданско-правового договора, но важно отметить, что относить к данному типу договоров можно только с учетом сложного субъектного состава, в данном случае договор должен быть заключен между газораспределительной организацией (или газоснабжающей организацией) и потребителем (абонентом), т.е. гражданином (физическим лицом). В случае, если договор заключается между организациями, то мы полагаем, что договор газоснабжения по своей правовой природе относится к договорам, примыкающим к поставке.

Отнесение договора к самостоятельному виду укрепляет мысль о выделении договора газоснабжения (данную позицию можно применить и к другим видам договоров, таким, как нефть – нефтепродуктоснабжение, теплоснабжение, водоснабжение,) в отдельную главу ГК РФ или установление специального (отраслевого) правового регулирования данной области, следовательно, можно говорить о разграничении предметов договора энергоснабжения и газоснабжения, которые по своей природе являются различными. Отделение договора газоснабжения от договора энергоснабжения и их предметов является одним из путей устранения пробела, который позволит детализировать, упорядочить, расширить и систематизировать законодательство в области отношений, связанных с газоснабжением в Российской Федерации. Раскрывая

предмет договора газоснабжения, обратим внимание на то, что некоторые ученые к энергии, являющейся предметом договора энергоснабжения, относят помимо электроэнергии также газ, теплоэнергию, нефтепродукты и т.п. [5, с. 123], другие, как и в 1950 – 1980 годы, причисляют к предмету договора только электрическую и тепловую энергию, газ [6, с. 127]. Профессор М.Н. Малеева предметом договора энергоснабжения считает только электрическую и тепловую энергию [7, с. 54], указывая, что на практике имеет место заключение ряда договоров, связанных со снабжением газом, нефтью и нефтепродуктами и другими товарами, при этом природу соотношения их между собой она не определяет. О.М. Олейник, рассматривая саму энергию в качестве предмета договора, выделяет следующие ее виды: тепловую энергию; электрическую энергию; энергию газа, нефти и нефтепродуктов; холодное водоснабжение; горячее водоснабжение, к которому предъявляются гигиенические требования по составу, свойствам и температуре нагрева подаваемой воды, а также расчетному расходу воды в точке разбора, канализационное обеспечение, регламентируемое требованиями по отведению сточных вод [8, с. 178–179]. На наш взгляд, точка зрения О.М. Олейник имеет обширный разброс в толковании предмета договора категории «энергия», от нефти и газа до сточных вод, что является не совсем понятным и противоречит ст. 548 ГК РФ. Газ, горячая и питьевая вода, нефть и нефтепродукты выступают самостоятельными благами, не следует объединять их в единое родовое понятие энергии. М.М. Агарков отмечал, что энергия не является ни правом, ни вещью, а особым предметом договора, который проявляется в результате ее использования [9, с. 13].

Исходя из всего вышесказанного, анализа и исследования различных точек зрения ученых-цивилистов, предметом договора снабжения товарами через присоединенную сеть являются электрическая и тепловая энергия, горячая и питьевая вода, пар, газ, нефть и нефтепродукты – самостоятельные материальные блага. Вещи, физические свойства которых могут предопределять особенности в правовом регулировании снабжения через присоединенную сеть, не изменяют при этом правовой сущности договора и обязательства. На основе предмета договора как фактора разности правового регулирования предлагается следующая классификация договоров и обязательств снабжения товарами через присоединенную сеть: 1) электрической энергией (электроснабжения); 2) горячей и питьевой

водой (водоснабжения); 3) тепловой энергией и паром (теплоснабжения); 4) нефтью и нефтепродуктами (нефте – , нефтепродуктоснабжения); 5) газом (газоснабжения). Таким образом, предметом договора газоснабжения является газ (товар), который включается в число вещей и представляет собой специфический объект гражданского права, удовлетворяющий материальные и иные потребности субъектов гражданского права.

В связи с тем, что законодатель в ст. 2 федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ (ред. от 30 декабря 2012 г.) «О газоснабжении в Российской Федерации» [10] (далее – закон о газоснабжении) дает определение понятия «газ», который представляет собой природный газ, нефтяной (попутный) газ, отбензиненный сухой газ, газ из газоконденсатных месторождений, добываемый и собираемый газ – и нефтедобывающими организациями, и газ, вырабатываемый газо- и нефтеперерабатывающими организациями. Данные виды газа также следует относить к предмету договора газоснабжения, но использоваться они будут по своему непосредственному назначению, допустим, природный газ может быть использован для бытового потребления. Рассматривая эту мысль подробнее, следует отметить, что природный газ, сжиженный углеводородный газ, поставляемый из резервуарной или групповой баллонной установки, может быть использован для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан (бытовое потребление). Нефтяной (попутный) газ применяются как топливо и для получения различных химических веществ. Сухой отбензиненный газ служит в качестве топлива для промышленных и коммунально-бытовых нужд, а также как сырье на химических предприятиях. Газ в сжиженном виде (охлажденный до температуры -162°C (так называемая температура сжижения) используется для хранения и транспортировки в жидком виде, что важно при поставке газа. При подаче газа потребителям или через магистральный газопровод необходимо регулирование отношений между сторонами, где предметом договора газоснабжения и выступает одна из вышеперечисленных разновидностей газа.

Условие о предмете договора как единственное условие, отнесенное ст. 432 ГК РФ к числу существенных условий любого договора, индивидуализирует предмет исполнения, определяет характер самого договора. Характеризуя предмет договора газоснабжения, важно упомянуть о количестве и качестве газа. В советский период количество и качество газа регулировались по-

становлением Госарбитража при Совете Министров СССР от 31 июля 1961 г. № 11-1 «Правила подачи газа магистральным газопроводам и потребителям» [11], которое в данный момент признается утратившим силу, и постановлением Госснаба СССР и Государственного арбитража СССР от 25 сентября 1986 г. № 136/7 «Правила подачи газа магистральным газопроводам и потребителям» [12], которое утратило силу отчасти (п. 41,42, 45–47) [13]. Количество и качество энергии регулируются ст. 541, 542 ГК РФ. В ст. 19 закона о газоснабжении говорится о требованиях к поставляемому газу, но при этом не упоминается о требованиях, предъявляемых непосредственно к количеству и качеству газа: «Поставки газа потребителям осуществляются только при его соответствии требованиям, утвержденным в порядке, установленном правительством Российской Федерации», исходя из этого получается, что в настоящее время требования предъявляются не к качеству газа, а к сертификации газа, поставляемого потребителям, которая создана для организации и проведения работ по обязательной сертификации и обеспечения необходимого уровня объективности и достоверности результатов сертификации [14]. Е.В. Блинкова считает, что условие договора о предмете следует считать согласованным, если оно позволяет определить не только наименование и количество товара, но и его качество, которые в триединстве составляют предмет договора [15, с. 170–171]. Качество газа, в свою очередь, зависит от давления газа в присоединенной сети. Данный качественный параметр влияет на количество и качество подаваемого абоненту газа. С увеличением давления возрастает количество подаваемого по трубопроводу газа и, следовательно, изменяются его физические и качественные характеристики [16]. Обязанность газоснабжающей организации обеспечить потребителя газом выражается не только в определенных количественных, но и качественных показателях.

О.С. Иоффе отмечал, что «качественные показатели фиксируются: по направлению и частоте тока – для электроэнергии, по давлению пара и температуре воды – для теплоэнергии, по давлению и химическому составу – для газа. При определении качества обязательны ГОСТы и технические условия (далее – ТУ), а нерешенные вопросы согласовываются сторонами самостоятельно...» [17, с. 298]. Количество подаваемого газа определяется в договорах в соответствии с утвержденными для поставщиков, газоснабжающих организаций и потребителей газа

годовыми и квартальными планами. О.С. Иоффе писал о том, что количественный показатели устанавливаются в договоре сообразно с актом планирования, служащим основанием его заключения. Общее количество подлежащего подаче газа с поквартальной разбивкой устанавливается в соответствии с показателями актов планирования. Месячное количество определяется газоснабжающей организацией по заявкам потребителей. Суточная норма вводится по соглашению сторон и служит основой равномерной подачи газа в течение суток, если иное не предусмотрено согласованным между сторонами диспетчерским графиком либо если ввиду нехватки газа снабжающая организация не уменьшит суточной нормы или временно не отключит потребителя, предупрежденного об этом в установленные сроки [17, с. 298–299]. Согласно п. 21 постановления правительства РФ от 5 февраля 1998 г. № 162 (ред. от 26 марта 2012 г.) «Об утверждении поставки газа в Российской Федерации» [18] (далее – правила поставки газа): «поставка и отбор газа без учета его объема не допускаются». Исходя из п. 17 правил поставки газа вытекает, что при перерасходе газа без предварительного согласования с поставщиком, газотранспортной или газораспределительной организацией покупатель оплачивает дополнительно объем отобранного им газа сверх установленного договором и стоимость его транспортировки за каждые сутки с применением коэффициента: с 15 апреля по 15 сентября – 1,1; с 16 сентября по 14 апреля – 1,5. Кроме этого, нормы отбора газа и годовой объем потребляемого газа (количество газа) должны предварительно согласовываться сторонами договора.

Приведем пример из судебной практики, связанный с объемом потребляемого газа (количеством газа). Так, ОАО «Алтайгазпром» обратилось в арбитражный суд Алтайского края с иском к Кузбасскому ОАО энергетики и электрификации «Кузбассэнерго» о взыскании 92 002 руб. 51 коп. неосновательного обогащения. Между ОАО «Алтайгазпром» (газораспределительной организацией) и ОАО «Кузбассэнерго» (покупателем) был заключен договор транспортировки газа. В соответствии с п. 2.1.1 договора годовой объем транспортировки газа составляет 161 567 м³, расчетный период – месяц. В случае отбора газа в расчетный период в большем количестве без предварительного согласования с газораспределительной организацией покупатель в силу п. 2.4 договора оплачивает услуги по транспортировке дополнительного объема газа с применением коэффициентов, предусмотренных

п. 17 правил поставки газа, в порядке и в сроки, согласованные сторонами. Исходя из годового объема потребления газа, ОАО «Алтайгазпром» по каждой точке подключения тариф определен в размере 291,47 руб./1000м³. Суд установил, что оснований для удовлетворения иска не имелось [19].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что количество и качество газа – это основные характеристики, составляющие предмет договора газоснабжения. Таким образом, можно заключить следующее:

- в Гражданском кодексе Российской Федерации, путем выделения из § 6 гл. 30 ГК РФ необходимо закрепить в отдельную статью главы, которая получит наименование «Договор газоснабжения» или специальном нормативно-правовом акте вместе с иными общими положениями о договоре газоснабжения;

- предметом договора являются газоснабжения два объекта: газ (товар), который включается в число вещей и представляет собой специфический объект гражданского права, удовлетворяющий материальные и иные потребности субъектов гражданского права и действия сторон на подаче газа через присоединенную сеть на газопринимающее устройство потребителя (абонента), принятию газа и его оплате.

Необходимо отметить, что:

– количество и качество газа – это основные характеристики, составляющие предмет договора газоснабжения;

– все упомянутые виды газа также следует относить к предмету договора газоснабжения;

– отграничить договор газоснабжения от договора энергоснабжения.

При этом предметы данных договоров должны быть отграничены, поскольку они по своей сути различны. Их следует рассматривать как различные объекты, а не как разные элементы единого объекта правоотношения по энергоснабжению.

Литература

1. О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан: постановление Правительства РФ от 21 июля 2008г. №549 (ред. от 6 мая 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – №30 (ч. 2). – Ст. 3635.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Шафир А. М. О предмете договоров на снабжение электрической, тепловой энергией и газом // Правоведение. – 1984. – № 1. – С. 90–92.

4. Блинкова Е.В., Чибис А.В. Гражданско-правовое регулирование теплоснабжения: монография. – М.: Юрист, 2007.
5. Гуев А.Н. Постатейный комментарий к части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 607 с.
6. Андреева Л.В. Продажа товаров: Руководство по подготовке и заключению договоров. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 176 с.
7. Гражданское право: учеб. / под ред. А.Г. Калпина. – М.: Юрист, 1999.
8. Предпринимательское (хозяйственное) право: в 2 т. / под ред. О.М. Олейник. – М.: Юрист, 2002. – Т.2. – 666 с.
9. Агарков М.М. Подряд. – М., 1924.
10. О газоснабжении в Российской Федерации: федеральный закон от 31 марта 1999 г. №69-ФЗ (ред. от 30 декабря 2012 г.) // Российская газета. – 1999. – № 67.
11. Правила подачи газа магистральным газопроводам и потребителям: утв. постановлением Госарбитража при Совете Министров СССР от 31 июля 1961 г. № 11-1 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. – 1961. – № 8 – утратил силу.
12. Правила подачи газа магистральным газопроводам и потребителям 1986 г.: утв. постановлением Госнаба СССР и Государственного арбитража СССР от 25 сентября 1986 г. № 136/7 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. – 1987. – № 2–12.
13. О признании утратившими силу нормативных актов в связи с Положением о поставках продукции производственно-технического назначения: утв. постановлением Госнаба СССР №83, Госарбитража СССР №6 от 31 октября 1988 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. – 1989. – № 6.
14. Об утверждении Системы сертификации газа: постановление Госстандарта РФ от 3 марта 2003 г. № 20 // Российская газета. – 2003. – № 91.
15. Блинкова Е.В. Гражданско-правовое регулирование снабжения товарами через присоединенную сеть: теоретико-методологические и практические проблемы единства и дифференциации: дис. ... д-ра юр. наук. – Рязань, 2005. – 360 с.
16. Москвичев А.Ю. Предмет договора в сфере газоснабжения граждан [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://gasforum.ru/obzory-i-issledovaniya/1157/>.
17. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Обязательственное право. – СПб., 2004. – Т. 3. – 837 с.
18. Об утверждении поставки газа в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 5 февраля 1998г. №162 (ред. от 26 марта 2012г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 6. – Ст. 770.
19. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 марта 2012 г. по делу №А03-5509/2011 [Электронный ресурс] / СПС Право.ru. – URL: http://docs.pravo.ru/document/view/22441042/?search_query

Вологодина Кристина Владимировна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Бурятского государственного университета. E-mail: christin87@mail.ru.

Vologdina Kristina Vladimirovna – postgraduate student, Civil Law and Process Chair at Buryat State University. E-mail: christin87@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

<i>Мункуева И.С.</i> Функция потребления в жизнедеятельности домашних хозяйств: анализ развития экономической мысли.....	3
<i>Осипова Г.М., Бекбулат С.</i> Межбюджетные отношения в контексте децентрализации управления.....	9
<i>Бартунаев Л.Р., Желаева С.Э.</i> Фактор времени как источник неравновесия в процессе самоорганизации экономических систем.....	11
<i>Сандитов Б.Д., Мантатова А.В.</i> Экономические науки об имитационном поведении: имитационные стратегии в экономических моделях.....	16
<i>Цыренов Д.Д.</i> Экономика знаний в Республике Бурятия: факторный анализ.....	25
<i>Батомункуева В.Д.</i> Качество здоровья населения как общественное благо.....	27
<i>Буров В.Ю.</i> Сущность и содержание современного малого предпринимательства: теоретические аспекты.....	31
<i>Бурдуковская М.М.</i> Изменение природы конкуренции.....	34
<i>Бартунаев Л.Р., Желаева С.Э.</i> Экономическая форма времени как полимодального феномена природы: понятие и свойства.....	39

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Сандакова Н.Ю.</i> Основы субъектно-объектного анализа социально-экономической системы региона.....	46
<i>Атанов Н.И., Бадмаева М.В., Егоров М.М.</i> Факторы и механизмы модернизации сельской жизни и экономики.....	51
<i>Дырхеев К.П.</i> Варианты построения матричного баланса регионального экономического оборота.....	55
<i>Ширапов Ц.Д.</i> Методологические основы оптимизации отраслевой структуры региональной экономики.....	59
<i>Михайлова С.С.</i> Прогнозирование демографического развития Республики Бурятия.....	62
<i>Дырхеев К.П., Найданов Г.Т.</i> Материальный аспект моделирования регионального экономического оборота.....	66
<i>Барлуков А.М.</i> Моделирование региональной эколого-экономической системы: перспективы и тенденции развития региона с экологической регламентацией.....	70
<i>Пивоваров А.Н., Очирова Я.А.</i> Некоторые проблемы туристического кластера Республики Бурятия и пути их решения.....	80
<i>Дугаржапов З.Б.</i> Институциональные особенности как фактор социально-экономических различий регионов.....	85
<i>Дашимолонов Ч.В.</i> Формирование кластерных образований как фактор устойчивого развития экономики региона (на примере г. Санкт-Петербург).....	89
<i>Потаев В.С.</i> Аграрные реформы в Республике Бурятия: особенности и проблемы.....	92

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Цыренов Д.Д., Цырендоржиева Б.Д.</i> Концептуальные основы формирования системы менеджмента качества в университете.....	100
<i>Матвеев М.Ю.</i> Инновационная восприимчивость модели управления строительством.....	104
<i>Будаева Д.Ц.</i> Государственное управление национальными отношениями (на примере национально-культурных автономий).....	107
<i>Тулохонов О.С.</i> Экспертный метод оценки деятельности территориального общественного самоуправления.....	111
<i>Слепнева Л.Р., Бадмаева И.В.</i> Сущность и структура агропродовольственного рынка.....	114

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Дугарова С.Ж.</i> Характеристика уголовно-правовых запретов Великой Ясы.....	119
<i>Дудин П.Н.</i> Политико-правовые аспекты международного признания Монголии в первой половине XX в.	123

ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

<i>Пантелеев В.Ю.</i> Защита экономических прав граждан органами конституционной юстиции в Российской Федерации.....	129
<i>Миронов Д.Н.</i> Вопросы повышения эффективности федеративного устройства России.....	133
<i>Гаврюсов Ю.В.</i> Имплементация российского законодательства о федерализме в Конституции Республики Коми 1994 г.	139
<i>Акчурун А.Р.</i> Формирование представительных органов муниципальных образований: проблемы правового регулирования и пути их решения.....	145
<i>Савоськин А.В.</i> Депутат как субъект обращения в органы конституционной юстиции.....	148
<i>Ульихин В.С.</i> К вопросу о понятии закона субъекта Российской Федерации.....	154
<i>Алексеева Е.С.</i> Организация системы бюджетного контроля на уровне субъекта Российской Федерации.....	157
<i>Шайдулина Е.М.</i> Некоторые особенности защиты прав граждан общественными советами по вопросам жилищно-коммунального хозяйства, создаваемыми на муниципальном уровне.....	160

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

<i>Доржиева С.В.</i> Актуальные вопросы правового положения приемных детей.....	165
<i>Максимова Ю.В.</i> Субъекты правоотношений в сфере оказания медицинских услуг.....	170
<i>Шанькин Д.А.</i> Компенсация за фактическую потерю времени.....	173

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Гармаев Ю.П.</i> Концепция «судебная перспектива по уголовному делу» и криминалистическая ситуалогия.....	177
<i>Мондохонов А.Н.</i> Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.....	182
<i>Мельников В.М.</i> Агрессивность в контексте психологической науки	184
<i>Хармаев Ю.В.</i> О проблемах введения в Российской Федерации службы пробации.....	187
<i>Раднаева Э.Л.</i> Ювенальная уголовная политика и ее особенности в Монголии.....	190
<i>Алтанцоож А.</i> К вопросу о понятии процессуальных ошибок, совершаемых в ходе проведения предварительного расследования по УПК Российской Федерации и Монголии.....	197
<i>Лян Минь Янь.</i> Преступность несовершеннолетних в КНР.....	201
<i>Степаненко Р.А.</i> Проблемы расследования мнимого посредничества во взяточничестве.....	204

Трибуна молодых ученых

<i>Амагыров А.В.</i> К вопросу о происхождении понятия «нематериальное благо» в отечественной юриспруденции..	207
<i>Казимирская Ю.В.</i> Конституционно-правовые принципы как гарантия законности ограничения личных прав и свобод человека и гражданина.....	211
<i>Сайдукова С.Ю.</i> К вопросу о создании административных судов в Российской Федерации.....	215
<i>Одоев О.С.</i> Проблема взаимосвязи уголовно-правовых и административных запретов: материальный и процессуальный аспекты (на примере ст. 151.1 УК РФ и п.2.1. ст. 14.16 КоАП РФ).....	220
<i>Мирхусеева С.Д.</i> К вопросу о терминологии понятия альтернативного разрешения споров.....	224
<i>Буторин В.Е.</i> Автоматизированные банковские системы оценки рисков при заключении потребительского кредитного договора: правовой аспект.....	228
<i>Ломако Н.Н.</i> Правовое регулирование отношений между собственниками нежилых помещений и товариществом собственников жилья.....	231
<i>Вологодина К.В.</i> К вопросу о предмете договора газоснабжения.....	235

CONTENS

ECONOMIC THEORY TOPICS

<i>Munkueva I.S.</i> Consumption functions in the life of households: analysis of economic thought development	3
<i>Osipova G.M., Bekbulat S.</i> Interbudgetary relations in the context of management decentralization.....	9
<i>Bartunaev L.R., Zhelaeva S.E.</i> The time factor as a source of imbalance in the process of self-organization of economic systems.....	11
<i>Sanditov B.D., Mantatova A.V.</i> Imitation in economics and management. Part II: Imitation in Economics	16
<i>Tsyrenov D.D.</i> Knowledge economy in the Republic of Buryatia: factor analysis.....	25
<i>Batomunkueva V.D.</i> Health quality of population as a public benefit.....	27
<i>Burov V.Yu.</i> Essence and content of modern small enterprise: theoretical aspects.....	31
<i>Burdukovskaya M.M.</i> Changing the nature of business struggle.....	34
<i>Bartunaev L.R., Zhelaeva S.E.</i> Economic form of time as polymodal nature phenomenon: concept and characteristics.....	39

INDUSTRIAL AND REGIONAL ECONOMY

<i>Sandakova N.Yu.</i> Basics of subject-object analysis of regional socio-economic system.....	46
<i>Atanov N.I., Badmaeva M.V., Egorov M.M.</i> Factors and mechanisms of rural life and economy modernization.....	51
<i>Dirkheev K.P.</i> Variations of construction matrix balance of regional economic turnover.....	55
<i>Shirapov Ts.D.</i> Methodological foundations of industrial structure optimization in regional economy.....	59
<i>Mikhailova S.S.</i> The Republic of Buryatia demographic development forecasting.....	62
<i>Dirkheev K.P., Naidanov G.T.</i> Material aspect of regional economic turnover modeling.....	66
<i>Barlukov A.M.</i> Modeling of the regional eco-economic system: prospects and tendencies of regional development with the environmental regulations.....	70
<i>Pivovarov A.N., Ochirova Ya.A.</i> Some issues with tourism cluster of the Republic of Buryatia and solutions.....	80
<i>Dugarzapov Z.B.</i> Institutional features as the factor of socio-economic distinction of the regions.....	85
<i>Dashimolonov Ch.V.</i> Shaping of cluster formations as a factor of sustainable economic development of the region (Through the example of St. Petersburg).....	89
<i>Potaev V.S.</i> Agrarian reform in the Republic of Buryatia: characteristics and challenges.....	92

MANAGEMENT ISSUES

<i>Tsyrenov D.D., Tsyrendorzhieva B.D.</i> Conceptual framework for quality management system formation at the University.....	100
<i>Matveev M.Yu.</i> Innovative perceptivity of construction management model.....	104
<i>Budaeva D.C.</i> Public administration of national relations (Through the example of national-cultural administrative autonomies).....	107
<i>Tulokhonov O.S.</i> Expert assessment method of territorial public sector activity.....	111
<i>Slepneva L.R., Badmaeva I.V.</i> Essence and structure of agrofood market.....	114

ISSUES OF THE THEORY AND THE HISTORY OF THE LAW AND THE STATE

<i>Dugarova S.Zh.</i> Characteristic of a criminal and legal ban of Great Yasa.....	119
<i>Dudin P.N.</i> Political and legal aspects of the international recognition of Mongolia in the first half of the XX century.....	123

ISSUES OF THE CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Pantelev V.Yu.</i> Protection of economic rights of citizens by Constitutional justice authorities of the Russian Federation...	129
<i>Mironov D.N.</i> The Russian Federation effectiveness improvement issues in federative organization	133
<i>Gavryusov Yu.V.</i> Implementation of Russian legislation on federalism in the Constitution of Komi Republic, 1994.....	139
<i>Akchurin A.R.</i> Formations of representative bodies of municipality: problems of legal regulation and solutions.....	145
<i>Savoskin A.V.</i> Deputy as the subject of application to the constitutional justice.....	148
<i>Ul'ikhin V.S.</i> On a concept of law of the constituent entity of the Russian Federation.....	154
<i>Alexeeva E.S.</i> Budgetary control system organization at the level of subject of the Russian Federation.....	157
<i>Shaydulina E.M.</i> Some features of the citizens' rights protection by Public Council for Housing and Utilities created at municipal level.....	160

ISSUES OF THE CIVIL LAW

<i>Dorzhieva S.V.</i> Topical issues of foster children's legal status.....	165
<i>Maksimova Yu.V.</i> Subjects of legal relations in the sphere of rendering medical services.....	170
<i>Shankin D.A.</i> Compensation for the actual loss of time.....	173

THE CRIMINAL LAW AND THE CRIMINAL PROCEDURE

<i>Garmaev Yu.P.</i> The concept of "Judicial perspective on the criminal case" and forensic situology.....	177
<i>Mondohonov A.N.</i> Peculiarities of criminal and legal status of a person, occupying the highest position in the criminal hierarchy.....	182
<i>Melnikov V.M.</i> Aggressiveness in the context of psychological science.....	184
<i>Kharmaev Yu.V.</i> On issues of implementation Russian Federal Probation Service.....	187
<i>Radnaeva E.L.</i> Juvenile criminal policy and its peculiarities in Mongolia.....	190
<i>Altantsoozh A.</i> On the issue of procedural errors committed in the course of the preliminary investigation according the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Mongolia	197
<i>Lyan Min Yan.</i> Juvenile crime in China.....	201
<i>Stepanenko R.A.</i> Problems of investigation of alleged mediation in bribery.....	204

THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Amagyrov A.V.</i> Genesis of the concept of intangible benefit in Russian jurisprudence.....	207
<i>Kazimirskaya Y.V.</i> Constitutional and legal principles as a guarantee of legitimacy of restrictions of personal rights and freedoms of a man and a citizen.....	211
<i>Saydukova S.Yu.</i> On the matter of creation Administrative Courts in the Russian Federation.....	215
<i>Odoev O.S.</i> The problem of interrelation of criminal and administrative prohibitions: material and procedural aspects (Based on the example of A.151.1 Criminal Code of Russian Federation and P.2.1 A. 14. 16 A Administrative Offences Code of Russian Federation)	220
<i>Mirkhuseeva S.D.</i> On a question of terminology of alternative dispute resolution conception.....	224
<i>Butorin V.E.</i> Automated banking systems of risk assessment when concluding consumer credit agreement: legal aspect....	228
<i>Lomako N.N.</i> Legal regulation of the relations between the owners of non-residential premises and the householders society.....	231
<i>Vologdina K.V.</i> On the subject of the gas supply contract.....	235

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2013 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Бадмаева Мария Валентиновна – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biology@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspe@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_matem@bsu.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: vestnik_phylolog@bsu.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гасков Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производится редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое - 15 мм, левое - 25 мм, верхнее, нижнее - 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ - 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля - 14 пт. Список литературы и аннотация - 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7-12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8-16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.

Научное издание

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 2

ЭКОНОМИКА. ПРАВО

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77–36152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редактор
Н.Н. Балданова

Перевод на английский язык
Д. Васильевой

Компьютерная верстка
Н.Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 28.02.13. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 24.33. Усл. печ. л. 28.59. Тираж 1000. Заказ 390.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com